ПОЭЗИЯ
АРМЕНИИ

Purchased for the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
from the
KATHLEEN MADILL BEQUEST

Поэзія Арменіи

съ древнѣйшихъ временъ
до нашихъ дней,

въ переводахъ русскихъ поэтовъ.

Редакція, вступительный
очеркъ и примѣчанія
Валерія Брюсова.

Изданіе
Московскаго Армянскаго Комитета.
1916.

ПОЭЗІЯ АРМЕНІИ

НАРОДНАЯ — СРЕДНЕВѢКОВАЯ — НОВАЯ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

ПОЭЗІЯ АРМЕНІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ

въ переводѣ русскихъ поэтовъ:

Ю. К. Балтрушайтиса, К. Д. Бальмонта, А. А. Блока, академика И. А. Бунина, Валерія Брюсова, Ю. А. Веселовскаго, Ю. Н. Верховскаго, Вячеслава Иванова, Өедора Сологуба, В. Ф. Ходасевича, С. В. Шервинскаго и др.,

подъ редакціей, со вступительнымъ очеркомъ и примѣчаніями
ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА.

Изданіе
Московскаго Армянскаго Комитета.
1916.

PK
5831
R3B67
1916

ОБЪЯСНЕНІЯ РЕДАКЦІИ.

I. Отъ редактора къ читателямъ.—II. Задачи изданія.—
III. Распредѣленіе работъ.

I. *Валерій Брюсовъ.* Отъ редактора къ читателямъ.
II. *Редакція.* Задачи изданія.
III. » » Распредѣленіе работъ.

I.

ОТЪ РЕДАКТОРА КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Врядъ ли я ошибусь, если скажу, что армянская поэзія, особенно поэзія прошлыхъ вѣковъ, составляетъ для большинства русскихъ читателей то самое, что на старинныхъ географическихъ картахъ означалось бѣлымъ мѣстомъ съ лаконической надписью: terra incognita — область невѣдомая. Тѣмъ смѣлѣе я могу высказывать такое предложеніе, что еще очень недавно и самъ я былъ въ положеніи такихъ читателей: и для меня поэзія Арменіи была чѣмъ-то неизвѣстнымъ, съ чѣмъ я былъ знакомъ лишь по смутнымъ и неопредѣленнымъ слухамъ. Мнѣ случалось читать произведенія нѣкоторыхъ ново-армянскихъ писателей (въ переводѣ Ю. Веселовскаго и др.); мнѣ приходилось, среди моихъ историческихъ занятій, знакомиться съ эпизодами изъ исторіи Арменіи, показавшими мнѣ, какого высокаго культурнаго уровня достигъ армянскій народъ уже въ древности и въ началѣ среднихъ вѣковъ; наконецъ, по статьѣ Я. Полонскаго и по его подражаніямъ стихамъ Саятъ-Новы, я могъ составить нѣкоторое понятіе о высокой художественности поэзіи лучшихъ ашуговъ (народныхъ пѣвцовъ Арменіи). Но всѣ эти свѣдѣнія были разрознены и далеко не давали представленія объ истинномъ богатствѣ армянской литературы. Впрочемъ, и нельзя было ставить мнѣ и другимъ русскимъ читателямъ такую неосвѣдомленность въ вину, такъ какъ, на русскомъ языкѣ, почти не откуда было почерпнуть болѣе основательныя свѣдѣнія по исторіи Арменіи и не существовало сочиненій, которыя могли бы познакомить съ художественными сокровищами прошлаго армянской литературы.[1]

[1] Въ другомъ мѣстѣ (въ моей отдѣльной брошюрѣ: «Очеркъ историческихъ судебъ армянскаго народа») я болѣе подробно разсматриваю рус-

Вотъ почему, когда, въ іюлѣ прошлаго года, ко мнѣ обратились представители Московскаго Армянскаго Комитета съ просьбой принять на себя редактированіе сборника, посвященнаго армянской поэзіи въ русскомъ переводѣ, я сначала отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Съ одной стороны, мнѣ представлялось невозможнымъ редактировать книгу, относящуюся къ той области знанія, которая мнѣ была едва знакома; съ другой (сознаюсь въ этомъ откровенно)—я не предвидѣлъ, чтобы подобная работа могла дать что-либо важное, что-либо цѣнное мнѣ самому. Только послѣ долгихъ настояній отдѣльныхъ представителей Комитета,—которымъ за это я обязанъ глубокой благодарностью,—согласился я сдѣлать опытъ, пробу: присмотрѣться къ работѣ ближе и, лишь вникнувъ въ нее, дать окончательный отвѣтъ. Между прочимъ, непремѣннымъ условіемъ своего согласія я поставилъ одно: чтобы мнѣ дана была возможность ознакомиться съ армянскимъ языкомъ и изучить, хотя бы въ общихъ чертахъ, какъ исторію армянскаго народа, такъ и исторію его литературы. Послѣ этого, одинъ изъ представителей Комитета, любезно принявъ на себя обязанности быть моимъ учителемъ, моимъ профессоромъ, началъ давать мнѣ уроки языка и читать мнѣ курсъ лекцій по исторіи армянской литературы....

Съ того времени прошло немногимъ больше полугода,—срокъ, конечно, крайне недостаточный, чтобы получить сколько-нибудь основательныя свѣдѣнія объ исторіи народа, обнимающей $2^1/_2$ тысячелѣтія, и объ исторіи литературы, начало которой вос-

скія сочиненія объ Арменіи. Здѣсь же ограничусь замѣчаніемъ, что, на русскомъ языкѣ, литература по исторіи Арменіи сводится: 1) къ работамъ строго ученымъ, требующимъ подготовки для ознакомленія съ ними, каковы, напр., университетскія лекціи проф. Г. А. Халатьянца, труды по отдѣльнымъ, спеціальнымъ вопросамъ проф. Н. Я. Марра, еще болѣе спеціальныя работы г. Эзова, еп. Месропа Теръ-Мовсесяна и т. под.; или 2) къ статьямъ въ Энциклопедическихъ Словаряхъ, весьма дѣльнымъ, но сухимъ и краткимъ, каковы, напр., статья Н. Адонца, І. Орбели и др.; или 3) къ сочиненіямъ, хотя и популярнымъ, но частью совершенно устарѣвшимъ и крайне наивнымъ, какъ, напр., книга г. Шопена, частью—непростительно поверхностнымъ, какъ, напр., недавно изданная брошюра г. Лагова. Во всѣхъ перечисленныхъ сочиненіяхъ собственно о художественныхъ достиженіяхъ армянской поэзіи въ прошломъ говорится очень немногое, большею частью—три-четыре строки. Добавлю, что въ послѣднемъ отношеніи лишь немногимъ богаче литература на другихъ языкахъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ.

ходитъ, по меньшей мѣрѣ, къ V столѣтію нашей эры. Но съ твердымъ сознаніемъ своей правоты, я могу сказать, что время не было мною потеряно даромъ. Мною была прочитана цѣлая библіотека книгъ, на разныхъ доступныхъ мнѣ языкахъ (русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, латинскомъ, итальянскомъ), и я успѣлъ ознакомиться, какъ, до нѣкоторой степени, съ армянскимъ языкомъ, такъ съ тѣмъ изъ армянской литературы, что могъ найти въ переводѣ. Это теоретическое изученіе закончилъ я поѣздкой по областямъ русской Арменіи, по Кавказу и Закавказью,—поѣздкой, во время которой могъ лично познакомиться со многими представителями современной армянской интеллигенціи, съ ея выдающимися поэтами, учеными, журналистами, общественными дѣятелями. Мнѣ удалось также, хотя и бѣгло, видѣть современную армянскую жизнь, посѣтить развалины нѣкоторыхъ древнихъ центровъ армянской жизни и побывать въ Эчміадзинѣ, этомъ священномъ для всѣхъ армянъ мѣстѣ, гдѣ, по справедливому выраженію, «бьется сердце Арменіи». Мое маленькое путешествіе какъ бы увѣнчало первый періодъ моихъ работъ по Арменіи, позволивъ мнѣ подтвердить живыми впечатлѣніями кабинетныя соображенія и провѣрить по критикѣ или по одобренію авторитетныхъ лицъ тѣ выводы, къ которымъ я пришелъ, работая самостоятельно...

Все это я сообщаю отнюдь не для того, чтобы похвалиться достигнутыми мною результатами или своимъ трудолюбіемъ: напротивъ, я хорошо знаю, что сдѣланнаго мною еще слишкомъ недостаточно, чтобы имѣть право выставлять себя человѣкомъ, освѣдомленнымъ въ вопросахъ армяновѣдѣнія, что, напротивъ, откровенно указывая даты моего перваго знакомства съ исторіей и литературой Арменіи, я скорѣе подрываю довѣріе къ своимъ утвержденіямъ. Но, перечисляя свои работы, я хочу подчеркнуть тотъ живой, и глубокій интересъ, какой возбудило во мнѣ изученіе Арменіи. Конечно, никакія обязательства передъ издателемъ (а, въ данномъ случаѣ, никакихъ формальныхъ обязательствъ съ моей стороны не было вовсе), никакія внѣшнія соображенія не могли бы заставить меня,—или кого другого,—совершить весь этотъ трудъ, прочесть всѣ эти книги, столько учиться и такъ углубиться въ дѣло! Побудить къ этому могло лишь одно: то, что въ изученіи Арменіи я нашелъ неизсякаемый источникъ высшихъ, духовныхъ радостей, что, какъ историкъ, какъ чело-

вѣкъ науки, я увидѣлъ въ исторіи Арменіи—цѣлый, самобытный міръ, въ которыхъ тысячи интереснѣйшихъ, сложныхъ вопросовъ будили научное любопытство, а какъ поэтъ, какъ художникъ, я увидѣлъ въ поэзіи Арменіи—такой же самобытный міръ красоты, новую, раньше неизвѣстную мнѣ, вселенную, въ которой блистали и свѣтились высокія созданія подлиннаго художественнаго творчества. И работа, начатая мною неохотно, принятая мною, какъ одна изъ очередныхъ литературныхъ задачъ, какія мы, писатели по-профессіи, должны бываемъ иногда выполнять, постепенно превратилась для меня въ завѣтное, страстно-любимое дѣло, которое заняло всѣ мои помыслы, которому я уже могъ отдаться, и не могъ не отдаться всей душой.

Чѣмъ глубже я вникалъ въ изученіе Арменіи, чѣмъ яснѣе вырисовывались предо мной очертаніе ея историческихъ судебъ и образы ея великихъ людей, прежде всего художниковъ (ибо на литературѣ, въ частности на поэзіи, были преимущественно сосредоточены мои работы),—тѣмъ все настойчивѣе вставалъ предо мной укоръ въ томъ, что раньше я могъ такъ равнодушно проходить мимо этого міра. Уже давно судьбы древней Арменіи связаны съ судьбой великой Россіи; уже цѣлое столѣтіе значительная часть армянскаго народа живетъ въ предѣлахъ Россійской имперіи; армяне—наши сограждане, а еще не освобожденные отъ мусульманскаго ига армянскія области именно отъ русскихъ ждутъ своего освобожденія. И, тѣмъ не менѣе, мы—громадное большинство изъ насъ—ничего, или почти ничего, не знаемъ объ армянахъ и Арменіи. Нужны міровыя катастрофы, нужны безпримѣрные ужасы турецкой рѣзни или дикаго преслѣдованія цѣлой націи (что имѣло мѣсто, напр., въ началѣ нынѣшней Великой войны), чтобы мы вновь обратили вниманіе на бѣдствія «многострадательнаго народа». Мы, русскіе, какъ и вся Европа, вспоминаемъ объ армянахъ лишь въ тѣ дни, когда имъ нужна бываетъ рука помощи, чтобы спасти ихъ отъ поголовнаго истребленія озвѣрѣвшими полчищами султана. Между тѣмъ есть у армянъ болѣе высокое право на наше вниманіе и на вниманіе всего міра: та высокая культура, которую выработалъ армянскій народъ за долгіе вѣка своего самостоятельнаго существованія, и та исключительно-богатая литература, которая составляетъ драгоцѣнный вкладъ Арменіи въ общую сокровищницу человѣчества.

Дальше, во вступительномъ очеркѣ, я сдѣлалъ попытку

вкратцѣ охарактеризовать различные этапы въ развитіи армянской поэзіи и отмѣтить высшія достиженія отдѣльныхъ армянскихъ поэтовъ прошлаго и современности. Здѣсь довольно будетъ сказать, что, изучая поэзію Арменіи, я много разъ останавливался прежде всего въ изумленіи передъ исключительнымъ совершенствомъ ея отдѣльныхъ созданій. Народная армянская поэзія принадлежитъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ среди всѣхъ, какія мнѣ извѣстны: немногіе народы могутъ гордиться, что ихъ народныя пѣсни достигаютъ такого же художественнаго уровня, такъ изысканно-плѣнительны, такъ оригинально-самобытны, при всей ихъ непосредственной простотѣ и безыскусственной откровенности. Религіозная поэзія армянской церкви сохранила много созданій истинныхъ поэтовъ,—гимны, которые дышатъ тѣмъ же одушевленіемъ, какъ лучшіе образцы греческихъ и римскихъ гимнотворцевъ, но утонченностью своихъ художественныхъ пріемовъ приближаются уже къ стихамъ новаго времени, вплоть до вдохновеній Верлэна. Средневѣковая армянская лирика есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ побѣдъ человѣческаго духа, какія только знаетъ лѣтопись всего міра. Поэзія совершенно своеобразная, новая для насъ по своимъ формамъ, глубокая по содержанію, блистательная по мастерству техники, армянская поэзія среднихъ вѣковъ, въ своихъ лучшихъ образцахъ, можетъ и должна будетъ еще многому научить современныхъ поэтовъ: къ ней еще предстоитъ обратиться за уроками и за художественными откровеніями. Истинно прекрасное создали и лучшіе изъ ашуговъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ Саятъ-Нова, поэтъ XVIII в., величественный, многообразный, по-тютчевски чуткій и, какъ Мюссе, страстный: одинъ изъ тѣхъ «первоклассныхъ» поэтовъ, которые силой своего генія уже перестаютъ быть достояніемъ отдѣльнаго народа, но становятся любимцами всего человѣчества. Наконецъ, въ ново-армянской поэзіи есть рядъ именъ и рядъ созданій, которыя по праву могутъ стоять рядомъ съ чтимыми именами и прославленными созданіями западныхъ литературъ.

Давая этотъ восторженный отзывъ, я, конечно, имѣю въ виду *лучшихъ* представителей армянской поэзіи, *наиболѣе удачныя* ея созданія, ибо въ любой литературѣ вокругъ выдающихся талантовъ неизбѣжно группируются писатели рядовые и даже лица, обдѣленныя дарованіемъ. Но и ряда тѣхъ поэтовъ, которыхъ армянская литература имѣетъ право выдвинуть въ своей исторіи

на первыя мѣста, совершенно достаточно, чтобы обезпечить ей вниманіе на всѣ вѣка, пока люди будутъ цѣнить достиженія искусства. Каждый вѣкъ послѣдняго тысячелѣтія, безъ исключенія, имѣетъ въ армянской поэзіи своихъ достойныхъ представителей: одинъ—больше, другой меньше, въ зависимости отъ общей эволюціи литературы. Григорій Нарекскій (X в.), Нерсесъ Благодатный (XII в.), Фрикъ (XIII—XIV в.), Константинъ Ерзынкайскій (XIII—XIV в.), Мкртичъ Нагашъ (XV в.), Оганнесъ Ерзынкайскій (XIV—XV в.), Григорій Ахтамарскій (XVI в.), Наапетъ Кучакъ (XVI в.), Нагашъ Іонатанъ (XVII в.), Саятъ-Нова (XVIII в.) и лучшіе поэты современной Арменіи, все это—имена, которыя должно помнить и чтить всѣмъ, кому дорога поэзія, наравнѣ съ именами любимыхъ лириковъ другихъ народовъ: Сапфо и Овидія, Гафиза и Омара-Хайама, Петрарки и Ронсара, Шелли и Тютчева, Гейне и Верлэна...

Но въ то же время, армянская поэзія, взятая въ ея цѣломъ, представляетъ другой, также выдающійся интересъ: историческій. Поэзія всегда—вѣрное зеркало народной души; поэтъ, даже думая, что воспѣваетъ свои личныя, скромныя радости, свои личныя, маленькія скорби, безсознательно, непримѣтно для самого себя, всегда поетъ о великихъ торжествахъ или о великихъ печаляхъ всей своей родины; въ созданіяхъ художниковъ всегда воплощены переживанія родного народа. И многообразная исторія Арменіи, сплетенная за двадцать пять столѣтій съ судьбами всѣхъ народовъ нашего міра, ассиро-вавилонянъ, древне-персовъ, грековъ, римлянъ, пароовъ, византійцевъ, новоперсовъ, арабовъ, монголовъ, турокъ-сельджуковъ и турокъ-османовъ, народовъ новой Европы, русскихъ, отчасти также съ судьбами Индіи, Китая, Африки, Америки,—эта исторія живыми отголосками, далекими эхо живетъ въ армянской поэзіи. Народы, давно сошедшіе съ міровой сцены, оставили слѣды въ народной душѣ Арменіи, и эти слѣды таинственно оживаютъ въ стихахъ армянскихъ поэтовъ. Прислушиваясь, мы слышимъ въ средневѣковой армянской лирикѣ отзвуки сѣдой, намъ еле вѣдомой старины... А въ созданіяхъ ново-армянской поэзіи оживаетъ передъ нами жизнь современной Арменіи, тоже мало-извѣстная намъ жизнь цѣлаго народа, своеобразная, красочная, также связанная незримыми нитями съ отдаленнѣйшими вѣками.

Для русскаго читателя армянская поэзія, въ ея цѣломъ, есть

новый міръ, въ которомъ путникъ видитъ неизвѣстные ему цвѣты и деревья, невѣдомыхъ птицъ и животныхъ, впервые наблюдаемые обычаи и церемоніи. Такой была армянская поэзія для меня, и я надѣюсь, что сходное впечатлѣніе испытаютъ и всѣ другіе читатели. Но важнѣе, что армянская поэзія есть именно міръ красоты, что она обогащаетъ новыми сокровищами тотъ пантеонъ поэзіи, который каждый культурный человѣкъ воздвигаетъ въ своей душѣ, чтобы хранить въ немъ прекрасныя созданія поэтовъ всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ. Въ этомъ пантеонѣ мирно стоятъ рядомъ творенія генія французскаго и генія нѣмецкаго; поэмы индусскихъ поэтовъ или японскія танки со стихами классиковъ Эллады и Рима; пѣсни первобытныхъ скандинавовъ, грозная Эдда, пѣснь о Нибелунгахъ, съ утонченными строфами Китса, съ загадочными балладами Эдгара По; достиженія пѣвцовъ, жившихъ на зарѣ нашей эры, съ попытками поэтовъ послѣднихъ дней. Въ этомъ же храмѣ, по праву, должны занять свое мѣсто и лучшія созданія генія армянскаго,—прежде всего поэмы средневѣковыхъ поэтовъ Арменіи и плѣнительныя пѣсни ашуга Саятъ-Новы. Знакомство съ армянской поэзіей должно быть *обязательно* для каждаго образованнаго человѣка, какъ обязательно для него знакомство съ эллинскими трагиками, съ «Комедіей» Данте, драмами Шекспира, съ поэмами Виктора Гюго. Поскольку изданіе, редактированное мною, сдѣлаетъ это доступнымъ для русскаго читателя, судить, конечно, не мнѣ,—но задача, которую я себѣ ставилъ, была именно такова: открыть передъ русскими читателями поэтическій міръ Арменіи.

Мнѣ хотѣлось бы еще, чтобы предлагаемая книга не оказалась лишней и для читателя-армянина, владѣющаго русскимъ языкомъ. Прежде всего произведенія амрянскихъ поэтовъ прошлыхъ вѣковъ до сихъ поръ не собраны въ популярныхъ, легкодоступныхъ изданіяхъ, но разсѣяны по разнымъ спеціальнымъ сборникамъ и журналамъ, а, частью, остаются еще въ рукописи. Въ нашемъ изданіи читатель-армянинъ найдетъ подборъ образцовъ поэзіи разныхъ эпохъ, что можетъ впослѣдствіи, до нѣкоторой степени, быть руководствомъ при чтеніи подлинниковъ. Кромѣ того, произведенія прошлыхъ вѣковъ Арменіи написаны на языкѣ, который требуетъ уже особаго изученія отъ современнаго армянина. Не всѣ имѣли случай и возможность заняться такимъ изученіемъ. Несомнѣнно, въ среднемъ кругу армянскаго

общества, среди тѣхъ, кто не посвятилъ себя научнымъ работамъ, найдутся лица, которыя впервые прочтутъ, на русскомъ языкѣ, нѣкоторыя поэмы армянскихъ средневѣковыхъ поэтовъ. Если это чтеніе побудитъ такихъ лицъ заняться изученіемъ классическаго и старо-армянскаго языка, чтобъ въ подлинникѣ насладиться красотой стиховъ, неизбѣжно поблѣднѣвшей въ переводѣ,—я, какъ редакторъ даннаго изданія, уже сочту себя нравственно удовлетвореннымъ и вознагражденнымъ за свой трудъ. Наконецъ, даже лицамъ, знакомымъ съ армянской поэзіей въ оригиналѣ, можетъ быть, не безынтересно будетъ перечесть тѣ же стихи въ томъ истолкованіи, которое пытались имъ дать мы, русскіе поэты, отнесшіеся къ поставленной намъ задачѣ со всей серьезностью, со всѣмъ вниманіемъ, со всей любовью. Такія созданія, какъ лирика армянскаго Средневѣковья, никогда не устаешь перечитывать, въ какой бы одеждѣ ни представали они передъ нами. И я не могу, въ заключеніе, не повторить словъ, сказанныхъ мною въ другомъ мѣстѣ, когда я примѣнилъ къ этой лирикѣ четверостишіе Фета о поэзіи Тютчева: эти стихи вправѣ повторять каждый армянинъ, думая о расцвѣтѣ лирической поэзіи въ Средніе вѣка своей родной страны:

Вотъ нашъ патентъ на благородство,—
Его вручаетъ намъ поэтъ:
Здѣсь — духа мощнаго господство,
Здѣсь — утонченный жизни цвѣтъ.

Далѣе тотъ же поэтъ говоритъ:

У чукчей нѣтъ Анакреона,
Къ зырянамъ Тютчевъ не придетъ.

И, дѣйствительно, есть народы, даже среди тѣхъ, которыхъ превратности исторической судьбы дѣлали временными господами надъ армянами,—народы, которые не могутъ назвать, въ числѣ своихъ писателей, ни одного имени, достойнаго стоять рядомъ съ лучшими лириками армянскаго Средневѣковья, даровавшими разъ навсегда «патентъ на благородство» родному армянскому народу.

II.

ЗАДАЧИ ИЗДАНІЯ.

Поэзія Арменіи, за послѣднія десятилѣтія, не разъ привлекала вниманіе русскихъ поэтовъ, и въ различныхъ изданіяхъ, — въ журналахъ, газетахъ, альманахахъ,—было напечатано не мало произведеній армянскихъ поэтовъ въ русскомъ переводѣ: Я. Полонскаго, К. Бальмонта, И. Бунина, Ю. Веселовскаго, И. Бѣлоусова, С. Головачевскаго, П. Сухотина, С. Потресова-Яблоновскаго, Л. Уманца, И. Гриневской, О. Чюминой и др.; былъ также изданъ рядъ отдѣльныхъ книгъ, въ которыхъ собраны русскіе стихотворные переводы съ армянскаго: сборники, посвященные Р. Патканьяну, Смбату Шахъ-Азизу, Ов. Туманьяну («Парвана» и др.), А. Исаакіану («Цвѣты Араза» и др.), «Современные армянскіе поэты», «Армянскіе беллетристы и поэты», «Современная армянская литература, вып. 1, поэзія», «Армянская Муза», и др.,—перечень которыхъ данъ въ нашей «Библіографіи». Большинство этихъ переводовъ и изданій было сдѣлано со вниманіемъ и съ любовью къ дѣлу, и можно сказать, что переводчики и издатели, большею частью, вполнѣ достигали поставленныхъ ими себѣ цѣлей. Однако, русскіе переводчики, за весьма немногими исключеніями (напр., переводы Я. Полонскаго, А. Гарденина, Авреліана—стиховъ Саятъ-Новы, поэта XVIII в.), обращались только къ *новой* армянской поэзіи, т.-е. къ дѣятельности армянскихъ поэтовъ послѣдняго столѣтія. Поэтическія богатства средневѣковой лирики и народныхъ пѣсенъ оставались незатронутыми. Кромѣ того, многіе издатели и переводчики, при выборѣ образцовъ, болѣе стремились, повидимому, ознакомить читателей съ настроеніями народа, съ идеями поэтовъ, нежели дать представленіе о художественномъ уровнѣ армянской поэзіи.

Сборникъ, нынѣ предлагаемый вниманію читателей, въ отличіе отъ изданныхъ ранѣе, имѣетъ двѣ задачи: во-первыхъ, представить, въ характерныхъ образцахъ, въ русскомъ переводѣ, по возможности *всю поэзію Арменіи*, отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, на всемъ протяженіи ея, полутора-тысячелѣтняго, существованія; во-вторыхъ, положить въ основу выбора *художественную цѣнность*, какъ творчества отдѣльныхъ

поэтовъ, такъ и каждаго отдѣльнаго произведенія, чтобы стихи, объединенные въ книгѣ, были высшими художественными достиженіями армянской поэзіи въ различные періоды ея развитія. Можно надѣяться, что этимъ будутъ въ то же время охарактеризованы и настроенія народа, идеи, руководившія его жизнью, потому что знакомство съ поэзіей народа, въ его цѣломъ, всего вѣрнѣе знакомитъ и съ самимъ народомъ, и произведенія, наиболѣе совершенныя въ художественномъ отношеніи, всегда оказываются и наиболѣе характерными. Помимо того, высокія достиженія въ области искусства служатъ лучшимъ показателемъ культурнаго уровня народа и даютъ благородное право на вниманіе другихъ націй, независимо отъ тѣхъ или иныхъ превратностей исторической судьбы.

Сообразно съ такимъ общимъ замысломъ, сборникъ «Поэзія Арменіи» раздѣленъ на три части или отдѣла: 1) *Народная поэзія*; 2) *Поэзія Средневѣковья и поэзія ашуговъ*; 3) *Новая поэзія.*

Первая часть обнимаетъ народную поэзію стараго и новаго времени и распадается на два подотдѣла: лирическихъ пѣсенъ и эпическихъ созданій. Во главѣ *лирическихъ пѣсенъ* поставлены стихи, которые можно датировать болѣе отдаленными эпохами: пѣсня о рожденіи Ваагна, сохраненная Моисеемъ Хоренскимъ, и относящаяся еще къ языческой порѣ; отрывокъ, представляющій, повидимому, христіанскую переработку также еще языческаго гимна; лирическій отрывокъ исторической пѣсни о царѣ Арташесѣ и др. Далѣе идутъ народныя пѣсни, время возникновенія которыхъ установить затруднительно, но которыя всѣ и понынѣ живутъ въ памяти и въ устахъ народа. Нами взяты онѣ изъ различныхъ сборниковъ, какъ въ научныхъ изданіяхъ, такъ и популярныхъ,—изъ «пѣсенниковъ» («ергаранъ» и «тагаранъ», въ томъ числѣ и рукописныхъ, еще не напечатанныхъ, хранящихся въ библіотекѣ Эчміадзина). При выборѣ стихотвореній, мы, въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ обще-эстетическаго принципа, руководились еще желаніемъ—представить различные типы армянской народной пѣсни. Поэтому, рядомъ съ пѣснями любовными мы помѣстили пѣсни обрядовыя, свадебныя, колыбельныя, заплачки, наконецъ, — военныя, создавшіяся въ новое время, каковъ, напр., Зейтунскій маршъ. Произведеній *эпическаго склада* дано нами два: стихотворная сказка о владыкѣ Асланѣ и значительная часть (почти вся первая половина избраннаго нами варіанта) эпопеи о Давидѣ Сасунскомъ.

Вторая часть, поэзія Средневѣковья и пѣсни ашуговъ, распадается на три подотдѣла. Въ первомъ подотдѣлѣ собраны образцы ранней *религіозной поэзіи* (V—XII вв.), въ стихахъ Григорія Нарекскаго, въ церковныхъ «шараканахъ» и въ произведеніяхъ (лирическихъ и эпическихъ) Нерсеса Благодатнаго. Во второмъ подотдѣлѣ представлены *лирики армянскаго Средневѣковья* и позднѣйшіе поэты, тѣсно примыкающіе къ нимъ по характеру своей поэзіи (XIII—XVII в.), причемъ особое вниманіе обращено на эпоху XV—XVI в., когда творчество армянскихъ лириковъ достигло своего высшаго расцвѣта. Въ третьемъ подотдѣлѣ даны пѣсни *ашуговъ*; центральное мѣсто занимаетъ здѣсь замѣчательнѣйшій и знаменитѣйшій среди нихъ—Саятъ-Нова (XVIII в.), но сохранены образцы также болѣе ранняго и болѣе поздняго времени, вплоть до стиховъ нашего современника—ашуга Дживани. При выборѣ стихотвореній, въ этомъ второмъ отдѣлѣ, мы, останавливаясь на лучшемъ, художественно наиболѣе значительномъ, постоянно стремились— показать также поступательный ходъ развитія армянской поэзіи, ея эволюцію отъ простѣйшихъ формъ къ болѣе сложнымъ, постепенное утонченіе и углубленіе, какъ темъ, такъ и творческихъ пріемовъ автора. Въ виду этого мы старались дать образцы творчества каждаго отдѣльнаго столѣтія (отъ XIII до XVIII) и каждаго обособленнаго періода. Наконецъ, по мѣрѣ возможности, мы заботились и объ отраженіи въ избранныхъ стихахъ историческихъ моментовъ, переживавшихся Арменіей въ различныя эпохи.

Третья часть, новая поэзія, раздѣлена на два подотдѣла: *поэзія русскихъ армянъ* и *турецкихъ* (*константинопольскихъ*) *армянъ*. Эволюція этихъ двухъ школъ, въ первое время ихъ существованія, шла настолько раздѣльно, и ихъ художественныя устремленія настолько разнились между собой, что мы не сочли возможнымъ расположить всѣхъ ново-армянскихъ поэтовъ въ одной общей хронологической послѣдовательности. При всемъ томъ, мы задавались цѣлью дать въ этой части характеристики всѣхъ ново-армянскихъ поэтовъ, къ какой бы школѣ они ни принадлежали, если только ихъ творчество представлялось намъ имѣющимъ художественный интересъ. Само собой разумѣется, что, при выборѣ стихотвореній, въ этой части, мы никогда не теряли изъ виду исторической точки зрѣнія, давая широкое мѣсто поэтамъ, дѣятельность которыхъ оказала опредѣленное

вліяніе на художественное развитіе армянской литературы, но не могли, однако, во всемъ слѣдовать сложившимся традиціямъ въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ писателей. Въ частности, мы считали необходимымъ руководствоваться установившимися взглядами преимущественно по отношенію къ поэтамъ старшихъ поколѣній, дѣятельность которыхъ уже стала достояніемъ исторіи. Напротивъ, по отношенію къ поэтамъ болѣе молодымъ, многіе изъ которыхъ еще не успѣли вполнѣ опредѣлиться, и дѣятельность которыхъ еще всецѣло подлежитъ критикѣ, мы считали себя вправѣ дать больше простора нашимъ личнымъ сужденіямъ. Такъ, напр., мы помѣстили въ концѣ этой части нѣсколько стихотвореній поэтовъ, имена которыхъ еще не пользуются извѣстностью, что̀, однако, отнюдь не показываетъ отрицательнаго отношенія къ другимъ, чьи стихи не нашли себѣ мѣста въ сборникѣ. Касаясь новѣйшихъ явленій литературы, каждая, антологія неизбѣжно становится, до извѣстной степени, зыбкой, и читатели должны смотрѣть на нѣсколько стихотвореній молодыхъ поэтовъ, включенныхъ въ нашу книгу, лишь какъ на образчики новѣйшей армянской поэзіи, избранные болѣе или менѣе случайно среди ряда другихъ, не менѣе достойныхъ вниманія.

Выборъ всѣхъ стихотвореній, включенныхъ въ нашу книгу, былъ сдѣланъ, конечно, по подлинникамъ, послѣ внимательнаго просмотра всего написаннаго въ данную эпоху или даннымъ поэтомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда историческое и художественное значеніе писателя позволяло, мы старались, въ самомъ подборѣ стиховъ одного поэта, характеризовать различныя стороны его дарованія и даже ходъ его развитія. Такъ могли мы поступить по отношенію къ такимъ, напр., поэтамъ, какъ Наапетъ Кучакъ, Саятъ-Нова, І. Іоаннисіанъ, А. Цатуріанъ, Ов. Туманьянъ, А. Исаакіанъ. Въ другихъ случаяхъ, выбирая у поэтовъ одно или два стихотворенія, мы не разсчитывали, конечно, дать полное понятіе объ ихъ поэтической дѣятельности, но имѣли въ виду охарактеризовать опредѣленное направленіе въ литературѣ или опредѣленный типъ творчества. Это равно относится какъ къ поэтамъ прошлыхъ вѣковъ, напр., къ стихотворенію Іереміи Кемурджіана, такъ и къ авторамъ новаго періода, напр., стихамъ г-жи Ш. Кургиньянъ. Однако, при всѣхъ условіяхъ, мы давали мѣсто въ книгѣ лишь тому, что удовлетворяло требованіямъ художественности.

Нѣтъ сомнѣнія, что, при всемъ нашемъ желаніи, какъ можно полнѣе представить эволюцію армянской поэзіи, въ нашемъ выборѣ сказалась извѣстная доля субъективности. Но, въ свое оправданіе мы должны указать, что въ осуществленіи нашей задачи встрѣчалось не мало и внѣшнихъ затрудненій. Такъ, иныя стихотворенія, которыя мы желали бы видѣть въ нашемъ сборникѣ, не помѣщены потому, что мы не могли получить ихъ переводы, которые насъ удовлетворили бы. Другія имена отсутствуютъ въ книгѣ потому, что мы не могли получитъ самыхъ сочиненій нѣкоторыхъ поэтовъ. Это относится, напр., къ стихотвореніямъ Егія Демирчибашьяна, до сихъ поръ не соединеннымъ въ отдѣльномъ сборникѣ, но разсѣяннымъ по старымъ, нынѣ недоступнымъ, журналамъ и газетамъ. Значительнымъ препятствіемъ служили намъ и обстоятельства военнаго времени, по которымъ совершенно прекратились сношенія съ Константинополемъ и весьма затруднились—съ Западной Европой. Наконецъ, самые размѣры нашего сборника заставляли насъ ограничивать свой выборъ только наиболѣе важнымъ и наиболѣе характернымъ, оставляя въ сторонѣ, напр., авторовъ, которые лишь изрѣдка писали стихи и главное значеніе которыхъ въ романѣ, какъ, напр., Хачатура Абовіана, Раффи и др. Нѣкоторыя объясненія нашего выбора даны нами въ «Примѣчаніяхъ», гдѣ перечислены имена тѣхъ, болѣе извѣстныхъ, армянскихъ поэтовъ, произведенія которыхъ, по разнымъ причинамъ, не включены въ нашъ сборникъ,

Что касается самаго *перевода*, то, во-первыхъ, оцѣнка его достоинства принадлежитъ не намъ, а, во-вторыхъ, мы можемъ говорить лишь о томъ идеалѣ, который ставили себѣ въ этомъ отношеніи. Прежде всего мы заботились объ томъ, чтобы переводчикъ, какъ можно лучше, былъ ознакомленъ съ подлинникомъ. Такъ какъ отъ громаднаго большинства русскихъ поэтовъ нельзя было требовать знанія армянскаго языка, то въ основу всѣхъ переводовъ положенъ буквальный подстрочный переводъ и правильная транскрипція армянскаго текста, освѣдомлявшая переводчика о ритмической и звуковой сторонѣ оригинала. Каждый исполненный переводъ затѣмъ вновь провѣрялся по подлиннику и, въ случаѣ надобности, подвергался (самимъ переводчикомъ или редакторомъ) новой переработкѣ, исправленіямъ и усовершенствованіямъ. Нашей конечной, идеаль-

ной цѣлью было получить, на русскомъ языкѣ, *точное воспроизведеніе оригинала* въ такой мѣрѣ, чтобы читатель могъ *довѣрять* переводамъ и былъ увѣренъ, что по нимъ онъ знакомится съ созданіями *армянскихъ* поэтовъ, а не *русскихъ* переводчиковъ.

Въ частности мы считали, что стихотворный переводъ долженъ не только вѣрно передавать содержаніе оригинала, но и воспроизводить всѣ характерныя отличія его формы. Первой задачей, по отношенію *къ формѣ*, являлся выборъ стиха, соотвѣтствующаго *метру и ритму* подлинника, насколько это осуществимо при разницѣ стихосложенія русскаго (тоническое) и армянскаго (силлабическое). Однако, мы не доводили своихъ требованій до педантизма и не настаивали на сохраненіи тѣхъ особенностей, которыя зависятъ отъ свойствъ самаго языка: напр., вмѣсто постоянной *мужской риѳмы*, господствующей въ армянскихъ стихахъ (такъ какъ въ армянскомъ языкѣ, въ литературномъ произношеніи, почти всѣ слова имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ), допускали чередованіе риѳмъ мужскихъ и женскихъ, обычное въ русскихъ стихахъ. Напротивъ, мы искали строгаго соблюденія техники оригинала въ построеніи стихотвореній, т.-е. *формы строфы, чередованія риѳмъ* и т. п., такъ что число стиховъ въ переводѣ (за немногими исключеніями, которыя были вызваны особыми соображеніями) всегда соотвѣтствуетъ оригиналу. Наконецъ, настойчивое вниманіе обращалось на соблюденіе *звуковой стороны стиха*, т.-е. какъ ассонансовъ, аллитерацій, звукоподражаній, такъ особенно «звукописи» или «словесной инструментовки», составляющей особое очарованіе средневѣковой лирики. Что касается *содержанія*, то здѣсь идеаломъ было: сохранить и въ стихотворной передачѣ подстрочную близость къ тексту, поскольку она допускается духомъ языка, сохранить всѣ образы подлинника и избѣгать всякихъ произвольныхъ добавленій.

Опредѣленно отказались мы отъ воспроизведенія *различій въ языкѣ* разныхъ эпохъ и отдѣльныхъ поэтовъ. Стихи, собранные въ книгѣ, можно раздѣлить по языку на нѣсколько группъ. Небольшая часть (гимны Григорія Нарекскаго, Нерсеса Благодатнаго и др.) написаны на древнемъ классическомъ языкѣ (грапаръ); произведенія среднихъ вѣковъ—на средневѣковомъ; народныя пѣсни и пѣсни ашуговъ—на различныхъ діалектахъ; стихи новыхъ поэтовъ—на двухъ, нѣсколько отличныхъ одинъ

отъ другого, нарѣчіяхъ ново-литературнаго языка, иногда съ преднамѣренной примѣсью мѣстныхъ говоровъ, и т. п. Всѣ наши переводы сдѣланы на одномъ современномъ литературномъ русскомъ языкѣ (въ томъ числѣ и переводы народныхъ пѣсенъ). Поступая такъ, мы имѣли въ виду соображеніе, что, въ концѣ концовъ, всѣ наши оригиналы также написаны на одномъ армянскомъ языкѣ, только въ разныхъ стадіяхъ и формахъ его развитія. Въ тѣ дни, когда писалъ тотъ или другой поэтъ, напр. данный лирикъ Средневѣковья,—къ языку, который онъ употреблялъ, его читатели относились совершенно такъ же, какъ относится теперь русскій читатель къ современному литературному языку. Что же касается діалектическихъ особенностей, вводимыхъ нѣкоторыми поэтами для приданія своимъ стихамъ «мѣстнаго оттѣнка» (couleur locale), то отъ ихъ передачи мы также отказались, по трудности отыскать въ русскомъ языкѣ соотвѣтствующіе эквиваленты.

Необходимо, однако, сдѣлать, ко всему сказанному о переводѣ, одну существенную оговорку. Въ виду того, что въ переводѣ участвовало значительное число лицъ, и среди нихъ—поэты, имѣющіе свою, рѣзко выраженную индивидуальность, между отдѣльными переводами оказались нѣкоторыя различія, не только въ исполненіи, но и въ самыхъ пріемахъ работы. То, что говорилось выше о принципахъ стихотворнаго перевода, вполнѣ приложимо лишь къ переводамъ, исполненнымъ самимъ редакторомъ или подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Рядъ лучшихъ русскихъ поэтовъ, которые оказали огромную услугу дѣлу, посвятивъ свое дарованіе переводу армянскихъ стиховъ, пользовался, само собой разумѣется, полной свободой въ своей работѣ. Такія имена, которыми подписаны многіе переводы, какъ, напр., К. Бальмонтъ, Вяч. Ивановъ, Ив. Бунинъ, Ѳ. Сологубъ, А. Блокъ (называемъ только нѣсколькихъ), служатъ достаточной порукой, что всѣ красоты, всѣ достоинства оригинала сохранены въ ихъ передачѣ. Но, въ цѣляхъ правильнаго отношенія къ предлагаемымъ образцамъ армянской поэзіи, должно отмѣтить, что пріемы перевода *нѣкоторыхъ* изъ названныхъ поэтовъ, въ извѣстной степени, отличались отъ пріемовъ, положенныхъ въ основу другихъ *(значительнаго большинства)* переводовъ. Особенно приходится это отмѣтить по отношенію къ переводамъ К. Бальмонта и Вяч. Иванова. Впрочемъ, различіе это смягчается тѣмъ, что въ переводѣ Вяч. Иванова представлены,

преимущественно, произведенія *одного* поэта (рядъ лирическихъ поэмъ Ов. Туманьяна).

Переводамъ предпосланъ (кромѣ даннаго «объясненія») *Вступительный очеркъ* редактора, дающій очеркъ исторіи армянской лирики. Задачей этой статьи было ознакомить читателей съ возникновеніемъ и эволюціей лирической поэзіи въ Арменіи, указать на взаимоотношенія отдѣльныхъ поэтовъ, дать краткія характеристики ихъ творчества, отмѣтить основныя теченія армянской поэзіи, особенно въ новое время, и, наконецъ, предложить ея общую историко-литературную оцѣнку. Статья строго замыкаетъ свои предѣлы именно исторіей *лирики*, и не только не разсматриваетъ хода всей армянской литературы, но и касается лишь попутно другихъ формъ поэзіи (напр., созданій драматическихъ, произведеній, написанныхъ прозой, а также всего, что новые поэты писали на классическомъ грапарѣ). Также лишь бѣгло говорится въ статьѣ объ обще-историческихъ условіяхъ, при которыхъ возникала и развивалась армянская лирика, причемъ авторъ отсылаетъ интересующихся къ другой своей статьѣ, посвященной исторіи Арменіи и изданной отдѣльно. Въ предлагаемомъ изданіи поэзія Арменіи должна говорить сама за себя, и авторъ Вступительнаго очерка счелъ себя обязаннымъ ограничиться лишь самымъ необходимымъ.

Такой же характеръ носятъ помѣщенныя въ концѣ книги *Объяснительныя примѣчанія*, относящіяся: 1) къ каждому изъ семи подотдѣловъ; 2) къ отдѣльнымъ поэтамъ; 3) къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ. *Примѣчанія къ подотдѣламъ* содержатъ важнѣйшія свѣдѣнія общаго характера о данномъ родѣ поэзіи или данномъ литературномъ теченіи въ Арменіи, его возникновеніи, судьбѣ въ исторіи, оцѣнкѣ у критиковъ и историковъ и т. под. *Примѣчанія къ отдѣльнымъ поэтамъ* содержатъ біографическія свѣдѣнія объ нихъ, сжатую характеристику ихъ поэзіи, необходимѣйшую библіографію ихъ сочиненій и переводовъ на русскій языкъ. *Примѣчанія къ отдѣльнымъ стихотвореніямъ* содержатъ нужныя реальныя поясненія, касающіяся мало-извѣстныхъ обычаевъ, предметовъ обихода армянской жизни, и т. под., и перечень другихъ русскихъ переводовъ того же произведенія; иногда здѣсь же приводится другой переводъ того же стихотворенія, по разнымъ соображеніямъ не получившій мѣста въ самомъ текстѣ книги. Все изданіе заключается общей *Библіографіей*, дающей перечень русскихъ книгъ, которыя посвящены Поэзіи Арменіи.

III.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ РАБОТЪ.

Ради правильнаго распредѣленія отвѣтственности, редакція считаетъ нужнымъ указать, какъ была распредѣлена работа между сотрудниками книги.

Вопросъ объ изданіи сборника, посвященнаго армянской поэзіи въ русскомъ переводѣ, былъ принципіально рѣшенъ Московскимъ Армянскимъ Комитетомъ, подъ предсѣдательствомъ С. Г. Мамиконьяна, причемъ было постановлено организовать особую редакціонную комиссію и пригласить редактора сборника изъ среды русскихъ писателей.

Редакціонная комиссія работала въ составѣ: К. Б. Кусикьяна (скончался), Карэна Микаэляна, А. І. Цатуріана и П. Н. Макинціана; на послѣдняго редакціей былъ возложенъ выборъ произведеній поэзіи народной, средневѣковой и ашуговъ.

Выдающіяся услуги сборнику, по отдѣлу средневѣковой поэзіи, оказалъ своими обширными познаніями и постоянной готовностью давать всѣ необходимыя разъясненія—проф. К. Костаньянцъ, которому редакція считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ принести глубокую сердечную благодарность.

К. Костаньянцъ оказалъ также цѣнную услугу редакціи, способствуя ей въ полученіи необходимыхъ книгъ, какъ изъ его собственной библіотеки, такъ и изъ библіотеки Лазаревскаго Института. Редакція выражаетъ свою глубокую признательность также завѣдующему библіотекой Лазаревскаго Института,—проф. Атая.

Общую редакцію русскихъ переводовъ принялъ на себя В. Я. Брюсовъ, участвовавшій также и въ окончательномъ выборѣ произведеній, назначавшихся для перевода. Кромѣ того В. Я. Брюсову было предложено написать Вступительный очеркъ къ сборнику (историческій обзоръ армянской поэзіи).

Работа надъ стихотворнымъ переводомъ была распредѣлена слѣдующимъ образомъ: В. Я. Брюсовъ переводилъ преимущественно произведенія поэзіи народной, средневѣковой и ашуговъ, а также отдѣльныя произведенія новой поэзіи, въ томъ числѣ поэму А. Исаакіана «Абулъ Ала Маари»; Вяч. И. Ивановъ переводилъ преимущественно лирическія поэмы Ов. Ту-

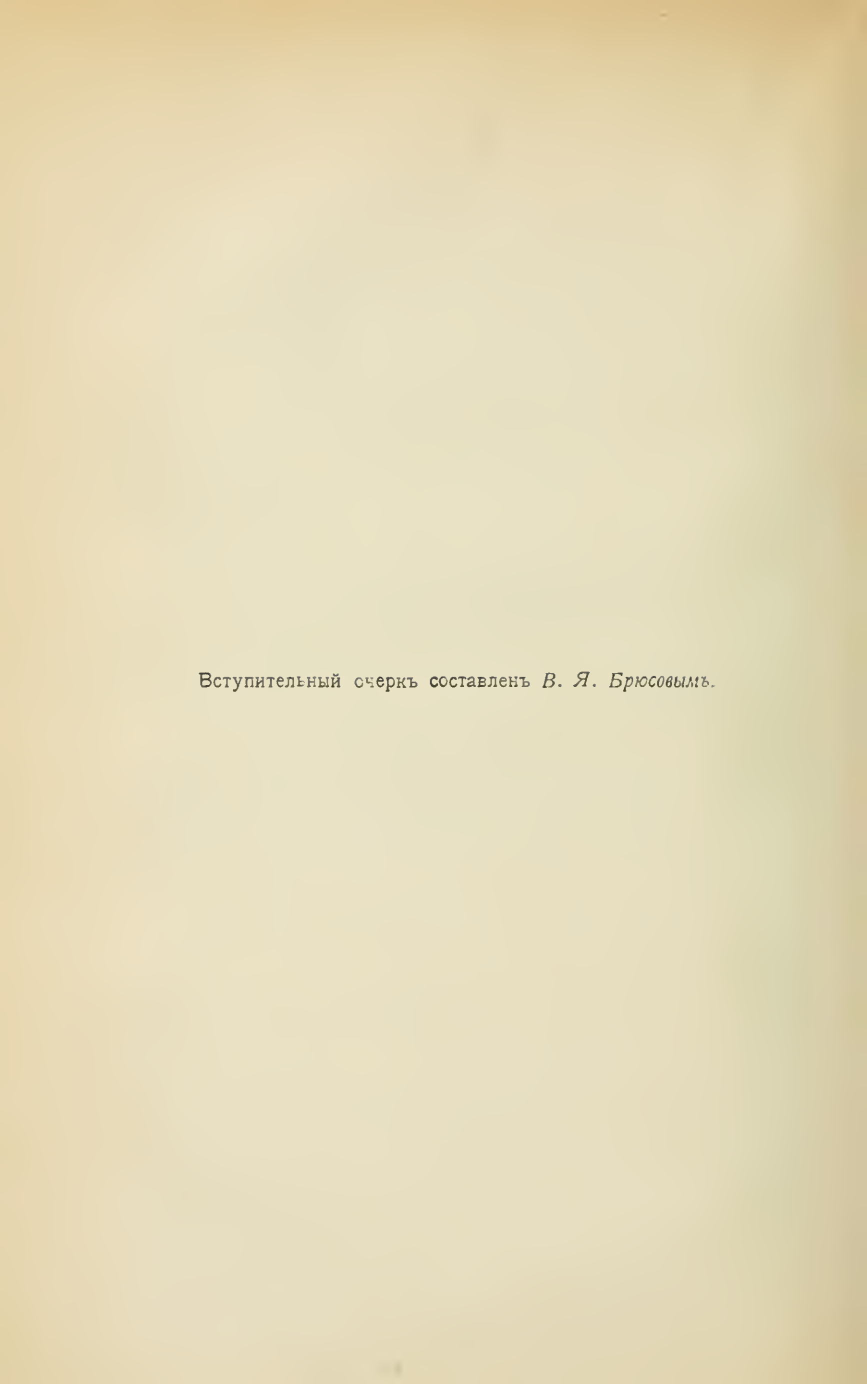
маньяна, въ томъ числѣ «Анушъ», «Голубиный скитъ», «Сердце дѣвы», затѣмъ отдѣльныя стихотворенія І. Іоаннисіана, Ов. Туманьяна и А. Исаакіана; К. Д. Бальмонтъ перевелъ стихи Ваана Тэріана и г-жи Сипилъ, а также далъ разрѣшеніе перепечатать исполненные имъ ранѣе переводы стиховъ І. Іоаннисіана и А. Цатуріана; Ѳедоръ Сологубъ перевелъ два стихотворенія Наапета Кучака; А. А. Блокъ перевелъ рядъ стихотвореній А. Исаакіана; Ю. К. Балтрушайтисъ—стихи А. Цатуріана и В. Тэкэяна; Ю. Н. Верховскій—стихи А. Цатуріана и І. Іоаннисіана; С. В. Шервинскій—стихи Д. Варужана и Сіаманто, а также Р. Патканьяна и др.; В. Ф. Ходасевичъ—сказку Ов. Туманяьна, стихи С. Шахъ-Азиза и др. Акад. И. А. Бунинъ и Ю. А. Веселовскій дали разрѣшеніе перепечатать исполненные ими ранѣе переводы, первый — стиховъ А. Исаакіана, второй — стиховъ Р. Патканьяна и С. Шахъ-Азиза. Другіе сотрудники сборника: Н. С. Ашукинъ, В. Я. Бакулинъ, С. П. Бобровъ, К. А. Большаковъ, Е. В. Выставкина, А. П. Глоба, К. А. Липскеровъ, В. В. Спасскій, Е. А. Сырейщикова, В. Г. Шершеневичъ и др.— переводили стихотворенія отдѣльныхъ поэтовъ, исключительно изъ эпохи новой литературы.

Рисунокъ для обложки,—воспроизведеніе армянской миніатюры изъ рукописи XI вѣка,—исполнилъ художникъ М. С. Сарьянъ; рисунокъ для фронтисписа,—по образцамъ древнихъ армянскихъ миніатюръ,—художникъ В. Я. Суреньянъ.

ПОЭЗІЯ АРМЕНІИ

И ЕЯ ЕДИНСТВО НА ПРОТЯЖЕНІИ ВѢКОВЪ.

Историко-литературный очеркъ.

Вступительный очеркъ составленъ *В. Я. Брюсовымъ*.

ПОЭЗІЯ АРМЕНІИ И ЕЯ ЕДИНСТВО НА ПРОТЯЖЕНІИ ВѢКОВЪ.

Историко-литературный очеркъ.

1.

Двѣ силы, два противоположныхъ начала, скрещиваясь, переплетаясь и сливаясь въ нѣчто новое, единое, направляли жизнь Арменіи и создавали характеръ ея народа на протяженіи тысячелѣтій: начало Запада и начало Востока, духъ Европы и духъ Азіи. Поставленная на рубежѣ двухъ міровъ, постоянно являвшаяся ареной для столкновенія народовъ, вовлекаемая ходомъ событій въ величайшіе историческіе перевороты, Арменія, самой судьбой, была предназначена—служить примирительницей двухъ различныхъ культуръ: той, на основѣ которой выросъ весь христіанскій Западъ, и той, которая въ наши дни представлена мусульманскимъ Востокомъ. «Арменія—авангардъ Европы въ Азіи», эта, давно предложенная, формула правильно опредѣляетъ положеніе армянскаго народа въ нашемъ мірѣ. Историческая миссія армянскаго народа, подсказанная всѣмъ ходомъ его развитія,—искать и обрѣсти синтезъ Востока и Запада. И это стремленіе всего полнѣе выразилось въ художественномъ творчествѣ Арменіи, въ ея литературѣ, въ ея поэзіи.

Современная наука, [1] въ теоріи, выставленной и блиста-

[1] Здѣсь я могу дать только нѣсколько намековъ на историческія судьбы Арменіи. Болѣе подробно исторія армянскаго народа изложена мною въ отдѣльной брошюрѣ, являющейся какъ бы дополненіемъ къ настоящему очерку и изданной также Московскимъ Армянскимъ Комитетомъ: Валерій Брюсовъ «Очеркъ историческихъ судебъ армянскаго народа съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней», Мск. 1916.

тельно развиваемой акад. Н. Я. Марромъ, видитъ въ самомъ составѣ армянскаго народа два разнородныхъ элемента, западный и восточный. Происхожденіе армянскаго народа эта теорія связываетъ съ такъ называемымъ Киммерійскимъ движеніемъ VIII—VII в. до Р. Х. Въ ту эпоху одно изъ фригійскихъ племенъ (слѣдовательно—индо-европейскаго корня), перебросившись, вмѣстѣ съ другими, изъ Ѳракіи въ Малую Азію, продвинулось на верховья рѣкъ Галиса и Евфрата и затѣмъ подчинило себѣ населеніе сосѣднихъ странъ, въ томъ числѣ Урарту и Наири, частью поработивъ, частью ассимилировавъ аборигеновъ (народъ *не* индо-европейскаго, по Н. Я. Марру, яфетидскаго корня). Изъ сліянія этихъ двухъ элементовъ: завоевателей фригійцевъ, индо-европейцевъ по происхожденію, и покоренныхъ урартійцевъ, яфетидовъ по происхожденію, и возникла армянская народность, сочетавшая въ себѣ, такимъ образомъ, чисто-восточный элементъ (урартійцы) съ элементомъ западнымъ (фригійцы). Это подтверждается филологическимъ анализомъ армянскаго языка, показаніями античныхъ историковъ, данными археологіи, этнографіи, географіи и, наконецъ, свидѣтельствомъ народныхъ армянскихъ преданій. Мы вправѣ поэтому разсматривать армянскій народъ, въ самомъ его существѣ, какъ западно-восточный, одновременно—и азіатскій и европейскій.

Вся исторія Арменіи могла только усилить это двуединство народнаго духа, такъ какъ армянскій народъ попеременно подвергался разнымъ вліяніямъ, то со стороны своихъ восточныхъ, то—западныхъ сосѣдей. На зарѣ ея исторіи Арменіи суждено было испытать сильное воздѣйствіе персидскаго *иранизма*, такъ какъ она входила, какъ отдѣльная сатрапія, въ составъ державы древне-персовъ (съ VI по конецъ IV в. до Р. Х.) Армянами управляли персидскіе сатрапы, армяне судились по персидскимъ законамъ и участвовали въ персидской арміи; въ народѣ получилъ широкое распространеніе персидскій языкъ и многіе чисто-персидскіе обычаи; наконецъ, въ значительной степени усвоили армяне и національную религію древне-персовъ. Персы—народъ аріо-европейскаго корня; ихъ языкъ принадлежитъ къ семьѣ арійскихъ языковъ. Но держава древне-персовъ была прямой наслѣдницей ассиро-вавилонской (семитической) имперіи. Персы испытали могучее давленіе той семитической культуры, которая сложилась, за нѣсколько тысячелѣтій до нашей эры, въ Передней Азіи, преимущественно въ бассейнахъ

Тигра и Евфрата, включивъ въ себя и элементы культуры Египта, съ которымъ ассиро-вавилоняне были въ постоянныхъ сношеніяхъ. Поддаваясь иранизаціи, армяне восприняли и извѣстную долю культурныхъ началъ Ассиро-Вавилоніи.

Періодъ персидскаго господства оставилъ глубокіе слѣды на всемъ характерѣ армянскаго народа, которые можно, въ слѣдующіе вѣка, слѣдить въ нравахъ, въ вѣрованіяхъ, въ государственномъ строѣ. Персидскій языкъ, напр., былъ настолько распространенъ въ Арменіи, что его знали даже женщины (свидѣтельство Ксенофонта), и несомнѣнно, что еще въ эту раннюю эпоху въ армянскій языкъ проникло множество иранскихъ корней. Армянскій пантеонъ почти совпадалъ съ иранскимъ, и Страбонъ писалъ, что «всѣ святыни персовъ чтутся также и армянами», на что̀ указываютъ самыя имена армянскихъ боговъ: Арамазда, Анаитъ, Тиръ, Михра; были переняты армянами и идеи зароастризма. Дворъ армянскаго царя, съ его офиціальнымъ титуломъ «царь царей», до послѣднихъ временъ былъ сколкомъ съ роскоши персидскаго царскаго двора. Вообще влеченіе къ пышности, великолѣпію, торжественности было въ значительной степени, усвоено армянами подъ воздѣйствіемъ ихъ восточныхъ сосѣдей и, одно время, господъ.

Противовѣсомъ этому вліянію явилось могущественное вліяніе *эллинизма*, который сталъ быстро распространяться на Востокѣ послѣ походовъ Александра Великаго (ум. въ 323 г.), и возникновенія въ Азіи новыхъ полу-греческихъ государствъ. Македонское завоеваніе какъ бы распахнуло двери на Западъ для всей Передней Азіи, которая цѣлыя тысячелѣтія жила обособленной, замкнутой жизнью. Въ теченіе ближайшихъ трехъ столѣтій (съ конца IV до середины I в. до Р. Х.) благотворный духъ Эллады, вѣя надъ Арменіей, во многомъ видоизмѣнилъ идеи, міросозерцаніе и самый характеръ народа. Умирающая Греція передала, какъ многимъ другимъ странамъ, такъ и Арменіи, свои послѣдніе вздохи, оплодотворившіе всю европейскую культуру. Поддаваясь эллинизаціи, армяне тѣмъ самымъ становились причастны безсмертному источнику красоты и мысли, изъ котораго и понынѣ мы почерпаемъ наши лучшіе идеалы.

Результаты эллинизаціи уже опредѣленно сказались въ Арменіи къ эпохѣ Тиграна Великаго (95—56 г. до Р. Х.) и его преемниковъ. По крайней мѣрѣ, высшіе классы армянскаго общества находились тогда подъ несомнѣннымъ греческимъ

вліяніемъ. Армянская архитектура того времени носила отпечатокъ эллинскаго художества; въ армянскихъ храмахъ появились статуи олимпійцевъ, отожествленныхъ съ національными божествами; образованные армяне понимали по-гречески, читали греческихъ писателей, интересовались греческимъ искусствомъ; существовало обыкновеніе—посылать юношей, чтобы закончить ихъ образованіе, въ Аѳины и другіе научные центры Эллады. Мы знаемъ, что ко двору армянскаго царя приглашались эллинскіе риторы, поэты, ученые, художники; что въ столицахъ Арменіи, въ придворномъ театрѣ, исполнялись пьесы великихъ трагиковъ Эллады; что сынъ Тиграна Великаго, царевичъ (впослѣдствіи—царь) Артаваздъ II, самъ писалъ драмы и стихотворенія на греческомъ языкѣ. Глубоко въ массу народа это эллинское вліяніе, повидимому, не проникало, но все же творческое воздѣйствіе его явно выразилось потомъ во всѣхъ проявленіяхъ духовной жизни Арменіи.

Попутно должно отмѣтить, что въ ту эпоху, когда случайности историческихъ судебъ вознесли, одно время, Арменію до высоты настоящей «имперіи», когда владѣнія армянскаго «царя царей» простерлись «отъ Куры до Іордана и отъ горъ Мидійскихъ до Киликійскаго Тавра»,—армянскій народъ принялъ въ себя новую волну восточной стихіи,—*семитической*. Тигранъ Великій и Артаваздъ II доходили въ своихъ завоеваніяхъ до предѣловъ Іудеи и нашли полезнымъ переселить въ свою страну значительное количество евреевъ (армянскіе историки увѣряютъ, что до 100.000 семействъ). Позднѣе нѣкоторыя знатнѣйшія армянскія фамиліи выводили свое происхожденіе именно отъ этихъ іудейскихъ выходцевъ и даже прямо отъ царя Давида Псалмопѣвца. Разумѣется, эта волна эмигрантовъ не могла имѣть существеннаго вліянія на составъ народа, но нѣкоторые слѣды въ его характерѣ оставить могла, какъ и вообще разные другіе народности Малой Азіи, въ тѣ десятилѣтія, когда армянскіе цари-завоеватели совершали свои походы отъ Каспійскаго моря къ Средиземному и отъ береговъ Понта Эвксинскаго до глубинъ Мессопотаміи, когда вновь смѣшивались племена, когда строились новые города (какъ великолѣпная столица Тиграна—Тигранакертъ) и заселялись выходцами съ разныхъ концовъ земли, и когда сокровища, въ томъ числѣ и художественныя, накопленныя вѣками, текли изъ завоеванныхъ странъ въ предѣлы своей властительницы—Арменіи.

Послѣ вступленія Рима въ число азіатскихъ державъ и послѣ распространенія по всему Востоку римскаго могущества, постепенно забиравшаго подъ свою тяжелую руку царства и народы,—Арменія не могла не поддаться новой, сильной волнѣ западнаго вліянія, на этотъ разъ *романизаціи*. Римляне появились въ Азіи въ началѣ II в. до Р. Х. (189 г. битва при Магнесіи), но Арменія долго сопротивлялась римскому воздѣйствію: романизаціи противился эллинизмъ высшихъ классовъ общества и иранизмъ народныхъ массъ. Высшіе классы видѣли въ римлянахъ—варваровъ, поработителей Эллады; народъ тянулъ въ сторону сосѣдней, родственной по обычаямъ и по религіи, Парѳіи, которая во многомъ была преемницей персидской державы. Въ теченіе трехъ столѣтій (отъ середины I в. Р. Х. и до середины III в. по Р. Х.) борьба между Западомъ и Востокомъ, въ Арменіи, воплощалась въ формѣ борьбы «партіи римской» и «партіи парѳской». Потребовались цѣлые вѣка, чтобы романизація достигла успѣховъ въ Арменіи, и нужны были коренные перевороты въ политическихъ отношеніяхъ, чтобы Арменія, уже въ III в. по Р. Х., тѣсно сблизилась съ Римомъ и стала его вѣрной союзницей.

Первоначальныя отношенія между Арменіей и Римомъ были враждебныя. Поступательное движеніе римлянъ на Востокъ грозило утратой самостоятельности всѣмъ мѣстнымъ государствамъ, что вызывало естественныя коалиціи азійскихъ царствъ противъ Рима. Такой коалиціей были и союзы Тиграна Великаго съ Митридатомъ понтійскимъ (Эвпаторомъ) или Артавазда II съ царемъ парѳскимъ Ородомъ. И, въ общемъ, за всѣ три столѣтія, до возникновенія ново-персидской державы, армяне всегда оставались естественными врагами Рима, хотя не разъ, уступая угрозамъ силы, выступали, какъ союзники римлянъ. Римъ не былъ въ силахъ поработить Арменію; медали, выбитыя римлянами съ надписями: «Armenia devicta», «Armenia recepta», «Armenia capta» и т. под., были лишь хвастовствомъ; вассалитетъ Арменіи, котораго добился Римъ, былъ (по признанію Моммсена) «лишенъ внутренняго содержанія»; попытка Траяна обратить Арменію въ римскую провинцію не удалась, не продержалась и года, и т. д. Но удары, которые Римъ наносилъ Арменіи: походы Суллы, Лукулла, Помпея, Антонія, Корбулона и др., обезсилили ее; римляне, дѣйствуя шагъ за шагомъ, принудили Арменію отка-

заться отъ всѣхъ своихъ завоеваній и постепенно замкнули ее въ ея естественныя границы, низвели съ высоты «имперіи» на степень національнаго царства, которое, позднѣе, уже не могло сопротивляться своимъ сильнымъ сосѣдямъ.

При всемъ томъ постоянныя сношенія съ Римомъ, то враждебныя, то дружественныя, неизбѣжно вводили въ Арменію элементы романской культуры. Уже Тигранъ Великій вступилъ въ рядъ «друзей и союзниковъ римскаго народа» и сыну своему завѣщалъ союзъ съ Римомъ, какъ залогъ благополучія царства. Новыя войны съ римлянами привели въ Арменію много военноплѣнныхъ-италійцевъ; за ними послѣдовали римскіе купцы. Антоній, со всей арміей, принужденъ былъ провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Арменіи (37 г. до Р. Х.); Августъ отправилъ въ Арменію особое посольство, во главѣ съ Тиберіемъ Клавдіемъ, будущимъ принцепсомъ (20 г. до Р. Х.); позднѣе съ посольствами являлись— Гай Цезарь, усыновленный Августомъ (1 или 2 г. по Р. Х.) и Германикъ (18 г. по Р. Х.). На армянскій престолъ стали всходить—возводимыя, разумѣется, происками Рима,—лица, получившія римское воспитаніе (Тигранъ V, Тигранъ VI и др.) Царь Тиридатъ (58—59 и 62—107 г. по Р. Х.), послѣ долгой (и, во многихъ отношеніяхъ, побѣдоносной) войны съ римлянами, согласился лично поѣхать въ Римъ и принять армянскую корону изъ рукъ Нерона. Съ Тиридатомъ ѣхало много знатныхъ армянъ; города, по пути, устраивали имъ торжественныя встрѣчи; въ Неаполѣ и въ Римѣ въ честь царя были даны пиры, праздники, представленія въ театрахъ, игры въ циркѣ. Уѣзжая обратно, Тиридатъ повезъ съ собой много италійскихъ художниковъ, мастеровъ, рабочихъ для возстановленія разрушенныхъ, во время войны, городовъ и храмовъ.

Начиная со II в. по Р. Х., культурное вліяніе Рима начинаетъ явственно сказываться въ Арменіи. Это подтверждаютъ и данныя археологіи,—извѣстныя раскопки въ Гарни (древняя Гарнея), гдѣ найденъ храмъ, относящійся къ II—III в. и совпадающій съ формами римской архитектуры того времени. То же вліяніе отразилось въ нѣкоторыхъ деталяхъ другихъ археологическихъ находокъ. Надобно предположить, что распространялось среди армянъ также знаніе латинскаго языка и римской литературы. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что армянскіе юноши, для окончанія образованія, стали ѣздить въ Римъ, какъ раньше ѣздили въ Аѳины. Впрочемъ, армяне могли знакомиться съ ла-

тинскимъ языкомъ и на родинѣ, такъ какъ, въ теченіе всего II в., въ разныхъ армянскихъ городахъ стояли римскіе гарнизоны. Въ предѣлахъ древней Арменіи теперь находятъ не мало латинскихъ надписей; въ одной греческой надписи царя Тиридата (III в.) мѣсяцъ доименованъ латинскимъ названіемъ (февраль), и т. д.

Противовѣсомъ римскому вліянію служила въ Арменіи «парѳская партія», вліяніе которой поддерживало въ народѣ вражду къ Риму, ко всему, идущему съ Запада. Парѳія, во многомъ, была близка Арменіи, такъ какъ сложилась при сходныхъ условіяхъ; между двумя народами, армянами и парѳами, существовали давнія связи родства, общности въ нравахъ, почти единства въ вѣрованіяхъ. Кромѣ того союзъ съ Парѳіей давалъ надежду на сохраненіе политичѣской независимости, тогда какъ сближеніе съ Римомъ означало подчиненіе ему, переходъ въ состояніе вассальной зависимости (что римляне подчеркивали, требуя, чтобы армянскіе цари принимали корону изъ рукъ представителя Рима). Въ серединѣ I в. по Р. Х. парѳамъ удалось возвести на армянскій престолъ свою династію (къ ней принадлежалъ и Тиридатъ I, ѣздившій въ Римъ). Династія скоро національизовалась, но осталась въ родственныхъ отношеніяхъ съ парѳскими царями, что̀ тоже должно было способствовать жизненности, въ Арменіи, началъ, общихъ съ Парѳіей. Стоявшая не на высокой ступени культуры, Парѳія не могла вліять на Арменію въ прямомъ смыслѣ слова, но союзъ и общеніе съ парѳами укрѣплялъ въ армянахъ традиціонные, иранскіе элементы. Такимъ образомъ, въ Арменіи, которая одновременно и романизовалась и влеклась къ своему иранскому сосѣду, оба начала, Запада и Востока, развивались параллельно.

Оріентація Арменіи рѣзко измѣнилась, когда, послѣ паденія парѳскаго царства (около 226 г.), на его мѣстѣ возникла держава ново-персовъ. Сассаниды, занявъ престолъ парѳскихъ царей, опредѣленно порвали съ традиціями своихъ предшественниковъ. Полные мечтами о быломъ величіи персидской монархіи, ново-персы стали стремиться къ тому, чтобы возстановить въ своей землѣ древніе персидскіе обычаи, между прочимъ, и древній зароастризмъ, во всей первоначальной чистотѣ, и воздвигли гоненіе на все парѳское. Естественно, что Сассаниды не могли не смотрѣть недружелюбно на Арменію, гдѣ продолжала царить парѳская династія, свергнутая ими въ Парѳіи. Кромѣ того ново-

персы, съ самаго начала, выказали аггрессивныя стремленія по отношенію ко всѣмъ сосѣднимъ землямъ,—какъ къ пограничнымъ провинціямъ Римской имперіи, такъ и къ Арменіи. Къ этому времени культурное вліяніе Рима въ Арменіи настольно окрѣпло, что сталъ возможенъ тѣснѣйшій союзъ армянъ съ римлянами противъ общаго врага. И въ теченіе слѣдующаго столѣтія во всѣхъ войнахъ, какія вела имперія противъ Персіи и которыя, въ сущности, были единой непрерывной войной (растянувшейся потомъ на рядъ вѣковъ), армяне всегда выступали на сторонѣ римлянъ, какъ ихъ вѣрные союзники.

Связь Арменіи съ Римомъ еще болѣе усилилась, когда армянскій царь Тиридатъ III Великій принялъ, со всѣмъ народомъ, крещеніе (295, 299 или 301 г.), и христіанство стало официальной религіей армянъ. Принявъ христіанство, которое глубоко проникло въ душу народа, армяне окончательно связали себя съ міромъ Запада, съ христіанскимъ міромъ Европы. Въ продолженіи всѣхъ слѣдующихъ вѣковъ они оставались вѣрны своей религіи и не поддались проповѣди ислама, который позднѣе властно подчинилъ себѣ большинство народовъ Передней Азіи. Христіанство вырыло непреодолимую пропасть между армянами и персами. Однако, прозелитизмъ новообращенныхъ и политическій союзъ съ Римомъ не означалъ для Арменіи полнаго разрыва съ Востокомъ. Восточныя начала поддерживались въ Арменіи этого времени воздѣйствіемъ христіанской Сиріи, откуда армяне и приняли новое ученіе. Сирійское вліяніе, позднѣе, явственно отразилось на первыхъ этапахъ армянской литературы и на памятникахъ древнѣйшаго церковнаго строительства въ Арменіи.

Какъ извѣстно, римляне весьма дурно отплатили армянамъ за ихъ вѣрность. Императоръ Іовіанъ, заключивъ съ Персіей позорный миръ, предоставилъ на разгромъ персамъ Арменію, и она не могла, конечно, сопротивляться державѣ, борьба съ которой оказалась не подъ силу и Риму. Позднѣе же (конецъ IV и начало V в.) римская имперія и персы прямо подѣлили между собою Арменію, такъ что, въ теченіе двухъ столѣтій (до начала VII в.), она оставалась разрѣзанной на двѣ части, византійскую и персидскую. Границы этихъ половинъ постепенно мѣнялись, такъ какъ завоеванія отдѣльныхъ византійскихъ императоровъ, Юстиніана, Маврикія, Ираклія и др., вырывали у персовъ отдѣльныя армянскія области, присо-

единяемыя къ имперіи. Но общее положеніе дѣлъ оставалось неизмѣннымъ. Эти двѣ Арменіи стали какъ бы двумя очагами, въ которыхъ разгорались и крѣпли основныя начала армянской жизни: въ византійской—западныя, въ персидской—восточныя.

Византійскіе императоры сознательно стремились къ *романизаціи* (по терминамъ того времени, т.-е. эллинизаціи) своей части Арменіи: вводили въ ней обще-имперскую администрацію, объявляли государственнымъ языкомъ—греческій, способствовали распространенію греческой литературы, византійскаго искусства и т. д.; наконецъ принимали мѣры, вплоть до насильственныхъ, къ сближенію армянской церкви (весьма рано обособившейся) съ византійской. Въ персидской Арменіи, по мѣткому выраженію историка Елисея (Егише), «царство перешло къ нахарарамъ» т.-е. владѣтельнымъ князьямъ, которые собирали подати, выставляли въ персидскую армію опредѣленный контигентъ войска, но во внутреннихъ дѣлахъ распоряжались самостоятельно (что повело къ утвержденію феодализма). Въ этой части Арменіи развивались начала національныя, *иранскія*, не говоря уже о томъ, что нѣкоторое вліяніе на жизнь народа не могли не получить и ставшіе владыками—персы (ирано-сассанидскія черты въ армянской архитектурѣ).

Успѣхи того и другого вліянія можно прослѣдить на рядѣ историческихъ фактовъ. Въ V в. возникла и стала быстро развиваться національная армянская литература, послѣ изобрѣтенія свв. Саакомъ и Месропомъ армянскаго алфавита. Первоначально, армянская литература опредѣленно подпала подъ сирійское вліяніе, и, какъ полагаютъ, первый переводъ книгъ Святого Писанія былъ сдѣланъ на армянскій языкъ съ сирійскаго (впослѣдствіи—исправленный по греческому тексту). Но съ VI в. въ армянской литературѣ проявляется, въ сильнѣйшей степени, вліяніе греческое. Армяне переводятъ на свой языкъ громадное количество греческихъ книгъ: сочиненія по философіи, богословіи, риторикѣ, исторіи, грамматикѣ и по точнымъ наукамъ, какъ математика, астрономія, медицина, географія и т. под. Весь этотъ періодъ въ армянской литературѣ носитъ названіе эпохи эллинистовъ. Своего расцвѣта движеніе достигаетъ въ VII в., когда даже самый армянскій языкъ приспосабливается, въ книгахъ, къ формамъ греческаго языка, обогащаясь новыми реченіями, новыми оборотами рѣчи, новой разстановкой словъ, порой искусственной. У писателей—элли-

нистовъ замѣтно и желаніе воспринять лучшія стороны греческой литературы: пытливость мысли, аналитическое отношеніе къ трактуемому предмету, точность и ясность изложенія.

Параллельно этому, въ армянскомъ народѣ несомнѣнно существовала партія, тянувшая въ сторону сближенія съ персами. Представители ея вербовались преимущественно въ высшемъ слоѣ общества, особенно среди владѣтельныхъ князей, которымъ политическія отношенія къ Персіи давали различныя преимущества. Традиція (по новымъ изслѣдованіямъ—несправедливая) обвиняетъ, напр., въ симпатіяхъ къ персамъ Васака, бывшаго правителемъ персидской Арменіи въ эпоху возстанія 451 г. и отказавшагося примкнуть къ народному движенію. Во время войнъ Юстиніана, часть армянъ добровольно дѣйствовала на сторонѣ персовъ. Въ армянскихъ областяхъ, присоединенныхъ Юстиніаномъ къ имперіи, вспыхнуло возстаніе, имѣвшее цѣлью—вернуть эти области Персіи, и т. д. Эти факты и преданія, несмотря на рядъ открытыхъ выступленій (возстаній) противъ персидскаго гнета, какъ Вартана Великаго (451 г.), Ваана Мамиконида (484 г.), Варта (511 г.), другого Вартана (571 г.) и др., свидѣтельствуютъ о наличности среди армянъ партіи, которая чувствовала связь и сродство Арменіи съ Восточнымъ міромъ.

Арабское завоеваніе (середина VII в.) объединило всѣ армянскія области подъ властью халифата. Слѣдствіемъ этого была утрата Арменіей той связи съ Западомъ, которая поддерживалась черезъ Византію, и четыре столѣтія послѣ того армянская культура развивалась преимущественно подъ воздѣйствіями восточными. Непосредственное владычество арабовъ въ Арменіи продолжалось приблизительно два столѣтія (отъ 652 г. по 861 или 885 г.), но зависимость армянскихъ земель отъ халифата постепенно ослабѣвала (что показываетъ уменьшеніе дани, которой были обложены армяне: съ 13 милліоновъ диргемъ въ VIII в. на 8 милл., потомъ 4 милл. въ IX в. и менѣе 2 милл. въ X в.). Ослабленіе халифата повело къ тому, что армянскія феодальныя владѣнія постепенно превратились въ полунезависимыя армянскія «царства» и «княжества», изъ которыхъ самое значительное было царство Багратидовъ (съ 885 г.), со столицею въ Ани. Просуществовавшее также два вѣка (послѣдній Багратидъ, Гагикъ II, былъ убитъ въ 1079 г.), Багратидское царство развивалось въ обособленности отъ Западнаго міра, отъ новой Европы, въ которой скла-

дывалась тогда (IX—XI в.) своеобразная средневѣковая культура. Во всемъ Багратидскомъ періодѣ мы не находимъ значительныхъ слѣдовъ воздѣйствія Западной Европы и, напротивъ, видимъ не мало чертъ, проникшихъ съ мусульманскаго Востока. Правда, связь съ Византіей возстановилась, но она сама къ этому времени во многомъ поддалась восточнымъ вліяніямъ.

Эти двѣ эпохи,—арабскаго владычества и царства Багратидовъ,—характеризуются рѣшительнымъ преобладаніемъ въ армянской жизни и въ армянскомъ искусствѣ восточныхъ, азіатскихъ началъ. Въ архитектурѣ византійскія формы, господство которыхъ относится къ VII—VIII в., понемногу уступаютъ вліянію арабскаго архитектурнаго стиля, который сначала подчинилъ себѣ свѣтскія постройки, а потомъ коснулся и храмовъ. Мусульманское вліяніе сказывается и въ нѣкоторыхъ чертахъ армянской миніатюры. Въ литературѣ распадается школа эллинистовъ, и писатели начинаютъ искать своего собственнаго стиля. Возможно, что въ поэзію уже въ эту эпоху проникаютъ нѣкоторыя формы персидской и арабской лирики. Къ концу періода восточныя начала начинаютъ живо чувствоваться во всѣхъ сферахъ культурной жизни. Но Арменію ждалъ новый обновляющій притокъ идей съ Запада.

Багратидское царство и другія армянскія «царства» и «княжества» на Сѣверѣ распались и были поглощены Византіей (начало XI в.). Вскорѣ затѣмъ всѣ эти области были захвачены новыми завоевателями, тюрками-сельджуками (паденіе Ани 1071 г.). Однако, армянская самостоятельность не погибла подъ этими ударами. Она возродилась на Югѣ, въ Киликіи, гдѣ армянскими выходцами, во главѣ съ князьями Рубенидами, было основано Киликійское царство,—сначала маленькое баронство, потомъ обширное и значительное государство. Это Киликійское царство просуществовало три столѣтія (приблизительно съ 1080 г. по 1375 г.). Въ то же время, на Сѣверѣ, коренныя армянскія области также добились освобожденія отъ тюркскаго гнета, при содѣйствіи единовѣрной Грузіи (начало XII в.) Въ области Ани стали правителями, подъ грузинскимъ сюзеренитетомъ, князья Долгорукіе (Иванъ и Захарія и ихъ потомки); въ сосѣднихъ областяхъ—другіе армянскіе княжескіе дома. Эти полунезависимыя княжества (Долгорукихъ именовали тогда и «царями») продержались до походовъ Тамерлана (XIV в.) и завоеваній турокъ-османовъ (XV в.)

Въ Киликійскомъ царствѣ произошло сближеніе армянъ съ Западной Европой. На самой зарѣ его существованія киликійскіе армяне вступили въ сношенія съ крестоносцами, путь которыхъ лежалъ черезъ Киликію. Впослѣдствіи эти сношенія съ Европой не прерывались, но развивались шире. Рубениды, получившіе королевскій титулъ въ 1198 г. отъ папы и германо-римскаго императора, и ихъ преемники связали себя съ владѣтельными домами Запада длиннымъ рядомъ брачныхъ союзовъ. До насъ дошла разнообразнѣйшая переписка королей Киликіи съ европейскими государями и папами (на латинскомъ языкѣ). Обширная торговля Киликіи привела въ нее выходцевъ со всѣхъ концовъ міра, и всѣ большіе города Европы имѣли въ киликійскихъ центрахъ свои колоніи и факторіи. Одинъ документъ, относящійся къ царствованію Левона V (середина XIV в.), перечисляетъ въ киликійской гавани суда изъ Генуи, Венеціи, Нима, Монпелье, Севильи, Брюгге, Лондона, Мессины, съ Майорки, съ Крита... Государственный строй Киликіи совпадалъ съ формами западнаго феодализма. Ученые Сиса (столицы Киликіи) именовали себя «докторами». Одинъ изъ киликійскихъ писателей, Нерсесъ Ламбронскій (XII в.), жаловался что «населеніе *заимствуетъ у франковъ* любовь къ благамъ временнымъ, также какъ и много прекрасныхъ вещей» и т. под.

Параллельно этому въ областяхъ древней Арменіи происходило дальнѣйшее объединеніе армянской культуры съ опредѣлявшейся культурой мусульманскаго Востока. Въ позднѣйшихъ строеніяхъ, обнаруженныхъ раскопками въ Ани, всего больше мотивовъ арабскаго зодчества. Остатки дворцовой обстановки и домашняго обихода свидѣтельствуютъ о развитіи чисто-«восточной» пышности. Хотя съ Киликіей сѣверная Арменія находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ, обособленное положеніе все же дѣлало ее естественнымъ членомъ восточной семьи государствъ. Культура новой Персіи и Грузіи должна была, въ этотъ періодъ, гораздо живѣе вліять на древнюю Арменію, нежели Западная Европа, вліяніе которой могло доходить лишь черезъ посредство Киликіи. Три столѣтія отдѣльнаго существованія Киликійскаго царства и царства Долгорукихъ завершили процессъ тысячелѣтій: западные и восточные элеманты, въ разныхъ формахъ и проявленіяхъ, были восприняты ремянскимъ народомъ. Историческія судьбы словно озаботились,

чтобы то и другое вліяніе имѣли свои преимущественныя эпохи и свои центры воспріятія.

Монгольское нашествіе и завоеваніе турокъ-османовъ положили конецъ самостоятельности Арменіи. Послѣ того три столѣтія (XVI, XVII и XVIII) всѣ армянскія области томились подъ мусульманскимъ игомъ. Безпримѣрныя опустошенія во время походовъ Чингизъ-хана, Ленктимура (Тамерлана) и турокъ-османовъ, истребительная политика турецкихъ султановъ и персидскихъ шаховъ и кровавыя войны между Турціей и Персіей, ареной которыхъ большею частью была Арменія— надолго загасили свѣточъ армянской культурной жизни. Но 2-тысячелѣтняя культура, конечно, не могла погибнуть. Новыми ея носителями, положившими начало армянскаго возрожденія, явились армянскія *колоніи*, богато расцвѣтшія во всѣхъ большихъ центрахъ Европы, отчасти Америки и Азіи. Въ колоніяхъ были основаны, между прочимъ, первыя армянскія типографіи и зародилась новая армянская литература. По самому своему положенію армянскія колоніи въ Европѣ (въ Венеціи, Вѣнѣ, Амстердамѣ, Парижѣ и др. городахъ) способствовали проникновенію въ среду армянъ европейскихъ идей. Въ то же время въ самой Арменіи, силой вещей, въ массу порабощеннаго армянскаго народа просачивались обычаи, вѣрованія и уклады жизни мусульманскаго міра. Такимъ образомъ, и въ эти тягостные вѣка работа тысячелѣтій продолжалась.

Съ начала XIX в. часть армянскихъ областей перешла подъ скипетръ Россіи. Этимъ для части армянъ была открыта возможность для мирнаго развитія народныхъ силъ и новой культурной жизни. Зародилась новая армянская литература и былъ выработанъ новый литературный языкъ, называемый *ашхарапаръ*—въ отличіе отъ древняго классическаго *грапара*. Однако, и въ этомъ возрожденіи сказалась вѣковая разъединенность армянъ: на Западѣ и на Востокѣ (въ Россіи) въ основу новаго литературнаго языка были положены различныя нарѣчія: константинопольское—у западныхъ армянъ, араратское—у русскихъ. Сообразно съ этимъ ново-армянская литература пользуется двумя, нѣсколько отличающимися одно отъ другого, нарѣчіями. Помимо того и самое развитіе ново-армянской литературы шло въ двухъ теченіяхъ, — западномъ (въ Европѣ) и восточномъ (въ Россіи), что повело къ образованію двухъ основныхъ литературныхъ школъ, получившихъ названіе: *школы турецкихъ*

и *русскихъ армянъ.* Въ этомъ раздѣленіи можно видѣть послѣдній отголосокъ извѣчной борьбы въ Арменіи двухъ началъ,—Запада и Востока.

Вліяніе яфетидовъ и арійцевъ, Персіи и Эллады, Парѳіи и Рима, Ново-Персіи и Византіи; арабы и царство Багратидовъ, Анійское княжество Долгорукихъ и Киликійское царство, Арменія подъ мусульманскимъ игомъ и армянскія колоніи въ Европѣ; школы турецкихъ и русскихъ армянъ въ новой литературѣ,—таковы, въ схематическомъ изображеніи, тѣ этапы, которые характеризуютъ взаимодѣйствіе Востока и Запада, Азіи и Европы въ Арменіи. Если исторической миссіей армянскаго народа должно признать исканія синтеза этихъ двухъ извѣчно противоборствующихъ началъ, то армянская литература должна отразить въ себѣ этапы этихъ исканій. И, прежде всего, отразить эту борьбу разнородныхъ элементовъ и первыя попытки ихъ гармоническаго примиренія должна лирика, какъ голосъ народной души.

2.

Двуединство армянскаго народнаго характера даетъ ключъ къ армянской народной поэзіи.

Существуетъ армянская народная сказка, повидимому, весьма древняго происхожденія. Когда-то, — разсказываетъ сказка,—розу любила птичка *булбулъ* и воспѣвала розу лучше всѣхъ другихъ птицъ; никакая птица не могла сравниться съ булбуломъ въ искусствѣ пѣсни. Но пришло такое время, что прилетѣла другая чужеземная птица, въ армянской сказкѣ: *іадонъ*, и этотъ іадонъ тоже полюбилъ розу и сталъ ее воспѣвать еще лучше, такъ что булбулъ долженъ былъ улетѣть и его пѣсни забылись. *Булбулъ* по-армянски значитъ—соловей: слово это заимствовано изъ персидскаго языка; но *іадонъ* тоже значитъ—соловей: это—искаженное греческое слово ἀηδών (аидонъ, съ перестановкой двухъ первыхъ буквъ). Въ народной сказкѣ, слѣдовательно, символически изображена смѣна двухъ вліяній—персидскаго и эллинскаго, восточнаго и западнаго. Въ народной армянской пѣснѣ тѣ же вліянія сказались въ сочетаніи восточной яркости, пестроты съ западной сдержанностью, стройностью.

Опредѣлить время, когда возникли тѣ или другія пѣсни, большею частью, невозможно. Лишь нѣкоторыя удается прі-

урочить къ извѣстной эпохѣ, или потому что онѣ дошли до насъ въ памятникахъ извѣстнаго времени (такъ, нѣсколько древнѣйшихъ народныхъ пѣсенъ сохранили намъ Моисей Хоренскій, Григорій Магистръ и др.), или потому, что пѣсня явно относится къ извѣстному историческому событію (такова пѣсня о плѣненіи короля Левона, новыя пѣсни о Зейтунскомъ возстаніи и т. под.) Самое содержаніе пѣсни и даже языкъ, на которомъ она сложена, не всегда даютъ точное указаніе на время ея возникновенія, потому что новыя поколѣнія нерѣдко приспосабливали старую пѣсню къ своимъ воззрѣніямъ и къ своему говору (вставляли, напр., на мѣсто именъ языческихъ боговъ—имена Христа, Богоматери, Григорія Просвѣтителя, святыхъ и замѣняли обветшалыя слова и выраженія болѣе обычными въ данные годы). Поэтому народную пѣсню,—у армянъ, какъ у другихъ народовъ,—приходится разсматривать, какъ итогъ всей исторической жизни народа. Поколѣніе за поколѣніемъ, вѣкъ за вѣкомъ производили свою критическую работу: пѣсня, менѣе удовлетворявшая эстетическія требованія, забывалась; пѣсня, нравившаяся новому вѣку, какъ нравилась она отцамъ и дѣдамъ, укрѣпилась въ народной памяти. Такимъ «естественнымъ отборомъ» вырабатывался нѣкій канонъ, создавался особый ковчегъ пѣсенъ, гдѣ хранилось все, казавшееся народу особенно близкимъ, дорогимъ и нужнымъ. Уцѣлѣвшія на протяженіи вѣковъ народныя пѣсни—не свидѣтельства отдѣльныхъ увлеченій того или другого періода, но общее выраженіе народнаго духа.

До сихъ поръ нѣтъ всеобъемлющаго собранія армянскихъ народныхъ пѣсенъ, какое успѣли, напр., составить (не говоря о первенствующихъ народахъ) латыши или финны. Условія исторической жизни всячески препятствовали собиранію матеріала; понынѣ армянскіе фольклористы продолжаютъ находить и записывать неизвѣстные еще образцы народнаго творчества (пищущій эти строки самъ былъ свидѣтелемъ такихъ записей въ Тифлисѣ, въ началѣ 1916 года). Но собраннаго, какъ въ научныхъ изданіяхъ (надъ чѣмъ въ послѣдніе годы особенно много потрудился проф. К. Костаньянцъ), такъ и въ популярныхъ «пѣсенникахъ» («ергаранъ» и «тагаранъ»), достаточно, чтобы дать понятіе объ особомъ, исключительномъ богатствѣ армянской народной лирики. «Въ каждомъ армянинѣ есть поэтъ», утверждаетъ старинная поговорка, и она оправдывается сборни-

ками армянскихъ пѣсенъ. Обладая обычными достоинствами народнаго творчества,—безыскусственностью, непосредственностью, мѣткостью эпитетовъ,—армянская пѣсня поражаетъ кромѣ того особой изысканностью словеснаго выраженія, несвойственной, напр., пѣснѣ славянской. Знакомясь съ армянскими пѣснями, порой едва вѣришь, что это не тонко обдуманныя созданія какого-нибудь позднѣйшаго поэта, искушеннаго въ стихотворной техникѣ, пока не узнаешь, что всѣ эти пѣсни понынѣ поетъ народъ на плоскогорьяхъ подъ Араратомъ, въ долинахъ Аракса, въ горныхъ деревняхъ древней Айастанъ и еще недавно, до послѣднихъ трагическихъ дней, пѣлъ на побережьяхъ Вана.

Въ армянской народной пѣснѣ нѣтъ суровости пѣсенъ скандинавскихъ, вскормленныхъ холоднымъ моремъ и свинцовымъ небомъ: въ ней дышитъ знойность Юга и роскошь Востока. Нѣтъ въ армянской пѣснѣ заунывности и наивности пѣсенъ русскихъ, сложенныхъ во дни младенчества нашего народа: въ ней чувствуется бо̀льшая зрѣлость народа, съ самой колыбели брошеннаго въ среду культурнѣйшихъ націй земли. Нѣтъ въ армянской пѣснѣ и грубости германскихъ пѣсенъ, часто отталкивающихъ своей цинической откровенностью: она заимствовала утонченность мысли и изысканность чувствованій у своихъ восточныхъ сосѣдей. Въ то же время армянской пѣснѣ чужда преувеличенная чувственность восточныхъ народныхъ пѣсенъ: арійская кровь и эллинская школа наложили спасительную узду на восточный разгулъ фантазіи. При всей своей страстности, армянская пѣсня—цѣломудренна; при всей пламенности,—сдержана въ выраженіяхъ. Это—поэзія, по-восточному цвѣтистая, по-западному мудрая, знающая скорбь безъ отчаянья, страсть безъ изступленія, восторгъ, чуждый безудержности: не пѣсня персидскаго гаремнаго владыки, но вздохъ влюбленнаго, поджидающаго свою милую на свиданіе; не призывъ Магомета—«ведите въ плѣнъ младыхъ рабынь!»—но благословеніе матери сыну, идущему на правый бой; не покорный стонъ вдовы индуса передъ погребальнымъ костромъ, на которомъ ей предстоитъ обуглиться вмѣстѣ съ трупомъ, но полный христіанскаго смиренія плачъ жены на могилѣ любимаго мужа. А особое изящество формъ и оригинальность подхода къ каждому замыслу позволяетъ назвать армянскую народную поэзію пѣснями народа-художника.

Народныя пѣсни, переведенныя въ этомъ сборникѣ, должны подтверждать сказанное выше, поскольку переводъ можетъ передать очарованіе народнаго творчества. Какъ ни накладываетъ властно національность свою печать на созданія поэта, все же въ «искусственной» поэзіи всѣхъ народовъ и эпохъ есть нѣчто общее, нѣкоторая всемірная художественная культура, чтò позволяетъ пересоздавать стихи на другомъ языкѣ. Въ народной пѣснѣ—все, начиная съ языка, своеобразно, единственно, неповторимо. Не довольно сохранить содержаніе, мысли, образы: при всей точности перевода можетъ отлетѣть что-то невыразимое, составляющее основную прелесть народной пѣсни. Все же можно обратить вниманіе читателей на такія вещи, какъ «Ноктюрнъ» (названіе, конечно, позднѣйшее, данное собирателями), очарованіе котораго въ той сдержанности, съ какой народный пѣвецъ передаетъ пламенную роскошь южной ночи;—на любовную пѣсню: «О, злая, съ черной красотой...», въ которой утонченность самаго построенія, особаго рефрена съ повтореніемъ только-что сказанныхъ словъ, сдѣлала бы честь любому мастеру стиха нашихъ дней;—на маленькую, записанную на берегу Вана, пѣсенку: «Ахъ, раствориться и стать водой...», гдѣ въ семи строкахъ цѣлое море нѣжности и гдѣ поражаетъ именно неожиданный подходъ къ столь, казалось бы, избитому сюжету. Далѣе нельзя не указать на своеобразіе «обрядовой» свадебной пѣсни, «Царю что дамъ я...», гдѣ пѣвецъ оставилъ себѣ въ каждомъ четверостишіи лишь по одному стиху (остальные—повторенія) и, при такомъ ограниченіи художественныхъ средствъ, достигаетъ величайшаго разнообразія;—на сходное построеніе пѣсни: «Вновь прилетѣли тѣ птицы...»;—на пѣсни колыбельныя и похоронныя;—на веснянки-«джанъ-гюлюмы»; и, наконецъ, на складъ, на манеру всѣхъ другихъ, представляющихъ такое разнообразіе замысловъ и напѣвовъ!

Лирика въ армянскомъ народномъ творчествѣ господствуетъ, но только оригинальностью своихъ созданій. Рядомъ съ пѣснями армянскій народъ создалъ не мало стиховъ повѣствовательныхъ (историческихъ, на темы религіозныя и иныхъ) и сказокъ. Особый интересъ представляютъ они для этнографа, такъ какъ отражаютъ нравы, вѣрованія и народный духъ разныхъ эпохъ. Въ единую эпопею, подобную «Иліадѣ» и «Одиссеѣ» или «пѣснѣ о Нибелунгахъ», армянскія народныя поэмы не спаялись. Къ тому же древнѣйшія изъ нихъ, отрывки изъ кото-

рыхъ приводилъ Моисей Хоренскій, утеряны. Тѣ, которыя дошли до насъ, всѣ относятся уже къ эпохамъ послѣ принятія христіанства и притомъ, сравнительно, позднимъ. Наиболѣе популярна поэма о Давидѣ Сасунскомъ (Сасунское княжество процвѣтало одновременно съ Анійскимъ княжествомъ Долгорукихъ, т.-е. въ XIII—XIV в.) Давидъ—олицетвореніе народныхъ идеаловъ, герой безмѣрно сильный, неустрашимо храбрый, глубоко цѣломудренный, непоколебимо честный, до конца правдивый. Но въ поэмѣ придана Давиду и комическая черта, оттѣняющая его благородство: наивная простота, въ которую переходитъ его прямодушіе и которая нерѣдко доводитъ героя до самыхъ опасныхъ положеній; кромѣ того Давидъ—косноязыченъ, способенъ увлекаться, порой совершаетъ явные промахи,—все это сообщаетъ образу жизненную правдивость. Рядомъ съ Давидомъ очертанъ въ поэмѣ рядъ другихъ лицъ, въ характеристикѣ которыхъ также соединены свѣтлыя и темныя черты, напр., дядя Давида—Óванъ; даже въ «злодѣѣ» поэмы, великанѣ Мысрамеликѣ, мелькаетъ кое-что привлекательное. Поэма живо изображаетъ бытъ своего времени, княжескія усобицы конца среднихъ вѣковъ и гнетъ надвигавшихся мусульманъ. Несомнѣнно, «Давидъ Сасунскій» созданъ не безъ сильнаго воздѣйствія персидскаго эпоса (образъ Рустема и др.), но армянскіе сказители внесли въ поэму и свои черты, напр., ослабили чрезмѣрности восточныхъ образовъ. Въ нашемъ сборникѣ, какъ образцы народнаго армянскаго эпоса, мы даемъ значительную часть поэмы «Давидъ Сасунскій» (варіантъ Манука Абэгіана) и сказку о «Владыкѣ Асланѣ», въ которой чисто-восточный сюжетъ обработанъ въ христіанскомъ духѣ.

Народная поэзія была въ Арменіи, какъ мы видимъ то и у другихъ народовъ, поэзіей устной: ея созданія хранились въ памяти народа. Поэзія искусственная могла возникнуть только съ распространеніемъ письменности, которая въ Арменіи утвердилась сравнительно поздно. Традиція приписываетъ изобрѣтеніе армянской азбуки свв. Месропу и Сааку, въ V в. по Р. Х. Существовала ли до той поры армянская письменность (которая могла пользоваться алфавитомъ греческимъ или сирійскимъ), вопросъ спорный; повидимому, существовала, но до насъ не дошло никакихъ, или почти никакихъ, ея слѣдовъ. Мы знаемъ, что древнѣйшіе армянскіе писатели пользовались иностранными языками, писали, или по-гречески, какъ старѣйшій изъ нихъ,

царь Артавраздъ II, и какъ нѣсколько позднѣйшихъ, чьи сочиненія дошли до насъ, Агаѳангелъ (Агатангехосъ, IV в.), Фавстъ Византійскій (Павстосъ Бюзандаци IV в.) и др., или по-сирійски какъ (можетъ быть) Зенобъ Глакъ (IV в.). Послѣ изобрѣтенія письменъ возникаетъ національная литература на родномъ языкѣ, но уже ея быстрый расцвѣтъ заставляетъ предположить, что ей предшествовали созданія армянскихъ писателей не только на чужихъ языкахъ. Современная наука отказывается допустить, чтобы одинъ и тотъ же вѣкъ видѣлъ и самое рожденіе армянской письменности и ея богатое цвѣтеніе, выразившееся въ превосходномъ переводѣ Святого Писанія (который однимъ западнымъ критикомъ названъ «царицей переводовъ») и въ послѣдовавшемъ затѣмъ «золотомъ вѣкѣ» армянской литературы. Предполагаютъ поэтому, что еще до изобрѣтенія письменъ существовали зачатки армянской письменной литературы, пользовавшейся или иностраннымъ, или своимъ, но несовершеннымъ алфавитомъ (на что̀ есть намеки у различныхъ авторовъ той эпохи). Но вся эта древнѣйшая письменность погибла, и для насъ армянская литература начинается не ранѣе, какъ съ V в. по Р. X.

Эпоха, въ которую армянская литература возникла, характеризуется въ Арменіи, какъ, впрочемъ, и въ большинствѣ другихъ странъ, преобладающимъ вліяніемъ идей христіанства. То было начало среднихъ вѣковъ, когда складывалось средневѣковое міросозерцаніе, полагавшее въ основу религіозное отношеніе къ міру и тотъ взглядъ, что этотъ міръ есть юдоль грѣха, скорби и скверны, а истинная жизнь начинается за гробомъ. Средневѣковое міросозерцаніе осуждало всѣ земныя радости и подлиннымъ благомъ считало лишь радости духовныя, прежде всего радости молитвы, богопознанія и, какъ ихъ увѣнчаніе, экстатическое сліяніе съ Божествомъ. Схоластика и мистика таковы два основныхъ начала всей духовной жизни средневѣковья, опредѣлившія пути науки и искусства. Поскольку духовная жизнь Арменіи двигалась въ направленіи духовной жизни Запада, постольку тѣ же начала предопредѣлили духъ ранней армянской литературы, въ которой властно выразился элементъ религіозный и которая ктому же была вовлечена въ догматическіе споры, свойственные всему христіанскому Востоку. Благодѣтельнымъ противодѣйствіемъ такому одностороннему направленію явилось вліяніе классической греческой литературы, которая съ того же V в. стала распространяться въ Арменіи

въ многочисленныхъ переводахъ, и въ VII в. вызвала появленіе «школы эллинистовъ». Этому эллинскому вліянію ранняя армянская литература обязана многими изъ своихъ лучшихъ созданій, особенно въ ряду историческихъ трудовъ, не исключая и книги Моисея Хоренскаго (на которомъ сказалось, между прочимъ, вліяніе Гомера).

Весьма вѣроятно, что оба указанныхъ вліянія отразились и въ ранней армянской поэзіи. На ряду съ религіозными гимнами, надо предполагать, писались въ Арменіи и стихи, образцами для которыхъ были греческія и латинскія антологіи или поэмы Гомера, Вергилія и александрійскихъ эпиковъ. До насъ, однако, дошла только одна струя этой ранней поэзіи: религіозная, и о существованіи второй мы должны лишь догадываться. Всѣ «свѣтскія» поэмы того времени (что таковыя были, намъ кажется несомнѣннымъ) утрачены; сохранились только «духовныя» благодаря тому, что извѣстная часть ихъ была принята для церковнаго употребленія. Именно церковь сберегла для будущихъ вѣковъ цѣлый многовѣковый періодъ армянской лирики, составивъ особый канонъ лучшихъ стихотвореній разныхъ авторовъ, и своимъ высшимъ авторитетомъ утвердивши за этими стихами право на всеобщее вниманіе. Сохранилось также и небольшое число стихотвореній внѣ этого канона, главнымъ образомъ потому, что авторами ихъ признавались тѣ же лица, которымъ были приписаны и гимны, одобренные церковью.

Сборникъ, въ которомъ дошли до насъ древнѣйшія религіозныя армянскія пѣсни, называется *Шараканъ*. Полагаютъ, что это слово—семитическаго происхожденія и вошло въ армянскій языкъ лишь къ XII в.; имъ означается «духовная пѣснь» и, въ смыслѣ собственнаго имени, та книга, гдѣ эти пѣсни соединены. Редакція «Шаракана», извѣстная нынѣ, выработана, повидимому, лишь въ XIV в., но ей предшествовали болѣе раннія. Такъ есть извѣстія, что сборникъ духовныхъ пѣсенъ, прототипъ будущаго «Шаракана», былъ составленъ и одобренъ церковнымъ соборомъ еще въ VII в. Въ современномъ видѣ «Шараканъ» обнимаетъ религіозныя пѣсни, слагавшіяся на протяженіи 8 столѣтій, при чемъ традиція приписываетъ эти пѣсни двумъ группамъ поэтовъ: древнѣйшимъ, отъ V до VIII в., въ томъ числѣ—св. Месропу и Сааку (V в.), Іоанну Мандакуни (V в.), Моисею Хоренскому (V в., по новымъ изслѣдованіямъ жилъ гораздо позднѣе), католикосу Комиту (VII в.), Барсегу

Тчону (VII в.), Іоанну философу (VIII в.), и болѣе новымъ отъ XI до XIII в., въ томъ числѣ—Григорію Мартирофилу (XI в.), Нерсесу Благодатному (XII в.), Нерсесу Ламбронскому (XII в.), Іоанну Ерзынкайскому (XIII в.) и др., всего же 18 авторамъ. При всей научной спорности этихъ традиціонныхъ аттрибуцій, несомнѣнно, что въ «Шараканѣ» имѣются наслоенія разныхъ эпохъ, и гимны, приписываемые древнѣйшимъ слагателямъ, отличаются отъ позднѣйшихъ, какъ по языку, такъ по общему складу. Въ болѣе древнихъ преобладаютъ стихи, впрочемъ не подчиненные опредѣленной метрикѣ; въ болѣе новыхъ—кадансированная проза, богатая различными звуковыми украшеніями (аллитераціями и т. п.).

Изслѣдователь (и переводчикъ на русскій языкъ) «Шаракана», Н. Эминъ, отмѣчаетъ, что въ болѣе древнихъ пѣсняхъ «читателя поражаютъ—простота формы, ясность содержанія, оригинальность образовъ и торжественность тона». Качествами этими особенно выдѣляются пѣсни, приписываемыя авторамъ V вѣка. Содержаніемъ такихъ раннихъ шаракановъ служатъ, по большей части, эпизоды изъ земной жизни Спасителя. Напомнивъ, въ краткихъ словахъ, то или иное евангельское событіе, поэты затѣмъ изливаютъ свои чувства въ смиренномъ, покаянномъ сокрушеніи о грѣхахъ или въ восторженномъ гимнѣ, славящемъ конечное торжество истины. Почти всѣ эти пѣсни очень кратки; ихъ образы заимствованы изъ Святого Писанія; поэтическое значеніе этихъ гимновъ—въ подлинномъ религіозномъ одушевленіи авторовъ. Въ нашемъ сборникѣ ранніе шараканы представлены нѣсколькими отрывками, приписываемыми св. Месропу и Іоанну I Мандакуни.

Пробѣлъ между ранними и позднѣйшими гимнотворцами заполняютъ стихотворенія, не включенныя въ «Шараканъ», но пользующіяся огромной популярностью среди армянъ,—Григорія Нарекскаго, автора X в. (951—1003 г.), жившаго въ царствѣ Багратидовъ. Григорій Нарекскій, сынъ выдающагося писателя Хосрова Андзеваційскаго, автора нѣсколькихъ богословскихъ трудовъ, и самъ замѣчательнѣйшій писатель всей своей эпохи, оставилъ рядъ сочиненій въ прозѣ: толкованія на библейскія книги, проповѣди и т. д. Но слава Григорія Нарекскаго основывается на сложенныхъ имъ духовныхъ пѣснопѣніяхъ, которыя справедливо называются «священными элегіями». До сихъ поръ молитвенникъ Григорія пользуется широкимъ распростра-

неніемъ въ армянскомъ народѣ, называясь просто «Нарекъ». Въ стихахъ Григорія Нарекскаго религіозное чувство соединяется съ истиннымъ поэтическимъ вдохновеніемъ, и многіе аллегорическіе гимны этого поэта остаются прекрасными, независимо отъ ихъ богословскаго толкованія. Притомъ Григорій Нарекскій довелъ до высокаго совершенства форму стиховъ, любовно культивируя «звукопись» задолго до того, какъ она расцвѣла въ лирикѣ персидской и арабской. Въ этомъ отношеніи стихи Григорія Нарекскаго являются предвареніемъ «свѣтской» поэзіи средневѣковья. На современниковъ же Григорій Нарекскій оказалъ сильнѣйшее вліяніе, и позднѣйшіе поэты «Шаракана» несомнѣнно вышли изъ его школы. Въ нашемъ собраніи поэзія Григорія Нарекскаго представлена двумя стихотвореніями.

Изъ позднѣйшихъ гимнотворцевъ «Шаракана» особенно выдѣляются три поэта: Нерсесъ Благодатный († 1173 г.), Нерсесъ Ламбронскій (1153—1198 г.) и Іоаннъ Ерзынкайскій (1250—1326 г.). Отъ Нерсеса Благодатнаго, кромѣ гимновъ, включенныхъ въ «Шараканъ», дошли до насъ и другія поэтическія созданія: элегіи, поэма на взятіе Эдессы, стихотворное переложеніе Евангелія, а также сочиненія прозаическія. Потомокъ Аршакидовъ, впослѣдствіи католикосъ, Нерсесъ Благодатный—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и плодовитѣйшихъ писателей Арменіи и имѣлъ огромное вліяніе на умы своего времени. Поэмы Нерсеса Благодатнаго всѣ проникнуты истиннымъ одушевленіемъ, мѣстами высоко трогательны и написаны съ исключительнымъ мастерствомъ, обличающимъ большого художника, плѣненнаго и техникой своего искусства. Есть у Нерсеса Благодатнаго стихотворенія, гдѣ каждый стихъ (точнѣе два стиха-полустишія) начинается, послѣдовательно, съ новой буквы алфавита. Такая стихотворная игра не мѣшаетъ свободѣ и чистотѣ вдохновеній поэта. Въ элегіи на взятіе Эдессы около 4.000 стиховъ написано на одну риѳму, но разсказъ остается живымъ и въ рѣчи поэта не чувствуется никакого затрудненія. Разсказываютъ, что многія стихотворенія Нерсеса Благодатнаго (получившаго свое прозвище столь же за кротость характера, какъ за «благодатное» изящество стиля)—импровизаціи, плоды безсонной ночи, когда поэтъ, въ порывѣ одушевленія, творилъ одновременно и текстъ и напѣвъ, слова и музыку. А. Чобаньянъ справедливо называетъ Нерсеса Благодатнаго «однимъ изъ величайшихъ поэтовъ церкви», и параллель его гимнамъ при-

ходится искать въ XIX в., у Вэрлена, въ его книгѣ «Sagesse». Въ нашемъ сборникѣ Нерсесъ Благодатный представленъ переводомъ нѣсколькихъ лирическихъ гимновъ и отрывковъ изъ элегіи на взятіе Эдессы.

Нерсесъ Ламбронскій, жившій въ Киликійскомъ царствѣ, былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей всей своей эпохи (XII в.). Онъ также оставилъ много сочиненій, о которыхъ современные ему европейскіе авторитеты отзывались съ величайшей похвалой. Греки и «франки» называли его «вторымъ апостоломъ Павломъ» и дивились его святости, мудрости и учености. Въ стихахъ Нерсеса Ламбронскаго меньше непосредственнаго вдохновенія и преобладаетъ рефлексія. То же надо сказать о стихахъ Ованнеса Ерзынкайскаго (иначе: Іоанна Плуза или изъ Дзордзора), отъ котораго, кромѣ гимновъ, сохранились еще стихи дидактическаго характера, «Хвала св. Григорію Просвѣтителю» и работы научныя: разсужденіе о движеніи небесныхъ тѣлъ, грамматическій комментарій и др. Іоаннъ Ерзынкайскій представленъ въ нашемъ сборникѣ отрывками дидактическаго содержанія.

Однако, всѣ эти поэты религіознаго направленія—только на половину поэты. Для нихъ поэзія важна и цѣнна не сама по себѣ, а по выражаемымъ въ стихахъ идеямъ; поэзія еще не цѣль, а средство. Иногда непосредственное дарованіе заставляетъ и гимнотворцевъ «Шаракана» какъ бы забывать о своихъ дидактическихъ задачахъ. У Григорія Нарекскаго, у Нерсеса Благодатнаго, кое-гдѣ и у другихъ, встрѣчаются строфы и цѣлыя стихотворенія, въ которыхъ поэтъ свободно изливаетъ свое чувство. Но почти всегда и такимъ созданіямъ поэты придаютъ аллегорическое толкованіе, хотятъ, чтобы ихъ слова понимались иносказательно. Таково, напр., стихотв. Григорія Нарекскаго объ «алмазной розѣ», въ которомъ мы видимъ только живую картину природы, но комментаторы признаютъ аллегорическое изображеніе Богоматери. Кромѣ того всѣ эти поэты ограничены въ выборѣ своихъ темъ, посвященныхъ исключительно или библейскимъ сюжетамъ или выраженію чувствъ благоговѣйныхъ. Ограниченъ и однообразенъ также выборъ образовъ, большею частью почерпаемыхъ изъ Святого Писанія. Современность этимъ поэтамъ какъ бы чужда: то, что они видѣли ежедневно, что непосредственно волновало ихъ и всѣхъ окружающихъ, проникало въ «духовныя пѣсни» лишь случайными

намеками. Религіозная поэзія—еще не свободная поэзія, такъ какъ поэту заранѣе указано, о чемъ и какъ онъ долженъ писать. Вполнѣ свободное художественное творчество въ армянской поэзіи мы находимъ лишь въ созданіяхъ слѣдующаго періода,—въ средневѣковой лирикѣ (XIII—XVI в.)

3.

Средневѣковая армянская лирика создалась и окрѣпла въ эпоху послѣ окончательной редакціи «Шаракана», въ темныя времена XIV вѣка. То была эпоха, когда, послѣ 2-тысячелѣтняго, болѣе или менѣе самостоятельнаго, существованія, армянскій народъ принужденъ былъ уступить натиску враговъ, надвигавшихся со всѣхъ сторонъ. Оба центра армянской культурной жизни гибли подъ ударами монголовъ. Киликійское царство было на краю паденія, и въ 1375 г. послѣдній король Киликійскаго царства, Левонъ VI, былъ захваченъ въ плѣнъ мусульманами. Оплотъ независимости армянскаго народа рушился: «окно въ Европу» было вновь наглухо заколочено. Въ то же время, на Сѣверѣ, какъ яростная буря, ломавшая все на своемъ пути, проходили полчища «желѣзнаго хромца», Тамерлана, котораго армянскіе лѣтописцы именуютъ Ленктимуромъ. Вслѣдъ за ними должны были нахлынуть орды турокъ-османовъ. Ани былъ разрушенъ; города и селенія лежали въ развалинахъ; жители разбѣгались. Подступали вѣка тяжелаго порабощенія, тѣмъ болѣе тяжелаго, что господами на этотъ разъ являлись не утонченные, хотя бы и «коварные», византійцы, не персы или арабы, народы, умѣвшіе цѣнить дары искусства и знанія, но дикіе турки, чуждые всему, кромѣ своего слѣпого фанатизма.

И странно! Именно въ эти вѣка въ армянской литературѣ начинаетъ расцвѣтать изысканный цвѣтокъ чистой лирики. Эпоха была въ высшей степени неблагопріятна для всѣхъ вообще проявленій литературной дѣятельности. Въ то самое время, когда Западъ начиналъ дышать первыми вѣяніями обновляющаго Возрожденія, когда въ Европѣ мрачную схоластику прорѣзывали первые лучи воскресающаго античнаго искусства и оживающей греко-римской науки, когда въ средневѣковое міросозерцаніе, превыше всего ставившее умерщвленіе плоти, проникало сіяніе эллинской жизнерадостности,—въ это самое

время Арменія, силою вещей, была отброшена къ самымъ чернымъ днямъ эпохи переселенія народовъ, ко днямъ Аттилы и вандаловъ. Какъ въ самое раннее средневѣковье, въ Арменіи той поры, литературѣ и наукѣ приходилось ютиться и укрываться по уединеннымъ монастырямъ; совмѣстная литературная дѣятельность сдѣлалась почти невозможной; литературное общеніе крайне затруднительнымъ. Самое образованіе, которое, еще недавно, стояло такъ высоко въ академіяхъ Киликійскаго царства и въ школахъ царства Багратидовъ и князей Долгорукихъ,—было едва ли не уничтожено, такъ что писателямъ трудно было даже разсчитывать найти читателей своимъ произведеніямъ. И, дѣйствительно, многія отрасли литературы склонили головы передъ такими неодолимыми препятствіями, подъ такими жестокими ударами. Крайне уменьшилась дѣятельность переводчиковъ; остановились научныя изысканія; исторія ограничивалась немногимъ, такъ сказать, только необходимыми созданіями; даже литература церковно-догматическая значительно обѣднѣла. И только для лирики наступила эпоха новаго расцвѣта, богатой и щедрой жатвы того, что было посѣяно предыдущими вѣками. И, конечно, именно этими долгими вѣками культурнаго развитія, напряженностью ихъ духовной жизни, объясняется этотъ блестящій расцвѣтъ самаго благороднаго, самаго утонченнаго, самаго хрупкаго изъ всѣхъ земныхъ искусствъ,—чистой субъективной лирики.

Лирика армянскаго средневѣковья есть высшее и наиболѣе самостоятельное созданіе армянскаго народа въ области поэтическаго творчества. Отъ европейской поэзіи армянская средневѣковая лирика не стоитъ почти ни въ какой зависимости. Да и что̀ могла дать лирическому творчеству западно-европейская поэзія XIII—XIV в., еще только зарождавшаяся во всѣхъ странахъ, не исключая и передовой Италіи? Нѣсколько большему могла научить поэзія такъ называемыхъ восточныхъ народовъ, арабовъ, персовъ, которые издавна культивировали чистую лирику. Указываютъ на различныя заимствованія армянскихъ поэтовъ у своихъ восточныхъ сосѣдей, особенно въ области формы. Такъ, напр., армянскіе средневѣковые поэты охотно строятъ цѣлое стихотвореніе на одной риѳмѣ, какъ арабскіе; на всѣ лады воспѣваютъ розу и соловья, какъ персидскіе; пользуются характерными особенностями стихотворной формы «газели», и т. п. Однако, уже у поэтовъ предыдущаго

періода, у Григорія Нарекскаго, какъ у гимнотворцевъ «Шаракана», мы находимъ и изысканное построеніе строфы, и многократное повтореніе одной риѳмы, и особенно—глубокую игру внутренними созвучіями, ассонансами и аллитераціями, все то, что обычно считается заимствованіемъ. Съ другой стороны, армянскіе поэты безусловно внесли въ поэзію новый духъ, отличный отъ господствующаго духа характерно-«восточнаго» творчества: отвергли безудержную цвѣтистость, необузданное накопленіе красокъ и безграничное нагроможденіе образовъ, что составляетъ необходимое свойство восточной поэзіи. Вотъ почему, за послѣдніе годы, въ наукѣ выдвигается мнѣніе, что армянская поэзія гораздо менѣе подвергалась прямому вліянію Востока, нежели думали раньше, что весь культурный міръ Передней Азіи, въ томъ числѣ и армяне, совмѣстно работали надъ созданіемъ того стиля, который сталъ характернымъ, какъ для лирики арабовъ и персовъ, такъ и для поэзіи армянскаго Средневѣковья.

Но можно оставить въ сторонѣ эти нерѣшенные вопросы о степени вліянія одной литературы на другую. Въ концѣ концовъ это не такъ важно, ибо никакое благодѣтельное «вліяніе» не можетъ создать искусства тамъ, гдѣ нѣтъ его зерна. Какъ ни удобрять и ни поливать землю, на ней не всколосится нива, если въ почву не были брошены нужныя сѣмена. Вѣка культурной эволюціи бросили такія сѣмена въ душу армянскаго народа, и въ средніе вѣка этотъ сѣвъ всколосился, созрѣлъ и далъ плодъ въ десять разъ и сторицей. Сіяющая всѣми семью цвѣтами радуги, переливающаяся блескомъ всѣхъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, благоуханная, какъ полевые цвѣты, и какъ изнѣженные ароматы, то лепечущая, какъ лѣсной ручей, то рокочущая, какъ горный потокъ, знающая усладительныя слова нѣжной любви и обжигающія рѣчи торжествующей страсти, всегда стройная, гармоничная, умѣющая подчинять части общему замыслу,—средневѣковая армянская лирика есть истинное торжество армянскаго духа во всемірной исторіи. Длинный рядъ поэтовъ, преемственно сохранявшихъ традиціи своихъ предшественниковъ, постепенно вносившихъ новые элементы въ содержаніе и неустанно совершенствовавшихъ технику, идетъ отъ XIII до XVI в.—эпохи высшаго расцвѣта средневѣковой лирики, которая затѣмъ частью замираетъ въ созданіяхъ XVII в., частью перерождается въ пѣсни ашуговъ.

Средневѣковая лирика тѣсно связана съ религіозной поэзіей предыдущаго періода и выростаетъ изъ нея. На рубежѣ стоитъ творчество Іоанна Ерзынкайскаго, гимны котораго нашли себѣ мѣсто въ «Шараканѣ», а дидактическія стихотворенія уже характеризуютъ переходъ къ поэзіи свободной, въ которой поэтъ говоритъ обо всемъ, что непосредственно волнуетъ его въ современности. Но еще отчетливѣе сказывается это въ творчествѣ поэта, жившаго одновременно съ Іоанномъ Ерзынкайскимъ (ум. въ 1326 г.) и извѣстнаго подъ псевдонимомъ Фрикъ (XIII—XIV в., ум., м. б., въ 1330 г.). Кто именно былъ Фрикъ, пока не выяснено. Есть мнѣніе, отожествляющее его со священникомъ по имени Хачатуръ Кечареци, который жилъ въ ту же эпоху и также писалъ стихи; нынѣ это мнѣніе оставлено. Съ именемъ Фрика дошелъ до насъ рядъ стихотвореній, которыя еще не всѣ изданы. Написаны они частью на классическомъ грапарѣ, частью— съ примѣсью формъ разговорнаго языка того времени. Послѣднее—употребленіе общепонятнаго языка, вмѣсто того, на который 8—9 столѣтій назадъ было переведено Святое Писаніе и который уже сталъ «мертвымъ» для новыхъ поколѣній,—составляетъ характерную черту отличія «средневѣковыхъ лириковъ» (терминъ, конечно, условный) отъ «религіозныхъ поэтовъ» предыдущаго періода.

Поэзія Фрика—еще дидактична, но уже смѣло подступаетъ къ самой жгучей современности. Подхватывая то теченіе поэзіи, которое отразилось въ «Элегіи на взятіе Эдессы» и въ историческихъ риѳмованныхъ хроникахъ, Фрикъ въ своихъ стихахъ говоритъ обо всемъ томъ, что видѣлъ своими глазами, какъ непосредственный наблюдатель, о событіяхъ своего вѣка, своего времени, своихъ дней. Во многихъ отношеніяхъ поэмы Фрика можно назвать сатирами въ лучшемъ смыслѣ слова: поэтъ съ горечью изображаетъ тѣ отрицательныя стороны жизни, какія подмѣтилъ (напр., въ приведенныхъ у насъ двухъ стихотвореніяхъ). Но Фрикъ и въ другомъ отношеніи порываетъ съ традиціями своихъ предшественниковъ. «Въ то время какъ большинство древнихъ армянскихъ писателей,—говоритъ А. Чобаніанъ,—приписывало, слѣдуя примѣру библейскихъ пророковъ, бѣдствія, постигавшія Арменію, наказанію за ихъ грѣхи, Фрикъ возстаетъ противъ самого Господа Бога и жалуется на Его несправедливость по отношенію къ армянскому народу». Поэтъ какъ бы начинаетъ грозную тяжбу съ Создателемъ, обвиняя въ

неправедномъ судѣ и Его, и самую сущность вещей, Судьбу (стихотв. «Колесо Судьбы»). Духъ свободной критики впервые загорается въ этихъ стихахъ армянскаго вольнодумца XIV в., послѣ той догматической покорности волѣ Божіей, которой проникнуты стихи гимнотворцевъ «Шаракана».

Въ стихахъ Іоанна Ерзынкайскаго и Фрика армянская лирика освобождается отъ узъ церковности и библейскихъ образовъ. Оставалось сдѣлать одинъ шагъ, чтобы перейти къ чисто-субъективной лирикѣ. Этотъ шагъ и дѣлаетъ младшій современникъ Іоанна и Фрика,—Константинъ Ерзынкайскій (родившійся въ концѣ XIII и скончавшійся въ серединѣ XIV вѣка). О жизни его мы почти ничего не знаемъ, и изъ его произведеній дошли до насъ только стихи. Тѣмъ не менѣе въ исторіи армянской поэзіи Константинъ Ерзынкайскій долженъ занять одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Онъ, между прочимъ, рѣшительно отказался отъ классическаго грапара и сталъ писать на народномъ, живомъ языкѣ, который съ тѣхъ поръ сталъ общепринятымъ языкомъ лирики (такъ наз. «средній» или «средневѣковый» армянскій языкъ). Важнѣе, однако, то, что поэтъ заговорилъ не только на языкѣ жизни, но и о самой жизни, ближе, интимнѣе, нежели Фрикъ. Не поучать, не упрекать, не выставлять неправду въ сатирѣ хотѣлъ Константинъ Ерзынкайскій, но—излить въ стихахъ свою душу, съ ея радостями и печалями. Среди армянскихъ средневѣковыхъ лириковъ Константинъ Ерзынкайскій былъ и первымъ, кто коснулся мотивовъ любви, ставшихъ затѣмъ одной изъ господствующихъ темъ армянской поэзіи.

Въ нашемъ сборникѣ приведена поэма Константина Ерзынкайскаго, озаглавленная «Весна». Несмотря на упоминаніе въ первой строфѣ о благости Всевышняго, вся эта поэма исполнена духомъ почти языческимъ, дышитъ необузданнымъ веселіемъ бытія. Аскетическій идеалъ Средневѣковья, взглядъ на эту земную жизнь, какъ на юдоль скорби, увѣренность, что радости жизни—скверна и грѣхъ, остались гдѣ-то далеко позади. По силѣ, по энергіи стиха и языка, поэма сдѣлала бы честь любой литературѣ Западной Европы того вѣка, и Европѣ даже нечего ей противопоставить. А по духу, проникающему поэму, она, всѣми своими частями, принадлежитъ великому вѣянью Возрожденія, которое тогда едва занималось надъ передовыми странами Запада, и невѣдомыми путями было занесено въ далекія горы Арменіи. Поэтъ радъ веснѣ, счастливъ ею, и не боится,

не стыдится выразить въ стихахъ эту свою радость, это свое счастіе .«Поэзія Константина Ерзынкайскаго,—справедливо говоритъ А. Чобаніанъ,—не созданіе богослова, ученаго и сухого, но плодъ вдохновенія, непосредственнаго порыва».

По путямъ, проложеннымъ Іоанномъ Ерзынкайскимъ, Фрикомъ и Константиномъ Ерзынкайскимъ, пошелъ цѣлый рядъ поэтовъ слѣдующихъ поколѣній,—XIV, XV, XVI в.: Аракелъ Багешскій, Мкртичъ Нагашъ, Кэробэ, Ованнесъ (Ерзыканскій), Ованнесъ Тылкуранскій, Саркавагъ Бердакскій, Григорій Ахтамарскій, Газаросъ (Лазарь) Севастійскій, Нерсесъ архимандритъ и др. Поэзія ихъ только за послѣдніе годы обратила на себя вниманіе изслѣдователей, такъ что созданія средневѣковой армянской лирики еще далеко не всѣ изданы, собраны и изучены. Разумѣется, не всѣ названные поэты обладали равнымъ поэтическимъ дарованіемъ: однихъ должно поставить выше, другимъ отвести болѣе скромное мѣсто. Но вся эта поэзія объединена тѣмъ же духомъ, сходной техникой стиха, одинаковыми или похожими формами, въ которыя выливалось творчество поэтовъ. Въ то же время въ ней нельзя не отмѣтить опредѣленнаго поступательнаго движенія, развитія, которое вело къ совершенствованію техники и къ углубленію темъ. Зерна, брошенныя зачинателями средневѣковой лирики, всѣ принялись и дали ростки. Заимствуя у своихъ сосѣдей, персовъ и арабовъ, нѣкоторыя темы и нѣкоторые пріемы ихъ разработки, армянскіе поэты шли своей дорогой, продолжая дѣло двухъ Ерзынкайскихъ пѣвцовъ и, частью, желчнаго Фрика.

Опредѣленно «восточный» колоритъ имѣетъ поэма Аракела Багешскаго (поэта послѣднихъ десятилѣтій XIV в.), который изложилъ стихами діалогъ между розой и соловьемъ. Очень возможно, что Аракелъ Багешскій былъ не первый среди армянскихъ поэтовъ, избравшій такую тему, позднѣе же цѣлый рядъ лириковъ варіировалъ ее то ради красочности самыхъ сопоставленій, то влагая въ слова діалога аллегорическое содержаніе. Одна изъ извѣстнѣйшихъ поэмъ такого рода принадлежитъ Григорію Ахтамарскому, поэту уже XVI в. Историки литературы давно отмѣтили, что образъ соловья, влюбленнаго въ розу,—«испоконвѣченъ» въ восточной поэзіи. Мы его находимъ особенно часто у персидскихъ лириковъ, Джелалэддина (XIII в.), Саади (XIII в.), Гафиза (XIV в.) и мн. др., также у арабскихъ и турецкихъ (позднѣе). Подражалъ ли Аракелъ

Багешскій какому-либо опредѣленному образцу или воспользовался популярнымъ сюжетомъ, какъ общимъ достояніемъ (какъ имъ воспользовался, напр., въ русской поэзіи, въ XIX в., А. Фетъ въ діалогѣ «Соловей и Роза»), пока не выяснено. Несомнѣнно, однако, что армянскій поэтъ внесъ въ поэму и свое, хотя бы въ заключительныхъ строфахъ, гдѣ истолковываетъ діалогъ аллегорически: соловей это—архангелъ Гавріилъ, роза—Богоматерь, царь—Христосъ. Но и помимо этого внѣшняго добавленія, въ армянской поэмѣ есть особая сдержанность, которой чуждались чисто-«восточные» поэты. Въ нашемъ сборникѣ стихотвореніе Аракела Бакешскаго дано въ отрывкахъ.

Иной характеръ имѣетъ лирика Мкртича Нагаша, — поэта слѣдующаго поколѣнія. Мкртичъ Нагашъ родился, вѣроятно, въ самомъ концѣ XIV в., т.-е. на столѣтіе позже Ерзынкайскихъ пѣвцовъ и Фрика и на нѣсколько десятилѣтій позже Аракела Багешскаго. Достовѣрно извѣстно, что Мкртичъ Нагашъ былъ посвященъ въ епископы, въ Сисѣ, въ 1430 г.; смерть поэта относятъ, предположительно, къ 1470 г. Извѣстенъ Мкртичъ Нагашъ также какъ художникъ (самое его имя, Нагашъ, по-персидски, значитъ «живописецъ»), его кисти приписывается много миніатюръ въ рукописяхъ того времени, и онъ считается основателемъ особой школы въ миніатюрной живописи. Эпоха, когда жилъ Мкртичъ Нагашъ, была изъ числа самыхъ тягостныхъ: онъ пережилъ эпидемію моровой язвы, опустошившую Арменію, и не менѣе губительное нашествіе Джаханъ-хана. Въ этихъ событіяхъ поэтъ-епископъ принималъ близкое участіе, всячески стараясь облегчать бѣдствія населенія: посѣщалъ больныхъ, выкупалъ плѣнныхъ и т. п. Но, исполняя свой долгъ епископа, находилъ время и для занятій искусствомъ.

Поэзія Мкртича Нагаша во многомъ подхватываетъ мотивы Фрика. Но за сто лѣтъ, прошедшихъ съ его дней, отношеніе всей Арменіи къ переживаемымъ ударамъ измѣнилось: при Фрикѣ еще была жива память о самостоятельности предшествовавшихъ вѣковъ; при Мкртичѣ Нагашѣ—мусульманское иго уже стало вѣковой традиціей, рана оскорбленнаго національнаго самолюбія, конечно, не зажила, но временно затянулась. Поэтому не только личными особенностями двухъ поэтовъ надо объяснять различіе ихъ поэзіи. Мкртичъ Нагашъ, и въ своей общественной дѣятельности выдѣлявшійся добротой, кротостью, готовностью помогать несчастнымъ, перенесъ и въ поэзію мяг-

кость своей души. Развивая темы Фрика, онъ не возобновляетъ его дерзностнаго спора съ Творцомъ, но съ тихой грустью призываетъ покориться Неизбѣжному. Поэмы Мкртича Нагаша менѣе блестящія, менѣе разнообразныя, нежели стихи нѣкоторыхъ другихъ поэтовъ Средневѣковья, всѣ проникнуты глубокимъ чувствомъ, и его религіозность выражается интимнѣе, нежели у первыхъ гимнотворцевъ, и въ образахъ болѣе реалистическихъ. Въ этомъ—и значеніе лирики Мкртича Нагаша, какъ новаго этапа въ развитіи армянской поэзіи. Въ нашемъ сборникѣ дано одно изъ характернѣйшихъ стихотвореній Мкртича Нагаша—«Суета міра».

Мотивы страстной любви, впервые затронутые въ лирикѣ Константиномъ Ерзынкайскимъ, были подхвачены въ XV в. цѣлымъ рядомъ поэтовъ. Эта вѣчная тема поэзіи, быть можетъ, всего болѣе отвѣчаетъ самой сущности лирики, искусства, запечатлѣвающаго переживанія личныя, субъективныя, а что̀ сильнѣе волнуетъ душу, нежели любовь? Расцвѣтъ лирики всегда совпадаетъ съ культомъ поэзіи любви; такъ было и въ Арменіи. Наиболѣе яркіе стихи на эту вѣчную тему, въ XV в., писались двумя поэтами, которые оба носили имя Іоанна,—одинъ—Ованнесъ Тылкуранскій, другой—просто Ованнесъ, или Оаннесъ (можетъ быть, также изъ Ерзынкайскихъ монастырей). Ованнесъ Тылкуранскій жилъ во второй половинѣ XV в. и былъ уже въ преклонныхъ годахъ католикосомъ въ Сисѣ, отъ 1489 по 1525 г. Кромѣ любовныхъ пѣсенъ отъ Ованнеса сохранились стихи дидактическаго характера, поученія о страхѣ смерти, о вредѣ вина, о ложныхъ друзьяхъ и т. п. Извѣстно, что еще при жизни Ованнесъ Тылкуранскій пользовался, какъ поэтъ, высокимъ уваженіемъ современниковъ. Мы даемъ одну изъ его пѣсенъ любви, въ которой лишь послѣдняя строфа обличаетъ въ авторѣ его духовный санъ.

Дата жизни другого Ованнеса неизвѣстна: вѣроятно, онъ жилъ также въ XV в., если не въ концѣ XIV в. Дошло до насъ лишь *одно* стихотвореніе Ованнеса, но этого достаточно, чтобы сохранить за поэтомъ самостоятельное мѣсто въ исторіи лирики. Въ Ованнесѣ нѣтъ мудрой разсудительности Нагаша: онъ весь—порывъ, страсть, пламя. Но стихотвореніе Ованнеса вскрываетъ такія глубины чувства, которыя стали широко доступны поэзіи лишь въ нашъ вѣкъ. Смѣло можно сказать, что этотъ, мало кому извѣстный, Ованнесъ, быть мо-

жетъ, простой монахъ, затерянный въ армянскомъ (думаютъ: Ерзынкайскомъ) монастырѣ XIV или XV в., писавшій почти безъ надежды на читателя,—въ выраженіи своего чувства во многомъ опередилъ всю современную ему поэзію на 2 или 3 вѣка. Такихъ криковъ подлинной страсти нѣтъ ни въ сонетахъ Петрарки, жившаго на столѣтіе раньше, ни въ любовныхъ пѣсенкахъ Ронсара, писавшаго вѣроятно, на столѣтіе позже. Стихотвореніе Ованнеса (повторяемъ, единственное сохранившееся, воспроизведенное у насъ) заканчивается примирительнымъ аккордомъ. Но не это важно: важно, что поэтъ нашелъ такія признанія («О, сердце ты мое сожгла»... и т. д.), которыя вполнѣ понятны стали лишь въ наши дни, послѣ того, какъ дали свои откровенія и Альфредъ де Мюссе, и Гейне, и Бодлэръ...

Высшаго своего расцвѣта средневѣковая лирика достигла въ XVI вѣкѣ, въ которомъ ея наиболѣе характернымъ представителемъ явился Григорій Ахтамарскій. Полагаютъ, что онъ родился на островѣ Ахтамарѣ, на Ванскомъ озерѣ, повидимому, въ самомъ концѣ XV в., былъ членомъ мѣстной духовной общины и позднѣе сталъ Ахтамарскимъ католикосомъ. Поэтъ самъ указываетъ, что одно изъ его стихотвореній написано въ 1515 г.; съ другой стороны онъ былъ современникомъ католикоса всѣхъ армянъ Михаила I (1547—1574 гг.): такимъ образомъ жизнь Григорія Ахтамарскаго падаетъ, приблизительно, на годы 1500—1575. Извѣстно, что положеніе армянскаго народа въ эту эпоху не только не улучшилось, сравнительно съ предшествующими, но, если то возможно, стало еще болѣе невыносимымо. Посольства армянъ къ государямъ Европы, въ частности въ Венецію, къ папѣ, къ императору Германіи (1547—1550 гг.), не имѣли существеннаго успѣха, а, напротивъ, вызвали озлобленіе въ мусульманахъ. Персы жестоко опустошали армянскія области, а турецкія войска, выступившія противъ персовъ, продолжали эти опустошенія. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ этихъ бѣдствіяхъ могло служить лишь зарожденіе въ европейскихъ армянскихъ колоніяхъ первыхъ культурныхъ начинаній: въ 1512 г. была напечатана первая книга на армянскомъ языкѣ; въ серединѣ вѣка, подъ руководительствомъ католикоса Михаила, основана первая армянская типографія, въ Венеціи, перенесенная затѣмъ въ Константинополь. То были первые, слабые ростки грядущаго обновленія.

При такихъ тягостныхъ обстоятельствахъ мѣстной жизни

долженъ былъ дѣйствовать и творить Григорій Ахтамарскій. Мы ничего не знаемъ о другихъ его литературныхъ трудахъ, кромѣ стиховъ, но сохранившіяся его поэмы (общимъ счетомъ около 20) показываютъ въ немъ, кромѣ вспышекъ поэтическаго генія, незаурядное литературное дарованіе. Поэмы Григорія Ахтамарскаго всегда глубоко задуманы и, по общей концепціи, по стройности выполненія, принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ въ средневѣковой лирикѣ. Однако, эта стройность плана и затѣмъ—христіанскія идеи, вплетаемыя поэтомъ въ стихи, это все, что взялъ отъ Запада поэтъ, всю жизнь проведшій въ глубинѣ армянскаго монастыря. Образы, сравненія, весь духъ поэзіи у Григорія Ахтамарскаго—вполнѣ восточные. Восточнымъ колоритомъ окрашена его «Пѣсня объ одномъ епископѣ» (которую мы даемъ въ выдержкахъ, согласно съ переводомъ К. Костаньянца), варіантъ жалобъ Фрика на несправедливость судьбы. Еще болѣе «восточнымъ» характеромъ отличается «Пѣсня» (также переведенная нами), въ которой поэтъ, прославляя свою милую, подыскиваетъ десятки яркихъ уподобленій, сравнивая ее съ солнцемъ, луной, утренней звѣздой, съ драгоцѣнными каменьями, съ благоухающими деревьями, съ блистающими цвѣтами, со всѣмъ, что прекрасно въ мірѣ. Эта пышная поэма, насыщенная напряженностью страсти, по-восточному цвѣтиста и сама похожа на горсть самоцвѣтныхъ каменьевъ, отливающихъ всѣми цвѣтами радуги. Духомъ восточной поэзіи проникнуто и третье стихотвореніе Григорія Ахтамарскаго, включенное въ наше собраніе,—«Пѣсня о розѣ и соловьѣ».

Къ XVI в., вѣроятно, относится и поэзія Наапета Кучака. Теперь установлено, что онъ не имѣетъ ничего общаго, кромѣ имени, съ тѣмъ поэтомъ Кучакомъ, который жилъ въ началѣ XVI в. въ области Вана; Наапетъ Кучакъ, повидимому, былъ родомъ изъ окрестностей Акина (Эгины), такъ какъ стихи его, по языку, по складу, по отдѣльнымъ выраженіямъ близко напоминаютъ мѣстныя народныя пѣсни. Но кто бы ни былъ историческій Наапетъ Кучакъ и на какіе бы годы, точно, ни падала его жизнь (во всякомъ случаѣ, онъ жилъ въ концѣ Средневѣковья),—стихи его остаются прекраснѣйшими жемчужинами армянской поэзіи. Среди всѣхъ средневѣковыхъ лириковъ Кучакъ выдѣляется непосредственностью и безыскуственностью своихъ вдохновеній. Это, между прочимъ, даже подало поводъ

къ мнѣнію, что Кучакъ былъ только собирателемъ народныхъ пѣсенъ, тѣмъ болѣе, что въ его стихахъ встрѣчаются мотивы и цѣлые стихи, безспорно принадлежащіе народной поэзіи. Такое мнѣніе опровергается, однако, явнымъ оттѣнкомъ нѣкоторой книжности (не въ дурномъ смыслѣ слова), лежащемъ на другихъ стихахъ Кучака: онъ могъ пользоваться народными пѣснями, какъ матеріаломъ, но многое обрабатывалъ самостоятельно и своеобразно.

Литературное наслѣдіе Наапета Кучака, сравнительно, богато. До насъ дошли отъ него: гномическіе отрывки, обычно—четверостишія, пѣсни любовныя и рядъ трогательныхъ пѣсенъ изгнанника. Гномы Кучака представляютъ характерные образцы восточной мудрости. Большею частью, это—тѣ же мысли, воплощенныя въ сходные символы, какіе находимъ мы въ поучительныхъ стихотвореніяхъ персидскихъ поэтовъ: о непрочности житейскихъ благъ, о гибельности лжи, о предпочтительности молчанія и т. п.,—но все это овѣяно христіанскимъ отношеніемъ къ міру. Нѣсколько гномическихъ четверостишій Кучака приведено въ нашемъ сборникѣ. Представлены въ немъ и пѣсни изгнанника Кучака, — въ популярномъ стихотвореніи о журавлѣ («Крункъ»,—впрочемъ, принадлежность этого стихотворенія Кучаку оспаривается). Однако, самое драгоцѣнное среди созданій Кучака—его любовная лирика. Его стихи о любви всѣ очень невелики по размѣрамъ, часто вложены въ форму четверостишія, этого «сонета Востока», какъ давно было сказано. Чисто восточнымъ колоритомъ отмѣчены и образы Кучака,—яркіе, блистательные, порой преувеличенные и неожиданные. Въ стихахъ чувство страсти преобладаетъ надъ чувствомъ духовной любви,—тоже черта, роднящая Кучака съ восточной поэзіей. Но его сила и его очарованіе—въ глубокой искренности его стиховъ. Это не искусственныя разсужденія на избранную тему, не теоретическое или аллегорическое воспѣваніе нѣкоей «милой», которой, можетъ быть, и не существуетъ въ мірѣ. Нѣтъ, стихи Кучака—свободныя изліянія души, признанія въ томъ, что поэтъ дѣйствительно извѣдалъ, записанныя по мѣрѣ того, какъ ихъ подсказывала самая жизнь.

А. Чобаньянъ, у котораго мы заимствуемъ нѣкоторыя черты этой характеристики, проводитъ параллель между поэзіей Кучака и стихами наиболѣе прославленныхъ поэтовъ Востока. Лира Саади, Гафиза и даже Омара-Хайэма служила царямъ

и вельможамъ; эти поэты были придворными, и ихъ поэзія отзывается дворомъ, блеститъ дворцовымъ лоскомъ. Этого нѣтъ въ простыхъ пѣсняхъ Наапета Кучака. Онъ независимъ въ выраженіи своихъ чувствъ; онъ ближе къ уличной толпѣ, нежели къ дворцовымъ ступенямъ; его голосъ звучалъ не для «сильныхъ міра сего», а въ народныхъ собраніяхъ. Единственный султанъ, передъ которымъ Кучакъ склонялъ голову, была его вѣчная и властная повелительница—любовь. А. Чобаньянъ предпочитаетъ сравнивать Наапета Кучака съ поэтами XIX вѣка, съ Гейне и Верлэномъ, и это справедливо. Въ XVI вѣкѣ Кучакъ далъ въ своей поэзіи образцы истинной лирики, въ томъ смыслѣ, какъ это слово мы понимаемъ теперь,—поэзіи интимной и свободной, личной и ставящей себѣ лишь одну цѣль: выразить чувство, владѣющее поэтомъ въ данный мигъ.

4.

XVII вѣкъ былъ эпохой, когда армянская средневѣковая поэзія замирала. Все безотраднѣе становилось положеніе Арменіи; лучшія силы страны покидали ее,—искали пріюта на чужбинѣ. Выростали и крѣпли армянскія колоніи, гдѣ должна была зародиться новая жизнь, засвѣтить новое армянское Возрожденіе. Въ предѣлахъ же древней Арменіи, опустошаемой, систематически обезлюдиваемой политикой султановъ и шаховъ, почти не оставалось мѣста для литературной работы. И все же за стѣнами монастырей находились трудолюбцы, которые брались за перо, чтобы переписать рукописи болѣе счастливаго прошлаго и чтобы продолжить работу своихъ предшественниковъ. Въ частности не замолкалъ и голосъ поэзіи. Нѣсколько поэтовъ-монаховъ выступило въ Арменіи именно въ XVII в., и бодрые звуки ихъ поэзіи служатъ лучшимъ доказательствомъ той силы народнаго духа, которую не могли сломить никакія испытанія.

На самомъ рубежѣ вѣка стоитъ Іеремія Кемурджіанъ, родившійся въ 1600 г. То былъ довольно плодовитый писатель, много переводившій съ латинскаго и греческаго, писавшій также по вопросамъ богословскимъ, авторъ «Исторіи Оттоманской имперіи», армянской исторіи (современныя ему событія), географіи и мн. др. сочиненій, написанныхъ на классическомъ грапарѣ. Между прочимъ, Кемурджіанъ писалъ также по-ту-

рецки и подарилъ турецкой литературѣ переводъ отрывковъ изъ исторіи Моисея Хоренскаго. Но несомнѣнно Кемурджіанъ былъ и поэтомъ. Кромѣ стихотворной «Исторіи Александра», онъ написалъ рядъ лирическихъ стихотвореній, по-армянски (на народномъ языкѣ) и по-турецки. Въ своей поэзіи Кемурджіанъ продолжалъ традиціи средневѣковой лирики и въ его стихахъ слышенъ подлинный голосъ души. Особенность лирики Кемурджіана состоитъ въ томъ, что славитъ она преимущественно чувство раздѣленной любви, радость не только любить, но и быть любимымъ. Одно изъ такихъ стихотвореній воспроизведено въ нашемъ сборникѣ.

Значительнѣе и оказала большее вліяніе — поэзія Нагаша Іонатана (или Овнатана), который жилъ уже въ концѣ вѣка и умеръ въ 1722 г. Іонатанъ, какъ и Мкртичъ, былъ художникъ, чему оба и обязаны одинаковымъ прозвищемъ: Нагашу Іонатану принадлежатъ прекрасныя фрески въ Эчміадзинѣ. Пѣсни Іонатана всѣ славятъ любовь и проникнуты какой-то особенной солнечностью. Мѣстами въ нихъ чувствуется какъ-бы легкая иронія, словно самъ поэтъ чуть-чуть улыбается надъ уже изжитыми формами средневѣковой лирики; но все же въ этихъ пѣсняхъ столько ликованія, такіе смѣлые реалистическіе штрихи, что онѣ захватываютъ читателя непобѣдимо. По пріемамъ творчества, этотъ поэтъ-монахъ почти вполнѣ совпадаетъ съ той народной поэзіей ашуговъ, которая въ ту эпоху начинала получать широкое распространеніе въ Арменіи. Нагашъ Іонатанъ одинъ изъ послѣднихъ поэтовъ-монаховъ и одинъ изъ первыхъ поэтовъ-ашуговъ. Въ этомъ—историческое значеніе его поэзіи, которой, въ нашемъ сборникѣ, мы даемъ три образца: три «пѣсни любви».

Но уже на смѣну умиравшей монастырской поэзіи выступала поэзія ашуговъ. Народные пѣвцы, рапсоды, существовали въ Арменіи съ незапамятной древности; объ нихъ упоминаетъ еще Моисей Хоренскій. Армяне, этотъ «народъ-художникъ», любили, чтобы всѣ празднества сопровождались пѣсней. На семейныхъ торжествахъ, вродѣ свадебъ, крестинъ и т. под., въ народныхъ собраніяхъ, просто на базарахъ и въ кофейняхъ—пѣвцы всегда были желанными гостями. Имъ удѣляли почетное мѣсто на пирѣ; ихъ музыкальнымъ инструментамъ (каманча, сазъ, таръ и др.) отводили почетное мѣсто на особой полкѣ; когда раздавалась пѣсня, всѣ смолкали, при-

слушиваясь внимательно. Издавна существовалъ и обычай состязанія между пѣвцами: ашуги поочередно пѣли пѣсни своего сочиненія, и побѣжденный, обыкновенно, уступалъ свою каманчу побѣдителю. Возможно, что многія изъ пѣсенъ, сохранившихся до сихъ поръ въ памяти народа и относимыхъ нами къ «народной поэзіи», были сочинены именно ашугами для одного изъ такихъ состязаній. Но долгое время никто не задумывался надъ тѣмъ, чтобы записать и сохранить эти импровизаціи. Пѣсни жили только въ памяти самого слагателя и тѣхъ, кому самъ авторъ передавалъ ихъ: со смертью этихъ немногихъ— пѣсня исчезала, забывалась, за самыми рѣдкими исключеніями.

Только къ XVIII в. выработался новый типъ ашуга-поэта, народнаго пѣвца, который дорожитъ своими вдохновеніями и хочетъ сохранить ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ такой ашугъ,—до извѣстной степени, конечно,—сталъ уже человѣкомъ книги, т.-е. знакомымъ съ поэзіей прошлаго. Завѣщая свои стихи будущему, онъ, естественно, начиналъ интересоваться прошлымъ. Наконецъ, повысились и требованія нѣкоторой части народа. Отъ пѣвца стали требовать, на ряду съ традиціонными элементами пѣсни, чего-то большаго: оригинальности и строгости формы, глубины содержанія. Появились придворные ашуги, пѣвцы, пѣвшіе при дворѣ грузинскихъ царей, гдѣ армянскій языкъ получилъ распространеніе, рядомъ съ грузинскимъ. Такъ послѣдовательно, подъ вліяніемъ роста самихъ пѣвцовъ и культурнаго роста народа, создался типъ ашуга-поэта, подхватившаго традиціи средневѣковой армянской лирики и поведшей ее дальше, по новымъ путямъ. Однимъ изъ первыхъ ашуговъ новаго типа былъ пѣвецъ Степаннось (жившій, вѣроятно, въ XVII в.), пѣсни котораго, частью, дошли до насъ и который представленъ въ нашемъ сборникѣ однимъ изъ своихъ красивѣйшихъ стихотвореній.

Пѣвцомъ, вознесшимъ поэзію ашуговъ на недосягаемую до него высоту, былъ Саятъ-Нова; мощью своего генія онъ превратилъ ремесло народнаго пѣвца въ высокое призваніе поэта. Можно сказать, что все, что̀ сдѣлали предшественники Саятъ-Новы, ничтожно предъ его подвигомъ и какъ бы померкло въ лучахъ его славы. Саятъ-Нова первый показалъ и доказалъ своимъ примѣромъ, какая сила таится въ голосѣ народнаго пѣвца,—показалъ, что этотъ пѣвецъ не только увеселитель на пиру, но и учитель, пророкъ, какъ бы ни казались легкомысленны

темы его пѣсенъ. Саятъ-Нова воспринялъ манеру своихъ предшественниковъ, но придалъ ей чеканъ совершенства, и вдругъ стало ясно, какое богатство, какая роскошь скрывается въ той пѣснѣ ашуговъ, къ которой многіе относились слишкомъ поверхностно. Въ то время, какъ умирала монастырская поэзія ученыхъ монаховъ, Саятъ-Нова далъ почувствовать, что армянская поэзія жива: она только ушла изъ монастырскихъ стѣнъ въ народъ и зазвучала въ свободныхъ пѣсняхъ ашуговъ, распѣваемыхъ на базарахъ, на площадяхъ и на семейныхъ торжествахъ, въ скромныхъ домахъ простолюдиновъ.

Саятъ-Нова наполнилъ своей жизнью весь XVIII в., такъ какъ родился, въ Тифлисѣ, въ 1719 г., а умеръ (былъ убитъ), тамъ же, въ 1795 г. Подлинное имя поэта—Арутинъ; Саятъ-Нова—псевдонимъ, означающій, согласно съ разслѣдованіемъ Ов. Туманьяна, «царь пѣснопѣній» или «владыка музыки» (на языкѣ индустани, который былъ широко извѣстенъ въ Передней Азіи). Отецъ отдалъ маленькаго Арутина учиться къ ткачу, но мальчикъ съ раннихъ лѣтъ мечталъ стать ашугомъ: онъ въ свободныя минуты убѣгалъ слушать состязанія пѣвцовъ и самъ учился играть на каманчѣ, на чонгурѣ и на тарѣ. Рано сталъ Арутинъ и сочинять пѣсни, которыя распѣвалъ сначала въ домахъ родственниковъ, потомъ—у знатнѣйшихъ тифлисцевъ, которые приглашали къ себѣ талантливаго юношу. Успѣхъ побудилъ Арутина окончательно отдаться ремеслу пѣвца; онъ принялъ имя Саятъ-Нова и скоро сдѣлался любимѣйшимъ ашугомъ во всемъ Тифлисѣ. Сколько можно судить по самымъ сочиненіямъ Саятъ-Новы, онъ успѣлъ пріобрѣсти довольно обширныя познанія: въ его стихахъ затрагиваются вопросы довольно сложные, упоминаются различные страны и народы, чувствуются отзвуки поэзіи персидской, у которой, между прочимъ, Саятъ-Нова заимствовалъ формы своихъ пѣсенъ. Кромѣ того Саятъ Нова зналъ много языковъ; онъ писалъ свои стихи не только по-армянски, но также по-грузински и по-турецки: до насъ дошло 115 стихотвореній Саятъ-Новы, написанныхъ по-татарски (по-армянски только 46), а грузины считаютъ его своимъ поэтомъ.

Дальнѣйшая жизнь Саятъ-Новы еще не достаточно изслѣдована. Извѣстно только, что онъ пользовался покровительствомъ грузинскаго царя Геракла II, который высоко цѣнилъ дарованіе Саятъ-Новы и сдѣлалъ его своимъ придворнымъ пѣв-

цомъ. При дворѣ грузинскаго царя разыгрался и основной романъ знаменитаго ашуга: его любовь къ грузинской царевнѣ, которой посвящено большинство его стихотвореній. Позднѣе, уже въ немолодыхъ годахъ, Саятъ-Нова покинулъ блестящую жизнь при дворѣ и вступилъ въ монастырь Сурбъ-Нишана, въ Агбадѣ; это рѣшеніе поэта связываютъ со смертью его жены Мармаръ, въ 1770 г. Въ монашествѣ Саятъ-Нова принялъ имя Давида, и, согласно съ новѣйшими архивными розысканіями Ов. Туманьяна, былъ возведенъ въ санъ тифлисскаго епископа. Этотъ санъ былъ данъ бывшему ашугу католикосомъ исключительно по настоянію царя. Но и за монастырской стѣной епископъ Давидъ не могъ побѣдить въ себѣ влеченія къ поэзіи: онъ продолжалъ писать стихи и тосковалъ по публичнымъ состязаніямъ. Говорятъ, новый епископъ иногда переодѣвался въ одежду ашуга, тайно уходилъ изъ монастыря, пробирался въ Тифлисъ и все-таки выступалъ передъ народомъ, какъ пѣвецъ. Такъ, однажды, узнавъ, что въ Тифлисѣ появился новый ашугъ, затмевающій всѣхъ другихъ, старикъ Саятъ-Нова не устоялъ передъ желаніемъ помѣриться съ нимъ силами, надѣлъ свое старое платье бродячаго пѣвца, взялъ свою каманчу и, явившись на состязаніе, одержалъ побѣду надъ молодымъ соперникомъ. Сохранилась переписка, въ которой католикосъ жалуется царю на такое поведеніе епископа Давида, указывая на соблазнъ, проистекающій отсюда для народа; престарѣлому поэту грозило лишеніе сана; но царь попросилъ оставить своего любимаго пѣвца въ покоѣ.

Въ 1795 году Ага-Махмутъ-ханъ персидскій обложилъ Тифлисъ и населенію угрожала жестокая рѣзня. Узнавъ объ томъ, престарѣлый ашугъ, онъ же—епископъ Давидъ, покинулъ свой уединенный монастырь и поспѣшилъ въ столицу, чтобы спасти свою семью. Ему удалось удалить изъ города своихъ дѣтей въ Моздокъ, гдѣ они были въ безопасности. Но самъ Саятъ-Нова или не успѣлъ уѣхать или не захотѣлъ покинуть своихъ согражданъ въ бѣдѣ. Какъ бы то ни было, Саятъ-Нова былъ въ Тифлисѣ въ тотъ день, когда городъ былъ взятъ персидскимъ полчищемъ. Поэтъ-епископъ, вмѣстѣ съ толпой народа, молился на колѣняхъ въ соборѣ. Персы потребовали, чтобы всѣ вышли изъ церкви и приняли исламъ. Саятъ-Нова отвѣчалъ однимъ стихомъ по-татарски:

Изъ храма, нѣтъ! не выйду я, не отрекусь я отъ Христа!

Мусульмане вытащили старика изъ собора силой и убили его на порогѣ. Теперь на этомъ мѣстѣ поставлена мраморная доска, на которой вырѣзаны—даты рожденія и смерти Саятъ-Новы и его три стиха:

Не всѣмъ мой ключъ гремучій пить,—особый вкусъ ручьевъ моихъ!
Не всѣмъ мои писанья чтить,—особый смыслъ у словъ моихъ!
Не вѣрь: меня легко свалить,—гранитна твердь основъ моихъ!

Содержаніе стиховъ Саятъ-Новы на первый взглядъ—однообразно; однообразными кажутся и формы его стихотвореній. Но какое неисчерпаемое разнообразіе сумѣлъ вложить поэтъ въ эту кажущуюся однотонность! Онъ почти вездѣ говоритъ о любви, но какъ разноцвѣтны оттѣнки ея въ различныхъ стихотвореніяхъ, всѣ эти переходы отъ тихой нѣжности къ пламенной страсти, отъ отчаянья къ восторгу, отъ сомнѣнія въ самомъ себѣ къ гордому самосознанію художника! Поистинѣ Саятъ-Нову можно назвать «поэтомъ оттѣнковъ». Онъ, въ XVIII вѣкѣ, какъ бы уже исполнилъ завѣтъ, столѣтіе позже данный Верлэномъ:

Pas la couleur, rien que la nuance!

Да, не надо яркихъ красокъ! Истинный поэтъ даетъ читателю или слушателю перечувствовать все—лишь силою едва замѣтныхъ переходовъ одного цвѣта къ другому. Но какъ, въ то же время, остры, глубоки и сочны въ пѣсняхъ Саятъ-Новы эти «оттѣнки»: ихъ воспринимаемъ мы какъ самые яркіе цвѣта, съ которыми не могутъ соперничать никакіе мазки менѣе удачливыхъ (скажемъ прямо: менѣе геніальныхъ) поэтовъ, накладывающихъ краски слишкомъ густо. Тонкой и нѣжной кистью живописалъ Саятъ-Нова, и тѣмъ больше очарованія въ его всегда плѣнительныхъ стихахъ.

Саятъ-Нова утвердилъ, освятилъ для пѣсенъ ашуговъ особую форму стиховъ, приближающуюся къ персидской «газели»; послѣ того эта форма стала излюбленной и господствующей у всѣхъ пѣвцовъ. Непремѣнное повтореніе одного и того же слова (или нѣсколькихъ одинаковыхъ словъ) въ концѣ цѣлаго ряда стиховъ, требуемое этой формой, само уже принуждаетъ поэта искать разнообразія въ однообразіи. Но въ то же время эта форма, почти независимо отъ поэта, даетъ

особую звучность, углубленную пѣвучесть его стихамъ. У Саятъ-Новы соединяется съ этимъ чуткая заботливость вообще о звуковой сторонѣ стиха. Пѣсни Саятъ-Новы исполнены ассонансовъ, аллитерацій, повторныхъ и внутреннихъ риѳмъ: онъ одинъ изъ высшихъ мастеровъ «звукописи», какихъ знала міровая поэзія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и—дивный эвритмистъ, умѣющій находить новизну напѣва въ общеупотребительныхъ размѣрахъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Саятъ-Нову можно сравнить, въ нашей поэзіи, съ К. Д. Бальмонтомъ. У послѣдователей и подражателей Саятъ-Новы многія особенности его поэзіи выродились въ условность: изысканная форма свелась къ мертвымъ повтореніямъ, напѣвность—къ пустой игрѣ звуками, тонкая смѣна оттѣнковъ—къ скучной монотонности содержанія. Но у самого Саятъ-Новы все оживлено и одухотворено силой подлиннаго поэтическаго генія. Поэтъ былъ правъ, когда заявлялъ гордо, (это—гордость, создавшая «Памятникъ» Горація и Пушкина!): «гранитна твердь основъ моихъ!» Хочется вѣрить, что и къ памятнику Саятъ-Новы «не зарастетъ народная тропа». Такими поэтами, какъ Саятъ-Нова, можетъ и долженъ гордиться весь народъ; это—великіе дары Неба, посылаемые не всѣмъ и не часто; это—избранники Провидѣнія, кладущіе благословеніе на свой вѣкъ и на свою родину...

Мощное развитіе поэзіи ашуговъ въ стихахъ Саятъ-Новы, конечно, вызвало къ жизни множество послѣдователей и подражателей. Быстро создалась «школа Саятъ-Новы», и, въ сущности, до самыхъ нашихъ дней, армянскіе ашуги всѣ подчинены его неодолимому вліянію, вращаются въ кругу имъ очертанной орбиты. Вотъ почему нѣтъ надобности ближе останавливаться на отдѣльныхъ представителяхъ поэзіи ашуговъ конца XVIII и XIX в. Среди нихъ были пѣвцы талантливые, сумѣвшіе сказать свое слово; не мало было среди нихъ поэтовъ съ настоящимъ даромъ пѣснопѣнія, создававшихъ напѣвныя, ласкающія слухъ строки. Но изъ предѣловъ, захваченныхъ во владѣніе поэзіи ашуговъ Саятъ-Новой, никто изъ нихъ,—какъ кажется,—не вышелъ. Всѣ остались талантливыми учениками,—не больше. Добавимъ только, что число ашуговъ, т.-е. тѣхъ изъ нихъ, которые стали собирать и записывать свои пѣсни, въ XIX в. весьма значительно. Эта лирика представляетъ большой интересъ, историческій эстетическій, но мы, въ тѣхъ общихъ чертахъ, которыми характеризуемъ эволюцію армянской поэзіи,

принуждены обойти ее молчаніемъ. Тѣ 12 стихотвореній Саятъ-Новы, которыя приведены въ нашемъ сборникѣ, въ нашемъ посильномъ переводѣ, даютъ достаточное представленіе о различныхъ темахъ и о характерныхъ пріемахъ поэзіи ашуговъ.

Исключеніе мы можемъ только сдѣлать для двухъ позднѣйшихъ ашуговъ, во-первыхъ,—чтобы все же охарактеризовать творчество народныхъ пѣвцовъ нашихъ дней, а, во-вторыхъ, потому,—что у обоихъ этихъ поэтовъ, сильнѣе, чѣмъ у другихъ, звучитъ нѣчто свое, новое. Мы говоримъ объ ашугахъ Лункіаносѣ и Дживани. Первый изъ нихъ, Лункіаносъ, родился въ самомъ концѣ XVIII в., въ Эрзерумѣ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ монастырѣ, потомъ оказался въ Египтѣ, служилъ секретаремъ у Ибрагима-паши, но, покинувъ его, отдался бродячей жизни, полной всевозможныхъ лишеній, причемъ побывалъ, между прочимъ, въ Петроградѣ, и умеръ, въ серединѣ прошлаго вѣка въ деревнѣ Вареванъ. Дживани—уже нашъ современникъ; онъ родился въ 1846 г., близъ города Ахалкалаки, рано сдѣлался бродячимъ пѣвцомъ, ашугомъ, организовалъ даже цѣлую труппу пѣвцовъ, и пѣлъ свои пѣсни, съ огромнымъ успѣхомъ, въ Александрополѣ, въ Тифлисѣ, въ Баку, въ Батумѣ, въ Карсѣ; скончался Дживани въ 1909 г. Поэзія Лункіаноса замѣчательна своимъ мистическимъ оттѣнкомъ, мало обычнымъ въ пѣсняхъ ашуговъ. Поэзія Дживани болѣе разнообразна, разностороння; поэтъ, въ своихъ пѣсняхъ, касался самыхъ различныхъ темъ,—изъ пѣвца любви становился моралистомъ, воспѣвалъ современныя ему событія, злобы дня, и писалъ застольныя пѣсни и т. под. Между прочимъ, языкъ Дживани—уже современный литературный языкъ, и вообще на пѣсняхъ Дживани сказалось книжное вліяніе. Среди несомнѣнныхъ подражаній Саятъ-Новѣ и нѣкоторымъ новымъ поэтамъ, Дживани создалъ нѣсколько истинно прекрасныхъ стихотвореній, которыя, вѣроятно, останутся въ армянской поэзіи навсегда. Именно такія пѣсни мы постарались воспроизвести въ нашемъ сборникѣ, также какъ и одну изъ мистическихъ пѣсенъ Лункіаноса.

Но поэзія Лункіаноса и Дживани относится уже къ слѣдующему періоду. Раньше, чѣмъ ашугъ Дживани началъ слагать свои пѣсни, возникла, выросла и окрѣпла новая армянская поэзія,—поэзія не народныхъ пѣвцовъ, но книжная, «искусственная», какъ обычно (и, кончено, неправильно) ее называютъ.

На Западѣ, въ Константинополѣ и въ европейскихъ колоніяхъ армянъ, и въ предѣлахъ Россіи, какъ въ армянскихъ областяхъ, прежде всего въ Тифлисѣ, такъ особенно въ армянской колоніи въ Москвѣ,—началось развитіе ново-армянской литературы, возстановившей связь армянской литературы съ міровой. Выработанъ былъ новый литературный языкъ (точнѣе: два новыхъ литературныхъ языка или нарѣчія, одно—у западныхъ армянъ, другое—у русскихъ), и рядъ поколѣній армянскихъ писателей принялъ на себя трудную, отвѣтственную, но и благодарную задачу,—усвоить армянскому народу все то, что европейскія литературы успѣли свершить за нѣсколько вѣковъ, въ теченіе которыхъ Арменія была отрѣзана отъ обще-культурной работы человѣчества.

Исторія ново-армянской литературы есть совершенно особая область знанія. Здѣсь, въ этомъ краткомъ очеркѣ, невозможно будетъ сколько-нибудь обстоятельно изложить эту исторію и прослѣдить всѣ послѣдовательные этапы ея развитія. По многимъ причинамъ (въ томъ числѣ и по недостаточной подготовленности къ такой задачѣ пишущаго эти строки), мы должны будемъ ограничиться лишь указаніемъ на общія черты этого развитія и также лишь общими характеристиками наиболѣе выдающихся дѣятелей. Притомъ, вниманіе мы обратимъ преимущественно на дѣятельность поэтовъ старшихъ поколѣній, въ большей или меньшей степени завершившихъ кругъ своего творческаго подвига, такъ какъ для болѣе молодыхъ писателей, продолжающихъ итти впередъ, измѣняться и искать, еще не наступило время *исторіи*: ихъ поэзія еще всецѣло подлежитъ *критикѣ*, которой не мѣсто въ нашемъ сборникѣ.

5.

Возрожденіе армянской литературы тѣсно связано съ дѣятельностью конгрегаціи мхитаристовъ, основанной Мхитаромъ Себастаци (1676—1749) въ Константинополѣ, но упрочившейся въ Венеціи. Изъ этой коллегіи вышелъ длинный рядъ ученыхъ, писателей и вообще дѣятелей просвѣщенія. Мхитаристы издали словари и грамматики армянскаго языка (древняго), сочиненія по исторіи Арменіи, переводы классиковъ европейской литературы на армянскій языкъ и много др. сочи-

неній, оказавшихъ могущественное вліяніе. Позднѣе часть мхитаристовъ основала особую коллегію въ Вѣнѣ и продолжала тамъ ту же полезную дѣятельность. Изъ рядовъ мхитаристовъ вышли и первые ново-армянскіе поэты, въ томъ числѣ Багратуни и Алишанъ. Первый Арсенъ Багратуни (1790—1866 г.), былъ представителемъ лже-классицизма, еще господствовавшаго въ его время въ европейскихъ литературахъ. Второй, Геондъ Алишанъ, также не избѣгъ этого вліянія, но постепенно освобождался отъ него, что выразилось между прочимъ и въ переходѣ отъ классическаго грапара (на которомъ написаны всѣ болѣе раннія стихотворенія Алишана) къ новому языку (константинопольскому нарѣчію).

Геондъ Алишанъ (1820—1901 гг.) оставилъ много цѣнныхъ научныхъ работъ,—по исторіи, археологіи, географіи и т. под. Но онъ былъ и выдающимся поэтомъ, стихи котораго составили въ общемъ 5 томовъ. Въ техникѣ стиха Алишанъ достигалъ большого совершенства, и его произведенія до сихъ поръ сохраняютъ любовь значительнаго числа читателей, какъ искреннія и красивыя вдохновенія. Алишаномъ написано не мало религіозныхъ стихотвореній, молитвъ и гимновъ; есть поэмы, посвященныя историческому прошлому Арменіи; есть живыя описанія природы; особую глубину стихамъ Алишана придаетъ его трогательная любовь къ родинѣ, воспламенявшаяся судьбой поэта, жившаго на чужбинѣ. Въ нашемъ сборникѣ Алишанъ представленъ стихотвореніемъ «Разданъ», въ которомъ «вѣчная» тема поэзіи—возвращеніе изгнанника въ родной край,—оживлена и согрѣта сильнымъ чувствомъ армянина-патріота.

Однако, истинными основателями «школы турецкихъ армянъ» (или константинопольской) въ ново-армянской литературѣ должно признать двухъ поэтовъ слѣдующаго поколѣнія: Пэшикташляна и Дуріана,—поэтовъ, творчество которыхъ уже всецѣло пользовалось новымъ языкомъ. Чтобы правильно оцѣнить ихъ дѣятельность,—также какъ и дѣятельность работавшихъ параллельно съ ними зачинателей «школы русскихъ армянъ», должно представить себѣ огромность и трудности выдвигавшихся задачъ. Предстояло, прежде всего, сдѣлавъ выборъ изъ разнообразныхъ діалектовъ, выковать новое орудіе литературной, въ частности поэтической, рѣчи: иначе говоря,—предстояло *создать языкъ:* угадать единство въ противорѣчивыхъ элементахъ народныхъ говоровъ, приспособить этотъ

языкъ для выраженія всѣхъ оттѣнковъ утонченной мысли, сдѣлать его пригоднымъ для отражеія всѣхъ порывовъ души совершеннаго человѣка. Конечно, эту задачу разрѣшали совмѣстно и прозаики и поэты, но на долю тѣхъ, кто писалъ стихами, выпала наиболѣе отвѣтственная ея часть: придать языку красоту при сжатости выраженій. Рядомъ стояла другая задача, не менѣе огромная и не менѣе трудная: усвоить возникавшей новой армянской поэзіи всѣ завоеванія европейскихъ литературъ, которыя къ серединѣ XIX вѣка пережили длинную эволюцію, изживъ, одна за другой, школы псевдо-классицизма, сентиментализма, романтизма и уже вступивъ въ періодъ господства реализма. Въ Европѣ уже были и Гете и Шиллеръ, и Викторъ Гюго и Мюссе, и Байронъ и Шелли, не говоря о болѣе раннихъ творцахъ: предстояло основныя черты созданнаго ими сроднить и съ армянской душой. Наконецъ, первые ново-армянскіе писатели н е и м ѣ л и п р а в а быть только художниками: положеніе родины обязывало ихъ въ той же мѣрѣ быть трибунами, глашатаями полузабытыхъ истинъ, будить народное самосознаніе, живить и одухотворять любовь къ родному краю, посильно врачевать многовѣковыя раны націи, укрѣплять въ ней силы для борьбы и поддерживать вѣру въ лучшее будущее... Только помня эти великія задачи, изъ которыхъ ни одной нельзя было пожертвовать, можно справедливо оцѣнить сдѣланное Пэшикташляномъ, Дуріаномъ, Патканьяномъ, Шахъ-Азизомъ и др. «зачинателями», сумѣвшими пребыть и истинными поэтами.

Мкртичъ Пэшикташлянъ (1828—1868 гг.) былъ прямымъ ученикомъ Алишана, такъ какъ воспитаніе получилъ въ обители мхитаристовъ. Но въ монашескій орденъ Пэшикташлянъ не вступилъ и потому его жизнь прошла болѣе бурно, подверженная всѣмъ волненіямъ страстей, надеждъ и разочарованій. Во внѣшнемъ отношеніи жизнь Пэшикташляна была полна тяжелыхъ испытаній; между прочимъ изведалъ онъ и борьбу съ матеріальной нуждой; но поэтъ не запятналъ своего образа никакимъ угодничествомъ передъ сильными. Онъ прожилъ свою жизнь скромно, но съ достоинствомъ, работалъ, какъ учитель и былъ боготворимъ учениками, зналъ неудачную любовь, но нашелъ утѣшеніе въ свѣтлой дружбѣ, и, благодаря своему ясному, привѣтливому характеру, пріобрѣлъ гораздо больше друзей, нежели противниковъ. Уже при жизни избранные

круги общества сумѣли оцѣнить творчество Пэшикташляна, и въ дни его послѣдней, предсмертной болѣзни множество лицъ постоянно освѣдомлялось о его здоровьи, что̀ крайне трогало скромнаго поэта.

Наибольшую популярность имѣли трагедіи Пэшикташляна, особенно тѣ, сюжетъ которыхъ взятъ изъ армянской исторіи; несмотря на условность формы, драмы эти имѣли облагораживающее значеніе возвышенностью своего содержанія. Въ лирикѣ— лучшія вещи Пэшикташляна тѣ, въ которыхъ дышитъ патріотичное чувство: поэтъ умѣлъ подходить къ такимъ темамъ не банально и каждый разъ придавать своимъ стихамъ привлекательность новизны. Но, и какъ поэтъ природы, Пэшикташлянъ имѣетъ право на вниманіе, такъ какъ онъ ее понималъ и любилъ, «дышалъ одною жизнью» съ ней. Темамъ любви также отдано значительное мѣсто въ поэзіи Пэшикташляна. Ю. Веселовскій, въ очеркѣ о творчествѣ Пэшикташляна, справедливо говоритъ, что «поэтъ обладалъ необыкновенною способностью соединять въ своихъ эротическихъ стихотвореніяхъ восточную роскошь красокъ съ міросозерцаніемъ и духовнымъ міромъ культурнаго европейца». Въ этомъ отношеніи Пэшикташлянъ являлся истиннымъ продолжателемъ основной традиціи древней армянской поэзіи. Остается добавить, что въ поэзіи Пэшикташляна сказывается вліяніе Гейне и Мюссе и нѣкоторыхъ другихъ поэтовъ XIX вѣка и что поэтическій языкъ, въ его стихахъ, еще носитъ слѣды ранняго періода своего образованія. Въ нашемъ сборникѣ Пэшикташлянъ представленъ восемью стихотвореніями, характеризующими его какъ поэта родины, любви и природы.

Совершенно иного типа была личность Петроса Дуріана (1851—1872 гг.), поэта слѣдующаго поколѣнія, умершаго почти 20-лѣтнимъ юношей и прорѣзавшаго небосклонъ армянской литературы какъ яркій метеоръ. Родившись въ бѣдной семьѣ константинопольскаго армянина, учившійся только въ народной школѣ, не имѣвшій никакихъ покровителей или вліятельныхъ друзей, Дуріанъ одному себѣ обязанъ и своимъ образованіемъ и своими успѣхами въ литературѣ. Страстный, порывистый, но настойчивый, Дуріанъ всю жизнь боролся,—и съ нуждой, и съ непониманіемъ современниковъ, и съ міровыми предразсудками, свойственными не однимъ только армянамъ. Авторъ ряда драматическихъ произведеній, выступавшій на сценѣ и какъ актеръ, Дуріанъ наиболѣе силенъ, какъ лирикъ; но лирика

всегда—голосъ молодости, и ранняя кончина Дуріана не позволяетъ судить, какимъ могъ бы онъ стать драматургомъ, если бы могъ творить уже послѣ опыта жизни.

Романтикъ, и по убѣжденіямъ и по природѣ, Дуріанъ въ своихъ, сравнительно, немногочисленныхъ пѣсняхъ, прокричалъ міру о своей страстной любви къ родному народу, о своей вѣрѣ въ самого себя, о своихъ страданіяхъ, которыя были бы страданіями каждаго мыслящаго человѣка въ окружавшей поэта средѣ, и, наконецъ, бросилъ (въ стихотв. «Упреки») свой вызовъ Богу, нѣсколько романтически-преувеличенный, но захватывающій душу искренностью и глубиной чувства... Юноша Дуріанъ остается въ исторіи армянской поэзіи, какъ яркій, огненный штрихъ: среди другихъ, болѣе спокойныхъ поэтовъ, онъ показалъ, что значитъ въ творчествѣ «темпераментъ», сила непосредственныхъ переживаній, часто не только замѣняющихъ «школу», «технику», но безмѣрно возвышающихся надъ ними... Въ этомъ—историческое значеніе творчества Дуріана, особенно важное и именно для поэзіи «турецкихъ армянъ», послѣдующіе дѣятели которой порой грѣшили излишней выдержкой, клонясь къ холоду парнасизма и ставя себѣ идеаломъ его «непогрѣшимость». Впрочемъ, многія стихотворенія Дуріана, и по формѣ, достигаютъ большой изысканности: особенно же изящно умѣлъ поэтъ строить строфу, въ чемъ учителями ему служили его любимѣйшіе французскіе поэты: Викторъ Гюго и Ламартинъ. Въ нашемъ сборникѣ мы стремились представить поэзію Дуріана во всѣхъ ея наиболѣе характерныхъ образцахъ.

Наряду съ Пэшикташляномъ и Дуріаномъ въ школѣ «турецкихъ армянъ» работало не мало другихъ поэтовъ, дѣятельность которыхъ падаетъ на два среднихъ двадцатипятилѣтія XIX в. (между 1825 и 1875 гг.). Среди этихъ поэтовъ, безусловно, были писатели съ дарованіемъ, произведенія которыхъ не прошли безслѣдно для армянской литературы. Изъ болѣе раннихъ, таковы—Галфаянъ (Хоренъ Наръ-Бей, 1831—1892 гг.), также членъ общины мхитаристовъ, впрочемъ, впослѣдствіи выступившій изъ нея, и Ачемьянъ (р. въ 1838 г.), драматургъ и лирикъ, авторъ нѣсколькихъ красивыхъ стихотвореній. Какъ эти два писателя, такъ и нѣкоторые изъ ихъ преемниковъ (назовемъ: Восканіана, Руссиньяна, Тцеренца; въ «Смирнской школѣ»: Мамуріана, Отіана, Пароніана, Дэмирчибашьяна), безспорно,—писатели съ дарованіемъ. Въ ихъ произведеніяхъ ново-

армянскій языкъ вырабатывался, очищался и обогащался, новыми словами, и оборотами. Одновременно съ тѣмъ, дѣятели школы «турецкихъ армянъ», не по сознательному методу, но просто подчиняясь влеченію личныхъ симпатій, «пересаживали», такъ сказать, на армянскую почву цвѣты западной поэзіи, особенно — французской. Въ рядѣ прямыхъ переводовъ, сознательныхъ подражаній и невольныхъ реминисценцій, эти поэты усвоили армянской поэзіи мотивы французскихъ романтиковъ и, отчасти, парнассцевъ: В. Гюго, А. де-Виньи, А. де-Мюссе, Ламартина, Сюлли-Прюдома и мн. др. Такая дѣятельность и подготовила богатый расцвѣтъ послѣдующаго періода этой школы (конецъ XIX и начало XX вѣка). Рядъ поэтовъ (мы не будемъ здѣсь перечислять ихъ имена), съ большимъ совершенствомъ, разработалъ *технику*, обточилъ стихъ, обострилъ риѳму, испробовалъ всѣ формы (съ особой любовью культивируя сонетъ) и передалъ въ руки слѣдующаго поколѣнія превосходно-настроенный инструментъ, способный выразить всю гамму раздумій и чувствованій современнаго человѣка.

Иными путями шло развитіе школы «русскихъ армянъ», дѣятели которой выступили на литературное поприще позднѣе. Въ то время, какъ на Западѣ, благодаря дѣятельности мхитаристовъ, уже съ XVIII вѣка существовала новая армянская литература, хотя и пользовавшаяся для своего выраженія мертвымъ грапаромъ, русскіе армяне долгіе годы не имѣли, строго говоря, своей литературы (если не считать совершенно разрозненныхъ попытокъ, изданія нѣкоторыхъ учебниковъ, рукописныхъ сочиненій и т. под.). Только къ серединѣ вѣка вполнѣ созрѣла потребность дать литературное выраженіе новому народному духу и, приблизительно около той же эпохи, когда западные армяне стали дѣлать попытки писать на константинопольскомъ нарѣчіи, у русскихъ армянъ возникло первое произведеніе на араратскомъ нарѣчіи, ставшемъ затѣмъ общепринятымъ: то былъ романъ Хачатура Абовьяна (1803—1848 гг.), «Раны Арменіи», написанный въ 40-хъ годахъ (но напечатанный лишь въ 1858 г.). Затѣмъ, въ 50-хъ годахъ было положено основаніе періодической печати на разговорномъ языкѣ: въ 1850—1851 г., въ Тифлисѣ, Габріэлъ Патканьянъ (отецъ будущаго поэта), издавалъ первый, въ Россіи, армянскій журналъ «Араратъ»; въ 1858 г., возникъ, благодаря энергической дѣятельности С. Назарьянца и М. Налбандьяна, въ Москвѣ, другой

армянскій журналъ «Сѣверное Сіяніе», продержавшійся нѣсколько лѣтъ; Г. Арцруни была основана, въ 1872 г., въ Тифлисѣ газета «Мшакъ», издающаяся и понынѣ... Эти изданія вызвали къ жизни цѣлую литературу: публицистическихъ статей, разсказовъ, также—романовъ и стиховъ. Изъ первыхъ дѣятелей литературы, среди русскихъ армянъ, должны быть отмѣчены имена—Раффи (1835—1888 гг.), стяжавшаго большую и заслуженную популярность своими, широко задуманными романами, Габріэля Сундукьяна (1825—1912 гг.), не менѣе извѣстнаго создателя армянскаго театра, автора превосходныхъ бытовыхъ драмъ, Перча Прошьянца (романъ «Сосъ и Вартитеръ», 1860 г., написанный, однако, на аштаракскомъ нарѣчіи), и, наконецъ, зачинателей новой поэзіи—Р. Патканьяна и С. Шахъ-Азиза.

Рафаэлъ Патканьянъ (1830—1892 гг.) вышелъ изъ семьи, преданной литературнымъ интересамъ. Дѣдъ поэта, Керовпэ, выходецъ изъ Константинополя, учившійся у мхитаристовъ въ Венеціи и затѣмъ поселившійся въ Нахичевани на Дону, сочинялъ пѣсни, охотно распѣвавшіяся современниками. Отецъ поэта, Габріэлъ, по сану—священникъ, тоже писалъ стихи и еще больше времени отдавалъ публицистикѣ, основавъ (какъ мы указывали) первый, въ Россіи, армянскій журналъ. Всѣ три сына Габріэла стали писателями: Микаэлъ,—кромѣ статей публицистическаго характера, писалъ комедіи и организовалъ первый, въ Тифлисѣ, публичный театръ; Керовпэ,—занявъ въ Петроградскомъ университетѣ каѳедру армянской словесности и исторіи, оставилъ рядъ научныхъ трудовъ и рядъ стихотворныхъ переводовъ европейскихъ классиковъ; наконецъ, Рафаэлъ Патканьянъ—сталъ знаменитымъ поэтомъ. Отецъ, съ раннихъ лѣтъ, поощрялъ литературные интересы въ своихъ дѣтяхъ, такъ что будущій поэтъ, съ дѣтства, дышалъ атмосферой литературы. Между прочимъ, отецъ самъ поправлялъ его отроческіе стихи и, позднѣе, нѣкоторые изъ нихъ напечаталъ въ своемъ «Араратѣ». Начальное образованіе Рафаэлъ также получилъ подъ руководствомъ отца, такъ какъ тотъ содержалъ въ Нахичевани школу; затѣмъ, въ 1843 г., будущій поэтъ перешелъ въ Московскій Лазаревскій институтъ (основанный въ 1815 г.); наконецъ, съ 1852 г., слушалъ лекціи въ Юрьевскомъ университетѣ. За эти школьные годы Патканьяномъ было написано множество стихотвореній: самыя раннія—на грапарѣ, послѣдую-

щія—на разговорномъ языкѣ, однако, смѣшанномъ изъ разныхъ діалектовъ (эриванскомъ, ново-нахичеванскомъ, астраханскомъ), и только относящіяся къ концу этого періода—на томъ «новомъ литературномъ языкѣ», который тогда сталъ завоевывать права гражданства. Многія изъ юношескихъ стихотвореній Патканьяна исполнены одушевленіемъ молодости и понынѣ охотно поются армянской молодежью. Но серьезная литературная работа началась для Патканьяна лишь съ середины 50-хъ годовъ.

Въ 1855 г., Патканьянъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами издалъ первый сборникъ стиховъ (подъ псевдонимомъ Гамаръ-Катипа), возбудившій общее вниманіе; эпиграфъ книжки гласилъ: «пиши такъ, какъ говоришь, и говори такъ, какъ пишешь» (Карамзинъ). Стихотвореніе «Слезы Аракса», появившееся вслѣдъ затѣмъ, сдѣлало имя молодого поэта популярнымъ, и эта популярность росла съ появленіемъ новыхъ стихотвореній и новыхъ книгъ Патканьяна. Одно время онъ издавалъ, въ Петроградѣ, армянскій журналъ «Сѣверъ»; но скоро прекратилъ его, переселился въ родной городъ и здѣсь, подобно своему отцу, занялся педагогической дѣятельностью, такъ какъ одна литература еще не могла, въ то время, обезпечить жизнь армянскаго писателя. Но задушевнымъ дѣломъ Патканьяна оставалась все же литература: онъ продолжалъ дѣятельно сотрудничать въ армянскихъ періодическихъ изданіяхъ, и его стихи тотчасъ становились достояніемъ всего народа, видѣвшаго въ Патканьянѣ своего національнаго поэта. Рано перешли его стихи и въ школу, такъ что дѣти воспитывались на его поэзіи. Послѣдніе годы жизни Патканьяна были окружены всеобщимъ признаніемъ и почитаніемъ, въ которомъ исчезали голоса отдѣльныхъ недоброжелателей, раздраженныхъ обличительными сатирами поэта. Однако, матеріальное положеніе уже знаменитаго писателя все же оставалось необезпеченнымъ; чтобы дать возможность Патканьяну серьезно лечиться отъ грознаго недуга, пришлось прибѣгнуть къ общественной помощи... Необходимыя средства были собраны, но спасти поэта уже не удалось: онъ скончался въ родномъ городѣ и тамъ же похороненъ, хотя выражалъ желаніе покоиться въ Эчміадзинѣ, гдѣ теперь воздвигнутъ Патканьяну скромный памятникъ-бюстъ.

Значеніе поэзіи Патканьяна трудно оцѣнить въ полной мѣрѣ читателю не-армянину. Ея основная сила въ чувствѣ высокаго патріотизма, въ той огненной и безкорыстной любви къ

родному народу, которая выражается не въ однихъ диѳирамбахъ, но и въ горькихъ сатирахъ. Истинная любовь не чуждается гнѣва и даже ненависти, и именно потому вѣришь въ глубину любви Патканьяна, что онъ смѣлъ ненавидѣть въ родной странѣ все, достойное ненависти, и умѣлъ разить гнѣвными стрѣлами все, заслуживающее такихъ ударовъ. Есть поэты, которые искренно любятъ родину, но ихъ любовь—слѣпая, разливающаяся, безъ различія, на все «родное»; любовь другихъ—безотчетная, не сознающая, на что именно она направлена, подобная привязанности звѣря къ тому лѣсу, гдѣ онъ родился; бываютъ и третьи, готовые любить родину изъ корыстныхъ цѣлей... Не таковъ патріотизмъ Патканьяна: его не ослѣпляетъ любовь, онъ видитъ грѣхи и язвы родного народа, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, знаетъ, за что его любитъ и что въ немъ любитъ. Это—патріотизмъ дѣйственный, обязывающій не къ безличнымъ восторгамъ, но къ рѣшающимъ поступкамъ; это—любовь оживляющая другихъ и самому поэту дающая черпать изъ себя все новыя силы. Но, конечно, надо быть сыномъ своего народа, чтобы вполнѣ понять могучее впечатлѣніе, которое должна производить поэзія, проникнутая силой такой любви...

Патканьянъ писалъ публицистическія статьи и беллетристическіе очерки (на нахичеванскомъ нарѣчіи, широко популярные въ Нахичевани), но его обще-народное значеніе покоится на его лирикѣ. Пѣсни Патканьяна назначены для народа, и потому въ нихъ нѣтъ «особенной заботы объ отдѣлкѣ языка» (опредѣленіе Ю. Веселовскаго); въ частности, самый языкъ Патканьяна представляетъ соединеніе разныхъ элементовъ, такъ что въ немъ смѣшиваются различные армянскіе діалекты. Но зато поэтъ умѣлъ найти выраженія мѣткія, прямо попадающія въ цѣль, и, въ каждомъ стихотвореніи, выдвинуть впередъ все самое важное; благодаря этому, стихи Патканьяна производятъ впечатлѣніе непосредственное, чѣмъ и объясняется ихъ огромный успѣхъ въ массѣ читателей. Поэзія Патканьяна, во многихъ отношеніяхъ, была выраженіемъ того, что другіе смутно чувствовали въ себѣ; поэтъ какъ бы сталъ голосомъ своего народа, далъ языкъ нѣмотствующей массѣ, и каждый читатель чувствовалъ какъ бы самого себя авторомъ прочитаннаго стихотворенія. Основой въ поэзіи Патканьяна является мысль: содержаніемъ—сильный подъемъ патріотическаго чувства; все остальное—лишь прикрасой. Стихи Патканьяна,

прежде всего и больше всего,—голосъ учителя, въ которомъ такъ нуждался армянскій народъ въ ту эпоху... Разумѣется, все это относится къ главнымъ созданіямъ Патканьяна, такъ какъ у него есть отдѣльныя стихотворенія другого характера,—выражающія чувство любви, отражающія красоту природы и т. п. Нѣкоторымъ стихотвореніямъ приданъ пѣсенный складъ, съ повтореніемъ припѣва въ каждой строфѣ, и этотъ пріемъ, заимствованный изъ народной поэзіи, придаетъ стихамъ новую силу. Въ нашемъ сборникѣ Патканьянъ представленъ преимущественно, какъ поэтъ идеи и національный пѣвецъ, ибо таково его историческое значеніе. Представлены въ сборникѣ и наиболѣе популярныя стихотворенія Патканьяна, какъ «Слезы Аракса» и «Пѣснь храбраго Вартана-Мамиконьяна».

Другимъ характеромъ запечатлѣна поэзія Смбата Шахъ-Азиза (1841—1907 гг.). У него не было, какъ у Патканьяна, темперамента бойца и властнаго голоса учителя, хотя цѣли двухъ поэтовъ и пониманіе ими задачъ поэзіи—схожи. Шахъ-Азизъ, опять въ отличіе отъ Патканьяна, посвятилъ поэзіи не всю свою жизнь, но отдалъ ей лишь порывы юности и отдѣльныхъ періодовъ зрѣлаго возраста. Сынъ священника, родомъ изъ села Аштаракъ (Эриванской губ.), рано потерявшій отца, Шахъ-Азизъ воспитывался въ Москвѣ, въ Лазаревскомъ институтѣ, началъ писать еще на школьной скамьѣ и, въ 1860 г., издалъ, подъ заглавіемъ «Часы досуга», сборникъ юношескихъ стихотвореній. Болѣе серьезныя стихотворенія были опубликованы поэтомъ въ его второй книгѣ стиховъ, 1865 г., гдѣ появилась и большая поэма, названная «Скорбь Леона». Затѣмъ, только въ 1893 г., Шахъ-Азизъ издалъ третій и послѣдній сборникъ стиховъ, впрочемъ, весьма небольшой по объему. Помимо стиховъ, Шахъ-Азизъ участвовалъ въ литературѣ, какъ публицистъ, и написалъ довольно много статей, появлявшихся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ Лазаревскомъ институтѣ Шахъ-Азизъ занималъ должность преподавателя армянскаго языка и исполнялъ свои обязанности почти до самой своей смерти. Насколько извѣстно, жизнь его прошла безъ особыхъ волненій; не было у него и литературныхъ враговъ, и его старость была скрашена всеобщимъ уваженіемъ, покоившимся почти исключительно на стихахъ, собранныхъ въ сборникѣ 1865 г. Стихи Шахъ-Азиза получили широкое распространеніе; ихъ охотно

пѣли, изучали въ школахъ, и поэтъ былъ признанъ въ числѣ классиковъ ново-армянской литературы.

«Ораторство—faculté maîtresse Шахъ-Азиза», говоритъ М. Берберьянъ, и это совершенно справедливо. Тотъ же критикъ отмѣчаетъ «недостатки формы» въ поэзіи Шахъ-Азиза: «слишкомъ однообразный размѣръ стиховъ, невыдержанный ритмъ и неправильную риѳмовку». Если добавить, что темы стиховъ Шахъ-Азиза—всѣ обычныя, основныя темы лирики: любовь, чувство патріотизма, картины природы и раздумья надъ «вѣчными» вопросами, то образъ поэта станетъ ясенъ. Шахъ-Азизъ самъ признавалъ, что, по его убѣжденію, дѣло поэта—«служить своей лирой обществу». Въ исторіи армянской поэзіи Шахъ-Азизъ занимаетъ мѣсто рядомъ съ Патканьяномъ, хотя уступаетъ ему въ непосредственномъ дарованіи,—такъ какъ выполнялъ ту же историческую задачу: ковать новый языкъ и будить національное чувство. Тотъ же М. Берберьянъ, говоря о патріотическихъ стихотвореніяхъ Шахъ-Азиза, которыя называетъ «его рѣчами о патріотизмѣ, облеченными въ стихотворную форму», добавляетъ: «декламаторскій тонъ нѣсколько парализуетъ ихъ силу». О любовныхъ стихахъ Шахъ-Азиза этотъ критикъ выражается такъ: «какъ бы ни была сильна любовь, наружное спокойствіе не покидаетъ поэта; пылкихъ изліяній чувствъ вы у него не найдете». Наконецъ, о философскихъ раздумьяхъ поэта тамъ же читаемъ: «не имѣя философскаго образованія, онъ съ жадностью хватался за всѣ, болѣе или менѣе ясно выраженныя идеи; потому-то въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ (у Шахъ-Азиза) много неяснаго». Таковы ограниченія, которыя армянскій критикъ счелъ необходимымъ сдѣлать къ оцѣнкѣ Шахъ-Азиза, отмѣтивъ его «богатый и изящный слогъ» и нѣсколько стихотвореній, являющихся «украшеніемъ армянской лирики». Мы, въ нашемъ сборникѣ, постарались представить эти стихотворенія, въ томъ числѣ, дѣйствительно, очаровательное—«Сонъ».

Современникомъ Патканьяна и Шахъ-Азиза былъ поэтъ Георгъ Додохьянъ, среди стихотвореній котораго есть одно—о ласточкѣ (представленное въ нашемъ сборникѣ), прелестная пѣсня, остающаяся украшеніемъ всѣхъ антологій армянской поэзіи. Этой пѣснѣ, конечно, суждено жить, пока живъ будетъ или хотя бы будетъ изучаемъ армянскій языкъ. Подобно французскому поэту Арно, автору стихотворенія о «Листикѣ», До-

дохьянъ—поэтъ одного стихотворенія, но имъ онъ навсегда пріобрѣлъ себѣ мѣсто въ исторіи армянской литературы.

6.

Рядомъ съ названными «зачинателями» армянской поэзіи среди «русскихъ» работали и другіе, дѣятельность которыхъ, какъ и второстепенныхъ поэтовъ школы «турецкихъ армянъ», имѣла свое историческое значеніе. Такъ, писали стихи, представлявшіе несомнѣнныя достоинства, и Хачатуръ Абовіанъ и Раффи, но значеніе этихъ писателей покоится не на стихахъ, а на написанныхъ ими романахъ. Также болѣе романистомъ былъ Газаросъ Агаянъ (1840—1912 гг.), впрочемъ, оставившій превосходную «пѣсню о прялкѣ» (также включенную въ нашъ сборникъ). Рядъ другихъ поэтовъ развивали темы Патканьяна и Шахъ-Азиза, «подыгрывая» имъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и двигая ихъ дѣло впередъ. Однако, подлинное раскрытіе всѣхъ богатствъ, заложенныхъ въ армянской поэзіи, суждено было только слѣдующему поколѣнію, — поэтовъ, родившихся въ 60-хъ годахъ XIX в. и, слѣдовательно, выступившихъ на литературное поприще въ 80-хъ и 90-хъ годахъ. Въ исторіи всѣхъ литературъ извѣстны такія эпохи, когда для поэзіи вдругъ наступаетъ время цвѣтенія, словно для вишневаго дерева съ наступленіемъ весны. Такую эпоху и пережила поэзія «русскихъ армянъ», когда въ послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка одинъ за другимъ стали выдвигаться—Іоаннисіанъ, Цатуріанъ, Туманьянъ и Исаакіанъ.

Іоаннесъ Іоаннисіанъ (род. въ 1864 г.) выступилъ съ первымъ сборникомъ стиховъ въ 1886 г., въ эпоху, когда поэтическая дѣятельность Шахъ-Азиза временно прервалась, а—Патканьяна стала нѣсколько менѣе интенсивной, и былъ сразу встрѣченъ сочувственно и критикой и читателями. Съ тѣхъ поръ Іоаннисіанъ, до послѣдняго времени, продолжаетъ работать, какъ поэтъ, помѣщая свои стихи въ періодическихъ изданіяхъ, хотя отдѣльныхъ книгъ имъ издано немного (съ его именемъ вышло всего 3 сборника стиховъ). Образованіе Іоаннисіанъ получилъ въ Московскомъ университетѣ, что позволило ему вполнѣ овладѣть русскимъ языкомъ и дать позднѣе нѣсколько мастерскихъ переводовъ различныхъ произведеній русской поэзіи. Нѣкоторое время Іоаннисіанъ былъ преподавателемъ въ

Эчміадзинской академіи, затѣмъ—въ семинаріи въ Тифлисѣ; за послѣдніе годы—переселился въ Баку, гдѣ занялъ должность инспектора городскихъ училищъ. Человѣкъ прекрасно образованный, воспитавшій свой вкусъ на классическихъ образцахъ міровой литературы, Іоаннисіанъ, въ многихъ отношеніяхъ, былъ создателемъ новѣйшей фазы новой армянской поэзіи: многіе ея дѣятели являются или прямыми учениками Іоаннисіана или связаны съ нимъ узами дружбы и не избѣгали его благотворнаго воздѣйствія.

Указанныя черты характера Іоаннисіана опредѣляютъ и характеръ его поэзіи. Нѣтъ сомнѣнія, что его творчество, какъ и у всѣхъ истинныхъ поэтовъ, развилось лишь подъ вліяніемъ внутреннихъ, «безсознательныхъ» импульсовъ. Но, разсматривая его со стороны, можно подумать, что оно является результатомъ методически выполняемаго плана. Іоаннисіанъ словно ставилъ себѣ задачей—указать всѣ пути и дать всѣ образцы лирики. Пѣсня, ода, элегія, обработка исторической легенды, философское раздумье,—всѣ эти и другія основныя формы лирики были любовно и тщательно культивированы Іоаннисіаномъ. Онъ, съ бо̀льшимъ вниманіемъ, чѣмъ его предшественники отнесся также къ техникѣ своего искусства: языкъ Іоаннисіана чистъ и обдуманъ, его размѣры строго выдержаны, и его риѳма подчинена опредѣленнымъ законамъ. Выдающейся особенностью поэзіи Іоаннисіана является ея близость къ народной пѣснѣ: поэтъ обработалъ нѣкоторыя древнѣйшія пѣсни и преданія (напр., пѣсню о рожденіи Ваагна, легенду о царѣ Арташесѣ), воспользовался мотивами и пріемами народной лирики, и нѣкоторыя стихотворенія Іоаннисіана вернулись въ народъ: поются, какъ подлинныя народныя пѣсни, утративъ имя своего автора (напр., пѣсня: «Аразъ течетъ, волной бія...»). Конечно, это—одна изъ высшихъ наградъ, о которой только можетъ мечтать поэтъ. Въ этомъ смыслѣ, Іоаннисіанъ, по истинѣ, поэтъ, національный. Между прочимъ связь новой поэзіи съ народной—характерна вообще для всей школы «русскихъ армянъ»: въ этомъ сказалась ея «традиціонность», въ противоположность школѣ «турецкихъ армянъ», которая тѣснѣе связана съ теченіями «Запада»,—новыхъ европейскихъ литературъ. Ту же близость къ народной поэзіи находимъ мы въ творчествѣ Туманьяна и Исаакіана.

Ованнэсъ Туманьянъ (род. въ 1869 г.) представляетъ срав-

нительно съ Іоаннисіаномъ, типъ поэта болѣе страстнаго, болѣе непосредственнаго. Уроженецъ горнаго Лори, во многихъ отношеніяхъ автодидактъ, человѣкъ огромной, но не систематической начитанности, влюбленный въ армянскую старину и близкій духомъ ко всему укладу народной жизни, Туманьянъ какъ бы олицетворилъ собою типъ южанина, въ которомъ причудливо сочетаются два начала: кейфъ и геній. Нынѣ уже почти «патріархъ» новой поэзіи, такъ какъ уже успѣло вырости новое поколѣніе поэтовъ, принесшихъ съ собой новые идеалы, Туманьянъ является центромъ всей армянской литературной жизни въ Тифлисѣ. Популярность Туманьяна, какъ поэта, огромна и особенно растетъ благодаря тому, что имъ написано много дѣтскихъ книжекъ,—сказокъ, легендъ, разсказовъ, большею частью въ стихахъ,—которыя съ жадностью читаются дѣтьми. Такимъ образомъ подрастающія поколѣнія учатся любить слово и поэзію по страницамъ Туманьяна, и черезъ его стихи впитываютъ въ себя любовь къ родному языку. Въ то же время Туманьянъ охотно сотрудничаетъ въ мѣстной армянской прессѣ, давая преимущественно статьи по вопросамъ, связаннымъ съ исторіей литературы. И, кажется, нѣтъ во всемъ Тифлисѣ человѣка, кто не зналъ бы характерной сѣдой головы поэта и не любилъ бы его, какъ благороднаго человѣка и прекраснаго писателя.

Никакого методическаго плана, какой чудится (конечно, несправедливо) въ поэзіи Іоаннисіана, въ творчествѣ Туманьяна усмотрѣть невозможно: оно разливалось свободно, какъ весеннія воды, подчиняясь лишь прихотливому вдохновенію художника. И вообще все творчество Туманьяна носитъ на себѣ черты импровизаторскаго таланта (что̀ не исключаетъ работы художника надъ своими произведеніями, изъ которыхъ нѣкоторыя извѣстны въ двухъ и трехъ послѣдовательныхъ обработкахъ). Наибольшей силы поэзія Туманьяна достигаетъ въ лирическихъ поэмахъ, гдѣ сказывается всестороннее знаніе народной жизни и живое проникновеніе въ глубь народнаго духа. Для читателей другого народа знакомство съ поэмами Туманьяна (напр., съ его «Анушъ») даетъ больше въ познаніи современной Арменіи и ея жизни, чѣмъ могутъ дать толстые томы спеціальныхъ изслѣдованій. Поэтъ, въ рѣзкихъ и яркихъ чертахъ, воссоздаетъ бытъ родного народа, но дѣлаетъ это, какъ художникъ, вызывая къ жизни незабывающіеся образы, не столько индиви-

дуализованные, сколько типическіе. Нѣкоторая небрежность стиха щедро искупается у Туманьяна чуткимъ пониманіемъ ритма и рѣдкимъ даромъ звукописи. Въ цѣломъ, поэзія Туманьяна есть сама Арменія, древняя и новая, воскрешенная и запечатлѣнная въ стихахъ большимъ мастеромъ. Въ дѣтскихъ сказкахъ Туманьянъ далъ образцы наивной безыскуственности и свѣтлаго юмора, понятнаго и близкаго дѣтямъ. Наконецъ, сдѣлано Туманьяномъ и нѣсколько стихотворныхъ переводовъ съ русскаго (отрывокъ изъ былины, баллады Пушкина и т. под.), въ которыхъ плѣняетъ изумительное проникновеніе въ духъ оригинала, способность угадать самую сущность переводимаго произведенія.

Третій типъ поэта являетъ собою Аветикъ Исаакіанъ (род. въ 1875 г.). На цѣлое десятилѣтіе болѣе молодой, нежели Іоаннисіанъ и на 6 лѣтъ моложе Туманьяна, Исаакіанъ не минулъ тѣхъ вліяній, которыхъ остались чужды его старшіе соратники. Кромѣ того самая судьба Исаакіана сложилась иначе и передъ нимъ было болѣе широкое поле наблюденій, такъ какъ, не кончивъ курса въ Эчміадзинской академіи, онъ уже въ 1893 г. отправился за границу, гдѣ работалъ въ музеѣ въ Вѣнѣ и слушалъ лекціи въ Лейпцигѣ. Послѣ того поэтъ неоднократно вновь уѣзжалъ въ Западную Европу, гдѣ находится и нынѣ. Благодаря сближенію съ европейскими литературными кругами, Исаакіанъ испыталъ воздѣйствіе того «символистическаго движенія», которое властно захватило всю европейскую литературу въ концѣ XIX в., хотя, впрочемъ, оно отразилось на творчествѣ армянскаго поэта только въ своихъ основныхъ чертахъ, скорѣе какъ міровоззрѣніе, чѣмъ какъ литературная программа. Нѣкоторыя обстоятельства личной жизни, нашедшія, конечно, соотвѣтствующую почву въ самомъ характерѣ поэта, лишили его также той цѣльности, которая такъ привлекаетъ въ поэзіи Іоаннисіана и Туманьяна. Въ творчествѣ Исаакіана есть надломъ, надрывъ, котораго нѣтъ у его старшихъ собратьевъ, и это сообщаетъ его стихамъ особую остроту. Насколько поэзія Іоаннисіана—серьезно-спокойна, насколько творчество Туманьяна—страстно-радостно (говоримъ, конечно, объ общемъ устремленіи поэтовъ, а не объ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ), настолько стихи Исаакіана страдальчески безпокойны и порывисты.

Литературное богатство Исаакіана можно раздѣлить на двѣ половины. Первую составляютъ его пѣсни, въ которыхъ

поэтъ такъ близко подошелъ къ складу народной лирики, что иныя стихотворенія кажутся созданіями безымянныхъ пѣвцовъ, новой серіей народныхъ пѣсенъ. Всѣ обычные мотивы народной лирики использованы здѣсь со всѣмъ тѣмъ мастерствомъ, какое даетъ въ руки поэту новѣйшая стихотворная техника. Этого рода стихотворенія связываютъ Исаакіана съ поэзіей Іоаннисіана и Туманьяна, дѣлая его характернымъ представителемъ школы «русскихъ армянъ», продолжателемъ лучшихъ традицій прошлаго армянской литературы. Другую половину въ творчествѣ Исаакіана образуютъ его рефлективныя стихотворенія и его большая поэма «Абу-Ала-Маари», въ которыхъ особенно явно сказывается вліяніе символическаго періода литературы. Здѣсь Исаакіанъ выступаетъ какъ одинъ изъ европейскихъ поэтовъ, ставя себѣ тѣ же или сходныя задачи, разрѣшить которыя стремятся и лирики другихъ народовъ,—французскіе, нѣмецкіе, русскіе... По этимъ стихамъ можно судить, какого большого мастера имѣетъ армянская литература въ лицѣ Аветика Исаакіана. Впрочемъ, характерно все же, что героемъ его основной поэмы избранъ арабскій поэтъ и что вся она насыщена роскошью и нѣгой Азіи. Элементы Востока и здѣсь торжествуютъ свою побѣду въ созданіи представителя школы «русскихъ армянъ», какъ элементы Запада господствуютъ вездѣ въ творчествѣ представителей школы «турецкихъ армянъ».

Въ виду особенно важнаго значенія поэзіи Іоаннисіана, Туманьяна и Исаакіана для всей современной армянской литературы, въ нашемъ сборникѣ ихъ творчество представлено исключительно полно. Эти три поэта составляютъ наиболѣе яркое «трехзвѣздіе» на небѣ армянской литературы, и ея историческіе пути лежатъ черезъ дѣятельность этихъ трехъ писателей. Дальнѣйшее развитіе армянской поэзіи должно быть,—и такъ оно есть въ дѣйствительности,—частью развитіе началъ, заложенныхъ ими, частью преодолѣніе поставленныхъ ими предѣловъ, ибо въ «новомъ» всегда продолженіе «стараго» соединяется съ его разрушеніемъ. Мы постарались представить разнообразнѣйшіе образцы творчества Іоаннисіана, въ томъ числѣ и его возсозданія древнѣйшихъ пѣсенъ и легендъ. Поэзія Туманьяна представлена преимущественно его лирическими поэмами, въ центрѣ которыхъ стоитъ всеобъемлющая «Анушъ»; къ ней присоединена историческая поэма «Голубиный скитъ», возсоздающая прошлое Арменіи, и «Сердце дѣвы»; переведена нами и одна

изъ дѣтскихъ сказокъ: «Капля меда». Въ творчествѣ Исаакіана нами представлены обѣ половины: рядъ пѣсенъ, приближающихся къ народнымъ, и рядъ символическихъ стихотвореній, вмѣстѣ съ большой поэмой (или «каситомъ въ 7 сурахъ», какъ озаглавилъ авторъ) «Абу-Ала-Маари». Страницы, отведенныя Іоаннисіану, Туманьяну и Исаакіану, являются центральными въ отдѣлѣ новой армянской поэзіи, характеризуя то высшее развитіе, которое пока было ею достигнуто.

Нѣсколько обссобленно отъ этой линіи исторической эволюціи стоитъ поэзія Александра Цатуріана (род. въ 1865 г.), и только потому ее приходится разсматривать здѣсь отдѣльно, такъ какъ, по своему вліянію на современниковъ и по своему абсолютному значенію, она не уступала дѣятельности трехъ названныхъ поэтовъ. Ровесникъ Іоаннисіана, Цатуріанъ выступилъ въ литературѣ въ тотъ же благопріятный моментъ, когда читатели ждали новаго поэта, и его первые стихи почти сразу создали ему видное имя. Воспитанный въ тяжелой школѣ жизни, самъ пробивавшій себѣ путь, Цатуріанъ тѣснѣе связалъ свою поэзію съ вопросами общественными, которымъ посвятилъ значительную часть своихъ стиховъ, особенно позднѣйшаго періода. Но, рядомъ съ ними, онъ далъ и образцы непосредственнаго лиризма, развивающаго «извѣчныя» темы любви и красоты природы. Воспитывая свой вкусъ, преимущественно, на лучшихъ созданіяхъ русской поэзіи, Цатуріанъ много вниманія удѣлялъ отдѣлкѣ языка и, въ этомъ отношеніи, его стихи, въ свое время, представляли значительный шагъ впередъ, что и было тогда же единодушно отмѣчено критикой. Роднитъ же Цатуріана съ плеядой его современниковъ та же прикосновенность его поэзіи къ поэзіи народной, которую мы отмѣчали у всѣхъ дѣятелей школы «русскихъ армянъ»: таково, напр., очаровательное стихотвореніе «Веселый май, зеленый май!»

Выдающееся положеніе занимаетъ Цатуріанъ въ армянской литературѣ, какъ переводчикъ стихами. И Іоаннисіанъ и Туманьянъ подарили родной поэзіи нѣсколько превосходныхъ переводовъ, но у нихъ то было дѣломъ случайнаго вдохновенія. Александръ Цатуріанъ, напротивъ, сознательно и систематически посвятилъ себя переводамъ. Въ двухъ томахъ имъ была издана антологія изъ избранныхъ произведеній Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Никитина и Плещеева; помимо того, Цатуріаномъ были переведены «Стихотворенія въ прозѣ»

Тургенева, «три разсказа» Гюи-де Мопассана, отдѣльныя произведенія Шиллера (переводомъ его стихотворенія «Дитя въ колыбели» Цатуріанъ дебютировалъ въ печати, въ 1886 г.), Байрона, Гартмана, Гюго, Гейне и др. Эта дѣятельность переводчика, разумѣется, не могла отразиться въ нашемъ сборникѣ; точно также, по общему характеру книги, мы не включали въ нее полу-сатиристическихъ, полу-юмористическихъ стихотвореній Цатуріана, собранныхъ имъ въ сборникѣ «Шалости пера», гдѣ есть очень удачныя пьесы. Чистая же лирика Цатуріана представлена въ нашемъ сборникѣ, по возможности, во всѣхъ ея основныхъ направленіяхъ.

Рядомъ съ этими, наиболѣе видными поэтами своего поколѣнія, работало не мало и другихъ, среди которыхъ прежде всего должно назвать Дереника Дэмерчьяна (род. въ 1876 г.). Его дѣятельность не имѣла такого же вліянія, какъ дѣятельность его старшихъ сотоварищей, но причина тому, главнымъ образомъ, въ скупости Дэмерчьяна, какъ писателя: посвящая свое время другимъ областямъ дѣятельности (въ томъ числѣ—музыкѣ), онъ не имѣлъ возможности обработать и раскрыть свое дарованіе. Именемъ Дэмерчьяна подписано лишь ограниченное число стихотвореній, но среди нихъ есть прекрасная историческая поэма о Лэнгтимурѣ, отрывки изъ которой представлены въ нашемъ сборникѣ, какъ и небольшое, но плѣнительное по напѣву, лирическое стихотвореніе «Осень». Нынѣ Дереникъ Дэмерчьянъ живетъ въ Тифлисѣ, примыкая къ литературному кружку Туманьяна и являясь однимъ изъ лучшихъ поэтовъ его «школы».

Болѣе драматургомъ, нежели лирикомъ является Левонъ Мануэльянъ (род. въ 1864 г.), авторъ также романа «Разбитая жизнь», разсказовъ и нѣсколькихъ поэмъ. Нѣсколько стихотвореній Мануэльяна было въ свое время переведено на русскій языкъ, но они не представляютъ никакого существеннаго уклона отъ того, что сдѣлано другими, болѣе видными поэтами его поколѣнія. То же приходится сказать о стихотвореніяхъ Леренца, выступившаго какъ ученикъ Патканьяна, но замѣнившаго страстную одушевленность своего учителя разсудочной риторикой; постольку идейная поэзія имѣетъ всѣ права на вниманіе и всю силу воздѣйствія на души современниковъ, постольку поэзія тенденціозная стоитъ внѣ путей художественной эволюціи. Ученикомъ Туманьяна выступилъ Ваанъ Миракіанъ,

(род. въ 1875 г.), издавшій интересную поэму «Охота Лалвара,» подъ псевдонимомъ Миръ-Коно; но поэтъ не далъ болѣе ничего, и потому пока не можетъ быть включенъ въ общій ходъ развитія армянской поэзіи. Наконецъ, оставляя въ сторонѣ рядъ другихъ именъ, мы должны назвать поэтессу Шушаникъ Кургиньянъ (род. въ 1876 г.), которая, послѣ первыхъ опытовъ, въ духѣ Исаакіана, обратилась къ идейной поэзіи въ духѣ правовѣрнаго марксизма. Въ этомъ отношеніи Кургиньянъ представляетъ собою характерное явленіе въ армянской поэзіи. Въ стихахъ Кургиньянъ есть одушевленіе, и ея поэзія въ нашемъ сборникѣ представлена. Добавимъ, что по тому же пути стремится итти Акопъ Акопіанъ (род. въ 1869 г.) и нѣсколько другихъ, болѣе молодыхъ поэтовъ.

Таковы были пути развитія школы «русскихъ армянъ» при поэтахъ старшаго поколѣнія, творчество которыхъ опредѣлилось еще въ концѣ XIX и въ самомъ началѣ XX в. Одновременно съ тѣмъ поэзія «турецкихъ армянъ» шла впередъ своими путями, слѣдуя, въ общихъ чертахъ, эволюціи западно-европейскихъ литературъ, особенно французской. Такъ западно-армянскіе поэты, безусловно, подпали подъ вліяніе французскаго «парнаса» («парнасской школы»), требовавшаго прежде всего безупречности формы и отрѣшенія поэта отъ своей личности,—исчезновенія поэта за создаваемыми имъ образами. Направленіе «парнаса», во всѣхъ литературахъ, усвоившихъ его, всегда вело къ извѣстной холодности творчества, но зато способствовало развитію пластики въ поэзіи и доводило до высшаго совершенства технику стиха. То же произсшло и съ поэзіей «турецкихъ армянъ», которая въ рядѣ своихъ лучшихъ созданій можетъ гордиться «непогрѣшимой» формой («impeccable»—техническое слово въ этомъ отношеніи), большой скульптурностью образовъ и обдуманностью содержанія, въ ущербъ непосредственности вдохновеній и страстности стиховъ.

Спасительнымъ элементомъ оставалась для армянскихъ поэтовъ ихъ неизмѣнная любовь къ родинѣ, которая согрѣвала и оживляла ихъ «парнасскія» созданія. Впрочемъ, нѣкоторые изъ поэтовъ даже въ выборѣ темъ не избѣгли вліянія своихъ западныхъ сотоварищей, и, уклонившись отъ чисто-національныхъ сюжетовъ, разрабатывали задачи интернаціональныя. Несомнѣнно, по своей абсолютной цѣнности, иныя изъ такихъ стихотвореній не уступаютъ написаннымъ на темы народныя,

связанныя съ жизнью Арменіи. Для читателя-армянина эти произведенія «турецкихъ армянъ» могутъ представлять высокое очарованіе, такъ какъ на родномъ языкѣ даютъ ему ту же красоту, которую онъ долженъ былъ бы иначе искать въ созданіяхъ чужеземныхъ поэтовъ. Но такое очарованіе исчезаетъ для читателя другой націи, который можетъ знакомиться съ этой красотой или въ стихахъ своихъ поэтовъ или въ какой-либо иной, не армянской, литературѣ. Историческое значеніе за дѣломъ школы «турецкихъ армянъ» остается, и для армянской литературы она дала много необходимаго и прекраснаго; но ея значеніе для читателей не-армянъ, черезъ это, значительно уменьшается. Въ частности русскій читатель—и тѣ «вѣчныя» темы, которыя столь охотно и успѣшно разрабатываетъ школа «турецкихъ армянъ», и ту «безупречную» красоту формы, которой достигаетъ она въ своихъ лучшихъ созданіяхъ,—знаетъ и по стихамъ русскихъ поэтовъ и по творчеству французскихъ парнассцевъ. Вотъ почему въ нашемъ сборникѣ поэзіи «турецкихъ армянъ» удѣлено меньше мѣста, нежели «русскихъ», хотя мы и высоко цѣнимъ отдѣльныя произведенія западныхъ армянскихъ поэтовъ.

Надобно, впрочемъ, признать, что школа «турецкихъ армянъ», не дала поэта, который, по широтѣ захвата и по богатству творчества, могъ бы быть поставленъ въ рядъ съ корифеями школы русскихъ армянъ». На смѣну Пэшикташляну и Дуріану не пришелъ поэтъ съ такой же стихійной силой дарованія. Если не говорить о дѣятельности Дэмирчибашіана, съ поэзіей котораго мы не могли ознакомиться (по причинамъ, указаннымъ въ «объясненіи редакціи»), то поколѣнію Іоаннисіана, Цатуріана, Туманьяна и Исаакіана соотвѣтствуетъ среди «турецкихъ армянъ» поколѣніе—г-жи Сипилъ, Шанта, Чобаньяна, Малэзіана и Тэкэяна; моложе ихъ, но примыкаетъ къ нимъ по характеру своей поэзіи—Мэцарэнцъ. Однако, изъ ряда этихъ поэтовъ ни одинъ не создалъ своего цѣльнаго «міра», какой открывается, напр., въ творчествѣ Туманьяна. Всѣ они ктому же исключительно лирики и чуждаются слишкомъ обширныхъ замысловъ и всеобъемлющихъ задачъ.

Шантъ (род. въ 1869 г.)—болѣе драматургъ, нежели лирикъ. Его драмы очень замѣчательны (одна изъ нихъ, «Старые боги», недавно была переведена на русскій языкъ), но какъ чистый поэтъ онъ облюбовалъ себѣ ограниченное мѣсто: фило-

софскихъ раздумій. Какъ философъ-лирикъ, Шантъ создалъ рядъ превосходныхъ стихотвореній, глубоко продуманныхъ и тонко исполненныхъ. Особое очарованіе поэзіи Шанта коренится въ совершенной гармоніи между формой и содержаніемъ: они у него связаны неразрывно, и чувствуется, что данная мысль могла быть выражена только въ данныхъ образахъ и никакихъ иныхъ... Г-жа Сипилъ (род. въ 1863 г.) дала рядъ красивыхъ стихотвореній, ни въ чемъ не уступающихъ лучшимъ произведеніямъ французской поэзіи того же періода. Въ стихахъ г-жи Сипилъ есть что-то характерно-женственное, что рѣдко встрѣчается въ армянской поэзіи. — Есть задушевность въ поэзіи Малэзіана (род. въ 1873 г.), и есть большое мастерство въ строгихъ стихотвореніяхъ Мисака Мэцарэнца (род. въ 1885 г.), скончавшагося рано и не успѣвшаго развить свое прекрасное дарованіе.

Наиболѣе разнообразенъ и многостороненъ среди этихъ поэтовъ Ваанъ Тэкэянъ (род. въ 1877 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и наиболѣе націоналенъ, такъ какъ охотно затрагиваетъ темы армянской жизни и вопросы о судьбахъ Арменіи. Есть отголоски поэзіи Пэшикташляна и Дуріана въ стихахъ Тэкэяна и вообще онъ можетъ считаться, съ наибольшимъ правомъ, ихъ прямымъ преемникомъ. Со школой «турецкихъ армянъ» Тэкэяна роднитъ мастерство формы, разработанной у него, какъ у всѣхъ западно-армянскихъ поэтовъ до высокаго совершенства. Съ другой стороны Тэкэяна приближаютъ къ школѣ «русскихъ армянъ» темы, которыя характерны для русско-армянскихъ поэтовъ,— напр., о легендарной «лампадѣ Просвѣтителя». Въ нашемъ сборникѣ поэзія Ваана Тэкэяна представлена рядомъ переводовъ, какъ даны образцы и поэзіи г-жи Сипилъ, Шанта, Малэзіана и Мэцарэнца. Стихи этихъ поэтовъ, какъ сходные по пріемамъ съ творчествомъ поэтовъ французскихъ, легко, сравнительно, поддаются переводу, но врядъ ли увеличеніе числа этихъ переводовъ соотвѣтствовало бы назначенію нашей книги.

Особое мѣсто занимаетъ въ армянской литературѣ Аршакъ Чобаньянъ (род. въ 1872 г.). Неутомимый дѣятель и плодовитый писатель, онъ оказалъ родной литературѣ неоцѣнимыя услуги. Онъ издавалъ тексты забытыхъ армянскихъ писателей, перевелъ на французскій языкъ образцы народной армянской лирики и лирики средневѣковой, собранные имъ въ двухъ томахъ, редактировалъ, въ Парижѣ, армянскій журналъ, выступалъ съ лек-

ціями и докладами по вопросамъ, связаннымъ съ армянской жизнью и т. д.,—вообще сдѣлалъ такъ много, какъ никто, для знакомства западной публики съ Арменіей. За все это армянская литература обязана глубокой благодарностью Аршаку Чобаніану. Меньшее значеніе можетъ имѣть его собственное поэтическое творчество, съ которымъ онъ тоже ознакомилъ европейскихъ читателей, издавъ сборникъ своихъ стиховъ въ собственномъ переводѣ на французскій языкъ. Стихи Чобаніана, чаще всего перепѣвъ, иногда — талантливый, поэзіи новыхъ французскихъ поэтовъ, особенно Бодлэра и Верлэна. Въ нашемъ сборникѣ представлено два стихотворенія А. Чобаніана.

Въ общемъ можно установить, что обѣ школы—«русскихъ» и «турецкихъ армянъ», независимо отъ размѣра дарованія отдѣльныхъ поэтовъ, выполняли въ XIX в. каждая свою миссію. Первая—продолжала и развивала традиціи древней армянской литературы и сохраняла тѣснѣйшую связь съ народной поэзіей и народной жизнью. Вторая—совершенствовала технику и вводила въ армянскую литературу идеи и принципы западныхъ литературъ, усваивая себѣ ихъ новыя завоеванія. Какъ мы уже указывали, то было возрожденіе, въ новой формѣ, въ новой одеждѣ, исконной въ армянской литературѣ борьбы началъ Востока и Запада. Черезъ русскую литературу, несомнѣнно вліявшую на поэтовъ русской Арменіи, проникало въ армянскую литературу углубленное отношеніе къ выдвигаемымъ вопросамъ, какъ черезъ французскую литературу, столь же несомнѣнно вліявшую на западно-армянскихъ поэтовъ, стремленіе къ совершенству стиля и формы. Попытка соединить оба эти направленія выпала на долю слѣдующаго поколѣнія поэтовъ, дѣятельность которыхъ еще только развивается въ наши дни.

7.

Наиболѣе виднымъ дѣятелемъ среди молодыхъ поэтовъ «русской Арменія» должно признать Ваана Тэріана (род. въ 1885 г.). Выступившій съ первымъ сборникомъ стиховъ въ 1905 г., но, въ рядѣ стихотвореній опубликованныхъ позже, значительно развившій и углубившій темы своей поэзіи, Тэріанъ былъ принятъ читателями и критикой, какъ несомнѣнная величина, хотя въ оцѣнкѣ его голоса и раздѣлились. Ученикъ символистовъ, Тэріанъ сдѣлалъ попытку усвоить армянской поэзіи все, что

было достигнуто европейской поэзіей (особенно,—русской и французской) за самыя послѣднія десятилѣтія. Такъ, Тэріанъ коснулся темъ, которыя раньше оставались внѣ кругозора армянскихъ поэтовъ, искалъ новыхъ ритмовъ въ армянскомъ стихѣ, съ исключительной строгостью отнесся къ риѳмѣ, наконецъ, далъ нѣсколько превосходныхъ переводовъ новѣйшихъ русскихъ и французскихъ поэтовъ. Всѣ эти стремленія сближаютъ Тэріана скорѣе съ западно-армянскими поэтами, но онъ остался вѣренъ основнымъ теченіямъ школы «русскихъ армянъ» задушевностью своихъ вдохновеній, подходомъ ко многимъ вопросамъ, всѣмъ своимъ міросозерцаніемъ (не говоря уже о языкѣ и стилѣ). Въ нашемъ сборникѣ поэзія Тэріана представлена нѣсколькими разнообразными образцами, но, конечно, полнаго раскрытія его творчества должно ждать только въ будущемъ.

Тѣмъ болѣе должно это сказать о молодыхъ поэтахъ, которые выступили какъ продолжатели начатаго Тэріаномъ дѣла. Всѣ они еще очень молоды и направленіе ихъ творчества совершенно не опредѣлилось. Мы даемъ, только какъ примѣръ, два стихотворенія Теръ-Мартиросіана, не желая, тѣмъ, однако, выдѣлить начинающаго лирика изъ ряда другихъ и отказываясь высказать рѣшительное сужденіе о размѣрахъ его дарованія. Ктому же, рядомъ съ поэтами, которыхъ, въ общихъ чертахъ, можно отнести къ нарождающейся «школѣ Тэріана», работаютъ въ армянской литературѣ другіе молодые поэты, идущіе своими, отъ него независимыми, путями. Такова талантливая поэтесса, скрывающаяся подъ псевдонимомъ Лейли, одно стихотвореніе которой представлено въ нашемъ сборникѣ. Сколько можно судить по тому немногому, что до сихъ поръ напечатано ею, Лейли не задается никакими «программами» и безыскусственно, но не безъ подлинной, непосредственной художественности, пересказываетъ въ стихахъ свои личныя радости и печали, чаще—печали. Перечисленіе другихъ молодыхъ поэтовъ, какъ г-жа Арменуи Тиграніанъ и др., и характеристика ихъ начинаній вышли бы изъ предѣловъ нашей вступительной статьи.

Характерно, что въ то время, какъ, въ поэзіи Ваана Тэріана и его соратниковъ, школа «русскихъ армянъ» дѣлаетъ шаги въ сторону бо̀льшаго мастерства и бо̀льшей строгости техники, школа «турецкихъ армянъ», въ своихъ молодыхъ представителяхъ, устремляется къ бо̀льшему углубленію и къ бо̀льшей широтѣ содержанія. Особенно замѣтно это въ стихахъ

двухъ молодыхъ дѣятелей западно-армянской литературы: Даніэла Варужана и Сіаманто (псевдонимъ Атома Ярджаньяна). О томъ, какія надежды въ будущемъ можно соединить съ этими именами, сейчасъ говорить затруднительно, такъ какъ есть горестное извѣстіе, будто оба молодыхъ писателя трагически погибли въ страшные дни начала великой войны (впрочемъ, есть и противоположный слухъ, утверждающій, что обоимъ имъ удалось спастись отъ турецкой рѣзни). Во всякомъ случаѣ и то, что уже сдѣлано Варужаномъ и Сіаманто достаточно для того, чтобы обезпечить имъ мѣсто въ исторіи армянской литературы и уяснить общее устремленіе ихъ поэзіи.

Варужанъ и Сіаманто, подобно многимъ западно-армянскихъ поэтамъ, не избѣгли вліянія французской поэзіи, но выбрали своими образцами тѣ ея новыя созданія, въ которыхъ она освобождается отъ обособленности «символистовъ», а ищетъ сближенія съ жизнью. Какъ извѣстно, этотъ выходъ изъ «башни изъ слоновой кости» всего рѣзче выразился въ мощномъ творчествѣ Эмиля Верхарна, и отзвуки его поэзіи, дѣйствительно, явно звучатъ въ стихахъ Варужана. Даже въ формѣ стиховъ и Варужана и Сіаманто, въ неравномѣрныхъ строкахъ ихъ поэмъ, чувствуется вліяніе французскихъ «верлибристовъ»,—того же Верхарна, Вьеле-Гриффина и др. Но молодые армянскіе поэты учились у французскихъ собратьевъ не только техникѣ, но и ихъ живой связи съ окружающей дѣйствительностью. Міръ современной жизни и запросы современной души нашли свое выраженіе въ стихахъ Варужана и Сіаманто, но не въ тенденціозно-реторическихъ разсужденіяхъ, а въ живыхъ образахъ, возвышающихся до значенія всеобщаго символа. Варужанъ болѣе суровъ и жестокъ; Сіаманто болѣе лириченъ и женственъ; но оба—истинные поэты. Каждый изъ нихъ представленъ нѣсколькими образцами въ нашемъ сборникѣ.

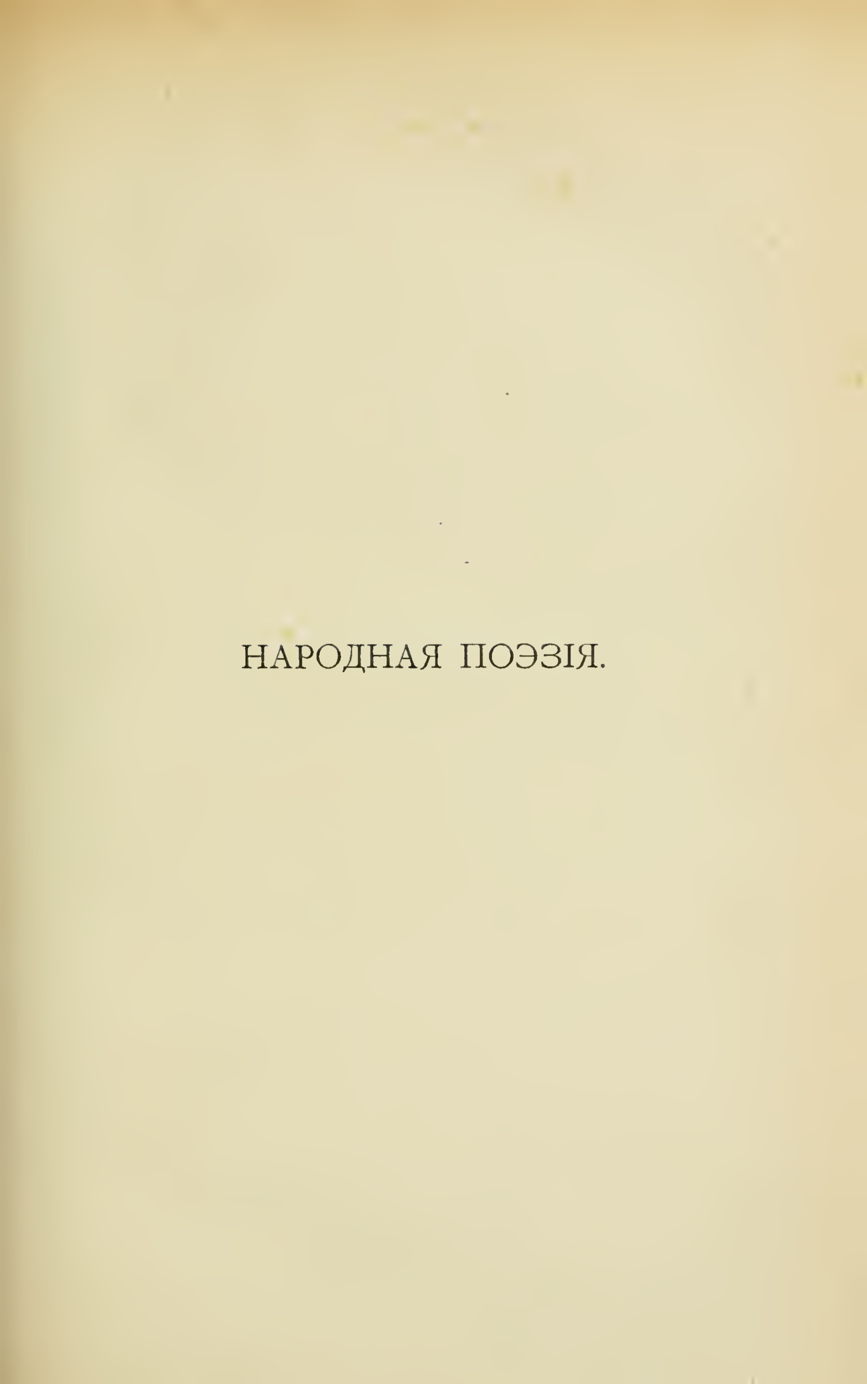
Великая война нашихъ дней должна во многомъ измѣнить положеніе армянскаго народа, и это, конечно, отразится въ армянской литературѣ и въ армянской поэзіи. Можно надѣяться, что произойдетъ болѣе тѣсное сближеніе между двумя, долгое время жившими обособленно, частями армянскаго народа, что западные армяне подадутъ руку восточнымъ, а въ литературѣ двѣ раздѣльныя «школы» сольются въ одну. Есть уже несомнѣнные признаки такого сближенія. Тогда основныя достоинства поэзіи западныхъ армянъ,—выработанность стиля и формаль-

ныя достиженія,—сочетаются съ основными достоинствами поэзіи армянъ восточныхъ,—съ постоянной углубленностью содержанія и близостью къ традиціоннымъ началамъ прошлаго. То будетъ первый этапъ въ новомъ осуществленіи вѣковѣчной задачи армянской литературы—найти синтезъ Запада и Востока.

Давно сказано, что пророкомъ быть—дѣло мудреное. Среди дѣятелей молодой армянской поэзіи можно указать поэтовъ безусловно талантливыхъ. Но талантъ—явленіе случайное, благостный даръ неба, какъ голубые глаза. Явятся ли новые таланты въ ближайшіе годы, и какіе именно, этого намъ знать не дано. Но по всему, что мы знаемъ о прошломъ армянской литературы, мы вправѣ утверждать, что передъ ней открыты самыя широкія перспективы. Въ народной армянской поэзіи и въ поэзіи армянскаго средневѣковья заключенъ неисчерпаемый родникъ новыхъ вдохновеній. *Первая задача* грядущихъ поэтовъ Арменіи—приникнуть къ этому живительному ключу, черпать затаенные въ немъ мотивы и по-новому разрабатывать ихъ, во всеоружіи современной стихотворной техники и въ соотвѣтствіи съ духомъ времени и его новыми запросами. *Вторая задача*, тѣсно связанная съ первой и подсказанная всѣмъ прошлымъ армянской литературы,—искать и явить міру новый синтезъ двухъ вѣковѣчныхъ началъ, которыми живетъ все человѣчество и которыя такъ ярко выражены, въ своемъ взаимодѣйствіи, въ исторіи Арменіи: началъ Запада и Востока. Примирить ихъ въ высшемъ единствѣ, что, на другой ступени развитія, уже было сдѣлано поэтами армянскаго средневѣковья,—есть выполненіе исторической миссіи всего армянскаго народа. Наконецъ, *третья задача* армянской поэзіи это—полное, всестороннее, предѣльное выявленіе народнаго національнаго духа... Міровую поэзію справедливо сравнивали съ божественной арфой, для которой каждый отдѣльный народъ служитъ какъ бы особой струной. Заставить свою струну звучать ей присущимъ, единственно ей свойственнымъ звукомъ, отличнымъ отъ другихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ звучать такъ, чтобы ея голосъ гармонично сливался со звуками другихъ струнъ, образуя единую міровую мелодію, таково самое, быть можетъ, высокое призваніе національнаго армянскаго поэта...

Сквозь черныя тучи, столько разъ заволакивавшія горизонтъ армянской исторіи, сквозь грозную и душную мглу, столько разъ застилавшую жизнь армянскаго народа, побѣдно

пробивались и сіяютъ понынѣ—огненные лучи его поэзіи. Это сіяніе кажется намъ лучшимъ обѣтомъ и для историческихъ судебъ Арменіи въ будущемъ... Перефразируя слова Тургенева, мы можемъ сказать съ твердымъ убѣжденіемъ: «Нельзя вѣрить, чтобы такая поэзія не была дана народу съ великимъ будущимъ».

НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ.

ПѢСНИ

ЛЮБОВНЫЯ, ОБРЯДОВЫЯ, ВОЕННЫЯ, ДУМКИ И ДР.

I. Изъ древнѣйшихъ пѣсенъ.

Рожденіе Ваагна.
О царѣ Арташесѣ.
О построеніи Вардгеса.
Пѣсня о разсвѣтѣ.

II. Пѣсни о любви.

Пѣсни о любви. 1—9.
Джанъ-гюлюмы. 1—11.

III. Пѣсни колыбельныя, обрядовыя, заплачки и др.

Колыбельныя. 1—4.
Свадебная пѣсня.
Похоронныя. 1—5.
Религіозныя. Заклинанія. 1—6.

IV. Пѣсни о природѣ, думки и др.

Ноктюрнъ и др. 1—4.
Пѣсня хариба.
Плясовая ванцевъ.

V. Военныя пѣсни.

Зейтунскій маршъ.
Военная эрзерумская пѣсня.
Пѣсня удальцовъ.

VI. Средневѣковыя пѣсни, народныя и неизвѣстныхъ авторовъ.

На плѣненіе короля Левона.
Пѣсня аиста.
Юноша и вода.
О, злая, съ черной красотой...
Пѣсня пахарей.
Пѣсня о четырехъ элементахъ.

VII. Подражаніе народному.

Пѣсня Арутюна Туманьяна.

Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*

ИЗЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ПѢСЕНЪ.

1.

РОЖДЕНІЕ ВААГНА. [1]

Небеса и Земля были въ мукахъ родинъ,
Морей багрянецъ былъ въ страданьи родинъ,
Изъ воды возникъ алый тростникъ,
Изъ горла его дымъ возникъ,
Изъ горла его пламень возникъ,
Изъ того огня младенецъ возникъ,
И были его власы изъ огня,
Была у него брада изъ огня,
И, какъ солнце, былъ прекрасенъ ликъ.

2.

О ЦАРѢ АРТАШЕСѢ. [2]

ОТРЫВОКЪ.

Храбрый царь Арташесъ на вороного сѣлъ,
Вынулъ красный арканъ съ золотымъ кольцомъ,
Черезъ рѣку махнулъ быстрокрылымъ орломъ,
Метнулъ красный арканъ съ золотымъ кольцомъ,
Аланской царевны станъ обхватилъ,
Стану нѣжной царевны боль причинилъ,
Быстро въ ставку свою ее повлачилъ.

[1] Ваагнъ—божество армянской миѳологіи, отождествляемое, позднѣе, съ Геракломъ.

[2] Арташесъ—одинъ изъ царей древнѣйшей Арменіи; въ пѣснѣ—лицо полумиѳическое. По преданію, Арташесъ воевалъ съ аланами.

3.

О ПОСТРОЕНІИ ВАРДГЕСА.[1]

Отдѣлился, пошелъ Вардгесъ-юноша,
Изъ области Туховъ къ Касахъ-рѣкѣ.
Онъ пришелъ и сѣлъ на Шрешъ-холмѣ,
Близъ города Артимедъ у Касахъ-рѣки,
Тесать да ваять Еруанда врата.

4.

ПѢСНЯ О РАЗСВѢТѢ.

Скоро будетъ свѣтло,
Свѣтъ есть добро!
Птицы—въ гнѣздѣ,
Куры—на своемъ шестѣ.
Лѣнивецъ покоится, спитъ,
Работникъ на дѣло спѣшитъ.
Небесная дверь растворяется:
Тамъ тронъ золотой возвышается,
Христосъ на престолѣ сидитъ,
Предъ нимъ Просвѣтитель[2] стоитъ,
Золотое Онъ держитъ перо,
Онъ пишетъ, гдѣ зло, гдѣ добро,
Чтобъ праведныхъ сонмъ ликовалъ,
Чтобъ грѣшниковъ сонмъ возрыдалъ.

[1] Вардгесъ—селеніе, укрѣпленное, по преданію, царемъ Вахаршемъ; Еруандъ—полумиѳическій армянскій царь.
[2] Григорій, Просвѣтитель Арменіи.

ПѢСНИ О ЛЮБВИ.

1.

ПѢСНЯ НА ДЕНЬ ПРЕОБРАЖЕНІЯ.

Роза распустилась подъ Ваномъ въ саду.
Господи! дорогу какъ туда найду!
Милая, малютка, скажи мнѣ: ты чья?
Цѣлый міръ отвѣтитъ: ты—моя, моя!

Роза распустилась и пѣтухъ пропѣлъ.
Милую въ саду я утромъ подсмотрѣлъ.
Роза распустилась утромъ подъ росой,
Милая срывала розы предъ собой.

Роза распустилась въ Воскресенье Розъ.[1]
Ты зажгла любовью рощу моихъ грезъ.
Милая, малютка, скажи мнѣ: ты чья?
Цѣлый міръ отвѣтитъ: ты—моя, моя!

2.

Для милой надо платье сшить,
А тканью солнце можетъ быть,
Подкладкой платью—лунный свѣтъ,
И лучше тучекъ—нитокъ нѣтъ,

[1] Воскресенья Розъ или день розъ—праздникъ Преображенія Господня.

Уборы—пѣна на волнахъ,
Застежки—звѣзды въ небесахъ,
А ей на грудь цвѣтокъ—я самъ!

3.

Ахъ, раствориться,—и стать водой,
И покатиться—большой рѣкой,
Водой струиться,—ахъ! ключевой!
А яръ [1] пришла бы—налить кувшинъ,
Я прожурчалъ бы—въ ея кувшинъ,
Съ водой поднялся—ей на плечо,
Ей грудь облилъ бы—такъ горячо!

4.

Я повторять всегда готовъ!
«Не надо розъ,—онѣ язвятъ,
Люби фіалку безъ шиповъ,
Ея такъ нѣженъ ароматъ.

Ты розу пышную нашелъ?
Она увянетъ,—вотъ гляди!
Люби цвѣтокъ, что не расцвѣлъ,—
Онъ расцвѣтаетъ на груди!»

5.

Отнесите меня къ дверямъ милой моей;
Раны сердца открывъ, покажите вы ей;
Пальцы рукъ пусть горятъ, подобно свѣчамъ,
Пусть, засыпанъ пескомъ, прахъ струитъ ѳиміамъ;
На могилу она пусть глядитъ у дверей!

[1] Яръ—милая (и милый), возлюбленная (и возлюбленный).

6.

Какъ изъ яблокъ шербетъ—твой румяный ликъ!
Губы—медъ у тебя, и сахаръ—языкъ!
Голосъ твой—каманча[1], сердце жаждетъ—тебя,
Словно звѣзды—твой взглядъ, груди—сладостный садъ!

Если въ садъ ты войдешь,—какъ станъ твой высокъ!
Поцѣлуетъ тебѣ нсги каждый цвѣтокъ,
Всѣ деревья тебѣ отвѣсятъ поклонъ,
И стыдно лунѣ блистать въ вышинѣ.

Какъ павлинъ ты идешь, хороша и стройна
Въ переливныхъ цвѣтахъ, и ала и блѣдна.
Да какую изъ птицъ съ тобой сравнить?
И чайкѣ морской не спорить съ тобой!

7.

Былъ бы сазомъ[2] я, лежалъ бы
На груди твоей весь день;
Былъ бы поясомъ шелковымъ,
Оплеталъ бы я твой станъ;
Былъ бы розой, окроплялъ бы
Я тебя росой весь день;
Былъ бы я водой фонтана,
Проникалъ бы я въ твой ротъ;
Былъ бы я струной, звучалъ бы
Для тебя я цѣлый день;
Былъ бы я виномъ гренады,
Ты меня бы берегла.
Быть бы ласточкой желалъ я
И ласкалъ бы твой языкъ;
Свивъ гнѣздо подъ милой кровлей,
Вывелъ птенчиковъ, имъ пѣлъ бы,
Утолилъ свою любовь!

[1] Каманча—народный музыкальный инструментъ.
[2] Сазъ—народный музыкальный инструментъ.

Я отъ вечера до утра
На твое бъ лицо смотрѣлъ;
Съ наступленьемъ ночи темной
Я бъ къ тебѣ войти сумѣлъ;
Я отъ вечера до утра
Близъ тебя во мглѣ сидѣлъ;
Съ наступленьемъ зорьки ранней
Я въ гнѣздо скрывался бъ вновь,
А когда вставало бъ солнце
Въ Божій міръ гулять летѣлъ!

8.

Ахъ, дѣва! твой станъ—что озерный тростникъ,
И груди—что плодъ, и плечи—что садъ!
Я бы все цѣловалъ румяный твой ликъ...
Ахъ, Богомъ молю! не клонись ты назадъ!
Безъ вѣтра—какъ жить?—и тоска и бѣда!

Ты скажи мнѣ: твой станъ—точилъ чей рѣзецъ?
Рѣсницы твои—чертилъ чей каламъ? [1]
Отъ любви я изсохъ, пришелъ мой конецъ:
Подѣлимъ, давай, нашу жизнь пополамъ!
Безъ вѣтра—какъ жить?—и тоска и бѣда!

Не съ дѣтства ль тебя полюбилъ я давно,
И вырѣзалъ имя твое на рукѣ?
Ахъ! сердце мое давно сожжено,
Лишь на мигъ отлучусь—и страдаю въ тоскѣ!
Безъ вѣтра—какъ жить!—и тоска и бѣда!

[1] Каламъ—перо, кисть, которымъ пишутъ на Востокѣ.

ДЖАНЪ-ГЮЛЮМЫ.[1]

1.

Соловей, въ мой садъ летай,
Пѣсню яра[2] распѣвай,
Твоей пѣсней мой привѣтъ
Къ дому яра передай.

2.

Ахъ, въ бахчѣ ты возросла,
Какъ шамамъ[3] сама была.
День и ночь—все про тебя
Моей пѣсенки хвала.

3.

Ты, Аразъ,[4] меня пойми,
Говори, языкъ прими,
Молви милому: «Скорѣй
Ты меня въ свой домъ возьми!»

[1] Джанъ-Гюлюмъ—хороводная пѣсня въ праздникъ цвѣтовъ, веснянка. Въ пѣніи послѣ каждаго стиха поется припѣвъ, именно—послѣ нечетныхъ (1-го и 3-го):

Роза моя! джанъ! джанъ!

послѣ четныхъ (2-го и 4-го):

Цвѣтникъ мой! джанъ! джанъ!

(Джанъ—ласкательное именованіе).

[2] Яръ—милый (см. выше, стр. 98).

[3] Шамамъ—особый ароматичный плодъ, вродѣ дыни.

[4] Аразъ—Араксъ, рѣка.

4.

Ночь велѣла людямъ спать,
Птицамъ—время замолчать.
Что хотятъ, пусть говорятъ:
Тебя буду цѣловать!

5.

Статный всадникъ проскакалъ,
Лишь подковой просверкалъ.
Поклонился всѣмъ кругомъ,
Меня сжегъ, а самъ пропалъ.

6.

Не умчаться жерновамъ,
Не уйдетъ съ куста шамамъ.
Птица у отца въ саду,—
Да крылатая я тамъ!

7.

— Противъ вашего нашъ садъ,
Кто слѣдятъ за нами, спятъ.
Ты въ постель меня возьми,
Иль позволь уйти назадъ.

— Не возьму тебя въ постель;
Отпускать обратно—мнѣ ль?
Нѣтъ, до утра ты броди,
Стереги по саду хмель.

Утромъ встрѣчусь я съ тобой,
Розъ возьму пучокъ съ росой,
По лицу тебя хлестну,
Все лицо залью водой!

8.

Что ты! парень молодой!
Весь забрызганный росой,
Про меня въ саду поешь?
Хорошо мнѣ слушать, пой!

Нарвала я сито розъ!
Ихъ кладу подъ дождикъ росъ.
Вотъ, на аломъ на конѣ,
Ѣдетъ милый подъ откосъ.

Куртка алая на немъ,
У него съ балкономъ домъ.
Счастливъ будетъ день, когда
Онъ ко мнѣ придетъ царемъ.[1]

Подымаютъ волны гулъ,
Яблокъ яблочко толкнулъ,
Вотъ мой милый на конѣ
Алой шапочкой взмахнулъ.

9.

Бѣлый конь! тебѣ ль подкова!
— Роза моя, джанъ! джанъ!
Родинка что̀ чернобровой?
— Цвѣтикъ свѣтлый, джанъ! джанъ!
Если милой вижу взоры,
— Роза моя, джанъ! джанъ!
Поведу ли разговоры?
— Цвѣтикъ свѣтлый, джанъ! джанъ!

[1] Царемъ, т. е. женихомъ; жениха и невѣсту въ народѣ называютъ царемъ и царицей (см. дальше—Свадебную пѣсню).

10.

Какъ у насъ за домомъ—старый складъ,
— Роза моя, джанъ! джанъ! джанъ!
Парни были—и пошли назадъ,
— Цвѣтикъ свѣтлый, джанъ! джанъ! джанъ!
Протянула руку и поймала
— Роза моя, джанъ! джанъ! джанъ!
Стали всѣ вокругъ—лаллы и кораллы!—
— Цвѣтикъ свѣтлый, джанъ! джанъ! джанъ!

11.

Дождь прошелъ и просверкалъ,
— Роза моя! джанъ, джанъ!
Ивы листъ поколебалъ,
— Цвѣтикъ милый! джанъ, джанъ!
Вотъ мой братецъ проскакалъ,
— Роза моя! джанъ, джанъ!
Алый конь подъ нимъ игралъ,
— Цвѣтикъ милый! джанъ, джанъ! [1]

[1] Переводы 1—6 передаютъ основной текстъ веснянокъ, обычно представляющихъ одно четверостишіе; въ переводахъ 7—8 такія четверостишія, болѣе или менѣе произвольно, соединены въ два стихотворенія; въ переводахъ 9—11 сдѣлана попытка передать и припѣвъ.

ПѢСНИ КОЛЫБЕЛЬНЫЯ.

1.

Ты, вода, теки,
Тѣльце дѣтки обойми,
Тысячъ сонъ да будь съ тобой,
Не спать мужу съ молодой женой,
Моему же мальчику—покой!
Баю-бай! ну что жъ, ну что жъ,
Коль до ночи ты заснешь.
Баю-бай! къ тебѣ кто золъ,
Пропадетъ пускай его оселъ,
Тотъ оселъ пойдетъ на огородъ,
Въ творогъ уши обмакнетъ,
Все сожретъ онъ у него,
Не оставитъ ничего.

2.

У меня ль невѣста есть,
Жениху прямая честь,
У меня ли дочка есть кудрявая,
Справлю свадебку на славу я,
Посреди зеленыхъ свѣчъ,
Въ кудряхъ съ лентами до плечъ.
Дѣвочка руками двигаетъ,
Дѣвочка въ постелькѣ прыгаетъ.
Я кому ее отдамъ?
Принцу я ее отдамъ,
А въ приданое я дамъ—сто каретъ

Съ платьями, какихъ нигдѣ—краше нѣтъ,
Дамъ покрыться ей—узорчатый платокъ,
Дамъ чесаться ей—янтарный гребешокъ,
Дамъ одѣться ей—серебрянъ поясокъ,
Дамъ обуться ей—сафьяный башмачокъ,
Все, что въ домѣ есть,—отъ крыши по порогъ.

3.

Ты въ постелькѣ хороша,
Я тебѣ, моя душа,
Мѣсяцъ въ гости приведу
Да вечернюю звѣзду.

4.

Баю-бай, идутъ овечки,
Съ черныхъ горъ подходятъ къ рѣчкѣ,
Милый сонъ несутъ для насъ,
Для твоихъ, что море, глазъ,
Усыпляютъ милымъ сномъ,
Упояютъ молокомъ.

Баю-бай! Христосъ съ тобой,
Богоматерь надъ тобой.
Богоматерь надъ тобой,
Чтобы ты тихонько спалъ,
Чтобъ въ постелькѣ ты лежалъ.

Богоматерь—мать твоя,
Сынъ Ея—хранитъ тебя.
Въ церковь Божію пойду,
Всѣхъ святыхъ я попрошу,
Чтобъ Распятый насъ хранилъ
И тебя благословилъ.

СВАДЕБНАЯ ПѢСНЯ.

I.

Царю[1] что дамъ я, съ нимъ что схоже,
Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
Зарю ли дамъ я, что займется,
Займется, съ этимъ солнцемъ схоже?

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже.
Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
Не солнце ль дамъ я, что засвѣтитъ,
Засвѣтитъ съ этимъ солнцемъ схоже?

Царю, что дамъ я, съ нимъ что схоже,
Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
Не радугу ли дамъ, что встанетъ,
Что встанетъ, съ этимъ солнцемъ схоже?

II.

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
Не бальзаминъ ли, что задышитъ,
Задышитъ съ этимъ солнцемъ схоже?

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
Не розу ль дамъ я, что заблещетъ,
Заблещетъ, съ этимъ солнцемъ схоже?

[1] Царь и царица—женихъ и невѣста или новобрачные (см. выше, стр. 102).

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
Не гамаспюръ[1] ли, что не вянетъ,
Не вянетъ, съ этимъ солнцемъ схоже.

III.

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже?
Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
Не абрикосъ ли, весь цвѣтущій?
Цвѣтите съ абрикосомъ схоже.

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
Не виноградъ ли, плодъ дающій?
Давайте плодъ, съ лозою схоже.

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
Не дубъ ли дамъ я, крѣпко мощный?
Вы будьте мощны, съ дубомъ схоже.

IV.

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
Не василекъ ли дамъ пахучій?
Благоухай твоя царица!

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
Не дамъ ли желтый макъ, пахучій?
Благоухай твоя царица!

Царю что дамъ я, съ нимъ что схоже,
Съ его зеленымъ солнцемъ схоже?
Не златоцвѣтъ ли дамъ пахучій?
Благоухай твоя царица!

[1] Гамаспюръ—сказочный цвѣтокъ.

ПѢСНИ ПОХОРОННЫЯ.

1.

ПЛАЧЪ ВДОВЫ.

Перекинусь я орломъ,
Сяду подъ твоимъ окномъ,
Буду громко такъ стонать,
Чтобъ не могъ ты больше спать,
Пусть отнынѣ спитъ другой,
Не уснуть тебѣ со мной!

2.

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ—МАТЕРИ.

Твой не мертвъ, не мертвъ сынокъ:
Розы онъ сорвалъ цвѣтокъ,
Положилъ себѣ на грудь,—
Въ сладкомъ запахѣ заснуть!

3.

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ НАДЪ МОЛОДЫМЪ.

Понесемъ тебя мы—хоронить въ саду,
Мы просѣемъ землю черезъ кисею,
Надъ могилою посѣемъ мы цвѣты,
Чтобъ за изгородью розъ проснулся ты.

4.

ЖАЛОБА СЕСТЕРЪ.

Пойдемъ мы вдвоемъ, на холмъ мы взойдемъ,
Я буду—звать, ты будешь—искать.
Его не найдемъ,—могилу найдемъ,
И камень могильный будемъ мы цѣловать.

5.

ЗАПЛАЧКА.

Былъ ты четками жемчужными,
Зернами на нити дружными,
Да разсыпался жемчугъ.
Вы, сестрицы, соберитесь,
Подбирайте, потрудитесь,
Что̀ зерно къ зерну, самъ другъ!

РЕЛИГІОЗНЫЯ. ЗАКЛИНАНІЯ.

1.

Забѣлѣлася заря,
Обозначились кресты,
Смилосердился Господь,
Въ рай раскрылися врата,
Въ адъ закрылися врата,
Цѣпи падаютъ съ души,
Господи, помилуй насъ!

2.

На подушку я—голову склонилъ,
Ангелу-хранителю душу поручилъ:
Храни въ полночь,
Храни всю ночь,
Когда пѣтухъ поетъ,
Когда заря идетъ,
Ввѣряюсь одному
Царю Небесному,
Во смертномъ рву лежу,
Я сплю, я отхожу,
Въ руки твои, Матерь Божія,
Душу вручаю на ложѣ я!

3.

Погашены огни,
Лукавый отошелъ.

Закрывъ лицо, Христосъ,
Межъ ангеловъ своихъ,
Съ небесъ теперь сошелъ,
Въ домъ христіанъ вошелъ.

— Куда идешь, Христосъ?
— Разожжены огни
Въ кадильницахъ моихъ,
И нити—изъ огня.
Я люльки обошелъ,
Спѣшу къ обѣднѣ я.

4.

ЗАКЛИНАНІЕ НА ВОЛКА.

Восьмью пальцами, двумя ладонями,
Гривой лошади Саркисовой, [1]
Тѣмъ жезломъ ли Моисеевымъ,
Тѣмъ копьемъ ли святъ-Егорія,
Той ли вѣрой святъ-Григорія,
Богоматери святымъ млекомъ,
Ухвати его, свяжи его;
Глазъ за глазомъ ему выколи,
Языкъ въ горлѣ привяжи ему,
Осѣни его, одолѣй его,
Ради Господа Христа всѣ бѣдствія
Да падутъ на звѣря лютаго.

5.

ЗАКЛЯТІЕ НА СГЛАЗЪ.

Храмомъ Соломоновымъ,
Да жезломъ Давидовымъ,
Словомъ Аароновымъ,
Да ключемъ Іоновымъ,

[1] Святой Саркисъ — святый Сергій.

Злого глаза нѣтъ! злого шипа нѣтъ!
Сгинь, лихой навѣтъ! сгинь, лихой совѣтъ!

6.

ЗАКЛЯТІЕ СТАРУХЪ КЪ ЛУНѢ.

— Молодая, молодая, обновленный серпъ!
Въ полнотѣ ала, зелена въ ущербъ!
Ты стара зашла, ты млада взошла,
Съ края свѣта что̀ намъ ты принесла?
— Счастье на весь міръ,
Царямъ—ладъ и миръ,
Покойникамъ—любовь,
Хлѣбушку—дешовь,
Добрымъ—много дней,
Рай—душѣ твоей.

ПѢСНИ О ПРИРОДѢ, ДУМКИ И ДР.

1.

НОКТЮРНЪ.

Луна нѣжна, вѣтеръ нѣженъ,
И сонъ земледѣловъ нѣженъ;
Луна высоко взошла,
И голосъ свирѣли нѣженъ;
Пастухъ распустилъ быковъ,
И сонъ подъ чинарой нѣженъ;
Прохлада вѣетъ въ листвѣ,
И вѣтеръ приморскій нѣженъ;
По камнямъ ручей журчитъ,
И говоръ струй его нѣженъ;
Всѣ птички по гнѣздамъ спятъ,
Но свистъ соловья такъ нѣженъ;
Какъ сладко пахнетъ въ лѣсу:
То запахъ розы такъ нѣженъ!

2.

— Какъ вамъ не завидовать,
Горы вы высокія!
— Что же намъ завидовать,—
Участь наша горькая:
Лѣтомъ жжетъ насъ солнышко,
Въ зиму—стужа лютая!

3.

Не пой ты солнцу обо мнѣ,
А то оно съ тоски затмится;
Спой про мою тоску лунѣ,
Что каждый мѣсяцъ вновь родится!

4.

Золотая звѣздочка въ небѣ
Любитъ маленькую рыбку въ морѣ.
Но не плавать рыбкѣ по тверди синей,
Не блистать и звѣздѣ въ морской пучинѣ.

5.

ПѢСНЯ ХАРИБА.

Деревцомъ я персиковымъ росъ,
Подо мной родимый былъ утесъ.
Меня выкопали, унесли,
Посадили въ садъ чужой земли.
Тамъ шербетъ изъ сахара любимъ,—
Мои корни поливали имъ.
Ахъ, меня верните въ край родной,
Ахъ, полейте снѣговой водой!

6.

ПЛЯСОВАЯ ВАНЦЕВЪ.

Мы сошлись однажды вмѣстѣ пировать,—
То лавò!
Говоритъ тутъ кто-то: «только не плошать!»
То лавò!
Въ садъ пойдемъ и будемъ на пиру плясать!
То лавò!

Водку да закуску съ плясками мѣшать!
То лавò!
Шашлыка вкуснѣй что? съ водкой что сравнять?
То лавò!
Травы подъ ногами хорошо топтать!
То лавò!
Пусть Варага скалы вторятъ намъ въ отвѣтъ:
То лавò!
Малыя, большія звѣзды льютъ свой свѣтъ,—
То лавò!
Той луной высокой праздникъ нашъ согрѣтъ!
То лавò!

ВОЕННЫЯ ПѢСНИ.

1.

ЗЕЙТУНСКІЙ МАРШЪ. [1]

Зейтунцы, въ путь! уже свѣтло.
Бери ружье, садись въ сѣдло,
Пойдемъ впередъ!
Доколь, доколь хребетъ склонять,
Тирану шею подставлять?

Довольно, братья, въ рабствѣ жить
Да иго турка выносить!
Покуда нашъ народъ согбенъ,
Гдѣ нашъ вѣнецъ, языкъ, законъ?

Зейтунцы! храбрость—наша честь,
И къ туркамъ мы лелѣемъ месть.
Мы вскормлены не молокомъ,
Съ младенчества мы кровь сосемъ!

Зейтунцы! намъ—стезя одна:
Походы, битвы да война!
Мечъ, сабля, пуля да ружье,—
Зейтунецъ, вотъ—добро твое!

Живи, Зейтунъ! цвѣти, Зейтунъ!
Свободы наступилъ канунъ.
Коль у тебя—сыны, какъ мы,
Цвѣти, Зейтунъ! живи, Зейтунъ!

[1] Зейтунъ—городъ, въ горахъ, въ предѣлахъ бывшаго Киликійскаго царства, памятный мужественнымъ возстаніемъ противъ ига турокъ, въ 1895 г. Подробнѣе—см. Примѣчанія.

2.

ВОЕННАЯ ЭРЗЕРУМСКАЯ ПѢСНЯ.

Поднялся крикъ съ огромныхъ горъ, гдѣ дремлетъ Эрзерумъ,
Сердца армянъ потрясены, заслышавъ бранный шумъ.

Крестьянинъ, знавшій до того лишь ремесло свое,
Бросаетъ старое село, держа въ рукѣ ружье.

Старикъ, на посохъ опершись, съ слезами креститъ лобъ.
«Свободной родину узрѣть, а тамъ хотя бъ и въ гробъ!»

Ласкаясь, женщины мужьямъ сурово говорятъ:
«Ступай, сражайся и безъ ранъ не приходи назадъ!»

И дѣвамъ легкая ихъ жизнь отнынѣ тяжела;
Онѣ торопятъ жениховъ на славныя дѣла.

Рыдала слишкомъ долго ты, о матерь, Айастанъ![1]
Пусть голодны твои сыны, но бодръ ихъ бранный станъ.

Въ объятья ихъ свои прими, прижми къ груди своей,
Свои священныя поля ихъ кровью отогрѣй!

3.

ПѢСНЯ УДАЛЬЦОВЪ.

Заодно удалецъ съ арабскимъ конемъ,
Не бѣжать никогда имъ двоимъ предъ врагомъ.
Престарѣлый орелъ знаетъ въ дòбычѣ толкъ,
И волка дѣтенышъ всегда будетъ волкъ!

[1] Гай—армянинъ, откуда Гайастанъ (или Айастанъ)—Арменія (см. дальше въ разныхъ стихотвореніяхъ).

Я желалъ бы взойти къ себѣ на балконъ,
Веселясь обнимать, въ кого я влюбленъ.
Я бъ желалъ осѣдлать вороного коня,
Чтобъ туда, гдѣ бой, онъ помчалъ меня.

Идутъ удальцы гулять по полямъ,
Любы розы имъ днемъ, луна—по ночамъ.
Оружье гремитъ, скалы вторятъ въ отвѣтъ,
Если брякнутъ мечи, то враговъ вблизи нѣтъ.

Мнѣ скажетъ мой сынъ, что̀ видно въ горахъ.
Видя бой удальцовъ, дѣвы—въ слезахъ.
А я вамъ скажу, ты, ага, и ты, бей:
Тотъ честенъ, кто палъ съ вѣрой своей!

ПѢСНИ СРЕДНЕВѢКОВЬЯ,

народныя и неизвѣстныхъ азторовъ.

1.

ПѢСНЯ.

НА ПЛѢНЕНІЕ КОРОЛЯ ЛЕВОНА.

1268 г.

Увы, увы! Левонъ
Невѣрными плѣненъ.
Нашъ свѣточъ, Матерь Божія!
Да Крестъ Честной хранитъ—его и насъ!

Пришелъ играть въ мейтанъ [1]
Въ мячъ золотой—султанъ.
Нашъ свѣточъ, Матерь Божія!
Да Крестъ Честной хранитъ—его и насъ!

Левону мячъ даетъ:
«Играй ты въ свой чередъ!»
Нашъ свѣточъ, Матерь Божія!
Да Крестъ Честной хранитъ—его и насъ!

«Невѣрнымъ стань, мы всѣ
Поклонимся тебѣ!»
Нашъ свѣточъ, Матерь Божія!
Да Крестъ Честной хранитъ—его и насъ!

[1] Мейтанъ—площадка для игры въ мячъ или ипподромъ для конскихъ ристаній. См. Примѣчанія.

Левонъ въ тюрьмѣ глухой
Твердитъ, въ слезахъ, съ тоской:
«О караваны, въ Сисъ идя,
Снесите вы отцу—вѣсть обо мнѣ!»

Отцу лишь дали знать,
Собралъ онъ тотчасъ рать,
Пошелъ онъ на невѣрнаго
И пролилъ онъ въ поляхъ—ручьями кровь.

Вернулся сынъ Левонъ,
Отцомъ освобожденъ.
Нашъ свѣточъ, Матерь Божія!
Да Крестъ Честной хранитъ—его и насъ!

2.

ПѢСНЯ АИСТА.

Здравствуй, аистъ! аистъ-другъ!
Ты вернулся аистъ-другъ,
Разлилась весна вокругъ,
Веселѣй намъ стало вдругъ!

Милый аистъ, къ намъ спустись,
Къ намъ на кровлю опустись,
Въ нашемъ домѣ поселись,
Свей на ясени гнѣздо.

Я пожалуюсь тебѣ,
Ахъ, пожалуюсь тебѣ;
Много бѣдъ въ моей судьбѣ,
Горе сердца—море бѣдъ!

Ахъ! когда ты улетѣлъ,
Съ нашей кровли улетѣлъ,
Вѣтеръ злой разсвирѣпѣлъ,
Изсушилъ цвѣты въ саду.

Омрачился небосводъ,
Помрачился небосводъ,
Выпалъ снѣгъ, закрылся ледъ,
И зима цвѣты смела.

Отъ Варагскихъ самыхъ горъ
Ахъ! съ Варагскихъ самыхъ горъ
Замели снѣга просторъ,
Холодъ выбѣлилъ поля.

Аистъ! здѣсь у насъ въ раю,
Все занесъ морозъ въ краю,
Засушилъ и умертвилъ
Розу милую мою!

3.

ЮНОША И ВОДА.

Съ высокихъ горъ, угрюмыхъ горъ
Вода сбѣгаетъ на просторъ.
Вотъ юноша пришелъ къ водѣ,
Помылся юноша въ водѣ,
Лицо и руки мылъ въ водѣ.
Такъ юноша сказалъ водѣ:

— Съ какой горы, ты, ключъ, бѣжишь,
Мой сладкій ключъ, студеный ключъ?
— Я съ той горы струюсь, бѣгу,
Гдѣ новый снѣгъ, гдѣ старый снѣгъ.

— Въ какой ручей, ты, ключъ, бѣжишь,
Мой сладкій ключъ, студеный ключъ?
— Я въ тотъ ручей, струюсь, бѣгу,
Гдѣ цвѣтъ фіалокъ льнетъ на брегъ!

— Къ бахчѣ какой ты, ключъ, бѣжишь,
Мой сладкій ключъ, студеный ключъ?
— Я въ ту бахчу струюсь, бѣгу,
Садовникъ гдѣ хозяинъ самъ.

— Что за кусты тамъ оросишь—
Ты, сладкій ключъ, студеный ключъ?
— Я тѣ стволы тамъ берегу
Вкругъ коихъ мягкій дернъ возросъ,
Для агнцевъ мягкій дернъ возросъ:
Высокихъ яблонь, пышныхъ розъ!
Я въ тѣ сады струюсь, бѣгу,
Гдѣ сладокъ голосъ соловья.

— Въ какую жъ рѣку ты бѣжишь,
Мой сладкій ключъ, студеный ключъ!
— Я въ ту рѣку струюсь бѣгу,
Въ какой приходитъ яръ[1] твоя,
Тамъ воду пьетъ она, а я,
Пока она твердитъ «люблю»,
Ея уста волной ловлю!

4.

О, злая! съ черной красотой! о дорогая! ангелъ мой!
Ты и не спросишь, что со мной, о дорогая, что со мной!

Какъ жжетъ меня моя любовь! о дорогая, жжетъ любовь!
Твой лобъ такъ бѣлъ, но сумракъ—бровь! о дорогая, сумракъ—
бровь.

Твой взоръ—какъ море, я—ладья! о дорогая, я—ладья.
На этихъ волнахъ—чайка я! о дорогая, чайка—я.

Мнѣ не уснуть, и то судьба, о дорогая, то судьба!
О, злая, выслушай раба! о дорогая, рѣчь раба.

Ты—врачъ: мнѣ раны излѣчи, о дорогая, излѣчи!
Я словно въ огненной печи, о дорогая, я—въ печи!

[1] Яръ—милая (см. выше).

Всѣ дни горю я, стонъ тая, о дорогая, стонъ тая,
О, злая, вѣдь не камень я, о дорогая, пламень—я!

Мнѣ не уснуть и краткій срокъ, о дорогая, краткій срокъ,
Тебя ищу—и одинокъ! о дорогая, одинокъ!

И ночь и день къ тебѣ лечу, о дорогая, я лечу,
Тебя назвать я всѣмъ хочу, о дорогая, и молчу.

Но какъ молчать, любовь тая, о дорогая, страсть тая?
О злая, вѣдь не камень я, о дорогая, пламень—я!

5.

ПѢСНЯ ПАХАРЕЙ.

Мы съ первой зорькой встаемъ,
Идемъ работать въ поля,
Простую пѣсню поемъ,
Сердца свои веселя!

Темная ночка прошла,
Веселъ зеленый просторъ;
У Бога много тепла,
Солнце встаетъ изъ-за горъ.

Идемъ! за дѣло пора!
Въ лѣсахъ намъ птицы поютъ.
Богатъ, кто взялся съ утра
На нивѣ за скромный трудъ.

Пусть долго спитъ богатей
И ждетъ онъ другихъ услугъ.
Я сжился съ долей своей,
Хоть ѣмъ только хлѣбъ да лукъ.

У меня нѣтъ лишнихъ заботъ,
Всегда безпечаленъ я,
И пахарь пѣсню поетъ,
Звучнѣй, чѣмъ пѣснь соловья.

Едва проснется богачъ,
Клянетъ онъ участь свою;
Надъ жизнью бѣдный не плачь:
Такая же будетъ въ Раю!

Мы съ первой зорькой встаемъ,
Идемъ работать въ поля,
Пѣсню простую поемъ,
Сердца людей веселя!

ПѢСНЯ О ЧЕТЫРЕХЪ ЭЛЕМЕНТАХЪ.

Весна.

Вновь прилетѣли тѣ птицы,
Опять прилетѣли тѣ птицы,
Снова явились тѣ птицы,
Что каждой весною приходятъ,
Надѣли зеленый нарядъ,
Надѣли зеленый нарядъ,
Надѣли зеленый нарядъ,
Надъ землею кружатся, кружатъ.
Пой, соловей, свою пѣснь,
Пой, сизокрылый, мнѣ пѣснь,
Пой, сладкогласый, мнѣ пѣснь,
Я безъ ума отъ нея,
Рабъ умиленный Творца.

Лѣто.

Вновь прилетѣли тѣ птицы,
Опять прилетѣли тѣ птицы,
Снова явились тѣ птицы,
Что каждымъ лѣтомъ приходятъ.
Надѣли багряный нарядъ,
Надѣли багряный нарядъ,
Надѣли багряный нарядъ,
Надъ розой кружили, кружатъ.
Пой, соловей, свою пѣснь,
Пой, сизокрылый, мнѣ пѣснь,
Пой, сладкогласый, мнѣ пѣснь,
Я безъ ума отъ нея,
Рабъ умиленный Творца.

Осень.

Вновь прилетѣли тѣ птицы,
Опять прилетѣли тѣ птицы,
Снова явились тѣ птицы,
Что осенью каждой приходятъ.
Надѣли желтый нарядъ,
Надѣли желтый нарядъ,
Надѣли желтый нарядъ,
Надъ сушью кружатся, кружатъ.
Пой, соловей, свою пѣснь,
Пой, сизокрылый, мнѣ пѣснь,
Пой, сладкогласый, мнѣ пѣснь,
Я безъ ума отъ нея
Рабъ умиленный Творца.

Зима.

Вновь прилетѣли тѣ птицы,
Опять прилетѣли тѣ птицы,
Снова явились тѣ птицы,
Что каждой зимою приходятъ.
Надѣли бѣлый нарядъ,
Надѣли бѣлый нарядъ,
Надѣли бѣлый нарядъ,
Надъ снѣгами кружатся, кружатъ.
Пой, соловей, свою пѣснь,
Пой, сизокрылый, мнѣ пѣснь,
Пой, сладкогласый, мнѣ пѣснь,
Я безъ ума отъ нея,
Рабъ умиленный Творца.

ПОДРАЖАНІЕ НАРОДНОМУ.

ПѢСНЯ.

Арутюна Туманьяна.

Ахъ, если алымъ сталъ бы я,
Твоимъ кораллomъ сталъ бы я,
Тебя лобзалъ бы день и ночь
И снѣгомъ талымъ сталъ бы я!
Я сталъ бы алымъ
Кораллomъ, лалломъ
И снѣгомъ талымъ сталъ бы я...

Ахъ, если шалью сталъ бы я,
Твоей вуалью сталъ бы я,
Тебя лсбзалъ бы каждый день,
Иль бусъ эмалью сталъ бы я!
Я сталъ бы шалью,
Твоей вуалью,
И бусъ эмалью сталъ бы я.

Ахъ, если таромъ[1] сталъ бы я,
Звучать не даромъ сталъ бы я.
Я разглашалъ бы гимнъ тебѣ,
И милой яромъ[2] сталъ бы я!
Я сталъ бы таромъ,
Звуча не даромъ,
Ахъ, милой яромъ сталъ бы я!

[1] Таръ — народный музыкальный инструментъ.
[2] Яръ — милый (см. выше).

ЭПОСЪ.

1. Владыка Асланъ. Сказка.
2. Давидъ Сасунскій. Эпосъ.

Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*

ВЛАДЫКА АСЛАНЪ.

СКАЗКА.

Владыка Асланъ сидитъ въ златой горницѣ,
И ѣстъ онъ хлѣбъ, и пьетъ онъ вино,
Ведетъ на землѣ жизнь счастливую,
Ни о чемъ-то чужомъ не тужитъ онъ.

И случилося такъ: хлѣба нѣтъ, нѣтъ вина.
Владыка Асланъ слугу позвалъ:
«Вотъ деньги тебѣ, на рынокъ ступай,
Тамъ ты хлѣба купи, вина купи,
Поспѣши принеси, пока пиръ мой идетъ.»

Аслана слуга на рынокъ пошелъ,
Видитъ: умеръ бѣднякъ середь улицы.
Онъ попу отдаетъ съ головы чалму,
Поясъ свой отдаетъ на саванъ тому.
Послѣ хлѣба купилъ и вина купилъ,
Но домой припоздалъ: пиръ-то кончился.

«Поздно такъ почему ты назадъ пришелъ?»
Осердясь, говоритъ владыка Асланъ.
«Не вели казнить!—отвѣчаетъ слуга,—
Какъ на рынокъ я шелъ,
Вижу: умеръ бѣднякъ середь улицы.
Тутъ попу я отдалъ съ головы чалму,
И свой поясъ отдалъ на саванъ тому.
Схоронили тогда бѣдняка въ землѣ,
А я потому на твой пиръ опоздалъ.»

Тутъ Аслана глаза словно выскочили.
Говоритъ: «Кто же взялъ душу мертваго?
Коль онъ смѣлъ, пусть придетъ за моей за душой!»
«Не вели казнить, отвѣчаетъ слуга,—
То архангелъ былъ, съ мечомъ Гавріилъ,
Того бѣдняка онъ душу унесъ».

Владыка Асланъ слугѣ закричалъ:
«Мнѣ коня подведи, моего Бозъ-Бедави,
Возложи на него съ жемчугами сѣдло,
Какъ же взять онъ смѣлъ, моего бѣдняка?»

Владыка Асланъ на рынокъ поскакалъ,
Гавріила онъ къ себѣ позвалъ.
Говоритъ: «На что тебѣ мой бѣднякъ?
Зачѣмъ бѣдняка душу ты взялъ?
Коль ты смѣлъ, приходи за моей за душой!»

Архангелъ тогда, съ мечомъ Гавріилъ
Съ Асланомъ вступилъ въ безпощадный бой.
И до полдня они рубились тамъ.
Аслана щадя разилъ Гавріилъ,
Гавріила съ плеча разилъ Асланъ.

Въ полдень грозно взглянулъ на врага Гавріилъ.
Асланъ утомленъ возвратился домой,
Онъ на ложе упалъ, а отецъ говоритъ:
«Помилуй меня, любезный сынъ,
Отчего, утомленъ, ты на ложе упалъ?»
Говоритъ Асланъ:
«Съ Гавріиломъ я рубился весь день,
Онъ хотѣлъ прійти за моей душой!»

Отецъ говоритъ:
«Отдай ты ему коня Бозъ-Бедави,
И отдай еще съ жемчугами сѣдло
И саблю отдай, закаленный клинокъ,
И злата отдай семь четвертей,
И сребра отдай семь четвертей,
Только пусть не беретъ онъ души твоей!»

Въ отвѣтъ Асланъ: «Вѣдь то—Гавріилъ:
Ему на что всего міра добро!
Онъ хочетъ души въ обмѣнъ на мою».
Отецъ говоритъ: «Мнѣ ужъ триста лѣтъ,
Но я какъ женихъ съ невѣстой своей,
Души не отдамъ въ обмѣнъ на твою.»

Мать пришла, говоритъ: «Помилуй, мой сынъ,
Отчего, утомленъ, ты на ложе упалъ?»
Говоритъ Асланъ:
«Съ Гавріиломъ я рубился весь день,
Онъ хочетъ прійти за моей за душой.»

Мать говоритъ:
«Отдай ты ему коня Бозъ-Бедави
И отдай еще съ жемчугами сѣдло,
И саблю отдай, закаленный клинокъ,
И злата отдай семь четвертей,
И сребра отдай семь четвертей,
Только пусть не беретъ онъ души твоей.»

Въ отвѣтъ Асланъ: «Вѣдь то—Гавріилъ:
Ему на что всего міра добро,
Онъ хочетъ души въ обмѣнъ на мою.»
Мать говоритъ: «Мнѣ ужъ триста лѣтъ,
Но какъ невѣста я съ женихомъ своимъ,
Души не отдамъ въ обмѣнъ на твою.»

Жена пришла, говоритъ: «Помилуй, Асланъ,
Отчего, утомленъ, ты на ложе упалъ?»
Говоритъ Асланъ:
«Съ Гавріиломъ я рубился весь день,
Онъ хочетъ прійти за моей за душой.»

Жена говоритъ:
«Отдай ты ему коня Бозъ-Бедави,
И отдай еще съ жемчугами сѣдло,
И саблю отдай, закаленный клинокъ,
И злата отдай семь четвертей,
И сребра отдай семь четвертей,
Только пусть не беретъ онъ души твоей.»

Въ отвѣтъ Асланъ: «Вѣдь то—Гавріилъ,
Ему на что всего міра добро!
Онъ хочетъ души въ обмѣнъ на мою.»
Жена говоритъ: «Не знала я,
Что онъ хочетъ души въ обмѣнъ на твою,
За тебя я отдамъ отъ сердца свою.»

Аслана жену Гавріилъ призвалъ,
Говоритъ: «Почему ты себя отдала?
Отецъ не хотѣлъ, не хотѣла мать,
Свою душу зачѣмъ ты согласна отдать?»
Въ отвѣтъ жена: «Не знала я,
Что ты хочешь души въ обмѣнъ на его,
Я тебѣ отдаю отъ сердца свою,
Чтобъ въ мірѣ не быть несчастной вдовой.»

Къ Богу тогда Гавріилъ возлетѣлъ,
Господу все тогда разсказалъ:
«Отецъ не хотѣлъ, не хотѣла мать
Свою душу въ обмѣнъ за сына отдать,
А жена отдаетъ отъ сердца свою.»

Говоритъ Господь: «Поди и возьми
Душу отца и матери то-жъ,
А супруги пускай двѣсти лѣтъ живутъ
Да счастливую жизнь на свѣтѣ ведутъ.»

ДАВИДЪ САСУНСКІЙ.

Народная эпопея.

1.

Миръ Господенъ тебѣ, — Абамэликъ,
Миръ Господенъ тебѣ, — Санасаръ,
Миръ Господенъ тебѣ, — Багдасаръ,
Миръ Господенъ тебѣ, — Мэликсетъ,
Миръ Господенъ тебѣ, — Дзеновъ-Ованъ,
Миръ Господенъ тебѣ, — Цыранъ-Вэрго,
Миръ Господенъ тебѣ, — Тырланъ-Давидъ,
Матерямъ и отцамъ тѣхъ, предъ кѣмъ я пою.

2.

Скончался когда Давида отецъ,
Съ Мысрамэликомъ мать пошла подъ вѣнецъ,
Остался Давидъ и сиръ и младъ,
Дядья собрались, промежъ себя говорятъ.
Ованъ говоритъ: — Цыранъ-Вэрго,
Ты ль Давида возьмешь, или я возьму?—
Вэрго говоритъ: «Есть сынъ у меня,
Ты возьми, содержи, сдѣлай сыномъ его.»
Взялъ Давида Ованъ и его содержалъ,
Былъ Овану Давидъ, какъ духовный сынъ.

3.

Только мѣсяцъ прошелъ, стосковалася мать,
Послала она за сыномъ гонцовъ.
И въ дому у нея поселился Давидъ.

Каждый день булаву Мысрамэликъ металъ,
И Давида мать ему говоритъ:
— Мое дитя съ собой возьми.—
Мысрамэликъ въ отвѣтъ: «Я его не возьму.
А ну какъ въ него попаду и убью?
Люди скажутъ, что я дитя волей убилъ.»
Но Давида мать опять говоритъ:
— Чтобъ не плакать ему, ты возьми, пусть убьешь.—
Мысрамэликъ съ собой Давида повелъ,
Поставилъ его вдалекѣ на лугу.
И пошли удальцы метать булаву.
Мысрамэликъ свою метнулъ булаву,
Давидъ привсталъ,
Руку простеръ, булаву поймалъ.
Мысрамэликъ тогда прогнѣвался, сказалъ:
«День придетъ, на меня онъ войной пойдетъ!»

Мысрамэликъ домой, разгнѣванъ, пришелъ,
Принахмурилъ бровь, сидитъ и молчитъ.
Тутъ жена говоритъ:
—Почему ты молчишь, разгнѣванъ сидишь?—
Онъ женѣ въ отвѣтъ: «Да мнѣ что жъ сказать?
Предъ людьми твой сынъ меня осрамилъ.»
Говоритъ жена:—Да что сдѣлалъ онъ?—
«Какъ я нынче свою метнулъ булаву,
Давидъ привсталъ,
Руки простеръ, булаву поймалъ.»
Та въ отвѣтъ:—Онъ же малъ, еще несмышленъ.—
Мысрамэликъ тогда женѣ говоритъ:
«Коли малъ Давидъ, еще несмышленъ,
Ты со златомъ приборъ поставь передъ нимъ
И съ углями приборъ поставь передъ нимъ.
Коли малъ Давидъ, еще несмышленъ,
Красный угль онъ возьметъ, злата онъ не возьметъ.»

И со златомъ приборъ и съ углями приборъ
Былъ поставленъ тогда предъ Давидомъ на столъ,
Руку поднялъ Давидъ, хотѣлъ золото взять,
Руку ангелъ отвелъ, положилъ на огонь.
Палецъ къ углю прижалъ и палецъ обжегъ,

Палецъ въ ротъ положилъ, и языкъ обжегъ,
Какъ языкъ онъ обжегъ, мало—онъ онѣмѣлъ,
И его стали звать—заика-Давидъ.

4.

Мысрамэликъ не сталъ Давида держать,
И къ дядѣ назадъ вернулся Давидъ,
Изъ желѣза Ованъ сапоги заказалъ,
Изъ желѣза Ованъ посошокъ припасъ,
И сталъ Давидъ съ той поры пастухомъ.

Изъ желѣза Давидъ надѣлъ сапоги,
Изъ желѣза Давидъ захватилъ посошокъ,
И въ поле Давидъ ягнятъ погналъ.
Оставилъ Давидъ среди поля ягнятъ,
Сколько было волковъ, зайчатъ и лисицъ,
И всякихъ звѣрей,
Къ себѣ притащилъ, со стадомъ смѣшалъ,
Подъ вечеръ погналъ и въ городъ привелъ.
Какъ увидѣлъ Сасунъ, испугался весь градъ,
Всѣ—врата на замокъ, изъ домовъ нейдутъ.
Давидъ положилъ на камень лицо,
На землѣ сырой среди поля уснулъ.

На зарѣ Ованъ самъ къ нему пошелъ.
Видитъ: много тотъ по горамъ гулялъ:
Износился его изъ желѣза сапогъ,
Изломалась его изъ желѣза клюка,
Говоритъ:—Давидъ, какъ твои дѣла?—
Тотъ въ отвѣтъ: «Любо мнѣ стадо черныхъ ягнятъ,
Но не любо мнѣ стадо сѣрыхъ ягнятъ,
Было трудно ихъ въ лѣсахъ собирать.»
Ованъ говоритъ:—Ты сѣрыхъ оставь,
Они—прокляты,
Тѣхъ, что сами пойдутъ, ты гони домой!—

Сталъ на день еще Давидъ пастухомъ.
По горамъ опять погналъ ягнятъ.

Сколько тигровъ нашлось, медвѣдей и львовъ,
Къ себѣ притащилъ, со стадомъ смѣшалъ,
Подъ вечеръ погналъ и въ городъ привелъ.
Какъ увидѣлъ Сасунъ, испугался весь градъ,
Всѣ—врата на замокъ, изъ домовъ нейдутъ.

Давидъ на-земь легъ, до утра проспалъ,
На зарѣ сошлись горожане всѣ,
Говорятъ:—Слушай насъ, Дзеновъ-Ованъ!
Этотъ мальчикъ твой весь нашъ градъ разбилъ,
Боимся мы его волковъ,
И зайцевъ тѣхъ, и медвѣдей.—
Ованъ говоритъ: «Коль боитесь вы,
Пойду, приведу Давида домой.»
Пошелъ, привелъ, Давида домой,
Отъ хлѣба ключи, отъ ѣды ключи
Давиду отдалъ и ему сказалъ:
— Коль гости придутъ, ты хлѣба имъ дашь,
А хлѣбъ какъ съѣдятъ, до воротъ проведешь.—

5.

Такъ мѣсяцъ прошелъ, и другой прошелъ...
Ована тогда жена, Саріэ,
Ибо мальчикъ Давидъ красивымъ былъ,
Заглядясь на него, ему говоритъ:
— Ты долженъ ко мнѣ въ опочивальню прійти.—
Но ей въ отвѣтъ Давидъ говоритъ:
«Вѣдь ты—моя мать, а я тебѣ—сынъ.»

Саріэ говоритъ:— Пойду голову мыть,
А Давидъ пускай на меня воду льетъ—
Какъ тѣло мое увидитъ Давидъ,
Такъ въ сердце его и грѣхъ войдетъ.—
И Давида зоветъ, пусть онъ воду льетъ.
Но глаза свои Давидъ прикрылъ,
Чтобы наготы не видать, грѣха не принять,
Такъ, глаза закрывъ, онъ и воду лилъ.

Какъ помылась тогда Ована жена,
Повернулась она, увидала она,
Что плотно закрылъ Давидъ глаза;
Зарыдала она, стала волосы рвать,
Все лицо свое разбила въ кровь,
Домой пошла и сѣла тамъ,
Пока ея мужъ не пришелъ домой.

Ованъ говоритъ:—Что съ тобой, жена?—
Та ему въ отвѣтъ: «Какъ иначе быть?
То-то вѣрила я, ты сына далъ,
И не знала я, ты мнѣ мужа далъ.»
Ованъ говоритъ: — Эй, смотри, жена!
Быть не можетъ такъ, говоришь ты ложь.—
Жена въ отвѣтъ: «Говорю я не ложь.
Давидъ на меня самъ руку занесъ,
Но я тогда ему не далась.»
— Коли такъ, къ вечеру я прилажу дверь.—
Ованъ, къ вечеру, приладилъ дверь,
Пришелъ Давидъ, увидалъ, говоритъ:
«Могъ бы, дядя, я ударить ногой,
И дверь и ты самъ провалились бы вдругъ,
Но какъ же мнѣ быть, не ты виноватъ,
Но злая жена обманула тебя.»

6.

Сдѣлалъ Давидъ себѣ стрѣлы и лукъ,
На охоту пошелъ за городъ въ поля,
То ли каждый день охотится онъ
Убиваетъ онъ перепеловъ, воробьевъ,
Къ старухѣ одной подъ вечеръ идетъ,
Той, что милой была его отца.
Старуха та ему говоритъ:
— А зачѣмъ ты, Давидъ, по моей гречѣ ходилъ!
По гречѣ ходилъ, мою гречу помялъ.—
Давидъ говоритъ: «А какъ же мнѣ быть?»
Старуха тогда Давиду въ отвѣтъ:

— Вѣдь былъ твой отецъ могучимъ царемъ,
И много имѣлъ скота и добра.
А какъ померъ отецъ, и по сей самый годъ
Мысрамэлику Ованъ податей не платилъ.
Мысрамэликъ теперь за ними пошлетъ,
И заплатитъ Ованъ подать за семь лѣтъ.—

Уснулъ Давидъ и спалъ до зари;
На разсвѣтѣ всталъ, лукъ и стрѣлы взялъ,
На гречу пошелъ, перепелку убилъ.
Мысрамэлика жъ посолъ, именемъ Козбадинъ,
Пришелъ, отворилъ ворота казны,
И казну считалъ, унести хотѣлъ.
Старуха пошла, увидала посла
И что въ гречѣ Давидъ перепелку убилъ,
Говоритъ:—Давидъ, чтобъ тебѣ да пропасть!
Только есть у меня, что греча моя,
Хлѣба куска ты лишаешь меня.
Если ты удалецъ, такъ поди, посмотри,
Мысрамэлика посолъ, именемъ Козбадинъ,
Тамъ отца твоего уноситъ казну.
Давидъ ей въ отвѣтъ: «А гдѣ онъ, покажи.»

Старуха тогда Давида повела,
Вернулась сама, а Давидъ увидалъ,
Что посолъ Козбадинъ считаетъ казну.
Какъ завидѣлъ Давидъ,—
Кровью взоръ налился,
Разсердился, сказалъ:
«Ты встань, Козбадинъ, а я буду считать!»
Не всталъ Козбадинъ.
Занесъ руку Давидъ, его за руку взялъ,
Да какъ броситъ его до самыхъ дверей.
А самъ присѣлъ, и мѣру—вверхъ дномъ,
Палкой дно высадилъ,
Золото высыпалъ,
Не оставилъ ни денежки,
Пустую мѣру повернулъ, сказалъ: «Это—разъ!»
Козбадинъ говоритъ:
—Ованъ, отгони мальчишку прочь,

Надо платить, такъ плати подать за семь лѣтъ,
Коли нѣтъ, такъ пойду Мысрамэлику скажу,
Онъ придетъ, и Сасунъ разгромитъ, разобьетъ,
За Мысыромъ другой онъ построитъ градъ.—
Разсердился Давидъ, онъ на ноги всталъ,
Козбадина въ лобъ онъ мѣрою—хлопъ
И губы прочь отрѣзалъ ему
И зубы въ лобъ ему вбилъ да сказалъ:
«Къ Мысрамэлику ступай, ему дай отвѣтъ,
Пусть, что хочетъ онъ, то теперь и творитъ.»

7.

Поднялся Козбадинъ, къ Мысрамэлику пошелъ.
Женщины глядятъ: Козбадинъ идетъ,
Словно ротъ онъ открылъ, хохочетъ точь-въ-точь.
Говорятъ: «Вотъ забралъ подать за семь лѣтъ.»
Козбадинъ какъ пришелъ, близко къ нимъ подошелъ,
Увидали онѣ: у него губъ-то нѣтъ,
И зубы его ему вбиты въ лобъ.
Тутъ онѣ говорятъ:
«Ты отколь, Козбадинъ, вперевалку бредешь?»
Козбадинъ имъ въ отвѣтъ:
Что вамъ знать, я отколь въ перевалку бреду,
Отъ Сасунской страны наводненію быть.—
Къ Мысрамэлику потомъ пошелъ и сказалъ:
«Не даетъ намъ Давидъ, подать за семь лѣтъ,
О тебѣ говоритъ: пусть, что хочетъ, творитъ.»

Мысрамэликъ послалъ бирючей ходить,
Войска собрать, повсюду кричать:
«Мнѣ должно собрать полторы тысячи
Новорожденныхъ дѣтей,
Мнѣ должно собрать полторы тысячи,
Безусыхъ юнцовъ,
Мнѣ должно собрать полторы тысячи
Темнобородыхъ мужей,
Мнѣ должно собрать полторы тысячи
Бѣлобородыхъ мужей.»

Сказалъ, собралъ, въ одно мѣсто всѣхъ свелъ,
Войско повелъ въ городъ Сасунъ,
Палатки свои среди поля разбилъ,
И къ Овану своихъ гонцовъ послалъ.
Говоритъ: — Ованъ!
Коли подать платить, по чести плати,
Не заплатишь, пойду, разгромлю Сасунъ,
Подъ Мысырой другой построю я градъ.—
Говоритъ Ованъ: «Не хотимъ воевать,
Кто готовъ воевать, такъ только Давидъ,
Потерпи, погоди, мы спросимъ его.»
Давидъ говоритъ: «Казны отца не отдамъ,
Мысрамэликъ пускай, что хочетъ, творитъ.»
Давиду Ованъ тогда говоритъ:
— Коли такъ, Давидъ, въ эту ночь они
Придутъ, нападутъ, разгромятъ нашъ градъ.—
Давидъ въ отвѣтъ:
«Всѣ идите домой, ложитесь спать,
А я на зарѣ пойду воевать.»

8.

Разгнѣвился Давидъ,
Всю ночь не спалъ,
На разсвѣтѣ всталъ, лукъ и стрѣлы взялъ,
Какъ собрался пойти, старуха ему:
— Давидъ, ты куда?— А Давидъ въ отвѣтъ:
«Съ Мысрамэликомъ я воевать иду!»

— Что же есть у тебя? только стрѣлы и лукъ?
Съ Мысрамэликомъ ли такъ хочешь ты воевать?—
«Да вѣдь нѣтъ у меня ни коня, ни меча.»
Старуха въ отвѣтъ:—Да побьетъ тебя Грохъ! [1]
Достоинъ ли ты отца своего!
У отца твоего былъ конь Джалали,
Молнія—мечъ,

[1] Грохъ—буквально: писецъ, вѣроятно, имя языческаго бога (можетъ быть, тождественно съ именемъ Тира).

Головной уборъ,
Золотой кафтанъ,
Поясъ алъ,
Божья Матерь была Марутская съ нимъ,
Патараза[1] крестъ въ десницѣ его».—
Говоритъ Давидъ: «Гдѣ, старуха, все?»
— Пропади твой домъ, отнялъ дядя все!
Не отдастъ добромъ онъ твоихъ вещей,
Ты поди, схвати дядю за-воротъ—
На своемъ настой, силой все возьми!—

Къ Овану тогда Давидъ пошелъ,
Руки поднялъ, дядю за-воротъ взялъ,
Такъ что ноги того отъ земли взнеслись,
«Отъ тебя,—говоритъ,—дядя, требую:
Божью Матерь верни мнѣ Марутскую,
Патараза крестъ, что въ десной былъ отца,
Коня Джалали,
И мечъ-молнію,
Головной уборъ,
Золотой кафтанъ,
Алый поясъ мой!
Не отдашь добромъ, возьму силою!»

Тутъ Ованъ въ отвѣтъ:—Пропади, Давидъ!
Не твои то слова—подучили тебя.
Съ того самаго дня, какъ твой померъ отецъ,
Я не видѣлъ нигдѣ коня Джалали,
Мысрамэлика страшась, его въ стойлѣ держалъ;
Мысрамэлика страшась, я задѣлалъ дверь,
Черезъ ердикъ[2] ему мы кормъ даемъ.
Если силенъ ты, если властенъ ты,
Такъ поди: предъ тобой—дверь раскроется.—

Пошелъ Давидъ, ударилъ ногой,
Ударилъ ногой, и распалась стѣна.
Хотѣлъ потрепать коня по бедру,

[1] Марутъ—гора; Патаразъ,—вѣроятно, имя языческаго бога.
[2] Ердикъ—верхнее окно (на плоской крышѣ).

Но, Давида конь не признавъ, взметнулъ,
По стѣнѣ лягнулъ, та обрушилась.
Зарыдалъ Давидъ, зарычалъ, говоритъ:
— Ахъ, что дѣлать мнѣ, чей ты, конь Джалали!
Думалъ я, ты меня на войнѣ спасешь.—
Повелѣлъ Господь, конь въ отвѣтъ сказалъ:
«Коли такъ, Давидъ, послужу я тебѣ.
Съ того самаго дня, какъ твой померъ отецъ,
Твой дядя Ованъ ходилъ за мной,
Содержалъ меня какъ будто въ тюрьмѣ,
Ты жъ скребницей меня хорошенько почисть.»
Потрепалъ Давидъ коня по бедру,
Былъ кругомъ отъ куръ по локоть пометъ,
Но вывелъ коня подъ солнце Давидъ,
Поскакалъ и сталъ у воротъ дворца.
Вышелъ дядя Ованъ, все, что должно, принесъ:
Головной уборъ,
Золотой кафтанъ,
Поясъ алъ
И мечъ-молнію.
Говоритъ:—Давидъ, Патараза крестъ
Въ сундукѣ лежитъ.
Къ сундуку пойди,
На колѣни стань,
Богу помолись.
Коль, подобно отцу, праведенъ ты,
На десницу твою самъ придетъ, возблестѣвъ,
Патараза крестъ.—

И Давидъ пошелъ, на колѣни сталъ,
На колѣни сталъ, зарыдалъ, завылъ...
Повелѣлъ Господь: Патараза крестъ
Полетѣлъ и самъ на десной осѣлъ.

9.

Сѣлъ Давидъ тогда на коня Джалали,
И надѣлъ отцовъ головной уборъ,
И надѣлъ отцовъ золотой кафтанъ,

Повязалъ себѣ и мечъ-молнію,
Окрутилъ вокругъ также поясъ-алъ.
Спину сорокъ разъ поясъ тотъ обвилъ,
По землѣ стучалъ тотъ мечъ-молнія,
На глаза сползалъ головной уборъ
(Ваты сорокъ пудъ подложить пришлось,
Чтобы тотъ уборъ на себя надѣть!)

Поскакалъ Давидъ, за оградой сталъ,
Сталъ да слушаетъ,
Что ему въ тотъ часъ дядя вымолвитъ.
Говоритъ Ованъ:
— Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
Коня Джалали!
Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
Головной уборъ!
Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
Золотой кафтанъ!
Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
Тотъ нашъ поясъ-алъ!
Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
Нашъ мечъ-молнію!
Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
Патараза крестъ!
Ужъ какъ жаль, сто разъ жаль
Того нашего, того мальчика.—
Говоритъ Давидъ:
«Исполать тебѣ, что меня помянулъ.
Кабы ты меня помянуть забылъ,
Раньше битвы я тебя бы убилъ!»

Такъ сказалъ, поскакалъ, въ поле выѣхалъ.
Повелѣлъ Господь, сказалъ конь Джалали:
— Ты скачи, Давидъ, гдѣ молочный ключъ.
Тамъ, гдѣ стану я, ты съ меня слѣзай.—
Поскакалъ и сталъ, гдѣ молочный ключъ,
Но Давидъ забылъ и съ коня не слѣзъ,
Лишь подумалъ Давидъ, что конь усталъ,
Въ бокъ ударилъ его и сломилъ ребро.
Разсердился конь, и проржалъ—сказалъ:

— Могъ бы, къ солнцу взнесясь, я тебя спалить,
Какъ ты скоро забылъ мои слова!
Но во имя отца я тебя пощажу,
Ты скачи, Давидъ, гдѣ желѣзный столбъ,
Ты ударь мечомъ о желѣзный столбъ,
Коли срубишь столбъ, мы вернемся назадъ.—

Тогда съ коня слѣзаетъ Давидъ,
Молочнымъ ключомъ его бокъ цѣлитъ,
Самъ напился воды и хлѣба поѣлъ,
Надъ молочнымъ ключомъ уснулъ, захрапѣлъ.
Только часъ проспалъ,—удивился, какъ всталъ:
Такъ-то онъ пополнѣлъ,
Такъ-то онъ растолстѣлъ,
Столько силы вошло, столько мочи въ него,
Что и выше онъ сталъ, чѣмъ былъ до того.
Тогда взялъ Давидъ головной уборъ,
Ваты сорокъ пудъ на землю швырнулъ,
Шапка и тогда до бровей не дошла;
Молнію-мечъ, что стучалъ по землѣ,
Надѣлъ, не дошелъ онъ ему до колѣнъ;
Поясъ-алъ, что его сорокъ разъ обвивалъ,
Надѣлъ, только разъ онъ спину обвилъ.

Поскакалъ Давидъ, гдѣ желѣзный столбъ;
Ударилъ мечомъ о желѣзный столбъ,
Разрубился столбъ отъ удара меча.
Въѣхалъ Давидъ на вершину горы,
Посмотрѣлъ кругомъ, что-то видно вкругъ.
Сколько есть въ небесахъ лучистыхъ звѣздъ,
Мысрамэликъ въ поляхъ наставилъ шатровъ,
Увидалъ Давидъ, испугался, сказалъ:
— Славенъ будь, Господь, милосердъ Богъ,
Да будетъ воля Твоя,
Только какъ же мнѣ быть?
Если бъ ватой они всѣ сдѣлались вдругъ,
А я сталъ бы огнемъ, не пожечь мнѣ ихъ всѣхъ.
Если бъ агнцами всѣ они сдѣлались вдругъ,
А я волкомъ бы сталъ, не пожрать мнѣ ихъ всѣхъ.—

Джалали говоритъ: «Ты не бойся, Давидъ!
Сколько скосишь мечомъ, я скошу хвостомъ,
Что скосить мечу, я копытомъ скошу.
Лишь на мнѣ усиди и не дайся въ обманъ».
Говоритъ Давидъ:—Только какъ же мнѣ быть?
Тайкомъ подползать,—скажутъ, вышелъ какъ тать,
Итти прямо къ врагамъ, испугаюсь я самъ.—

Такъ подумалъ Давидъ, потомъ такъ кричитъ:
— Въ шатрѣ кто спитъ, да проснется тотъ,
Проснулся кто, да скорѣй встаетъ,
Поднялся кто, да броню беретъ,
Броню кто надѣлъ, да несетъ сѣдло,
Осѣдлалъ кто коня, да садится въ сѣдло,
И, чуръ, не кричать, что пришелъ я, какъ тать!—

Такъ сказалъ, поскакалъ, полетѣлъ на войска,
Два-раза проскакалъ и впередъ и назадъ,
Словно крови потокъ поднялся и потекъ,
Сколькихъ мечъ порубилъ, столькихъ конь потопталъ.

Былъ въ томъ войскѣ мудрецъ, сѣдой старикъ,
Предъ Давидомъ онъ сталъ, Давиду сказалъ:
«Ты зачѣмъ, Давидъ, убиваешь людей?
У всѣхъ-то у нихъ вѣдь матери есть,
Сюда Мысрамэликъ насъ силой привелъ,
Коли ты удалецъ, поди, съ нимъ повоюй.»
Говоритъ Давидъ:—Гдѣ его шатеръ?—
Старикъ говоритъ: «Вонъ зеленый шатеръ.»

10.

Предъ зеленымъ шатромъ Давидъ сталъ, сказалъ:
— Мысрамэликъ, выходи, драться иди.
Коль безсмертенъ ты, тебѣ смерть я принесъ,
Коль безъ Гроха ты, тебѣ Гроха принесъ.—
Мать Давида тогда ему говоритъ:
«Мысрамэликъ въ постели спитъ,
Семь денъ ему спать, только три проспалъ.»

Давидъ говоритъ:—Что за дѣло мнѣ!
Разбудите его, ему драться пора.—

Тутъ огонь несутъ, большой вертелъ жгутъ,
Да имъ по ногамъ Мысрамэлика бьютъ.
Мысрамэликъ во снѣ, закричалъ, сказалъ:
— Нынче плохо мнѣ постлали постель,
Укусила меня блоха во снѣ.—
А Давидъ ему говоритъ: «Вставай!
Вѣдь то не блоха, предъ тобою—я.»
Мысрамэликъ не всталъ и опять уснулъ.
Тутъ огонь несутъ, плуга лемехъ жгутъ,
Да имъ по ногамъ Мысрамэлика бьютъ.
Мысрамэликъ во снѣ закричалъ, сказалъ:
— Нынче плохо мнѣ постлали постель,
Укусила меня блоха во снѣ.—
А Давидъ ему говоритъ: «Вставай!
Нынче со мной долженъ драться ты.»

Мысрамэликъ тутъ всталъ, Давида узналъ,
На него дохнулъ, думалъ тотъ полетитъ,
Но Давидъ на конѣ остался стоять.
Мысрамэликъ тогда Давиду сказалъ:
— Приходи, Давидъ, поѣдимъ съ тобой,
Поболтаемъ вдвоемъ, а тамъ драться начнемъ.—
Дался тогда Давидъ въ обманъ,
Съ коня онъ слѣзъ, а конь убѣжалъ,
Разсердясь, ускакалъ на вершину горы.
Мысрамэликъ межъ тѣмъ велѣлъ яму изрыть,—
Глубиной она была въ сорокъ мечей,
Прикрыта она была сѣткой поверхъ,
А на сѣтку ту постлали ковры.
Давида тогда посадили туда,
Онъ въ яму упалъ, Мысрамэликъ же сказалъ:
— Такъ вотъ какъ, Давидъ, ты подрался со мной,
Оставайся тамъ, пока кости сгніютъ.—

11.

Дэеновъ-Ованъ видѣлъ ночью сонъ:
Мысыра звѣзда ясна была,

Сасуна звѣзда покрылась тьмой,
Проснулся Ованъ, женѣ сказалъ:
—Поднимайся, жена! Я видѣлъ сонъ,
Мысыра звѣзда ясна была,
Сасуна звѣзда покрылась тьмой,
Погибъ нашъ Давидъ!—
Жена говоритъ: «Пропади твой домъ!
Самъ ты спишь, а во снѣ все видишь другихъ.»
Уснулъ Ованъ, вновь увидѣлъ сонъ:
Мысыра звѣзда ясна была,
Сасуна звѣзда померкла совсѣмъ.
Проснулся Ованъ, женѣ сказалъ:
—Поднимайся, жена, я видѣлъ сонъ:
Мысыра звѣзда ясна была,
Сасуна звѣзда померкла совсѣмъ,
Погибъ нашъ Давидъ!—
Жена говоритъ: «Пропади твой домъ,
Чего ты не спишь и мнѣ спать не даешь.»
Уснулъ Ованъ, вновь увидѣлъ сонъ:
Мысыра звѣзда ясна была
И Сасуна звѣзду поглотили совсѣмъ.
Проснулся Ованъ, женѣ сказалъ:
— Поднимайся, жена, Давидъ убитъ!—
Жена говоритъ: «Охъ, чего ты не спишь,
Видно, млѣешь во снѣ съ красоткой какой!»
Разсердился Ованъ, пхнулъ жену ногой,
Жена поднялась и свѣтъ зажгла.
Ованъ говоритъ:—Подай мечъ и щитъ!—
Жена подала, и Ованъ ихъ надѣлъ,
Самъ пошелъ отворилъ въ конюшню дверь,
Ударилъ въ бедро коня Бѣлаго
(Прикоснулся конь животомъ до земли),
Говоритъ:—Бѣлый конь, какъ поскачешь ты,
Скоро ль ты довезешь меня, гдѣ Давидъ?—
Конь въ отвѣтъ: «Донесу я тебя до зари.»
Говоритъ Ованъ:—Поганымъ будь кормъ,
Какимъ досель я тебя кормилъ.—
Ударилъ въ бедро коня Рыжаго
(Прикоснулся конь животомъ до земли),
Говоритъ:—Рыжій конь, какъ поскачешь ты,

Скоро ль довезешь меня, гдѣ Давидъ?—
Конь въ отвѣтъ: «Донесу я тебя въ одинъ часъ.»
Говоритъ Ованъ:—Поганымъ будь кормъ,
Какимъ досель я тебя кормилъ.—
Ударилъ въ бедро Вороного коня,
Не коснулся конь животомъ до земли.
Облобызалъ Ованъ Вороного коня,
Говоритъ:—Вороной, какъ поскачешь ты,
Скоро ль ты довезешь меня, гдѣ Давидъ?—
Конь въ отвѣтъ: «Ухватись за меня посильнѣй.
Только станешь ногой ты въ стремя одно,
А другую взнесешь, чтобъ въ другое попасть,
Донесу я тебя туда, гдѣ Давидъ.»

Сѣлъ Дзеновъ-Ованъ на Вороного коня,
Только сталъ ногой на стремя одно,
А другую занесъ, чтобъ въ другую попасть,—
А ужъ конь Вороной полетѣлъ, какъ огонь,
Домчался и сталъ на вершинѣ горы.
Лишь конь Джалали его увидалъ,
Громко заржалъ, къ нему подскакалъ.
Испугался Ованъ, про себя сказалъ:
«Если конь убѣжалъ, такъ Давидъ убитъ.»
И Дзеновъ-Ованъ тогда закричалъ,
По горамъ и доламъ его крикъ прозвучалъ:
— Эй, гдѣ ты, Давидъ! помяни теперь
Ты Марутскую Богородицу,
Патараза крестъ, что въ десной твоей!—
Давидъ услыхалъ тотъ Ована крикъ,
Давидъ разслыхалъ и сказалъ тогда:
«Ты Марутская Богородица,
Патараза крестъ, что въ десной моей!»
Такъ онъ разъ сказалъ, тѣломъ всѣмъ тряхнулъ.
Повелѣлъ Господь и распалась цѣпь,
И изъ ямы Давидъ тогда выскочилъ.
Мысрамэликъ къ нему подойти не посмѣлъ,
Ованъ же позвалъ:—Поди сюда, Давидъ!—
Давидъ на тотъ зовъ къ Овану пришелъ,
Ему Ованъ коня подвелъ,
Сѣлъ Давидъ и сказалъ:

«Отправляйся теперь ты, дядя, домой,
Съ Мысрамэликомъ я пойду воевать.»

12.

Къ Мысрамэлику Давидъ прискакалъ, сказалъ:
— Мысрамэликъ, меня ты тогда обманулъ,
А что же теперь станешь дѣлать ты?—
Мысрамэликъ сказалъ: «Ну, иди, садись.»
Но Давидъ говоритъ:—Нѣтъ, намъ драться пора.—
Мысрамэликъ ему: «Чуръ мой первый чередъ.»

Пошелъ Давидъ, на площади сталъ.
Мысрамэликъ махнулъ, пустилъ булавой
Надъ Давидомъ пыль поднялась столбомъ,
И солнечный ликъ застлала пыль.
Мысрамэликъ сказалъ:
«Былъ прахомъ Давидъ, сталъ прахомъ Давидъ.»
Но Давидъ въ отвѣтъ:—Нѣтъ, еще я тутъ,
Ты ступай опять булавой метать.—
Мысрамэликъ махнулъ, пустилъ булавой,
Надъ Давидомъ пыль поднялась столбомъ,
И солнечный дымъ застлала пыль.
Мысрамэликъ сказалъ:
«Былъ прахомъ Давидъ, сталъ прахомъ Давидъ.»
Но Давидъ въ отвѣтъ:—Нѣтъ, еще я тутъ,
Ты ступай опять булавой метать.—
Мысрамэликъ въ третей пустилъ булавой
Какъ осѣла пыль, Давидъ говоритъ:
— Все еще я тутъ, но чередъ ужъ мой.—

Мысрамэликъ сказалъ: «Давидъ, подожди.
Вырыть яму хочу въ сорокъ верстъ глубиной,
Въ эту яму хочу опустить на дно,
Сорокъ я навалю жерноповъ на дно,
Сорокъ я наложу шкуръ воловъ на себя.»
Давидъ говоритъ: — Что же, рой, накрывай,
Какъ любо тебѣ, такъ ты поступай.—

13.

Мысрамэликъ сидитъ въ той ямѣ на днѣ,
Сорокъ онъ навалилъ жерновобъ на себя,
Сорокъ онъ наложилъ шкуръ воловъ на себя.
Разбѣжался Давидъ ударить хотѣлъ.
Мать Давида пришла, ему говоритъ:
— Развѣ грудью тебя не кормила я?
Ты уважь меня, этотъ разъ не бей.»
Согласился Давидъ и уважилъ мать.

Разбѣжался Давидъ, взмахнулъ булавой.
Мысрамэлика сестра пришла, говоритъ:
— Не носила ль я тебя на спинѣ?
Ты уважь меня, этотъ разъ не бей.—
Согласился Давидъ и уважилъ ее,
Только разъ одинъ остался ему.

Разбѣжался Давидъ, взмахнулъ булавой,
Давида сестра пришла, говоритъ:
— Ты уважь меня, этотъ разъ не бей.—
Но Давидъ въ отвѣтъ: «Нѣтъ чередъ ужъ мой!»

Божье имя тогда Давидъ помянулъ,
Марутскую онъ Божью мать помянулъ,
Патараза крестъ на десной своей,
Ударилъ лишь разъ Давидъ булавой.
Повелѣлъ Господь: какъ ударилъ Давидъ,
Онъ сорокъ пробилъ тогда жерновобъ,
Онъ сорокъ пробилъ воловьихъ шкуръ
И полъ-головы Мысрамэлику снесъ.

Мысрамэликъ сказалъ:—Еще я тутъ.—
Но Давидъ въ отвѣтъ: «Ты всѣмъ тѣломъ тряхни.»
Мысрамэликъ тогда всѣмъ тѣломъ тряхнулъ,
На двѣ части онъ развалился весь:
Половина—тамъ, половина—здѣсь.
Прекратилась такъ Мысрамэлика жизнь.

ПОЭЗІЯ СРЕДНЕВѢКОВЬЯ
И ПѢСНИ АШУГОВЪ.

ИЗЪ ШАРАКАНА.

ДРЕВНѢЙШІЕ ГИМНЫ V—VII в.

1. «Море жизни всегда обуреваетъ меня...» (Приписывается св. Месропу-Маштоцу, V в.)
2. «Рано утромъ предстану передъ Тобой...» (Тоже.)
3. «Преображеніемъ Твоимъ на горѣ...» (Приписывается Іоанну I Мандакуни, V в.)
4. Изъ канона спутницамъ св. Рипсимэ. (Приписывается католикосу Комитасу, VII в.)

Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*

1.

Море жизни всегда обуреваетъ меня.
Воздвигаетъ Врагъ валы на меня.
Добрый Кормчій, Ты—оборони меня!

2.

Рано утромъ предстану передъ Тобой,
      Царь мой и Богъ мой!
Рано утромъ преклóнишь къ мольбѣ моей слухъ,
      Царь мой и Богъ мой!
Молю я: взгляни на молитву мою,
      Царь мой и Богъ мой!

3.

Преображеньемъ Твоимъ на горѣ
Ты божественную силу явилъ,
Тебя славимъ, о мысленный свѣтъ!

Лучъ славы Твоей ты явилъ,
Возсіялъ и всю твердь освѣтилъ,
Тебя славимъ, о мысленный свѣтъ!

Ужаснулись ученики Твои
Явленіе чудесное зря,
Тебя славимъ, о мысленный свѣтъ!

Но, возставъ отъ тяжелаго сна,
Къ Твоей славѣ прилѣпились сильнѣй,
Тебя славимъ, о мысленный свѣтъ!

4.

ИЗЪ КАНОНА СВ. ДѢВАМЪ, СПУТНИЦАМЪ СВ. РИПСИМЭ.

ПОДРАЖАНІЕ.

Наполнили землю голоса съ небесъ,
Ибо вы предъ Христомъ—пролитойароматъ;
Какъ жертву на алтарь вы себя принесли
Безпорочныя агницы, посвященныя Творцу.

Красотой блистающей царь ослѣпленъ,
Ею всѣ язычники изумлены;
Но, при зрѣлищѣ дивной благодатной красы,
Святыя силы ликуютъ съ людьми.

Жива, какъ въ началѣ, сила Творца,
Укращается вновь благодатный Эдемъ,
Ибо древо жизни, что взростало въ Раю,
Свой плодъ принесло—блаженную Рипсимэ.

ГРИГОРІЙ НАРЕКСКІЙ.

X В.

1. Алмазная роза.
2. Пѣснь на Воскресеніе Христово.

Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*

1.

АЛМАЗНАЯ РОЗА.

Алмазную розу одѣлъ
Алый свѣтъ покрываломъ благимъ,
А надъ тѣмъ покрываломъ благимъ
Жемчугомъ нунуфаръ просіялъ.

Въ огромномъ просторѣ морскомъ
Отразилось сверканье цвѣтка,
И зардѣлся сверканьемъ цвѣтка
На вѣткѣ пылающій плодъ.

Сочный шафрановый плодъ
Густая скрывала листва,
Создателя арфа,—листва,—
Тобой пѣтаго, дивный Давидъ!

Въ роѣ торжественномъ розъ
Зазвучала стоцвѣтность цвѣтовъ;
Молодыхъ тонкостволыхъ деревъ
Заалѣли побѣги вокругъ.

Кипарисы, красуясь, кадятъ
Надъ чашами розъ и лилей;
И въ долинѣ чаши лилей
Подъ солнцемъ всходящемъ горятъ.

На алмазную лилію съ горъ
Сладкій подулъ вѣтерокъ;
Съ полночной горы вѣтерокъ
Лилею росой окропилъ.

Росой и красой жемчуговъ
Покрылась лилея въ долу;
Цвѣты оросились въ долу
Росой съ золотыхъ облаковъ.

И звѣзды пошли въ небесахъ,
Огнями луну окруживъ,
И алмазный крестъ водрузивъ
Надъ кругомъ своимъ въ небесахъ.

2.

ПѢСНЬ НА ВОСКРЕСЕНЬЕ ХРИСТОВО.

Телѣга идетъ съ Масиса-горы. [1]
На телѣгѣ той—высокà скамья,
А на той скамьѣ—золотой престолъ,
А на томъ столѣ—пурпурòва ткань,
А на томъ тканьѣ—сидитъ царскій сынъ,
А по праву съ нимъ—шестикрылые,
А по лѣву съ нимъ—многоокіе,
А предъ самымъ нимъ—отроки-краса,
А въ объятьяхъ ихъ—то Господень крестъ,
А въ рукахъ у нихъ—лира да псалтырь,
Воспѣваютъ тѣ, славословятъ тѣ:
Слава всемогущему Христову Воскресенію!

Телѣгу ведутъ съ Масиса-горы,
Ведутъ да ведутъ, устанавливаютъ,
Вотъ телѣга стоитъ и не движется,
Колесо-то ея не вертится.

Проса шесть сноповъ, да сто клевера,
Да фіалокъ снопъ наваливаютъ,
Что по праву-то отъ Масиса горы,
Наваливаютъ, устанавливаютъ.

[1] Масисъ—Араратъ.

А телѣга стоитъ и не движется,
Колесо-то ея не вертится.

У телѣги той нити шелковы,
Сребрянà шлея, золотò ярмо,
А постромки виты жемчугомъ.
Но телѣга стоитъ и не движется,
Колесо-то ея не вертится.

Впряжены волы черные да бѣлые,
Волы въ яблокахъ, быстроногіе,
И рога-то ихъ крестовидные,
Такъ и шерсть у нихъ—безъ конца жемчугъ.
Вотъ телѣга стоитъ и не движется,
Колесо-то ея не вертится.

Возчикъ у нея ловокъ и великъ:
Станъ—что ивы стволъ, широки плеча,
Перву пару онъ вотъ понукиваетъ,
На вторую онъ вотъ покрикиваетъ,
И телѣга тутъ съ мѣста сдвинулась,
Съ мѣста сдвинулась, покатилася.

Покатилася вся телѣга тутъ
Что по праву-то отъ Масисъ-горы,
Покатилася, заскрипѣла ось,
И, поскрипывая, въ Ерусалимъ въѣхала,
И Сіона Новаго воспѣли сыны
Пѣсню хвалебную:
Слава всемогущему Христову Воскресенію.

НЕРСЕСЪ БЛАГОДАТНЫЙ.

XII В.

На распятіе Господне. Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*
2. На Великій Пятокъ. I. Перевелъ *С. Шервинскій.*
3. То же. II. Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*
4. Всѣмъ усопшимъ. Перевелъ *онъ же.*
5. При восходѣ солнца. Перевелъ *онъ же.*
6. На взятіе Эдессы. Отрывки. Перевелъ *онъ же.*

1.

НА РАСПЯТІЕ ГОСПОДНЕ.

Тотъ жаждалъ на крестѣ, какъ человѣкъ простой,
Кто создалъ Океанъ, наполненный водой.

Самарятянку Тотъ «дай Мнѣ испить» просилъ,
Кто всю вселенную безсмертьемъ напоилъ.

И сотникъ римскихъ войскъ, желчь съ уксусомъ смѣшавъ,
Чрезъ губку напоилъ Царя небесныхъ славъ.

Днемъ солнце было мглой затѣмъ облечено,
Что Слово вѣчное землей оскорблено.

И громкимъ голосомъ Господь съ креста къ Отцу
«Или! Или!» воззвалъ и предалъ духъ Творцу.

Завѣта ветхаго порвался завѣсъ—въ мигъ,
Когда въ мученіяхъ Даятель Жизни никъ.

Земля потрясена была до глубины;
Разсѣлись камни скалъ, гроба потрясены;

Темница страшная, восколебался Адъ,
Тьму душъ окованныхъ онъ выпустилъ назадъ:

Отъ гласа мощнаго Того, Кѣмъ жизнь дана,
Была свобода имъ въ тотъ часъ возвращена.

Сей Жизнедатель нашъ, когда во Адъ сошелъ,
Онъ свѣтъ затеплилъ тѣмъ, кого въ тюрьмѣ обрѣлъ.

На небо верхнее изъ бездны ихъ вознесъ
И съ безтѣлесными—ихъ водворилъ Христосъ;

Ихъ свѣту причастилъ въ чертогѣ безъ грѣха,
Во царствѣ свадебномъ святого Жениха,—

Тамъ, церкви-матери гдѣ первенцы царятъ
И Авраамовыхъ наслѣдниковъ гдѣ градъ,

Гдѣ праведныхъ ряды предъ Господомъ Отцомъ
Ликуютъ безъ конца о Женихѣ святомъ.

Съ Отцомъ и Святымъ Духомъ, въ вѣкъ вѣковъ, псаломъ
Распятому за насъ мы Слову воспоемъ.

2.

НА ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ.

Когда властительно Отцу съ креста—Онъ предалъ духъ,
Къ предѣламъ низшимъ Онъ сошелъ,—гдѣ жизнь и смерть въ борьбѣ,

Лишь услыхалъ Властитель Зла—почуялъ страхъ и дрожь.
Лишь услыхали Смерть и Адъ,—и трепетъ ихъ объялъ.

Могучимъ свѣтомъ пригрозивъ—крестомъ—кромѣшной тьмѣ,
Межъ плѣнныхъ сталъ искать Іисусъ заполоненныхъ слугъ.

Но знакъ сошествія Христа во адъ узналъ Адамъ,
Недвижный, пораженъ стыдомъ, въ безмолвіи стоялъ

Онъ, страха полнъ, но видитъ длань, пронзенную гвоздемъ,
«О, не страшись», речетъ Христосъ, съ собой зоветъ: «Пойдемъ!

Признай ты кровь гвоздиныхъ ранъ, пріятыхъ за тебя,
Признай чело, что злой земли шипомъ изъязвлено!

Рукою грѣшникъ трость вносилъ надъ головой моей,
Рукою далъ щекѣ ударъ и плюнулъ на лицо;

Съ оцетомъ вмѣстѣ на копьѣ мнѣ дали въ пищу желчь,
Смывающую желчь грѣха, свершеннаго въ Раю.

Такъ по дорогѣ смерти Я—подвигся за тобой
Ты къ воскресенью днесь иди—за мною въ путь живой!»

3.

НА НОЧЬ ВЕЛИКАГО ПЯТКА.

По всей землѣ превратилъ Онъ солнечный свѣтъ во тьму,
Онъ въ полдень оный покровъ возложилъ на свою наготу.
Въ полдень умеръ Адамъ, во грѣхѣ, и свѣтъ померкъ,
Въ девятомъ часу возсіялъ, когда Христосъ попралъ смерть.
У креста Богоматерь, скорбя, росу проливала слезъ,
Внимая о жаждѣ словамъ, что Сынъ Ея принесъ.
Дали оцетъ Тому, волей чьей—рѣки въ Эдемѣ текли,
Кто въ пустынѣ народъ напоилъ сладчайшей водой изъ скалы.
Въ третьемъ часу обольстилъ Еву праматерь—Змѣй,
Въ шестомъ часу согрѣшилъ Адамъ, внимая ей.
И въ третьемъ часу Господь висѣлъ, ко кресту пригвожденъ,
Когда жъ Рай покидалъ Адамъ, туда былъ разбойникъ введенъ.

4.

ВСѢМЪ УСОПШИМЪ.

Когда архангелъ возгремитъ трубой
И воззоветъ на Страшный Судъ всю плоть,
Въ тотъ страшный день всѣхъ помяни, Господь,
Усопшихъ со святыми упокой.

Когда съ Востока, славой золотой,
Твой ликъ блеснетъ, чтобъ сумракъ побороть,
Въ тотъ страшный день всѣхъ помяни, Господь,
Усопшихъ со святыми упокой.

Ты книгу Тайнъ разверзнешь предъ Собой,
И задрожитъ отъ ужаса вся плоть.
Въ тотъ страшный день всѣхъ помяни, Господь,
Усопшихъ со святыми упокой.

5.

ПРИ ВСХОДѢ СОЛНЦА.

Свѣтъ, Свѣта Творецъ, первый Свѣтъ, чей дворецъ—неприступнѣйшій Свѣтъ!
Небесный Отецъ! Кто хвалимъ сонмомъ духовъ, созда̀нныхъ отъ Свѣта!
Наши души, въ свѣтѣ зари, осіяй Твоимъ мысленнымъ свѣтомъ.

Свѣтъ, исшедшій отъ Свѣта, Богъ Сынъ, Кто Одинъ—рожденье Отца,
Солнце Правды, чье имя, до солнцъ, сонмы духовъ гимномъ хвалили,
Наши души, въ свѣтѣ зари, осіяй Твоимъ мысленнымъ свѣтомъ.

Свѣтъ, идущій отъ Свѣта, Богъ Духъ, Кто въ слухъ чрезъ пророковъ гласилъ,
Благъ источникъ, хвалятъ Кого, съ сонмомъ духовъ, отроки Церкви,
Наши души, въ свѣтѣ зари, осіяй Твоимъ мысленнымъ свѣтомъ.

Свѣтъ, Кому и названія нѣтъ, одинъ, троиченъ, не раздѣлимъ,
Святая Троица, хвалимъ Кого, съ сонмомъ духовъ, мы, гла́сы земные,
Наши души, въ свѣтѣ зари, осіяй Твоимъ мысленнымъ свѣтомъ.

6.

ЭЛЕГІЯ НА ВЗЯТІЕ ЭДЕССЫ.

ОТРЫВКИ.

I.

Нерсесъ оставилъ пѣсню слезъ,
Арменіи католикосъ,
Гдѣ вещи сами говорятъ,
Размѣрно на Гомеровъ ладъ,
Придавъ стихамъ печальный складъ,
Объ томъ, какъ палъ Эдессы градъ.
То было писано въ пятьсотъ
И девяносто третій годъ,
Въ день двадцать третій, въ декабрѣ,
Въ субботу, въ часъ третій по зарѣ.[1]

II.

Тогда пошли грозой войны
Агари на меня сыны.
Сначала зло умерщвлены
Ряды дѣтей моей страны,
И грады вслѣдъ истреблены,
Какъ рядъ зубцовъ одной стѣны,
Разрушены и сожжены,
Въ развалины обращены.

[1] Т.-е. въ 1144 г. въ субботу 23 декабря, въ 9 час. утра. Нѣкоторыя подробности о взятіи Эдессы см. въ «Примѣчаніяхъ».

Но это все не въ годъ одинъ,
А въ сорокъ съ лишнимъ лѣтъ войны.
Я пала съ прежней вышины,
И были силы сломлены.
Злодѣями со стороны
Владѣнья были плѣнены;
Мнѣ всѣ мученья безъ вины,
Всѣ бѣды были суждены;
Хоть были дни мои больны,
Лекарства не были даны...
Пришла я къ краю крутизны,
Гдѣ двери въ адъ растворены.

III.

Тиранъ, судьбы свидѣтель злой,
Драконъ сей, сходный со змѣей,
Поползъ, изгибистой дугой,
Свирѣпый, ядомъ облитой,
Чтобы въ пяту меня стрѣлой
Сразить, таимой за спиной.
Онъ, подъ личиной тишины,
Скрывалъ коварство за душой,
Какъ волкъ, живущій подъ горой
И въ степь бѣгущій предо мной.
Но имя ты его усвой:
Занки,—всѣхъ гнусностей герой.

Напалъ нежданной онъ порой,
Нарочно выбравъ день глухой,
Когда узналъ онъ стороной,
Что не было бойцовъ со мной:
Со всѣхъ концовъ, какъ пеленой,
Вмигъ окружилъ меня густой
Мохеръ-арабскою ордой.[2]

[1] Намекъ на французское владычество въ Эдессѣ, длившееся 46 лѣтъ.

[2] Въ подлинникѣ: арабовъ-мохраканъ; послѣднее слово есть искаженіе арабскаго maghrebi (собственно родомъ изъ Марокко, вообще африканскій); у Матѳея Эдесскаго этому соотвѣтствуетъ слово—мохеръ, для означенія египтянъ (мамелюковъ).

Не счесть, кто въ стаѣ былъ людской:
Елимцы, Кетцы,[1] чередой,
Безсчетны, какъ песокъ морской!
Со сворой псовъ стоятъ стѣной,
Ни выйти, ни пройти домой!
Что часъ, то начинаютъ бой,
Меня терзаютъ день деньской;
Что день, стремится новый строй;
У всѣхъ—оружье подъ рукой,
На шуйцѣ—щитъ, копье—въ десной,
Кольчуга, шлемъ надъ головой,
И дротики и лукъ тугой,—
Летятъ и стрѣлъ пускаютъ рой!
Они, поставивъ рядъ махинъ,
Метали дождь камней, пращей,
Крушившихъ, бившихъ все съ собой,
Что созерцала я съ тоской.
Но, сколь ни длили приступъ свой,
Мы все же дали имъ отбой.

Замыслилъ тутъ иной разбой—
Нашъ врагъ, на хитрости лихой.
Какъ кротъ, прорылъ онъ подъ землей
Подъ наши башни ходъ прямой,
И утвердилъ тамъ, скрытый мглой,
Подпоры, ровно подъ стѣной,
Чтобъ взрывъ насъ поразилъ бѣдой,
Что для невѣрныхъ—не впервой![2]

IV.

Потомъ, представъ передъ толпой,
Онъ крикнулъ, съ гордой похвальбой:
«Народъ! Не спорь съ своей судьбой!

[1] Элнмцы и Кетцы (потомки Kheth, хананеяне)—вообще мусульмане.

[2] Рѣчь ндетъ, коиечно, не о взрывѣ, съ помощью пороха, еще не изобрѣтеннаго въ XII столѣтіи, но о поджогѣ черезъ мину,—способъ, примѣиеніемъ котораго славились въ ту элоху инженеры изъ Алеппо.

Чтобъ сѣни минуть гробовой,
Ты самъ ворота мнѣ открой,
Тогда я сжалюсь надъ тобой!»
Но вызовъ услыхавъ такой,
Герои, храбрецы,—гурьбой
Сошлись, толкуя межъ собой,
Давая клятвы съ прямотой:
Не отступать передъ борьбой,
Стоять упорно подъ грозой,
Отвергнувъ договоръ худой,—
Не растворять стѣны градской;
Вѣдь лучше сгибнуть всей семьей
И быть прославлену молвой,
Чѣмъ клятвѣ измѣнить честной
И жизнь купить такой цѣной:
Такъ Маккавеевъ кругъ былой
Сражался и Варданъ святой!
. . . .

Такъ одному твердилъ другой,
Подобно кабанамъ весной,
Точащимъ зубы, въ мглѣ лѣсной;
Такъ сына звалъ отецъ родной,
А сынъ готовилъ мечъ стальной.
Призывъ на битву, словно вой,
Гудѣлъ въ домахъ, надъ мостовой.
Вождемъ—забытъ санъ боевой,
И—рядомъ съ нимъ бѣднякъ простой:
Всѣ стали равны предъ бѣдой,
Всѣ мыслью спаяны одной.
Священники, епископы
Примкнули всѣ къ присягѣ той:
Рѣшили твердой стать стопой,
Непоколебимой бороздой,
И смерть презрѣть, что лишь покой
Даруетъ жизни остальной.
Гласятъ другъ другу: «Смѣло стой!
Дрожать намъ—лишь предъ Сатаной,
Любить Того, Кто вѣковой
Вѣнокъ возноситъ надъ душой!

Братъ! Мужество свое удвой,
И Богъ заплатитъ лучшей мздой!»

Другъ друга такъ они съ мольбой
Поддерживали вперебой.
«Гляди: по тверди голубой,
Къ намъ помощь мчится подъ звѣздой!»
Шептали, сей крѣпясь мечтой.
Потомъ, за каждою тропой
Слѣдя, и днемъ и въ тьмѣ ночной,
Все ждали помощи земной,
Но не было имъ—никакой!
Никто не двинулъ и рукой
Изъ христіанъ страны иной,
Земля осталась къ намъ глухой:
Кто чтили крестъ—не шли войной![1]
. . . .

V.

Былъ истощенъ запасъ съѣстной;
Подвозъ отрѣзанъ—за чертой;
Мы голодъ лютый и слѣпой
Со всякой вѣдали нуждой.
И нынѣ рвется голосъ мой,
И сердце сдавлено тугой,
И грудь вздымается волной,
И мысль томится слѣпотой,
Чуть вспомню день тотъ роковой,
Съ его зловѣщею зарей,
Когда не вспыхнулъ свѣтъ дневной,
Но было все покрыто тьмой.

[1] Раймондъ Антіохійскій, по своей враждѣ къ Жосселину, не оказалъ поддержки Эдессѣ. Въ Іерусалимѣ, Мелисенда, правившая въ малолѣтство своего сына, Бодуэна III, отдала приказъ о посылкѣ вспомогательнаго отряда къ Эдессѣ; но разстояніе между двумя городами было слишкомъ велико, и помощь не могла поспѣть во-время.

Содомскій факелъ огневой
Взлетѣлъ до неба полосой;
Не дождь изъ тучи грозовой
Упалъ, но—каменный прибой.
И нашей крѣпости устой
Распался, словно пень гнилой,
Отъ самой кручи основной,
Открылся входъ—ордѣ чужой.
Но взводъ остался удалой,
На шагъ не отступивъ ногой,
Другъ друга убѣждали всѣ:
Быть твердыми передъ враждой,
Держаться дружеской четой,
И надъ разрушенной плитой,
Бороться съ силою двойной,
Презрѣвъ врага клинокъ кривой!
. . . .

VI.

Ихъ вождь, вмѣстилище грѣховъ,
Воззвалъ къ своимъ, дикъ и суровъ:
Обрекъ мечу и грабежу
И плѣну всѣхъ моихъ сыновъ.
Арабы, послѣ этихъ словъ,
И всякихъ варвары родовъ,
Подобно сворѣ дикихъ псовъ,
Накинулись со всѣхъ концовъ,
Составя цѣпи изъ рядовъ,
Одни во слѣдъ другимъ на зовъ,
Подъ трубъ и барабановъ ревъ,
Подобный грому съ облаковъ.
Дрожалъ просторъ отъ голосовъ,
Все потрясавшихъ до основъ,
Сердца сжимались у трусовъ,
Росла отвага храбрецовъ:
Тотъ былъ на смерть летѣть готовъ,
Тотъ въ страхѣ умереть готовъ.
Но было мало удальцовъ,

Чтобъ защищать валы и ровъ.
Они устали отъ трудовъ,
Безсонныхъ, тягостныхъ часовъ,
Прошедшихъ предъ лицомъ враговъ,
За мѣсяцъ роковыхъ боевъ.
И вотъ какой-то изъ угловъ
Предсталъ невѣрнымъ безъ бойцовъ.

VII.

И врагъ, вскарабкавшись, проникъ
Внутрь башни, близъ домовъ жилыхъ.
Толпа, узрѣвъ въ стѣнахъ своихъ
Враговъ (хоть мало было ихъ),
Подъемля безнадежный крикъ,
Бѣжитъ вдоль улицъ городскихъ...
Что видѣли въ вѣкахъ иныхъ
Прискорбнѣй зрѣлищъ таковыхъ?
Орда невѣрныхъ, дикихъ, злыхъ,
Свирѣпствуетъ межъ толпъ людскихъ;
Ударами мечей стальныхъ
Всѣхъ рубитъ,—старыхъ, молодыхъ.
Бойцы отъ валовъ земляныхъ
Бѣгутъ въ смятеньи напрямикъ
Къ раззалинамъ воротъ былыхъ.
Но стая тѣхъ звѣрей лѣсныхъ
Пронзаетъ ихъ клинками вмигъ:
Овецъ такъ волки луговыхъ
Преслѣдуютъ въ поляхъ нагихъ,
Изъ множества ловя любыхъ,
Топя ихъ въ токахъ кровяныхъ.
Смерть грудей не коснулась чьихъ?
Губили и дѣтей грудныхъ,
И старцевъ, хилыхъ и больныхъ.
Что имъ ребенка нѣжный ликъ?
Что имъ священникъ-духовникъ?
Что даже патріархъ-старикъ?
Все гибло отъ враговъ лихихъ;
Кровь капала съ волосъ сѣдыхъ;

Служители церквей родныхъ,
Что кровь лишь въ таинствахъ святыхъ
Знавали,—кровью жилъ своихъ
Святили кровь людей простыхъ.
Тиранъ, неукротимъ и дикъ,
Убійства радости постигъ:
Такъ левъ, въ лѣсахъ, пускаетъ рыкъ
Иль въ трупъ медвѣдь вонзаетъ клыкъ.
Межъ тѣхъ событій гробовыхъ,
Для коихъ нѣтъ и словъ земныхъ,
Какъ выразить поэта стихъ
Весь ужасъ бѣдствій роковыхъ?

ФРИКЪ.

XIII—XIV В.

1. Жалобы. (Отрывокъ).
2. Колесо Судьбы.

Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*

1.

ЖАЛОБЫ.

Ты, Боже—мудръ и справедливъ,
Ты—благъ и долготерпѣливъ.
Тебѣ я жалобы несу:
О, выслушай Ты мой призывъ!

Чудны дѣянія Творца,
Все дивно, странно безъ конца,
И передъ тѣмъ, что Ты творишь,
Дивится мудрость мудреца.

Въ Раю единый былъ Адамъ,
И съ нимъ одна лишь Ева тамъ,—
Одинъ глаголъ, пока они
Къ запретнымъ не пришли плодамъ.

И мы, въ сознаньи слѣпоты,
Стоимъ предъ тѣмъ, что создалъ Ты:
Предъ сей безсчетностью племенъ,
Возникшихъ отъ одной четы!

И каждый созданный народъ
Съ особымъ языкомъ живетъ:
Тотъ—армянинъ, а тотъ—грузинъ,
Тотъ—турокъ, и сиріецъ—тотъ.

Тотъ—жидъ, иль иначе—еврей,
Тотъ—агарянинъ, сынъ степей,
Другой—аланъ, что Солнце чтитъ,
А тотъ абазъ, поклонникъ змѣй.

Тотъ—курдъ, его въ Халдеѣ край,
А тотъ—монголъ, чей домъ—Китай,
Изъ Тогормы татаринъ—тотъ,
Тотъ—самаркандецъ, джагатай.

Тотъ—франкъ, изнѣженный болтунъ,
Тотъ—венетіецъ, сынъ лагунъ,
Тотъ—римлянинъ, а этотъ—грекъ,
А третій—русскій или гуннъ.

Испанецъ—тотъ, изъ дальнихъ мѣстъ,
Тотъ—далматіецъ, чей Тріестъ.
Но христіанъ всѣхъ единитъ
Крещеніе и Божій Крестъ.

Въ насъ вѣры пламень не потухъ:
Всѣ исповѣдуемъ мы вслухъ:
Блаженна, Богоматерь, Ты,
Отецъ, Богъ-Сынъ и Святый Духъ!

Но мы невѣрнымъ преданы,
Что мучатъ насъ огнемъ войны,
И, храмы Божіе круша,
Возносятъ знаменье Луны.

Врагъ нашихъ женщинъ продаетъ,
О, сколько между насъ—сиротъ,
О, сколько крови пролито,
И сколько каждый день невзгодъ!

Доколѣ будемъ мы страдать?
Доколѣ въ рабствѣ изнывать?
И Ты, о Боже, терпишь все,
Гдѣ жъ пресвятая благодать!

И Ты за насъ не мстишь, Творецъ!
Ты бѣдамъ не кладешь конецъ!
Ты знаешь, что изъ плоти мы,
А не статуи безъ сердецъ!

Увы! мы—не тростникъ рѣчной,
Но гибнемъ въ печи огневой:
Ты насъ покинулъ на кострѣ,
Какъ траву или кустъ сухой!

За что Ты въ гнѣвѣ на армянъ,
Какъ, въ нѣдрахъ аравійскихъ странъ,
Ты нѣкогда евреевъ гналъ?
Изнемогаемъ мы отъ ранъ!

Коль мы негодны ни къ чему,
Отъ свѣта отошли во тьму,
И Твой мы заслужили гнѣвъ,
Не внемля гласу Твоему,—

Пусть истребитъ насъ безъ слѣда
Единый приговоръ Суда,
Коль воля такова Твоя,
О Боже, праведный всегда!

2.

КОЛЕСО СУДЬБЫ.

Гей, ты, Судьба! Намъ измѣнивъ, ты насъ свергаешь съ высоты;
Ты останавливаешь вмигъ коловращенье суеты.
Отъ вѣка зыблющійся міръ на склонѣ скользкомъ держишь ты,
Подставивъ мѣру зла, твердишь: «сыпь всѣ заботы и мечты!»

Ахъ, Колесо! Злодѣя ты лелѣешь въ домѣ золотомъ,
А честный долженъ подбирать объѣдки за чужимъ столомъ.
Ты въ рыцари выводишь тѣхъ, кому бъ сидѣть въ хлѣву свиномъ.
Безъ заступа ты роешь ровъ и рушишь праведника домъ.

Скажи: «ты—не права, Судьба!» и смѣхъ услышишь безъ конца.
За что ученыхъ гонишь ты, а любишь злого иль глупца?
Изъ нихъ ты дѣлаешь вельможъ, ихъ ты доводишь до вѣнца,
И шлешь по горамъ и полямъ бродить за хлѣбомъ мудреца.

Теперь еще труднѣе намъ, когда Татаринъ сѣлъ на тронъ,
Всѣхъ обдѣлилъ онъ и воровъ поставилъ господами онъ.
Но ты ни съ кѣмъ вѣдь не родня: вновь повернется ось временъ,
Ударишь ты, и нѣтъ царя, исчезнетъ онъ, какъ утромъ сонъ.

Какъ вѣрить, Колесо, тебѣ, вѣдь ты не любишь никого!
Нѣтъ правды у тебя, нѣтъ клятвъ, нѣтъ совѣсти, нѣтъ ничего!
Сегодня возведешь на тронъ, а завтра сокрушишь его,
Повергнешь въ пеплъ и въ прахъ, лишишь—честей, короны и всего.

Лишь, изъ-подлобія взглянувъ, Судьба хребетъ свой повернетъ,
Что тутъ бумага, что перо иль даже всадниковъ сто сотъ!
Всѣ терпятъ: отъ пинковъ Судьбы и царь спины не сбережетъ.
Не сдержишь стрѣлами тебя и полетишь на дно съ высотъ!

Судья неправедный! зачѣмъ ты правый презираешь судъ?
Ты съ правымъ во враждѣ всегда, а твой любимецъ—воръ иль плутъ.
Ошибки чаще ты творишь, Судьба, чѣмъ на землѣ весь людъ,
Ты землю, море, небо, все—завораживаешь въ пять минутъ.

Невѣжда предъ тобой великъ, а мудрый головой поникъ,
И, что кругомъ ты не права, какой не вымолвитъ языкъ!
Но, слышу, мнѣ Судьба въ отвѣтъ: «Не лай, какъ песъ, пустой старикъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ я—Судьба, никто еще не лгалъ, какъ этотъ Фрикъ!

Моя судьба, меня ты бьешь, ты—мой неправедный судья,
Но вспомни, что отъ Бога все, и власть Его, а не моя!»
Судьба еще: «Величитъ Богъ, какъ бѣдняка, такъ и царя,
Хоть я—Судьба, но вотъ тебѣ дать ничего не въ правѣ я!

Богъ повелитъ, ты будешь царь, я посажу тебя въ чертогъ,
Богъ не велитъ, и будешь ты скитаться нищимъ вдоль дорогъ.»
— Судьба, я замолкаю: все—прекрасно, что дозволилъ Богъ,
Но, нашимъ по грѣхамъ, порой—Армянскій къ намъ Создатель строгъ.

ІОАННЪ ЕРЗЫНКАЙСКІЙ.

(Ованнесъ Плузъ).

XIII—XIV в.

1. Гномическія размышленія. I—IV.
Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*

I.

Нашъ міръ подобенъ колесу: то вверхъ, то внизъ влечетъ судьба;
Верхъ падаетъ, и вновь ему взнестись настанетъ череда.
Такъ плотникъ мастеритъ равно -и колыбели и гроба:
Приходитъ сей, уходитъ тотъ, а онъ работаетъ всегда.

II.

Языкъ для рѣчи служитъ намъ: рѣчь праведныхъ—что злата звонъ:
Богъ людямъ далъ одинъ языкъ, языкъ у змія—раздвоенъ.
И, у кого два языка, одинъ—колючъ, другой—червленъ,
Становится сродни змѣѣ и всѣми ненавидимъ онъ.

III.

Подобенъ морю міръ: сухимъ—остаться, переплывъ, нельзя.
Какъ выплылъ мой челнокъ въ просторъ, того и не замѣтилъ я.
Вотъ я почти у береговъ, но страшно мнѣ подводныхъ скалъ,
Чтобъ вдребезги мою ладью одинъ ударъ не разломалъ.
Но Господу я помолюсь, да вѣтръ попутный Онъ пошлетъ,
Освѣтитъ мглу и утлый челнъ въ благую гавань приведетъ.

IV.

Я, всѣ грѣхи свои собравъ, оплакалъ зло прошедшихъ лѣтъ.
Шелъ къ небу караванъ, и я, сложивъ грѣхи, пошелъ вослѣдъ.
Но ангелъ мой, представъ, сказалъ: «Куда идешь ты, дай отвѣтъ!
Въ Раю для тѣхъ, кто предстаетъ—съ подобнымъ грузомъ, мѣста нѣтъ!»

V.

Такъ говорили мнѣ цари и каждый такъ мудрецъ твердитъ:
«До самой смерти человѣкъ съ алчбой глаза на все стремитъ,
И, лишь когда во гробѣ онъ и прахомъ взоръ его покрытъ,
Раскаявшись, онъ говоритъ: Довольно этого! я—сытъ!»

КОНСТАНТИНЪ ЕРЗЫНКАЙСКІЙ

XIII—XIV В.

1. Весна. Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*

1.

ВЕСНА.

Веселье вкругъ насъ и веселье вдали,
Намъ вѣтры веселую пѣснь принесли,
Великая благость Господня,—внемли!—
Сегодня нисходитъ съ небесъ до земли.

Лежала земля и мрачна и темна,
Покрытая льдами, тверда, холодна,
Про травы, про зелень забыла она,
И снова сегодня она зелена!

Зима была темнымъ вертепомъ тюрьмы,
Но снова вернулась весна на холмы,
И всѣхъ насъ выводитъ на волю изъ тьмы!
Вновь солнце на небѣ увидѣли мы!

Земля, словно мать, велика добротой,
Рождаетъ всѣ вещи, одну за другой,
Ихъ кормитъ и поитъ, питаетъ собой...
Вотъ вновь она блещетъ своей красотой.

Дохнулъ вѣтеркомъ запѣвающимъ Югъ,
Изъ міра исчезли всѣ горести вдругъ,
Нѣтъ мѣста, гдѣ могъ бы гнѣздиться недугъ,
И все переполнено счастьемъ вокругъ.

Тихонько гремя надъ землей свысока,
Подъ сводомъ лазурнымъ плывутъ облака:
И падаетъ вдругъ водяная рѣка,
Луга затопивъ, широка, глубока.

Міръ весело праздновать свадьбу готовъ:
Веселье во всемъ для плодовыхъ деревъ,
Цвѣтами всѣхъ красокъ и разныхъ родовъ
Раскрашены дали полей и луговъ.

На морѣ влюбленномъ—опѣненный валъ,
И гадъ, между волнъ, веселясь, заплясалъ;
Ключи, зазвенѣвъ, побѣжали изъ скалъ,
И быстрый потокъ по камнямъ засверкалъ.

А рѣки, сбѣгая съ возвышенныхъ горъ,
Гудятъ, какъ могучій, торжественный хоръ:
Прорѣзавъ долины цвѣтущій коверъ,
Стремятся въ морской, имъ любезный, просторъ.

Спускаются телки и козы къ ручьямъ,
Играютъ и скачутъ по свѣжимъ цвѣтамъ;
И звѣри, что крылись зимой по лѣсамъ,
Сбѣгаются, рады свободнымъ полямъ.

Слетаются птицы, поютъ надъ гнѣздомъ:
Вотъ ласточка нѣжно щебечетъ псаломъ,
Вотъ—луга пѣвецъ, улетѣвшій тайкомъ,
Привѣтствуетъ день въ далекѣ голубомъ.

Звѣрямъ и скотамъ такъ пріятно играть,
И множиться въ мірѣ и міръ наполнять;
Сзываетъ птенцовъ легкокрылая мать,
Ихъ учитъ на крыльяхъ некрѣпкихъ летать.

И также цвѣты образуютъ гряду,
Въ большихъ цвѣтникахъ и въ плодовомъ саду;
Другіе вошли покачаться въ пруду,
И обликъ ихъ блѣдный похожъ на звѣзду.

Но вотъ, наконецъ, прилетѣлъ соловей,
Чтобъ пѣть возрожденіе въ пѣснѣ своей;
Онъ строитъ шатеръ изъ зеленыхъ вѣтвей,
Чтобъ алая роза зажглась поскорѣй!

АРАКЕЛЪ БАГЕШСКІЙ.

XIV—XV В.

1. Пѣсня о Розѣ и Соловьѣ.
Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*

1.

ПѢСНЯ О РОЗѢ И СОЛОВЬѢ.

Пѣснь изумительную вы услышите сейчасъ,
И тѣлу и душѣ она готовитъ радость въ насъ.
Я буду славить Соловья, чей такъ пріятенъ гласъ,
И Розу, чей цвѣтной уборъ такъ сладостенъ для глазъ.

Такъ молвитъ Розѣ Соловей: «Влечешь меня лишь ты!
Знай: я тебя люблю; ты—храмъ Любви и Красоты!
Должна въ тебя сойти любовь святая съ высоты;
Твоей любовью расцвѣтутъ по всей землѣ цвѣты.»

Такъ молвитъ Роза Соловью: «О, дивный соловей!
Какъ счастлива, въ душѣ моей, я отъ твоихъ рѣчей;
Но ты летаешь высоко, я—вѣчно средь полей:
Я слить могу ль свою любовь съ любовію твсей.»

Такъ молвитъ Розѣ Соловей: «Внемли, что я пою:
Чтобъ сердце поняло твое, до дна, любовь мою,
Я, красоту твою цѣня, съ небесъ росу пролью,
Съ моей любовью ты сольешь тогда любовь свою.»

Такъ молвитъ Роза Соловью и зто говоритъ:
«Боюсь, что молнія съ небесъ ко мнѣ съ росой слетитъ,
Что яркость лепестковъ моихъ то пламя опалитъ,
И станетъ на-смѣхъ всѣмъ цвѣтамъ мой искаженный видъ.»

Такъ молвитъ Розѣ Соловей: «Внемли моимъ словамъ,
И неисчерпный ключъ любви тогда тебѣ я дамъ,
Чтобъ чистымъ и зеленымъ быть всегда твоимъ листамъ,
И токъ поящихъ водъ пошлю всѣмъ на землѣ цвѣтамъ.»

Такъ молвитъ Роза Соловью, ея отвѣтъ таковъ:
«Меня не разувѣрилъ смыслъ твоихъ отважныхъ словъ;
Боюсь, что ключъ твой потечетъ водой безъ береговъ,
Что онъ зальетъ и унесетъ красу моихъ листовъ.»

Такъ молвилъ Розѣ Соловей: «Хочу я тучей стать,
Отъ солнечныхъ лучей тебя я буду защищать,
И съ нѣжностью въ палящій день навѣсомъ отѣнять,
И сладостной своей росой, въ часы зари, питать.»

Такъ молвитъ Роза Соловью, и это говоритъ:
«Мнѣ страшно, я боюсь, что громъ изъ тучи загремитъ,
Что лепестки мои, гремя, всѣхъ красокъ онъ лишитъ,
И станетъ на-смѣхъ всѣмъ цвѣтамъ мой искаженный видъ.»

Такъ молвилъ Розѣ Соловей: «Я солнцемъ стать могу,
Свой заревой, свой нѣжный свѣтъ я для тебя зажгу,
Я красокъ тысячу твоихъ любовно сберегу,
И честью всѣхъ другихъ цвѣтовъ ты станешь на лугу.»

Такъ молвитъ Роза Соловью: «Такъ хрупокъ мой нарядъ!
Разсвѣтные часы меня пугаютъ и палятъ;
Боюсь я солнечныхъ лучей: они меня пронзятъ,
И упадутъ всѣ лепестки на лугъ, за рядомъ рядъ.»

Такъ молвитъ Розѣ Соловей, и такъ поетъ пѣвецъ:
«Достойна ты! ты всѣмъ цвѣтамъ—прекраснѣйшій вѣнецъ;
Что я любовью опьяненъ признáюсь, наконецъ!
Тебя зеленой навсегда да сохранитъ Творецъ!»

Такъ молвитъ Роза Соловью, въ отвѣтъ на пѣснь пѣвца:
«Твой нѣженъ голосъ, веселишь ты всѣхъ людей сердца,
И пѣснь на тысячу ладовъ ты строишь безъ конца,
Ты—честь и ты—краса всѣхъ птицъ, по милости Творца!»

Такъ молвитъ Розѣ Соловей: «Ты всѣхъ лѣкарство золъ,
Кто боленъ, исцѣленье тотъ въ любви къ тебѣ обрѣлъ,
Кто страждетъ, и еще къ тебѣ за благомъ не пришелъ,
Томимъ раскаяньемъ, что онъ спасенья не нашелъ.»

Такъ молвитъ Роза Соловью: «О, дивный Соловей!
Откуда пѣснь твоя, что всѣхъ пѣвучей и сильнѣй?
Я въ умиленьи отъ твоихъ властительныхъ рѣчей.
Навѣрно, равнаго тебѣ нѣтъ во вселенной всей.»

Такъ молвитъ Розѣ Соловей: «Есть Царь, что надо мной.
Даруетъ всѣмъ цвѣтамъ дары онъ щедрою рукой.
И если жаждешь ты узрѣть Его передъ собой,
Прославлена въ вѣка вѣковъ ты будешь всей землей!»

Такъ молвитъ Роза Соловью: «Я завистью полна!
Служить Ему—тебѣ судьба безцѣнная дана!
Да, если осыпалъ тебя Онъ милостью сполна,
Понятно мнѣ, я почему томилась здѣсь одна!»

Такъ молвитъ Розѣ Соловей, и вотъ его отвѣтъ:
«Когда всѣмъ сердцемъ примешь ты мой радостный обѣтъ,
Тебя, и тѣломъ и душой, прославитъ цѣлый свѣтъ,
И, какъ рабы, всѣ будутъ чтить твой непорочный цвѣтъ».

Такъ молвитъ Роза Соловью: «Спѣши—мнѣ все открыть!
Я вся желаніемъ горю—твои слова испить!
Что есть на сердцѣ, ничего—не долженъ ты таить,
Когда любовію меня ты хочешь покорить!»

Такъ молвитъ Розѣ Соловей: «Несу благую вѣсть:
Рабою быть Царя—твоя достойнѣйшая честь!
Начнутъ тебя превозносить всѣ птицы, сколько есть,
И пѣсенъ про тебя спою—я столько, что не счесть!»

Такъ молвитъ Роза Соловью: «Тебя благодарю:
Служить желаю всей душой подобному Царю
Но предъ величіемъ Его я радостью горю.
Чѣмъ я плѣню его и что̀ Ему я подарю?»

Такъ молвитъ Розѣ Соловей: «Тебѣ я бодрость дамъ.
Узнай, что снизойти къ тебѣ сей Царь желаетъ самъ.
Ты, въ радости безмѣрной, вѣрь—божественнымъ мечтамъ,
Затѣмъ, что будешь ты Его—нерукотворный храмъ!»

. . . .

Тотъ Соловей, краса всѣхъ птицъ,—архангелъ Гавріилъ,
И Богоматерь—Роза та, святѣе всѣхъ святыхъ,
И Царь тотъ—Іисусъ Христосъ, Владыка вышнихъ силъ.
Въ безсмертной Розѣ воплотясь, Онъ къ людямъ нисходилъ.

Все это, полнъ земныхъ грѣховъ, писалъ я, Аракелъ,
Такъ Соловья и Розу я, какъ только могъ, воспѣлъ;
А Гавріила въ Соловьѣ изобразить хотѣлъ,
Марію—въ Розѣ, и Христа—въ Царѣ, какъ я умѣлъ.

И всѣхъ молю я нынѣ, кто—мои стихи прочтетъ,
И всѣхъ, кто на веселый ладъ иль нѣжный ихъ споетъ,
Да Богу имя онъ мое въ молитвѣ назоветъ,
И за молитву ту Господь къ нему да низойдетъ.

МКРТИЧЪ НАГАШЪ.

XIV—XV В.

1. Суета міра. Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*

СУЕТА МІРА

О братья, въ мірѣ всѣ дѣла—сонъ и обманъ!
Гдѣ господа, князья, цари,—султанъ и ханъ?
Строй крѣпость, городъ, иль дворецъ, иль бранный станъ:
Все жъ будетъ подъ землей пріютъ—навѣки данъ.

Разуменъ будь, Нагашъ, презри грѣховъ дурманъ,
Не вѣрь, что сбережешь добро: оно—туманъ,
Стрѣлами полный, смерть для всѣхъ—несетъ колчанъ,
Всѣмъ будетъ подъ землей пріютъ—навѣки данъ.

Міръ—вѣроломенъ, онъ добра—намъ не сулитъ,
Веселье длится день, потомъ—вновь скорбь и стыдъ.
Не вѣрь же міру, онъ всегда—обманъ таитъ,
Онъ обѣщаетъ, но даетъ—лишь желчь обидъ.

Тѣхъ, обѣщая имъ покой,—всю жизнь томитъ;
Тѣхъ, обѣщавъ богатство имъ,—нуждой язвитъ,
И счастье предлагаетъ всѣмъ,—ахъ, лишь на видъ!
Уводитъ въ море насъ, гдѣ безднъ—злой зѣвъ раскрытъ.

Проходятъ дни: вдругъ Смертный день—наводитъ страхъ,
И свѣта солнца ты лишенъ,—несчастенъ, нагъ.
Ахъ, отроки! вашъ будетъ ликъ—истлѣвшій прахъ,
Пройдете вы, какъ лѣтній сонъ—въ ночныхъ мечтахъ.

Знай, рабъ! Что и твоя любовь—лишь тѣнь во дняхъ,
Не возлюбляй же ты мірскихъ,—минутныхъ благъ.
Не собирай земныхъ богатствъ,—съ огнемъ въ очахъ:
Одѣтъ и сытъ? Доволенъ будь!—иное—прахъ!

Трудись и доброе твори,—бѣднякъ Нагашъ!
Сзои завѣты чти: другимъ—примѣръ ты дашь!
Потокъ грѣха тебя, пловца,—унесъ, куда жъ?
И, благъ ища, сталъ—не добра, но зла ты—стражъ!

ОВАННЕСЪ ТЫЛКУРАНСКІЙ.

XV—XVI В.

1. Пѣсня любви.

2. Къ смерти. Перевелъ *Валерій Брюсовъ*.

I.

ПѢСНЯ ЛЮБВИ.

Въ сіяніи сидѣла ты
Подобной солнцу красоты;
Похожа на прекрасный садъ,
Гдѣ розъ и лилій ароматъ
Цвѣты лучистые струятъ.

Твой взоръ—какъ гладь морскихъ валовъ,
А брови—сумракъ облаковъ;
Межъ тонкихъ губъ ряды зубовъ
Блестятъ, какъ нити жемчуговъ.

Монахи, встрѣтившись съ тобой,
О книгѣ позабывъ святой,
Дрожатъ всѣмъ тѣломъ въ лѣтній зной,
Зима жъ имъ кажется весной.

Съ тобой вступить могу ль я въ споръ?
Любовью твердь ты плавишь горъ,
Ты крѣпостей крушишь затворъ,
Ты скалы мчишь въ морской просторъ.

Безумецъ бѣдный, Ованнесъ!
Ты пѣлъ златой ковчегъ чудесъ, [1]
Чтобъ, по суду благихъ небесъ,
Червь тѣло грызъ, а душу—бѣсъ!

[1] Златой ковчегъ—традиціонное условное выраженіе, символизующее женскую грудь.

2.

КЪ СМЕРТИ.

Лишь о тебѣ помыслю, Смерть, въ душѣ тоска.
Всего ты горче, предъ тобой—желчь не горька!
Ты горче горькаго! лишь ты—къ себѣ близка!
Пусть горче Адъ: въ него влечетъ—твоя рука!

Ты мстишь Адамовымъ сынамъ, ведешь ихъ въ Адъ;
Ты—наказанье за грѣхи, за райскій садъ.
Давида съ Моисеемъ ты берешь подъ рядъ;
Взятъ Авраамъ, и Исаакъ подъ землю взятъ;
Тобой низвергнутъ Константинъ и Тиридатъ.
Тебя и тысячи враговъ не устрашатъ.

Шесть панцырей надѣнь, ихъ всѣ—твой дротъ пробьетъ:
Въ тюрьму всѣхъ бросишь и скалой завалишь входъ.
Ты—тотъ орелъ безмѣрнокрылъ, чей мощенъ летъ,
И волочитъ концами крылъ онъ весь народъ.
Блаженъ, кого въ добрѣ найдетъ его чередъ,
Но схваченныхъ во злѣ—въ огонь твой взмахъ метнетъ!

О, Тылкуранскій Ованнесъ! ты учишь всѣхъ,
И семь десятковъ лѣтъ ты самъ ласкаешь грѣхъ!

ОВАННЕСЪ.

XV—XVI в.

1. Пѣсня любви. Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*

1.

ПѢСНЯ ЛЮБВИ.

Я гибну! Сжалься надо мной! Любовь сказала: умирай!
Возьми же заступъ золотой и мнѣ могилу ископай.

Пусть на кострѣ сожгутъ меня: душа, стеня, взлетитъ огнемъ.
Кто не знавалъ сего огня? и сушь и зелень гибнетъ въ немъ.

Мой бѣдный прахъ виномъ омывъ, пускай пѣвецъ надъ нимъ
споетъ,
Какъ въ саванъ, въ листья положивъ, въ саду весеннемъ погребетъ.

Жестокая! Глаза твои—учить могли бы палачей,
Ты всѣхъ влечешь въ тюрьму любви, и бойня—камни передъ
ней!

О! сердце ты мое сожгла, чтобъ углемъ брови подвести.
О! кровь мою ты пролила, чтобъ алый сокъ для ногъ найти. [1]

Кидайте яблоки въ меня! [2] я нѣжнымъ раненъ языкомъ,
Я плѣнникъ твой! мой духъ, пьяня, ты поишь сладостнымъ
виномъ.

Мнѣ нынче ночью снился сонъ, что на куски я разнесенъ:
Звѣрье сосало кровь мою, мой трупъ достался воронью.

Льва надо мной зіала пасть; и все струилась кровь моя...
Твоя искала крови страсть,—являйся, жажды не тая.

[1] На Востокѣ женщины красятъ ноги хиной.
[2] Яблоками кидаютъ въ жениховъ.

Землей, что топчетъ удалецъ, клянусь: во мнѣ душа—одна!
Меня сожгла ты! наконецъ, пей кровь мою, взамѣнъ вина!

Съ моей главы на сердце вдругъ упали клубы черныхъ тучъ.
Желчь разлилась, туманъ вокругъ, а слезъ потокъ—кровавъ и жгучъ.

Мы ѣли за однимъ столомъ, изъ кубка пили одного,
Садились вмѣстѣ, шли вдвоемъ, ахъ! что осталось отъ того!

Свои слова и свой обѣтъ ты помнишь? имъ свидѣтель — Богъ!
Теперь межъ нами связи нѣтъ, все зложелатель превозмогъ.

За зло пусть Богъ заплатитъ зломъ, чтобъ врагъ могъ зло свое испить.
И добрымъ пусть воздастъ добромъ чтсбъ вновь вдвоемъ съ тобой намъ быть.

Да мнѣ укажетъ Богъ пути! Деревья зацвѣтутъ въ лѣсахъ,
И древу сердца вновь цвѣсти, и вновь пернатымъ пѣть въ вѣтвяхъ!

Безумный Ованессъ! терпи, работай, полно унывать!
Надеждой твердой духъ крѣпи: она придетъ—вновь цѣловать!

ГРИГОРІЙ АХТАМАРСКІЙ.

XVI в.

1. Пѣснь объ одномъ епископѣ.
2. Пѣсня.
3. Пѣснь о Розѣ и Соловьѣ.

Перевелъ *Валерій Брюсовъ*.

I.

ПѢСНЬ
ОБЪ ОДНОМЪ ЕПИСКОПѢ.

Лишь утромъ розы заблестятъ,
Влетаетъ соловей въ мой садъ,
И розу воспѣвать онъ радъ.
И слышу: Встань, покинь свой садъ,

Опустошилъ я горный скатъ,
Камнями защитилъ свой садъ,
Собралъ колючки для оградъ.
И слышу: Встань, покинь свой садъ!

Устроилъ я въ саду каскадъ,
Росу небесъ онъ брызжетъ въ садъ;
Льетъ не вода,—фонтанъ усладъ.
И слышу: Встань, покинь свой садъ!

Въ моемъ саду цвѣтетъ гранатъ,
Лозъ виноградныхъ полонъ садъ,
Льнетъ къ зрѣющимъ плодамъ мой взглядъ.
И слышу: Встань, покинь свой садъ!

И бѣлыхъ розъ и алыхъ рядъ
Расцвѣлъ, украсивъ горный садъ;
Хочу впивать ихъ ароматъ...
И слышу: Встань, покинь свой садъ!

Въ точилѣ мнется виноградъ,
Виномъ меня утѣшитъ садъ,

Хочу я пить въ тиши прохладъ.
И слышу: Встань, покинь свой садъ!

Сорву я десять розъ подъ рядъ:
Онѣ вино твое, мой садъ,
Пусть ароматомъ напоятъ.
И слышу: Встань, покинь свой садъ!

Увы! въ цвѣты вселился ядъ,
Не дышитъ розами мой садъ,
Распались камни колоннадъ...
Да! мнѣ пора покинуть садъ.

Не внемлетъ роза соловью,
Я больше сладко не пою,
Кто душу отозвалъ мою?
Ахъ, бѣдный рабъ, оплачь свой садъ!

2.

ПѢСНЯ.

Весна пришла! весна пришла! сады—въ убранствѣ розъ.
И горлинка и соловей поютъ, поютъ до слезъ,
Горя любовію къ цвѣтку, что краше всѣхъ возросъ,
Чей въ зелени румяный ликъ влечетъ безсчестность грезъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взятъ въ полонъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

О, солнце! о, луна! звѣзда, встающая съ зарей!
Венера, льющая огонь лучистый и живой!
О, ослѣпительный алмазъ! о, жемчугъ дорогой!
Пурпуровый цвѣтокъ въ саду! фіалка въ мглѣ лѣсной!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взять въ полонъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

Ты—свѣтлый вязъ! лилея ты, чей стебль благоуханъ!
На пыльной, людной площади зеленый ты фонтанъ!
Что градъ Катай! что весь Китай! что славный Хорассанъ!
Они—ничто передъ тобой, и я любовью пьянъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взятъ въ полонъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

Духъ бальзамическій струятъ персты, бѣлѣй, чѣмъ снѣгъ.
Ты—сладкій сахаръ! ты—миндаль! ты—ладана ковчегъ!
Ты—свѣжій, сладостный цвѣтникъ! садъ, полный вешнихъ нѣгъ!
Ты—красный яблокъ, а къ нему зеленый льнетъ побѣгъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взятъ въ полонъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

Ты—багрянѣющій топазъ! сверкающій рубинъ!
Ты—безпорочный изумрудъ! цвѣтной аквамаринъ!
Ты—перлъ, обточенный волной на днѣ морскихъ глубинъ,
Отважнымъ добытый пловцомъ изъ сумрачныхъ пучинъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взятъ въ полонъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

Ты—нунуфаръ! ты—базиликъ, цвѣтущій долгій срокъ!
Ты—мирта! нѣжный бальзаминъ! ты—лиліи цвѣтокъ!
Ты—гамаспюръ, въ садахъ весны пустившій свой ростокъ!
Ты—лавръ, изъ коего плетутъ въ земномъ раю вѣнокъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взятъ въ полонъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

Ты—деревцо, гдѣ безъ плодовъ зеленой вѣтки нѣтъ!
Ты—пальма въ почкахъ безъ конца, ты—пальмы первоцвѣтъ!
Ты—лѣсъ, что острымъ запахомъ цвѣтовъ и травъ согрѣтъ!
Ты—роза и фіалка—ты, надъ моремъ алый свѣтъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взятъ въ полонъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

Ты—изъ миндальныхъ деревцовъ роскошный, пышный садъ!
Ты—запахъ амбры! мускусъ—ты! ты—дивный ароматъ!
Ты—апельсиновыхъ цвѣтовъ душистѣе стократъ!
Ты—кипарисъ и ты—платанъ! ты—кедръ, шатеръ усладъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взятъ въ полонъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

О, гамаспюръ ты, что, цвѣтя, не вянешь никогда!
О, элексиръ! ты, что цѣлишь всѣ скорби безъ слѣда!
Прекрасная! будь, какъ миндаль, зеленой навсегда,
Чтобъ видѣли красу твою мы долгіе года!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взятъ въ полонъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

Да льются милости Творца вокругъ тебя дождемъ!
Да осѣняетъ Онъ тебя всегда святымъ Крестомъ!
Да направляетъ Онъ тебя вездѣ прямымъ путемъ!
Да будешь ты охранена отъ всякихъ золъ Отцомъ!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взятъ въ полонъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! всѣ дни мои—что сонъ!

О, чудный образъ! ты вовѣкъ—прекрасна и чиста!
Какъ ангелы, сіяньемъ ты небеснымъ облита!

Твой ротъ—божественный алтарь и ѳиміамъ—уста,
А зубы—нити жемчуговъ, и вся ты—Красота!

Я опьяненъ! я опьяненъ! любовью опьяненъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! при солнцѣ взятъ въ полонъ!
Я опьяненъ! я опьяненъ! и дни мои—что сонъ!

3.

ПѢСНЬ О РОЗѢ И СОЛОВЬѢ.

Когда исчезла Роза, въ садъ явился Соловей,
Узрѣвъ ея шатеръ пустымъ, затосковалъ по ней,
Всѣхъ спрашивалъ, не находя возлюбленной своей,
Въ ночи взывалъ, за часомъ часъ плачевнѣй и грустнѣй.

«О садъ, съ тобой я говорю! Дай мнѣ, о садъ, отвѣтъ!
Ты Розы не берегъ моей, любимой Розы нѣтъ,
Главы, царицы всѣхъ цвѣтовъ, увы, пропалъ и слѣдъ,
Чей былъ безсмертенъ ароматъ, чей былъ прекрасенъ цвѣтъ!

Такъ рухнетъ пусть твоя стѣна и распадешься ты;
Засохнутъ пусть твоихъ деревъ и вѣтки и листы,
Пусть топчетъ всякая нога просторы пустоты,
Исчезнутъ злаки, и трава, и корни, и кусты.

Обильноводный, не теки, я говорю ручью.
Стряхните, дерева, листву зеленую свою!
Я, безъ смущенья, говорю, отчетливо пою;
Достойнѣйшую унесли любимицу мою.

Ахъ, Розу унесли мою, и нынѣ я унылъ,
Отняли свѣтъ очей моихъ, и мракъ меня стѣснилъ,
Я плачу и при свѣтѣ дня и при лучахъ свѣтилъ,
Моей привычкой стала грусть, въ душѣ нѣтъ прежнихъ силъ.

То надо мною учинилъ Садовникъ, можетъ быть:
Онъ Розу отъ меня унесъ, чтобъ боль мнѣ причинить.

Ее мнѣ больше не видать! рабу, мнѣ какъ же быть?
На грусть веселый свой напѣвъ я долженъ измѣнить.

Боюсь, быть можетъ, вѣтеръ всталъ, суровый, страшный, злой,
И листья Розы оттого увяли подъ грозой.
Иль дуновеніемъ ее палящій солнца зной
Обжегъ и Розу омертвилъ съ непрочной красотой.

Иль, мнѣ завидуя, цвѣты свершили это все,
Похитивъ, тайно унесли все счастіе мое.
Иль сильный градъ на Розу палъ, изъ тучъ, какъ лезвіе,
Сразивъ жестоко, отъ куста отрѣзалъ онъ ее.»

Одно въ отвѣтъ цвѣты гласятъ на много голосовъ:
«Гдѣ Роза спрятана, объ томъ—нѣтъ вѣсти у цвѣтовъ.
Утѣха мы тебѣ, пѣвецъ—на тысячу ладовъ,
И каждый все тебѣ изъ насъ пересказать готовъ.»

Соловей пошелъ къ птицамъ и спросилъ у нихъ о Розѣ.

На крыльяхъ въ воздухъ Соловей взлетѣлъ на этотъ разъ,
Подумалъ: «Разспрошу у птицъ я обо всемъ сейчасъ,
Что знаютъ, пусть объ томъ скорѣй мнѣ сообщатъ разсказъ,
А то, какъ море, хлынетъ токъ слезъ у меня изъ глазъ.»

«Вы знаете ль, свершилось что? О птицы, къ вамъ вопросъ.
Изъ саду Розу унесли, чистѣйшую изъ розъ!
Не знаете ль, куда ушла, иль кто ее унесъ!
Вы, можетъ, видѣли ее, иль вѣсть вамъ кто принесъ.»

А тѣ въ отвѣтъ: «Создатель Богъ то вѣдаетъ лишь самъ,
Лишь Онъ одинъ читаетъ все, что скрыто по сердцамъ.
Иди, лети, ищи ее ты по другимъ мѣстамъ,
Но Розы не видали мы, Господь свидѣтель намъ.»

И огорчился Соловей, сказалъ: «Куда пойду!
Вѣдь до разсвѣта я всю ночь терзаюсь, какъ въ бреду.
Мнѣ страшно, что безъ Розы вдругъ я смерть свою найду,
Тоскуя, съ Розой разлученъ, въ могилу я сойду.

Хотя бъ, безъ Розы, дали мнѣ весь міровой просторъ,
Все будетъ жалкимъ для меня, презрѣнный, лишній вздоръ!
Пусть пѣснопѣвцы мнѣ поютъ и съ музыкою хоръ,
Мнѣ будетъ сладкій ихъ напѣвъ—какъ тягостный укоръ.

Куда же унесли тебя иль скрыли гдѣ тебя?
Твою высокую любовь какъ позабуду я?
Страдаетъ сердце у меня, какъ и душа моя,
И увядаютъ всѣ цвѣты сегодня, грусть тая.

Я весь дрожу, вся жизнь моя—какъ-будто сны одни,
И самый солнца свѣтъ, какъ мракъ, мнѣ кажется въ тѣни.
Въ мученіяхъ и въ горести провелъ я эти дни,
И жизни той, что прожилъ я, въ счетъ не войдутъ они.

Моя разлука тяжела, терпимая едва.
Не обо мнѣ ли издавна сказалъ пророкъ слова:
Не хуже ль я, чѣмъ пеликанъ, въ странѣ, гдѣ жизнь мертва,
И на развалинахъ не я ль усѣлся, какъ сова!»

Пошелъ Садовникъ, говорилъ съ Соловьемъ и сказалъ.

Пришелъ Садовникъ и его утѣшилъ средь заботъ,
Сказалъ: «Не плачь, о Соловей, вѣдь Роза вновь придетъ.
Смотри,—фіалка ужъ пришла, предтеча Розы—вотъ,
Я съ доброй вѣстью прихожу, несу поклонъ впередъ.»

И Соловей благодарилъ и былъ безмѣрно радъ:
«Дай Богъ, чтобъ ты блаженно жилъ и дней безсчетныхъ рядъ,
Пускай твои цвѣты цвѣтутъ, распустится твой садъ,
Пусть обновятся въ немъ фонтанъ и камни изъ оградъ!

Всѣ вѣточки и всѣ ростки пусть зеленѣютъ въ немъ,
Росой покроются съ небесъ, заблещутъ какъ огнемъ,
Размѣрно зыблются пускай подъ нѣжнымъ вѣтеркомъ,
На радость людямъ ароматъ пусть разливаютъ днемъ!»

Затѣмъ Соловей написалъ письмо къ Розѣ. И Роза созвала цвѣты, и отдала читать передъ всѣми. Оно имѣло такой видъ:

Взявъ, Розы по двору снесли посланье отъ пѣвца,
Тамъ Розу-астру передъ ней избрали, какъ чтеца.
Вставъ на ноги, она, держа посланье у лица,
Прочла отъ Соловья письмо всѣмъ громко до конца.

«Душой любимая! тебѣ я низкій шлю поклонъ!
Блаженная! здорова ль ты, лишь этимъ я смущенъ.
На Господа надѣюсь я, Кто всѣмъ обогащенъ,
Что безпорочной и живой тебя содѣялъ Онъ.

Простерши руки, цѣлый день я возношу мольбы,
Молюсь, чтобъ длились для тебя дни радостной судьбы.
Ты—всѣмъ земнымъ цвѣтамъ глава, они—твои рабы,
Надъ ними всѣми ты царишь и правишь безъ борьбы.

По цвѣту несравненна ты, и запахъ твой—хорошъ,
Ты ярче солнечныхъ лучей сіянье утромъ льешь.
Когда увижу я тебя, какъ будетъ часъ пригожъ:
Вѣдь по природѣ ты кротка и ненавидишь ложь.

Покорнѣйшій пишу поклонъ тебѣ издалека.
Прошу тебя: вернись ко мнѣ и пожалѣй слегка.
Коль хочешь вѣдать, какъ живетъ покорный твой слуга,
Знай: у него и толкъ, и умъ,—все отняла тоска.

Покой и миръ утратилъ я, гнѣзда не создавалъ;
Ни капли силъ нѣтъ у меня, всю кровь я потерялъ;
Тебя не видя, я дрожу, почти совсѣмъ пропалъ,
До утра въ бдѣньи нахожусь, всѣ ночи я не спалъ.

Тоскуя, надрываюсь я: наступитъ ли весна!
Въ печали, въ думахъ по тебѣ душа изнурена.
Морозная, суровая—зима проведена;
Все горе по тебѣ, всю скорбь извѣдалъ я сполна.

Съ упрекомъ говорили мнѣ: «Зачѣмъ страдать, любя!
Ты—рабъ! Царица всѣхъ цвѣтовъ полюбитъ ли тебя!»

Выслушала Роза письмо Соловья и возвратила ему письмо.

И отвѣчала Роза такъ, когда закончилъ чтецъ:
«Отправлю множество цвѣтовъ къ нему я, наконецъ,
Да скрасятъ горы, и поля, и за дворцомъ дворецъ,
Чтобъ съ радостью среди цвѣтовъ могъ обитать пѣвецъ.

Мнѣ ѣхать не пришла пора, немного подожду.
Пусть подождетъ и Соловей немногихъ дней чреду.
Что высока его любовь, не подлежитъ суду.
Ему скажите, чтобъ меня онъ поискалъ въ саду.»

Пошли и отнесли то письмо Соловью. И онъ открылъ уста съ радостью и сказалъ.

Услышавъ это, Соловей, сталъ очень ликовать,
Сказалъ: «Благую нынче вѣсть мнѣ довелось узнать:
Прелестнѣйшая Роза—въ садъ вернется къ намъ опять.
Съ единой Розой твари всѣ возможно ли равнять!»

Поднялось солнце въ небеса и до Овна дошло.
Вдругъ туча на-небѣ росой взгремѣла тяжело,
И тысячъ тысяча цвѣтовъ внезапно возрасло,
Но Розы, хоть искалъ пѣвецъ, тамъ не было на зло.

Зеленой Розы листъ потомъ онъ запримѣтилъ вдругъ·
Она была еще свѣтлѣй и ярче всѣхъ подругъ,—
За завѣсой, на тронъ возсѣвъ, обозрѣвала лугъ,
И били, какъ рабы, челомъ ей всѣ цвѣты вокругъ.

«О Боже! молвилъ Соловей, Тебя благодарю!
Всѣ славятъ Господа уста, и я хвалой горю.
Всѣ славословье вознесемъ Небесному Царю!
Я Розу межъ кустовъ узрѣлъ въ счастливую зарю.»

— Опомнись, Ахтамарецъ, ты! въ стихахъ не суесловь!
Припомни, что колючій шипъ—здѣсь, на землѣ, любовь:
На слезы обречетъ и скорбь, согрѣвъ недолго кровь.
Что проку въ радости, когда—потомъ рыдать намъ вновь!

НААПЕТЪ КУЧАКЪ.

XVI в.

1. П ѣ с н и л ю б в и и г н о м ы. I—XVI.
Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*
2. П ѣ с н и л ю б в и. I—VII. Перевелъ *Ѳедоръ Сологубъ.*
3. Г н о м ы. I—II. Перевелъ *С. Шервинскій.*
4. К р у н к ъ. (Пѣсня хариба.) Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*

1.

ПѢСНИ ЛЮБВИ И ГНОМЫ.

I.

— На кровлѣ ты легла уснуть, твоя созвѣздьямъ свѣтитъ
грудь,
Позволь же мнѣ къ тебѣ прильнуть, иль укажи домой мнѣ путь!
— Тебѣ нельзя со мной уснуть, нельзя и дома отдохнуть,
Но такъ дрожи и жди, пока—захочетъ утра свѣтъ блеснуть!

II.

Ты въ мірѣ—перстень золотой, а я—алмазъ на немъ;
Ты—зелень, нѣжащая прудъ, а я—росинка днемъ;
Ты—яблочко, что берегутъ, я—листъ въ вѣнцѣ твоемъ;
И я, когда тебя сорвутъ, иссохну подъ лучемъ.

III.

Въ ту долгу ночь лишь разъ, лишь два я прялку повернуть
могла,
Мнѣ вспомнился желанный яръ,[1] я встала, пряжу убрала,
И, сладкимъ ковшъ наливъ виномъ, я къ двери яра подошла:
«Желанный яръ! Открой мнѣ дверь! Стою въ снѣгу, дай мнѣ
тепла!»

[1] Яръ—милый, милая, возлюбленный, возлюбленная (см. выше).

IV.

Скажи, мой милый мѣсяцъ, мнѣ: куда ты ночью правишъ путь?
Сквозь окна много милыхъ дѣвъ ты видишь, легшихъ отдохнуть;
Онѣ полураздѣты всѣ: твой лучъ имъ падаетъ на грудь,
И заставляетъ, отраженъ, онъ звѣзды въ свѣтѣ потонуть!

V.

Чуть соловей примчался въ садъ, онъ возлѣ розы сѣсть былъ радъ,
Свой добрый ротъ раскрылъ и пѣлъ, до утра, розѣ пѣснь усладъ.
Та притворялась, будто спитъ, но вдругъ, струя свой ароматъ,
Разорвала зеленый плащъ,—и алымъ сталъ ея нарядъ!

VI.

Какъ я люблю твой милый ликъ: ему луна поетъ съ высотъ!
Твоихъ я жажду нѣжныхъ устъ: предъ ними горекъ дикій медъ!
Твои глаза, въ дугѣ бровей, бездонны, какъ пучина водъ!
И чаша съ розовой водой—твой алый, твой прекрасный ротъ!

VII.

Твоихъ грудей шамамы [1] я — вкушу ль, царица межъ царицъ?
Ахъ! море—грудь твоя: она—смиряетъ пламя огневицъ.
И я желалъ бы стать чиркомъ, въ волнахъ купаться съ роемъ птицъ,
А отдыхать на берегу, въ тѣни твоихъ густыхъ рѣсницъ.

[1] Шамамъ—родъ дыни, обычное сравненіе для женской груди (см. выше).

VIII.

Что ночь—покровъ твоихъ волосъ, а ликъ твой—что луна высотъ,
Глаза—морская глубина, виски—чудесный, райскій плодъ,
Рѣсницы—стрѣлы у тебя, а брови—безподобный сводъ,
Рубины упадаютъ съ устъ и перлами наполненъ ротъ!

IX.

Ты хвалишься, луна небесъ, что озаренъ весь міръ тобой.
Но вотъ луна земная—здѣсь, въ моихъ объятьяхъ и со мной!
Не вѣришь? я могу поднять покровъ надъ дивной красотой,
Но страшно: влюбишься и ты, и цѣлый міръ накажешь тьмой!

X.

О ночь, продлись! останься, мгла! стань годомъ, если можешь ты!
Вѣдь милая ко мнѣ пришла! стань вѣкомъ если можешь ты!
Помедли, утра грозный часъ! вѣдь игры двухъ тревожишь ты!
Гдѣ радость? въ скорбь ты клонишь насъ! ты сладость гонишь темноты!

XI.

Тотъ поцѣлуй, что ты дала, былъ сладостенъ моимъ устамъ.
Подобный плодъ, ахъ! не растетъ ни по какимъ земнымъ лѣсамъ!
Но былъ коваренъ этотъ плодъ, какъ оный, что вкусилъ Адамъ:
Отецъ лишился Рая, ты—встрѣчаться запретила намъ!

XII.

Ахъ, милый мой миндальный цвѣтъ! ты пожелтѣлъ и сталъ миндаль!
Твой сладокъ ротъ, въ устахъ—эмаль, уста—алчба, уста—миндаль.
Когда ты родилась, едва ль заплакала не ты одна ль?
Будь, умирая, весела, но всѣмъ тебя да будетъ жаль!

XIII.

Идя близъ церкви, видѣлъ я, у гроба, рядъ зажженныхъ свѣчъ:
То юношу во гробъ любовь заставила до срока лечь.
Шептали свѣчи, воскъ струя, и грустную я слышалъ рѣчь:
«*Онъ* отъ любви страдалъ, а *намъ*—должно то пламя сердце сжечь!»

XIV.

Когда умру я отъ любви, срѣжь косу, волосы сними,
Какъ факелъ въ руку ихъ возьми, меня ищи не межъ людьми,
Придя къ могилѣ, все пойми, плиту слезами окайми,
И, мнѣ шепча: «любовь прими!» холодный камень обойми!

XV.

Мнѣ быть бы ласточкой-птенцомъ: и днемъ вошелъ бы я въ твой домъ,
Я бъ на балконѣ, подъ окномъ, устроился съ своимъ гнѣздомъ,
Во мглѣ, когда все полно сномъ, къ тебѣ бъ я приникалъ крыломъ,
А, съ первымъ утреннимъ лучемъ, вновь былъ бы скрытъ въ гнѣздѣ своемъ.
Мнѣ бъ быть шелко̀вымъ кушакомъ и обнимать твой поясъ днемъ,
Иль быть гранатовымъ виномъ и днемъ быть въ кувшинѣ твоемъ,
Ко мнѣ бъ ты приникала ртомъ, а я бъ лобзалъ его огнемъ!
Иль золотымъ воротникомъ мнѣ бъ облекать тебя тайкомъ!

XVI.

Душа души моей прошла, одѣта празднично, во храмъ.
И я пошелъ навстрѣчу ей: «Богъ будетъ глухъ къ твоимъ мольбамъ,
Когда меня отвергнешь ты! Я жъ для тебя пойду во храмъ,
Молиться буду и просить, чтобъ разъ припасть къ твоимъ грудямъ!

Онѣ—что гимны небесамъ! сосцы ихъ—чистый ѳиміамъ!
Чтобъ только разъ обняться намъ, въ монахи поступлю я самъ,
Всю жизнь свою отдамъ псалмамъ, чтобъ разъ припасть къ твоимъ грудямъ.

2.

ПѢСНИ ЛЮБВИ.

I.

По тебѣ, мой другъ, тоскую, да и какъ не тосковать!
Кто тебя ко мнѣ проводитъ, душу спроситъ—радъ отдать.
Много муки, много горя мнѣ пришлося испытать.
Что мнѣ въ долгой жизни, если безъ тебя мнѣ вѣковать!

II.

Пожалѣй меня, голубка,—вѣрный рабъ твой одинокъ.
Горькимъ плачемъ изойду ль? неужель таковъ мой рокъ?
У тебя въ саду есть розы: мнѣ, рабу, пришли вѣнокъ,—
Поцѣлую и надѣну, чтобы слезъ прервался токъ.

III.

Какъ красиво расцвѣтали всѣ кусты въ бахчѣ моей!
Но цвѣты похитилъ кто-то, льются слезы изъ очей.
Я мечусь, какъ перепелка, потерявшая дѣтей.
Сѣть свою скорѣй раскинь, чтобъ запутался я въ ней.

IV.

Сердце здѣсь предъ жаркимъ сердцемъ, какъ осенній листъ, дрожитъ.
Слезы льются, словно щеки мнѣ весенній дождь кропитъ.
Только нѣжность бѣлой груди исцѣленье мнѣ сулитъ!
Съ грудью грудь сомкнемъ,—но кто, кто, скажи, къ тебѣ спѣшитъ?

V.

Ты сказала: я—твоя! Неужели это—ложь?
Ты закаялась любить! Иль иного ты найдешь?
Мнѣ такое будетъ горе, что къ иному ты прильнешь,
И къ слѣдамъ моихъ лобзаній ты уста его прижмешь!

VI.

—Высоко ты ходишь,—милой передай привѣтъ, луна!—
—«Передамъ привѣтъ я милой; но не знаю, гдѣ она.
— Видишь дерево въ саду, гдѣ высокая стѣна?
Пьетъ изъ чаши голубой тамъ подъ деревомъ она,
И армянской рѣчью славитъ сладость ласки и вина.

VII.

Спорятъ съ моремъ подъ Месрой эти очи глубиной,
Эти кудри разметались вѣтромъ зыблемой волной.
Возросла ты, точно ива, ты, какъ яблокъ наливной.
Ты напоишь ароматомъ бѣлой розы міръ земной.

3.

ГНОМЫ.

I.

Однажды по улицѣ шелъ я домой.
Вдругъ черепъ, смотрю, на дорогѣ лежитъ.
Ударилъ ногой я по кости пустой,
Вдругъ черепъ въ лицо мнѣ улыбку кривитъ,
И кость отвѣчаетъ такія слова:
«Эй, слушай, что дѣлаешь ты, удалецъ?
Вчера лишь я былъ, какъ твоя голова,
А нынче настигъ меня горькій конецъ!»

II.

О, сколько мнѣ разъ повторять:
Коль ухо имѣешь, внимай!
Но крѣпость—да будетъ твой ротъ!
Языкъ свой въ тюрьму запирай.

4.

КРУНКЪ. [1]

Крункъ! куда летишь? Крикъ твой—словъ сильнѣй!
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?
Стой! домчишься вмигъ до семьи своей.
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Свой покинулъ садъ я въ родной странѣ,
Чуть вздохну, душа—вся горитъ въ огнѣ.
Крункъ! постой! твой крикъ—нѣжитъ сердце мнѣ.
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Пусть мои мольбы тщетно прозвучатъ,
Крикъ твой слаще, чѣмъ—въ скалахъ водопадъ.
Твой въ Алеппо путь? иль летишь въ Багдадъ?
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Сердце звало насъ,—собрались, ушли,
Въ лживомъ мірѣ мы братьевъ не нашли,
И тоскуемъ здѣсь, отъ друзей вдали...
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Медленна годовъ въ мірѣ череда.
Да услышитъ Богъ, растворитъ врата!
Жизнь хариба—грусть, взоръ—въ слезахъ всегда.
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Боже! пожалѣй, кто живетъ изгнанъ!
Грудь хариба [2]—скорбь, сердце—полно ранъ,
Хлѣбъ, что ѣстъ онъ—желчь, ключъ, что пьетъ,—поганъ...
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Праздниковъ мнѣ нѣтъ, будни—день за днемъ!
Вертеломъ пронзенъ, я сожженъ огнемъ.

[1] Крункъ—журавль.
[2] Харибъ—живущій на чужбинѣ.

Но не пламя жжетъ: память о быломъ!
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Отъ Богдада путь до границъ далекъ!
Вотъ, возьми письмо, я даю въ залогъ,—
Вѣрности твоей будь порукой Богъ:
Ты снеси, доставь милымъ мой залогъ.

Я пишу въ письмѣ, что мой свѣтъ погасъ,
Что ни въ ночь ни днемъ не открыть мнѣ глазъ,
Что я здѣсь томлюсь, милые, по васъ!
Крункъ! изъ странъ родныхъ нѣтъ ли хоть вѣстей?

Осень настаетъ... Что же! поспѣшай!
Стаю ты собралъ межъ безсчетныхъ стай;
Не отвѣтивъ, ты улетѣлъ въ нашъ край...
Крункъ! изъ этихъ мѣстъ скройся, улетай!

ІЕРЕМІЯ КЕМУРДЖІАНЪ.

XVII В.

1. Пѣсня любви. Перевелъ *Валерій Брюссовъ.*

ПѢСНЯ ЛЮБВИ.

Богъ солнце создалъ, и оно,—покорное судьбѣ,—
Твоимъ готово быть рабомъ, во всемъ служить тебѣ.

Напоминаетъ лунный серпъ твою ночную бровь,
А полная луна твой станъ напоминаетъ вновь.

Рубинъ, алмазъ, перлъ, изумрудъ,—все блекнетъ въ бѣгѣ дней,
Свѣтлѣй и драгоцѣннѣй ты, чѣмъ бренный блескъ камней.

Нардъ, мускусъ, мирра, ѳиміамъ,—все лишь недолго льститъ,
Но день и ночь твой ароматъ плѣняетъ и цѣлитъ.

Сосна, самшитъ, ель, кипарисъ—цари земныхъ лѣсовъ,[1]
Но твой волноподобный станъ стройнѣе всѣхъ стволовъ.

Въ зеленыхъ листьяхъ, розы жгутъ пурпуровымъ огнемъ,
Но вянутъ краски розъ, а ты—прекраснѣй день за днемъ!

Блистаютъ лиліи, росой склоняемыя ницъ,
Но что онѣ, чуть поведешь ты стрѣлами рѣсницъ!

Чаруетъ море всѣхъ, когда прибрежный вѣтеръ тихъ,
Но что оно, едва взгляну я въ море глазъ твоихъ!

Что соловей, что попугай, что фениксъ, горлинка, павлинъ!
Твоихъ ногтей иль щекъ затмитъ ихъ лепестокъ одинъ!

[1] Самшитъ—кавказская пальма.

Что солнце и луна, когда, отъ счастья заалѣвъ,
Смѣешься иль поешь, ко мнѣ ты на колѣни сѣвъ!

Когда, лицо клоня, сама моихъ ты ищешь рукъ,—
Тебя обнявъ, восторгъ въ груди, я—тотъ, кто ожилъ вдругъ!

НАГАШЪ ІОНАТАНЪ.

XVII—XVIII В.

1—3. Пѣсни любви. Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*

1.

ПѢСНЯ ЛЮБВИ.

Зажегся нынче новый свѣтъ,
Отъ милой слышалъ я, привѣтъ,
Расцвѣлъ въ душѣ весенній цвѣтъ,—
Вѣдь я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

Когда любовь такъ разлилась,
Какъ жить, отъ милаго таясь?
Тебѣ внемлю я, веселясь,
Вѣдь я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ! о мой султанъ!

Когда въ мой домъ вошла ты вдругъ,
Твоихъ рѣчей вкусилъ я звукъ,
И выпало перо изъ рукъ.
Вѣдь я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

Не лги мнѣ, золото надѣвъ!
Твоихъ младыхъ грудей, созрѣвъ,
Малы, шамамы, [1] какъ у дѣвъ.
Вѣдь я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

Откроемъ дверцу, вступимъ въ садъ...
Рукой сжать грудь твою я радъ,
Бери цвѣтокъ, а я—гранатъ.
Вѣдь я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

Здѣсь на коврѣ, средь луговинъ,
Разставимъ мы кувшины винъ...

[1] Шамамы—родъ дыни (см. выше).

Цѣлуй, и да цвѣтетъ твой сынъ!
Вѣдь я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

Играй и мнѣ цвѣты бросай,
Съ груди руки не отгоняй,
Дай сжать, души не отнимай,
Вѣдь я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

Тобою мнѣ цвѣточекъ данъ,
Вина ты выпила, я—пьянъ,
Сожженъ любовью Іонатанъ,
Вѣдь я—изгнанъ! не наноси мнѣ новыхъ ранъ, о мой султанъ!

2.

ПѢСНЯ ЛЮБВИ.

Я нарядною тебя видѣлъ на зарѣ,
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!
Вся ты въ золотѣ была, въ перлахъ, въ янтарѣ,
Ты мнѣ разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

Лобъ твой бѣлъ, твое лицо—розы лепестокъ,
Лѣвой ручкой протяни, подари цвѣтокъ,
Сахаръ я тебѣ припасъ и медовый сокъ.
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

Зеркала—твои глаза, золото-мечи,
Сумракъ шелковыхъ рѣсницъ—стрѣлы и лучи,
Горнъ—душа моя, огни страсти—горячи.
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

Полумѣсяцъ—бровь твоя, косы—черный макъ,
Отъ любви я не рыдать не могу никакъ,
Да погибнетъ, пропадетъ нашъ разлучникъ—врагъ!
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

Сладкозвучный твой языкъ—соловей ночной,
Гіацинтъ въ рукѣ твоей и вино въ другой!

Съ родинкой твое лицо—роза подъ росой.
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

Сядемъ здѣсь подъ деревцомъ, будемъ рвать миндаль.
Груди у тебя—шамамъ, не вкусить ихъ жаль.
На тебя гляжу, душа—улетаетъ въ даль.
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

Кипарисъ—твой станъ, въ кудряхъ золото при днѣ,
Дай на стройный станъ упасть золотой волнѣ,
Долго ль осужденъ Нагашъ изнывать въ огнѣ?
Ты мой разумъ отняла, нѣтъ покоя мнѣ!

3.

ПѢСНЯ ЛЮБВИ.

Ты мнѣ сказала: «Настала весна.
— Милая, сжалься!—
Въ часъ, когда розу освѣтитъ луна,
Выйду я въ садъ, грудь открывъ и одна.»
— Милая сжалься!—
Вечеромъ выйди въ сіяющій садъ!
Розы струятъ ароматъ.

Розу тебѣ съ письмецомъ я пошлю,
— Милая, сжалься!—
Въ немъ разскажу, какъ тебя я люблю.
Выйди съ мазой и съ аракомъ, молю![1]
— Милая, сжалься!—
Вечеромъ выйди въ сіяющій садъ!
Розы струятъ ароматъ.

Ликъ твой прекраснѣй, чѣмъ тысяча розъ,
— Милая, сжалься!—
Ликъ твой прекрасенъ въ уборѣ волосъ.

[1] Аракъ—восточная водка; маза—закуски (оливы, сыръ, кусочки омара на хлѣбѣ, муль и т. под.).

Вѣтеръ весны благовонья принесъ,
— Милая, сжалься!—
Вечеромъ выйди въ сіяющій садъ!
Розы струятъароматъ.

Ликъ твой прекраснѣй, чѣмъ розы весной,
— Милая, сжалься!—
Какъ соловей я пою подъ луной:
Милая, сжалься хоть разъ надо мной,
— Милая, сжалься!—
Вечеромъ выйди въ сіяющій садъ!
Розы струятъ ароматъ!

Въ косы вплети украшенія розъ,
— Милая, сжалься!—
Выйди исполнить желанія грезъ,
Вылѣчить муки, что̀ я перенесъ!
— Милая, сжалься!—
Вечеромъ выйди въ сіяющій садъ!
Розы струятъ ароматъ.

СТЕПАННОСЪ.

XVII—В.

1. Пѣсня любви. Перевелъ *Валерій Брюсовъ*.

ПѢСНЯ ЛЮБВИ.

Нѣжная! милая! злая! скажи,
Черныя очи, яръ![1] черныя очи!
Что, хоть бы разъ, не придешь ты ко мнѣ
Въ сумракѣ ночи, яръ! въ сумракѣ ночи!

Много тоски я и слезъ перенесъ,
Полонъ любови, яръ! полонъ любови!
Лобъ у тебя бѣлоснѣженъ, дугой
Черныя брови, яръ! черныя брови!

Взоры твои—словно море! а я—
Кормщикъ несчастный, яръ! кормщикъ несчастный!
Вотъ я въ тревогѣ путей не найду
Къ пристани ясной, яръ! къ пристани ясной!

Ночью и днемъ утомленныхъ очей
Я не смыкаю, яръ! я не смыкаю.
Выслушай, злая! тебя, какъ твой рабъ,
Я умоляю, яръ! я умоляю!

Всѣ говорятъ ты—цѣлитель души...
Вылѣчи раны, яръ! вылѣчи раны!
Больше не въ силахъ я этотъ сносить
Пламень багряный, яръ! пламень багряный!

Ночью и днемъ, отъ любви, все—къ тебѣ,
Въ горести слезъ я, яръ! въ горести слезъ я!

[1] Яръ—милая, возлюбленная (см. выше).

Злая, подумай: не камень же я!
Что перенесъ я, яръ! что перенесъ я!

Сна не найти мнѣ, напрасно хочу
Сномъ позабыться, яръ! сномъ позабыться!
Плача, брожу и назадъ прихожу—
Снова томиться, яръ! снова томиться!

Ночью и днемъ отъ тоски по тебѣ
Горько вздыхаю, яръ! горько вздыхаю.
Имя твое порываюсь назвать,—
И замолкаю, яръ! я замолкаю!

Болѣе скрытно я жить не могу,
Произнесу я, яръ! произнесу я!
Злая, подумай: не камень же я!
Гибну, тоскуя, яръ! гибну, тоскуя!

Ахъ, Степанносъ! думалъ ты, что уменъ,—
Все же другимъ занялся ты, какъ видно!
Бога оставилъ и дѣвой плѣненъ...
Будетъ на Страшномъ Судѣ тебѣ стыдно!

САЯТЪ-НОВА.

1719—1795 г.

1. «Я въ жизни вздоха не издамъ.»
2. «Я—на чужбинѣ соловей.»
3. «Нынче милую мою видѣлъ я въ саду...»
4. «Меня и милую мою година та жъ родила...»
5. «Чужбина—мука соловья.»
6. «Ахъ, почему мой влаженъ глазъ.»
7. «Откуда ты? (я—соловью).»
8. «Твоихъ грудей гранатъ—что мечъ.»
9. «Твой силенъ умъ...»
10. «Угодливо, народный рабъ, служить ступай!»
11. «Ты, безумное, сердце, мнѣ внемли.»
12. «Каманча.»

Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*

1.

Я въ жизни вздоха не издамъ, доколѣ джанъ[1] ты для меня!
Наполненный живой водой златой пинджанъ[2] ты для меня!
Я сяду, ты мнѣ бросишь тѣнь, въ пустынѣ—станъ ты для меня!
Узнавъ мой грѣхъ, меня убей: султанъ и ханъ ты для меня!

Ты вся—чинарный кипарисъ; твое лицо—пранги-атласъ;[3]
Языкъ твой—сахаръ, медъ—уста, а зубы—жемчугъ и алмазъ;
Твой взоръ,—эмалевый сосудъ, гдѣ жемчугъ, изумрудъ, топазъ.
Ты—брилліантъ! безцѣнный лаллъ индійскихъ странъ ты для меня!

Какъ мнѣ печаль перенести? иль сердце стало какъ утесъ?
Ахъ! я разсудокъ потерялъ! въ кровь обратились токи слезъ!
Ты—новый садъ, и въ томъ саду, за тыномъ изъ роскошныхъ розъ,
Позволь мнѣ надъ тобой порхать: краса полянъ ты для меня!

Любовью опьяненъ, не сплю, но сердце спитъ, тобой полно:
Всѣмъ міромъ пусть пресыщенъ міръ, но алчетъ лишь тебя оно!
Съ чѣмъ, милая, сравню тебя?—Все, все исчерпано давно.
Конь-Рашъ[4] изъ огненныхъ зыбей, степная лань ты для меня!

[1] **Джанъ**—слово, означающее *и* душу *и* тѣло, вообще нѣчто самое дорогое, милое, любимое.

[2] **Пинджанъ**—особый сосудъ, фіалъ.

[3] **Пранги атласъ**,—фряжскій, заморскій атласъ.

[4] **КоньРашъ**—конь Рустема изъ персидской эпопеи.

Поговори со мной хоть мигъ, будь—милая Саятъ-Новы!
Ты блескомъ озаряешь міръ, ты солнцу—щитъ средь синевы!
Ты—лилія долинъ и ты—цвѣтокъ багряный среди травы:
Гвоздика, роза, сусамбаръ,[1] и майоранъ ты для меня!

2.

Я—на чужбинѣ соловей, а клѣтка золотая—ты!
Пройдешь, какъ по ковру царей,[2] лицо мнѣ попирая, ты!
Твои ланиты—розъ алѣй, какъ образъ дивный рая—ты!
Какъ шаха, я тебя молю; молчишь, не отвѣчая, ты.

О, милая! вошла ты въ садъ и взорами цвѣты палишь:
Твои глаза огонь струятъ, ты силой красоты палишь,
А я своимъ мученьямъ радъ: сгораю я, а ты палишь...
Никто такъ стройно не ступалъ, какъ ходишь, всѣхъ сжигая, ты!

Причти меня къ своимъ рабамъ! что я твой рабъ, не скрою я!
Поставь меня къ своимъ вратамъ: страдать въ темницѣ стою я!
Я живъ иль мертвъ, не знаю самъ, но боленъ лишь тобою я!
Какъ море, какъ Аразъ,[3] мечусь: причина,—дорогая, ты!

Ты, съ пятнышкомъ[4] лица, мила; кто видѣлъ, тотъ плѣненъ тобой.
Хотя ты мной пренебрегла, но судъ произнесенъ тобой.
Ты отвернулась, отошла, не выслушанъ мой стонъ тобой,
Хотя жизнь можешь даровать, какъ царь повелѣвая, ты.

Саятъ-Нова сказалъ въ слезахъ: «Я слезъ не лью, пока могу,
Но буду выносить я страхъ и скорбь свою, пока могу.
Хочу быть славнымъ на пирахъ, тебя пою, пока могу...
Когда бъ со мной, сазъ[5] золотой, вошла на пиръ, сверкая, ты!

[1] Сусáмбаръ—пахучая трава.

[2] Коверъ Царей, «піандазъ»,—драгоцѣнная матерія, которую разстилаютъ подъ ноги почетнымъ гостямъ.

[3] Аразъ—Араксъ, рѣка.

[4] Пятнышко на лицѣ—считалось признакомъ красоты; объ немъ упоминается во многихъ армянскихъ народныхъ пѣсняхъ.

[5] Сазъ—народный музыкальный инструментъ.

3.

Нынче милую мою видѣлъ я въ саду;
Слѣдъ подковки золотой освятилъ гряду;
Словно розу соловей я воспѣлъ звѣзду,
Взоръ затмился мой слезой, разумъ былъ въ бреду.
Ахъ, пусть врагъ мой попадетъ, какъ и я въ бѣду!

Яръ[1] моя! твой нѣжный видъ душу тайно жжетъ,
Образъ твой—шербетъ любви, губы—сладкій медъ,
Словомъ, взглядомъ многихъ ты мучишь въ свой чередъ.
Что жъ, убей, но не скажи, что и я—не тотъ!
Пусть умру, ввѣряю жизнь—твоему суду.

Пряди косъ твоихъ весь годъ туго сплетены,
Медъ въ устахъ, могли бъ имъ быть груди смочены,
Расцвѣтаетъ алый ротъ между розъ весны...
Но садовника [2] глаза влагою полны:
Посмотри, какъ соловей, я пою и жду.

Ты прекраснѣе стократъ, чѣмъ и твой портретъ;
Если въ комнату войдешь, тьмы безъ лампы нѣтъ:
Какъ виномъ мускатнымъ домъ, духъ тобой согрѣтъ;
И въ садахъ передъ тобой блекнетъ каждый цвѣтъ:
Вѣтеръ льнетъ къ тебѣ, вокругъ воздухъ какъ въ меду!

Знай: другой не воспою, ты доколь жива!
Выслушай, матахъ [3] тебѣ: искренни слова!
Хлѣбъ и соль не забывай, волю Божества!
Отъ любви къ тебѣ—въ тюрьмѣ я, Саятъ-Нова!
Я теряю разумъ, я—вовсе пропаду!

4.

Меня и милую мою година та жъ родила, знай
И потому я вздохъ таю, а въ сердцѣ кровь застыла, знай,

[1] Яръ—милая (см. выше).

[2] Садовникъ—т. е. влюбленный, возлюбленный; традиціонное уподобленіе.

[3] Матахъ тебѣ—привѣтъ; собственно: я готовъ принести себя въ жертву тебѣ.

Я днемъ и ночью слезы лью, а въ грезахъ много пыла, знай,
Мой влаженъ глазъ, языкъ сожженъ, уста любовь спалила, знай!

Ахъ, сердце замерло въ груди, утомлено борьбой оно
И око тускло, погляди, томится по одной оно,
Тьма передъ мыслью впереди, лишь пѣніе—со мной оно,
Но мнѣ надежды въ жизни нѣтъ, близка моя могила, знай.

Сожженъ, израненъ, я брожу, пріюта нѣтъ родного мнѣ,
Я острыхъ словъ не нахожу, но для чего и слово мнѣ!
Тысячекратно я тужу: дано такъ много злого мнѣ,
И мысль и память какъ въ цѣпяхъ, меня пучина скрыла, знай.

Но сердца трауренъ нарядъ, и кровь изъ глазъ струится вновь.
Какъ тучи на морѣ лежатъ, такъ жаждетъ грудь упиться вновь.
Лѣчить я рану сердца радъ, но можно ль исцѣлиться вновь?
Такъ истекаю кровью я, ахъ! я отвергнутъ милой, знай!

Кто видитъ, говоритъ сейчасъ: «Ты гибнешь, ахъ! Саятъ-Нова!
Тебя встрѣчать ли намъ не разъ, кровь на очахъ, Саятъ-Нова!
Иль лучшей дѣвы, лучшихъ глазъ нѣтъ на пирахъ, Саятъ-Нова!»
Вся жизнь прошла какъ сонъ, плодовъ лоза не подарила,—знай!

5.

Чужбина—мука соловья: годъ—сада онъ родного ждетъ!
Чтобъ подала рука твоя вина мнѣ, сердце снова ждетъ!
Съ другими—ты, и мучусь—я: такъ рабъ царя земного ждетъ!
Созрѣлъ грудей твоихъ шамамъ, [1] — сосуда золотого ждетъ!

Слова безсильны предъ тобой! какъ алый ликъ твой описать?
Какъ бровь изобразить сурьмой? и золота тутъ мало взять!
И только станъ прекрасный твой овалу плечъ твоихъ подъ стать!
А золото твоихъ волосъ давно луча дневного ждетъ!

[1] Шамамъ — родъ дыни, обычное сравненіе для женской груди (см. выше).

Ты съ дѣтства слышишь голосъ хвалъ: но славить красоту я радъ.
Ковчегъ [1] — твоихъ грудей овалъ, чтобъ ставить амбру и мускатъ.
Не можетъ, кто тебя встрѣчалъ, представить лучшій мигъ усладъ!
Рука—самшитъ, [2] а пальцы—воскъ: хрустальныхъ спицъ онъ снова ждетъ.

Нѣтъ, я не полюблю другой! сдается: ты мнѣ суждена!
Лишь я недѣлю не съ тобой, какъ рвется каманчи струна!
Самъ царь иль врачъ-Лохманъ [3] со мной, а мнѣ поется: «гдѣ она?»
Имъ раны не понять моей: она клинка стального ждетъ!

Красавица! въ тоскѣ души, одинъ брожу, сожженъ тобой!
Красавица! о не спѣши! дай погляжу, плѣненъ тобой!
Красавица! міръ чей, рѣши: сужу, что отнятъ онъ—тобой!
Доколѣ живъ Саятъ-Нова, тебѣ ль пѣвца иного ждать!

6.

Ахъ, почему мой влаженъ глазъ и кровь на сердцѣ? жжетъ она!
Болѣзнь—любовь и этотъ разъ, лѣкарство въ свой чередъ,—она!
Я слегъ, но взоръ мой каждый часъ опять къ себѣ влечетъ—она!
Мнѣ надо умереть, ко мнѣ, ахъ! лишь тогда придетъ она!

Весна настала и манятъ зазеленѣвшіе края;
Фіалковыя горы въ садъ давно послали соловья.
Но пѣсни ночью не звучатъ. Чинара, это месть твоя?
Пусть ищетъ роза соловья: его, ахъ! не найдетъ она!

Макъ, ярко красный, далъ совѣтъ: «Скиталецъ-соловей влюбленъ,
И, вѣрно, вспомнитъ про букетъ, что базиликой оплетенъ,
Но ты солги, что розы нѣтъ, и что цвѣтокъ былъ унесенъ!»
Вотъ—изгородь, ахъ, соловей! твой бѣдный трупъ несетъ она.

Сладки, сладки—твои слова! языкъ твой сахаръ и набатъ, [4]
И твой шербетъ, гласитъ молва, хорошъ, какъ спѣлый виноградъ.

[1] Ковчегъ—также обычное уподобленіе женской груди (см. выше).

[2] Самшитъ—родъ сосны, обычное сравненіе для рукъ и стана.

[3] Царь—грузинскій царь Гереклъ II; Лохманъ—придворный врачъ.

[4] Набатъ—кристаллы топленаго сахара, лакомство.

Семь дней твердилъ я, ты жъ, рѣзва, семь платьевъ мѣрила подъ
рядъ,
Бязь и кумачъ, но гдѣ же ткань, что всѣхъ достойнѣй?—ждетъ
она!

Языкъ ашуга—соловей: онъ славитъ, не клянетъ сплеча!
Предъ шахомъ онъ поетъ смѣлѣй, и для него нѣтъ палача,
Нѣтъ правилъ, судей и царей, онъ самъ спасаетъ всѣхъ, звуча,
Лишь ты, Саятъ-Нова,—въ бѣдѣ, пришла, не отойдетъ она!

7,

КЪ СОЛОВЬЮ.

Откуда ты? (я соловью).
Не плачь! не плачь! я слезы лью,
Ты розу ждешь, я—милую...
Не плачь! не плачь! я слезы лью.

Пой, соловей, пѣснь соловья!
Счастливой будь тропа твоя!
Тебѣ—цвѣтокъ, мнѣ—милая...
Но ты не плачь! я слезы лью.

Въ душѣ моей—тоска по ней,
Какъ острый шипъ въ груди твоей.
Цвѣтокъ иль яръ? что сладостнѣй?
Не плачь! не плачь! я слезы лью.

Какъ кипарисъ, одинъ стою.
Пой, .соловей! и я пою.
Ты розу ждешь, я—милую...
Но ты не плачь! я слезы лью.

Пѣвецъ! мила мнѣ пѣснь твоя!
Пылаемъ мы, и ты и я...
Саятъ сказалъ: «О, милая!
Не плачь! не плачь! я слезы лью»;

8.

Твоихъ грудей гранатъ—что мечъ!
Самшитъ твоихъ безцѣненъ плечъ!
Хочу у двери милой—лечь!
Тамъ прахъ цѣлую и пою.

О, твоего атласа звукъ!
Дай мнѣ испить изъ чаши рукъ,
Молю цѣленья въ смѣнѣ мукъ,
Люблю, ревную и пою!

Я не садовникъ въ эту ночь,
Какъ тайну сада превозмочь?
Я—соловей, гдѣ роза? «Прочь!»
Шипу скажу я и пою.

Ты—пѣсня! И слова звучатъ!
Ты—гимнъ! И я молиться радъ!
Саятъ-Новы ты—свѣтлый садъ!
Вотъ я тоскую и пою.

9.

Твой силенъ умъ: такимъ рожденъ,—себя глупцу равнять зачѣмъ?
Меня за свой вчерашній сонъ презрительно считать зачѣмъ?
Я издавна горю, сожженъ! опять меня сжигать зачѣмъ?
Устала ты, повѣрю я, меня же обвинять зачѣмъ?

Привѣтъ! вѣдь ты сильна, какъ тотъ Ростомъ, [1] сынъ Зала!—
дочь царя![2]
Старинный твой прославленъ родъ, красы зерцало, дочь царя!
Коль грѣшенъ я, пусть мечъ не ждетъ меня нимало, дочь царя!
Но Господа побойся ты: напрасно враждовать зачѣмъ?

Кто раненъ, позоветъ врача: не повредитъ, поможетъ онъ;
Раба ругаютъ сгоряча, судиться все жъ не можетъ онъ.

[1] Ростомъ, сынъ Зала,—Рустемъ, герой персидскаго эпоса.
[2] Дочь царя—рѣчь идетъ о грузинской царевнѣ.

Кто сердцемъ свѣтелъ, какъ свѣча, молву людей отложитъ онъ.
Я Богомъ истиннымъ клянусь: меня нещадно гнать зачѣмъ?

Не всѣмъ мой ключъ гремучій пить: особый вкусъ ручьевъ моихъ!
Не всѣмъ мои писанья чтить: особый смыслъ у словъ моихъ!
Не вѣрь: меня легко свалить! гранитна твердь основъ моихъ!
Такъ наводненьемъ безъ конца ихъ тщетно подрывать зачѣмъ?

Бьетъ вѣтръ морской, песокъ гоня: песка не меньше будетъ все жъ!
Живу ль, не станетъ ли меня, толпу напѣвъ разбудитъ все жъ!
Уйду, но въ мірѣ съ того дня и волосъ на убудетъ все жъ!
Въ Габашъ, къ арабамъ, къ индамъ прахъ Саятъ-Новы ссылать зачѣмъ?

10.

Угодливо, народный рабъ! служить ступай, Саятъ-Нова!
Стяжать отличіе царя не всякъ мечтай, Саятъ-Нова!
И пусть подносятъ желчь тебѣ, ты сахаръ дай, Саятъ-Нова!
Но отъ камней свое стекло оберегай, Саятъ-Нова!

Тупицу въ школу помѣсти,—отъ розгъ не поумнѣетъ онъ,
Покуда изъ него злой духъ покорно не отвѣетъ вонъ;
Кто черенъ, будетъ вѣкъ такимъ, отъ мыла не бѣлѣетъ онъ;
Безродный въ знать не лѣзь, кривуль не выпрямляй, Саятъ-Нова!

Когда бъ ты звѣзды сосчиталъ и зналъ число очей ночныхъ,
Погубитъ злое дѣло—все: чти житія людей святыхъ!
Слова Спасителя—жемчугъ, прекраснѣе лилей лѣсныхъ,
И свиньямъ лаллъ и жемчуга ты не бросай Саятъ-Нова!

Тамъ—радость свадьбы, тамъ—печаль, тамъ—пиръ и пѣснопѣнье—тамъ,
Тамъ—двое любящихъ въ саду, въ церквахъ богослуженье—тамъ;
Коль волю духа ты творишь, не можетъ быть и тлѣнья—тамъ:
Водой шумящей унесенъ, не унывай, Саятъ-Нова!

11.

Ты, безумное сердце! мнѣ внемли:
Скромность возлюби, совѣсть возлюби.
Міръ на что тебѣ? Бога возлюби,
Душу возлюби, дѣву возлюби!

Божій гласъ внемли и твори добро,
Въ житіяхъ святыхъ слово—серебро:
Святыхъ цѣлей три: возлюби перо,
Возлюби письмо, книги возлюби.

Сердце, пусть тебя скорби не гнетутъ!
Знай, что хлѣбъ и соль люди чести чтутъ,
Но не будь смѣшнымъ: возлюби свой трудъ,
Мудрость возлюби, правду возлюби.

Тамъ, гдѣ господинъ, будь не гордъ, но тихъ;
Скромнымъ будь всегда у господъ своихъ;
Но у всѣхъ—душа: возлюби чужихъ,
Бѣдныхъ возлюби, гостя возлюби.

Такъ, Саятъ-Нова, мудрость жить велитъ.
Что намъ эта жизнь? Страшный судъ грозитъ!
Душу сберегай: возлюби и скитъ,
Келью возлюби, камни возлюби!

12.

КАМАНЧА. [1]

Изъ всѣхъ людьми хваленыхъ лиръ полнѣй звучишь ты, каманча!
Кто низокъ, не иди на пиръ: предъ нимъ молчишь ты, каманча!

[1] **Каманча́** (или **кяманча**) музыкальный инструментъ, аккомпанируя себѣ на которомъ поютъ ашуги. Отдѣльныя части каманчи носятъ названія: *«ушка»*, *«голсвы»*, *«чрєва»*, *«железа»* (строфа 2-я); инструментъ—*струнный* и играютъ на немъ *смычкомъ*, на которомъ натянуты *конскіе волосы* (строфа 3-я). Передъ началомъ игры ашугу подавали *чай и кофе* (строфа 4-я). При состязаніи пѣвцовъ побѣжденный отдавалъ обыкновенно свою каманчу побѣдителю (стихъ 4-й строфы 1-й). *Крылатый конь* (строфа 3-я)—отголосокъ миѳа о Пегасѣ.

Но къ высшему стремись: весь міръ, всѣхъ покоришь ты, каманча!
Тебя не уступлю я: мнѣ—принадлежишь ты, каманча!

Ушко—серебряное будь, сверкай на *головѣ*—алмазъ;
Рука—слоновой кости будь, на *чревѣ*—перламутръ, что̀ глазъ;
Струна—изъ злата свита будь, рѣзьбой плѣняй, *желѣзо*, насъ;
Ты—бриллiантъ и лаллъ! И судъ—всѣхъ посрамишь ты, каманча;

Смычокъ быть долженъ золоченъ, чтобъ пышно онъ блисталъ звеня;
Пѣвучiй *волосъ*—быть сплетенъ изъ космъ крылатаго коня.
Тѣмъ, какъ бальзамъ, даришь ты сонъ, тѣхъ ты бодришь всю ночь, до дня:
Ты—золотой сосудъ съ виномъ, и всѣхъ пьянишь ты, каманча.

Въ ашугѣ двѣ души съ тобой: ему и чай и кофе есть;
Когда онъ утомленъ игрой, на полкѣ ты находишь честь,
Когда жъ поётъ,—вновь пиръ горой, ты—празднествъ и гулянiй вѣсть!
Собравъ красавицъ вкругъ себя, ихъ всѣхъ манишь ты, каманча!

Ты всѣмъ даешь веселый видъ, съ тобой опять здоровъ больной;
Чуть сладкiй зовъ твой зазвучитъ, блаженъ, кто говоритъ съ тобой.
Проси, да скажутъ: «Богъ продлитъ—дни насъ плѣнявшаго игрой!»
Доколѣ живъ Саятъ-Нова, что не узришь ты, каманча!

ЛУНКІАНОСЪ.

XVIII—XIX В.

1. Видѣніе.
2. Гимнъ Богоматери.
Перевелъ *В. Спасскій.*

1.

ВИДѢНІЕ.

Рай разверзся. Видѣлъ, восхищенный, я
Садъ, что полнъ благоухающихъ цвѣтовъ:
Пѣли ангелы о благѣ бытія,
Арфъ десятиструнныхъ былъ немолченъ зовъ.

Зеленѣлъ деревьевъ безконечный рядъ,
Вѣтви заплетались въ сладостную сѣть,
Висли финики, гранаты, виноградъ,
Было сладостно на тѣ плоды смотрѣть.

И царица вышла, въ славѣ, какъ въ огнѣ,
На челѣ съ вѣнкомъ, гдѣ лаллъ, алмазъ, жемчугъ;
Праведниковъ сонмъ приблизился ко мнѣ,
Несказанныя слова шепча мнѣ въ слухъ.

И любви словами былъ я опьяненъ,
Страсть какъ никогда позналъ Лункіаносъ,
Ибо онъ сбрѣлъ, святыми окруженъ,
Ту Возлюбленную, ту Царицу грезъ!

2.

ГИМНЪ БОГОМАТЕРИ.

Отрывокъ.

Для всѣхъ страдающихъ, для скорбныхъ всѣхъ сердецъ
Есть чаша сладости, о Богоматерь—Ты!
Ты—человѣчества торжественный вѣнецъ,
И слава всей земли, о Богоматерь,—Ты!

Ты—жизни вѣрный мостъ, ты—смутъ святой покой,
Престолъ премудрости и роза чистоты;
Ты кротость нѣжная, что льется въ міръ людской,
И искупленіе, о Богоматерь,—Ты!

О, милосердая, Ты—упованье намъ,
Звѣзда разсвѣтная надъ чернью темноты!
Подобно солнечнымъ слѣпительнымъ лучамъ,
Сіяешь высоко, о Богоматерь—Ты!

Тобою озаренъ сей міръ, гдѣ мраченъ грѣхъ.
Путь для блуждающихъ и свѣтъ для слѣпоты,
Въ смиреніи, добра и благостна для всѣхъ,
Примѣръ прекраснаго, о Богоматерь,—Ты!

. . . .

Поетъ Лункіаносъ: Яви Свой обликъ мнѣ,
Я уготовалъ духъ къ видѣнью Красоты!
О, свѣтлый, чистый ключъ! для сердца, что въ огнѣ,
Противоядіе, о Богоматерь,—Ты!

ДЖИВАНИ.

1846—1911 Г.

1. «Какъ дни зимы...»
2. Въ эту ночь.

Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*

1.

Какъ дни зимы, дни неудачъ недолго тутъ: придутъ-уйдутъ.
Всему есть свой конецъ, не плачь!—Что бѣгъ минутъ: придутъ-уйдутъ.
Тоска потерь пусть мучитъ насъ, но вѣрь, что бѣды лишь на часъ:
Какъ сонмъ гостей, за рядомъ рядъ, они снуютъ: придутъ-уйдутъ.

Обманъ, гоненіе, борьба и притѣсненіе племенъ,
Какъ караваны, что подъ звонъ въ степи идутъ: придутъ-уйдутъ.
Міръ—садъ, и люди въ немъ цвѣты! но много въ немъ увидишь ты
Фіалокъ, бальзаминовъ, розъ, что день цвѣтутъ: придутъ-уйдутъ.

Итакъ, ты, сильный, не гордись! итакъ, ты, слабый, не грусти!
Событія должны итти, творя свой судъ,—придутъ-уйдутъ!
Смотри: для солнца страха нѣтъ скрыть въ тучахъ свой палящій свѣтъ,
И тучи на востокъ спѣша, плывутъ, бѣгутъ: придутъ-уйдутъ.

Земля ласкаетъ, словно мать, ученаго, добра, нѣжна;
Но дикихъ бродятъ племена, они живутъ: придутъ-уйдутъ...
Весь міръ: гостиница Дживанъ! а люди—зыбкій караванъ!
И все идетъ своей чредой: любовь и трудъ,—придутъ-уйдутъ!

2.

ВЪ ЭТУ НОЧЬ.

Виночерпица! дай мнѣ вина въ эту ночь,
Я томлюсь и душа такъ мрачна въ эту ночь.
Чѣмъ-нибудь пусть замлѣетъ она въ эту ночь,
Чтобъ не даромъ страдать мнѣ безъ сна въ эту ночь!

Сдѣлай милость, красавица, здѣсь отдыхай!
О, хвалимая, боли моей сострадай!
Что въ сѣдыхъ погребахъ, то вино мнѣ подай,
На огонь мой лей воду до дна въ эту ночь!

Дай мнѣ, милая, руку: тобой—я плѣненъ;
Мы въ одно съединимъ нѣжный звукъ двухъ именъ;
Вѣдь ты видишь: ко мнѣ не придетъ уже сонъ.
Выйдемъ въ садъ, даль—чиста, даль—ясна, въ эту ночь.

Сколько разъ, милый другъ, я дѣлилъ твою боль.
Покориться тебѣ, быть рабомъ мнѣ позволь.
Любишь, нѣтъ ли, скажи! ахъ, солгать—хорошо ль?
Доскажи до конца, все сполна—въ эту ночь.

Ахъ, внемли! въ эту ночь можешь ты мнѣ помочь!
Постарайся смущенье свое превозмочь:
Если намъ другъ для друга цвѣсти,—цѣпи прочь!
Будетъ данная клятва прочна—въ эту ночь.

НОВАЯ ПОЭЗІЯ.

I. Поэзія русскихъ армянъ.

РАФАЭЛЪ ПАТКАНЬЯНЪ.

1830—1892 г.

1. «И теперь намъ молчать...» (Изъ поэмы «Смерть храбраго Вардана Мамиконьяна.) Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*
2. Слезы Аракса. Перевелъ *Ю. Веселовскій.*
3. Жаворонокъ. Перевела *Е. Сырейщикова.*
4. «Покинь свой садъ...» Перевелъ *С. Шервинскій.*
5. Не думайте, что славой обольщенъ...» Перевелъ *онъ же.*
6. Художникъ. Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*
7. Передъ изображеніемъ Богоматери. Перевелъ *Эллисъ.*
8. «Ученый, книгу брось...» Перевелъ *В. Бакулинъ.*
9. «Ребенка святой колыбелью клянусь...» Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*
10. Великій человѣкъ. Перевелъ *онъ же.*

1.

ИЗЪ ПОЭМЫ
«СМЕРТЬ ХРАБРАГО ВАРДАНА МАМИКОНЬЯНА».[1]

И теперь намъ молчать, о друзья, и теперь,
Когда врагъ насъ терзаетъ, какъ яростный звѣрь,
Прямо въ грудь направляетъ свой мечъ роковой,
Не смущаясь рыданьемъ и скорбной мольбой?
О, братья-армяне! пора отвѣчать:
И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать, когда яростный врагъ
Захватилъ ухищреньемъ нашъ отчій очагъ,
Имя Гайка низвергъ, что блистало въ быломъ,
И, великій въ вѣкахъ, обезчестилъ Торгомъ![2]
Лишилъ языка, отнялъ скипетръ и ратъ?
И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать, когда яростный врагъ
Отнялъ мечъ-оборону, унизивъ нашъ стягъ,
У работниковъ плугъ вырвалъ дерзко изъ рукъ,
Передѣлалъ на цѣпи тотъ мечъ и тотъ плугъ?
О, горе! въ плѣну мы должны изнывать!
И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать, когда яростный врагъ,
Поднимая оружье, какъ гибельный знакъ,

[1] Варданъ Мамиконьянъ — армянскій національный герой, погибшій въ битвѣ съ персами на Аварайрскомъ полѣ (451 г. по Р. Х.).

[2] Гайкъ и Торгомъ—миѳическіе прародители армянъ (см. Примѣчанія, гдѣ объясненія и другихъ строфъ этого стихотворенія).

Насъ таить заставляетъ рыданья невзгодъ,
То, что душу гнететъ, намъ сказать не даетъ?
Чтобъ плакать, гдѣ свой намъ Евфратъ отыскать?
И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать, когда яростный врагъ,
Совершая съ надменностью каждый свой шагъ,
Голосъ правды въ душѣ у себя заглушивъ,
Гонитъ насъ изъ страны, отъ родныхъ нашихъ нивъ?
Скитальцамъ, намъ некуда, братья, бѣжать!
И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать, когда яростный врагъ,
Равнодушно взирая на толпы бродягъ,
Нагло руку простеръ и, преступно глумясь,
Оборвалъ между братьевъ послѣднюю связь?
Такъ близко погибель армянъ! Что начать?
И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать, когда яростный врагъ
Насъ лишаетъ послѣднихъ, божественныхъ благъ?
Нашу церковь гнететъ, чтобъ сломить насъ вѣрнѣй,
Волка въ шкурѣ овечьей поставивъ надъ ней?
Нѣтъ храмовъ, гдѣ бъ намъ принимать благодать!
И нынѣ молчать?

И теперь намъ молчать? Что же скажетъ весь свѣтъ,
Если камни и скалы застонутъ въ отвѣтъ?
Скажутъ всѣ, что армяне достойны судьбы,
Что они по заслугамъ въ плѣну и рабы!
Умѣли отцы край родной защищать!
Доколѣ жъ молчать?

Пусть молчитъ тотъ, кто нѣмъ, чей недвижимъ языкъ,
Или тотъ, кто въ ярмѣ, видѣть сладость привыкъ!
Но, въ комъ сердце мужчинъ, кому честь дорога,
Пусть безстрашно идетъ противъ злого врага!
Кто славой сумѣлъ свою смерть увѣнчать,
Тотъ вправѣ молчать!

2.

СЛЕЗЫ АРАКСА.

По берегамъ твоимъ заснувшимъ
Брожу, Араксъ, въ тоскѣ моей.
Я уношусь къ вѣкамъ минувшимъ,
Взываю къ тѣнямъ славныхъ дней!..

Но волны бурныя несутся,
Не внемля, пѣнясь и шумя;
О берегъ съ плачемъ горькимъ бьются
И мчатся въ дальніе края...

Повѣдай мнѣ, Араксъ могучій,
По комъ рыдаешь ты порой?
Зачѣмъ обьятъ тоскою жгучей
Ты даже чудною весной?

И слезы горькія струятся,
Изъ гордыхъ падаютъ очей,
И волны къ морю вдаль стремятся
Отъ грустной родины моей?..

О, не мути же въ гнѣвѣ воды!
Забудь волненье и печаль!
О, вспомни вновь былые годы!..
Зачѣмъ спѣшишь ты къ морю вдаль?..

Пусть снова розы украшаютъ
Сады прибрежные твои,
А ночью пѣсней оглашаютъ
Заснувшій берегъ соловьи!

Пусть ивы свѣжестью отрадной,
Сгибаясь, дышатъ у воды—
И въ жаркій день въ струѣ прохладной
Купаютъ нѣжные листы.

Пускай пастухъ съ свирѣлью бродитъ
По берегамъ твоимъ порой,
И стадо мирное приходитъ
Къ тебѣ въ жару на водопой!..

Араксъ запѣнилъ гнѣвно воды
И влагу бурей всколыхалъ,—
И въ шумѣ дикомъ непогоды
Я голосъ грозный услыхалъ:

«Зачѣмъ съ желаньемъ безразсуднымъ
Пришелъ, безумецъ, ты ко мнѣ,—
Тревожить вновь видѣньемъ чуднымъ
Меня въ тяжеломъ полуснѣ?

Въ тоскѣ по мужѣ, въ тяжкомъ горѣ,
Ужель вдову, средь грустныхъ слезъ,
Ты встрѣтишь въ праздничномъ уборѣ,
Какъ въ годы счастья, годы грезъ?

И мнѣ,—зачѣмъ мнѣ украшаться?
Красою чей мнѣ тѣшить взглядъ?
Мои сыны въ плѣну томятся,
Мои враги вездѣ царятъ!..

А были дни, въ краю свободномъ
Я въ чудномъ блескѣ протекалъ,
И къ морю вдаль въ просторѣ водномъ
Спокойно шелъ за валомъ валъ.

Въ тѣ дни я гордо украшался,
Сверкали, искрились струи...
А утромъ раннимъ отражался
Въ нихъ отблескъ пламенной зари.

Но что же сталось съ древней славой
Моихъ роскошныхъ береговъ?
Гдѣ храмъ иль замокъ величавый?
Гдѣ блескъ старинныхъ городовъ?..

Лишь Араратъ не забываетъ
О славѣ скрывшейся моей
И влагой нѣжно онъ питаетъ
Мое русло, какъ мать—дѣтей...

Но влаги вѣчной и священной
Достойны ль мертвыя поля,
Гдѣ турокъ властвуетъ презрѣнный,
И стонетъ древняя земля?

Мои сыны,—ихъ нѣтъ со мною!
Но сколько ихъ въ странѣ чужой,
Въ борьбѣ съ гнетущею нуждою,
Въ борьбѣ за хлѣбъ насущный свой!

Моихъ сыновъ враги изгнали,
Отчизну душитъ низкій плѣнъ,
И въ древній край они прислали
Толпы невѣрныхъ мнѣ взамѣнъ!

Для нихъ ли пышными цвѣтами
Теперь украшу берегъ свой,
И мнѣ ль предъ дикими очами
Блистать чарующей красой?

Пока сыны мои томятся,
Пока для нихъ отчизны нѣтъ,
Я буду скорби предаваться,—
И святъ да будетъ мой обѣтъ!»

И, бѣлой пѣной одѣваясь,
Въ ней скрылъ Араксъ свою печаль,—
И, точно змѣйка извиваясь,
Понесъ онъ волны къ морю вдаль.

3.

ЖАВОРОНОКЪ.

— Жаворонокъ, въ небо—ты зачѣмъ летишь,
Пѣсней серебристой въ облакахъ звенишь?

Отчего не хочешь пѣть среди цвѣтовъ,
Тамъ, гдѣ ты выводишь маленькихъ птенцовъ?—

— «Ахъ, есть много, много горя у меня!
Другъ меня покинулъ, жизнь свою кляня;

Земледѣлецъ мирный этимъ другомъ былъ:
Страхъ передъ врагами миръ его смутилъ.

Сталъ нашъ край родимый пустъ и молчаливъ,
И растетъ репейникъ вдоль армянскихъ нивъ.

На землѣ отнынѣ нѣтъ покоя мнѣ,
Оттого стремлюсь я—къ ясной вышинѣ.

Цѣлый день и вечеръ въ небесахъ я вьюсь,
Цѣлый день я пѣсней Господу молюсь,

Чтобъ благой десницей насъ Онъ защитилъ,
Чтобъ армянскій пахарь снова мирно жилъ,

Чтобъ свѣтило счастье намъ въ родномъ краю:
Вотъ о чемъ подъ небомъ грустно я пою.»

4.

Покинь свой садъ, приди, мой соловей,
На очи сына пѣсней сонъ навѣй.
Но плачетъ сынъ... Не надо прилетать:
Псаломщикомъ не хочетъ сынъ мой стать.

Приди, куликъ, съ болотъ и съ луговинъ
Качать дитя, заснуть мой долженъ сынъ...
Но плачетъ онъ... Не надо прилетать:
Не хочетъ сынъ мой послушникомъ стать.

Ты, перепелъ, птенцовъ покинь въ степи
И крикомъ сладкимъ сына усыпи.
Но плачетъ сынъ... Не надо прилетать:
Не хочетъ сынъ мой плакальщикомъ стать.

Воровка, сребролюбица, сюда
Лети, сорока,—сынъ уснетъ тогда.
Но плачетъ сынъ... Не надо прилетать:
Торговцемъ не захочетъ сынъ мой стать.

Ты, соколъ, съ храбрымъ сердцемъ, ты одинъ
Приди. Твоей захочетъ пѣсни сынъ...
Лишь прилетѣлъ—и сынъ мой замолчалъ,
Подъ звуки бранныхъ пѣсенъ задремалъ.

5.

Не думайте, что славой сбольщенъ,
Въ странѣ армянъ я пѣснь пою, какъ стонъ.
Нѣтъ, гордою душой я не искалъ
Толпы рукоплесканій и похвалъ.

Когда тоской звучитъ моя струна,—
Арменіи душа потрясена,
И каплетъ кровь у честныхъ изъ сердецъ,
И глазъ сомкнуть не можетъ удалецъ.

Зачѣмъ пою?—Какъ знать? Скажите мнѣ,
Зачѣмъ алѣетъ роза по веснѣ,
И въ зелени, у ногъ родимыхъ горъ
Звучитъ ручья журчащій разговоръ.

Зачѣмъ зефиръ, порхая по листамъ,
Какъ будто свой привѣтъ лепечетъ намъ,
И почему подъ зеленью вѣтвей
Безропотенъ поющій соловей?..

6.

ХУДОЖНИКЪ.

Взоръ вперивъ, безъ словъ, съ тайной на челѣ,
Юноша, куда мыслью ты влекомъ?
Кисти предъ тобой, краски на столѣ...
Что же ты стоишь, молча, предъ холстомъ?

Обрати глаза, оглянись вокругъ:
Вѣдь смѣется чернь надъ трудомъ твоимъ!
Милый! разгони сладостный недугъ,
Отомсти хоть разъ, пробудившись, имъ!

Но прощаешь ты все въ душѣ своей
Ропотомъ мірскимъ духъ твой не смущенъ.
Вдругъ въ глазахъ твоихъ вспыхнулъ блескъ огней,
Сердце быстро бьетъ, весь ты опьяненъ.

Кисти ты схватилъ, въ краску обмакнулъ,
Къ жизни пробудилъ кистью полотно:
Въ таинствахъ небесъ думой потонулъ,—
Тайное другимъ—знать тебѣ дано.

Ненависть, любовь, гнѣвъ и блескъ ума,
Ты, взмахнувъ рукой, полотну даешь;
Все, предъ чѣмъ и рѣчь мудреца нѣма,
Красками безъ словъ ты возсоздаешь.

Изумленъ народъ, прибѣжалъ, стоитъ,
На твою мечту глядя чрезъ порогъ,
Преклоняясь ницъ, ѳиміамъ кадитъ,
Голосомъ однимъ вопитъ: «Вотъ—нашъ Богъ!»

Ахъ, за подвигъ свой ты не жди наградъ:
Нѣсколько монетъ бросятъ предъ тобой,
Въ свой убогій домъ ты пойдешь назадъ...
Но картинѣ быть въ рамѣ дорогой!

7.

ПЕРЕДЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ БОГОМАТЕРИ.

Отчего пречистый ликъ Маріи,
Съ тихимъ взоромъ, полнымъ горькихъ слезъ,
Устремленъ на небеса родныя?
Отчего въ немъ просьба и вопросъ?

Ты—безгрѣшна. Почему жъ тревога?
И, скрестивши руки, почему
Ты молитвы, вздохи, Матерь Бога,
Возсылаешь къ Сыну Твоему

«Надъ землей, надъ засухой гнетущей
Снизойди, небесная роса,
Убери кору листвой цвѣтущей,»—
Очи Дѣвы молятъ небеса...

О, когда безгрѣшный не молился бъ,
Да проститъ злодѣя-брата Богъ,—
Сводъ небесъ надъ нами помутился бъ,
И потрясъ бы землю тяжкій вздохъ!..

Если бъ онъ, мучителей прощая,
Не забылъ безумную вражду,—
Кто бы спасъ насъ, небо возвращая?
Всѣ бы мзду себѣ нашли въ аду!..

Сирыхъ мать, и вдовыхъ утѣшенье!
Воздыхая, скорби слезы лей!
Эти слезы—міра избавленье:
Пусть онѣ струятся, какъ ручей.

8.

Ученый, книгу брось: не часъ—читать!
Ты, селянинъ, оставь быковъ и плугъ!
Отецъ, не время мертвыхъ погребать!—
Мать-Айастанъ—въ тоскѣ родильныхъ мукъ.

Въ тоскѣ родинъ армянская страна.
То новое, что ждемъ мы вѣкъ шестой,
Теперь она намъ подарить должна:
Свободу свѣтлую земли родной.

Забудемъ счеты наши, наконецъ,
Отбросимъ личныхъ выгодъ жалкій прахъ,
Слѣпыя страсти вырвемъ изъ сердецъ,
И вырвемъ изъ сердецъ—нашъ рабій страхъ!

Мы—дѣти Гайка, [1] племя христіанъ:
Того довольно! Различать должно ль
Католиковъ, армянъ-грегоріанъ
И лютеранъ! Армянство—нашъ пароль!

Мать-Айастанъ—теперь въ тоскѣ родинъ.
Ея намъ должно муки облегчить:
Когда жъ придетъ на свѣтъ прекрасный сынъ,
Его—врагамъ дадимъ ли задушить?

Все—въ даръ ему, чего бъ онъ не спросилъ!
Богатый—деньги, дѣвы—жениховъ,
Герои—храбрость, юный—крѣпость силъ,
Эчміадзинъ—всѣ громы кондаковъ! [2]

Богъ сжалился надъ нами этотъ разъ,
И матери разверзъ онъ ложесна.
Когда мы—люди, ждетъ спасенье насъ.
Нѣтъ?—сгибнешь ты, родимая страна!

9.

Ребенка святой колыбелью клянусь,
И свѣтлой святыней отцовскаго гроба!
Крещеньемъ въ священной купели клянусь,
Родимой, мнѣ жизнь подарившей, утробой!

Свидѣтелемъ будь мнѣ гора Араратъ,
Что встала въ вѣкахъ пьедесталомъ ковчега,
И ты, о Аракса живой водопадъ,
Что мать-Айастанъ орошаешь съ разбѣга!

И вы, о строители царства армянъ,
Храните свидѣтельство клятвы безгрѣшной:
Саакъ, и Мэсропъ, и Хэвондъ, и Вартанъ,
Ашотъ милосердный, Гагикъ неутѣшный! [3]

[1] Гайкъ—миѳологическій родоначальникъ армянъ. Айастанъ (Гайастанъ) Арменія (см. выше).

[2] Кондаки—указы католикоса всѣхъ армянъ, имѣющаго пребываніе въ Эчміадзинскомъ монастырѣ.

[3] Свв. Саакъ, Мэсропъ и др.—высокочтимые дѣятели армянской исторіи (подробности—см. въ Примѣчаніяхъ).

Все отдалъ тебѣ я, народъ мой родной:
Жизнь, радость, богатство,—во имя обѣта!
И только любовь остается со мной...
Но, если такъ надо, возьмите и это!

10.

ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

— Ступай, мой сынокъ, и весь міръ обойди,
И, признанъ великимъ, назадъ приходи.

Отправился сынъ, много поту пролилъ,
И деньги большія, богатство скопилъ.
Вернулся къ отцу, говоритъ съ похвальбой:
«Не сталъ ли великимъ твой сынъ дорогой?»
— Нѣтъ, нѣтъ! ты большое богатство снискалъ,
Но все же великимъ донынѣ не сталъ.

И снова пошелъ онъ—къ земнымъ мудрецамъ,
Ученымъ и геніемъ сдѣлался самъ.
Вернулся къ отцу, говоритъ съ похвальбой:
«Не сталъ ли великимъ твой сынъ дорогой?»
— Нѣтъ, нѣтъ! ты великую мудрость снискалъ,
Но все же великимъ донынѣ не сталъ.

Пошелъ въ монастырь онъ, укрылся въ лѣса,
Вериги надѣлъ и творилъ чудеса.
Вернулся къ отцу, говоритъ съ похвальбой:
«Не сталъ ли великимъ твой сынъ дорогой?»
— Нѣтъ, нѣтъ! ты великую святость снискалъ,
Но все же великимъ донынѣ не сталъ.

Онъ сталъ полководцемъ, былъ ловокъ и смѣлъ,
И много земель покорить онъ сумѣлъ.
Вернулся къ отцу, говоритъ съ похвальбой:
«Не сталъ ли великимъ твой сынъ дорогой?»
— Нѣтъ, нѣтъ! ты великую славу снискалъ,
Но все же великимъ донынѣ не сталъ.

Пошелъ онъ въ страну, гдѣ гнѣздился драконъ;
Дракона убилъ исполинскаго онъ.
Вернулся къ стцу, говоритъ съ похвальбой:
«Не сталъ ли великимъ твой сынъ дорогой?»
— Нѣтъ, нѣтъ! ты великую доблесть снискалъ,
Но все же великимъ донынѣ не сталъ.

Онъ вспомнилъ тогда, что въ плѣну его братъ,
Что братскую руку оковы тягчатъ.
И вновь онъ на подвигъ тяжелый пошелъ
И, выручивъ, брата свободнымъ привелъ.
Вдругъ,—горы, и долы, и море кругомъ,
И люди, всѣ люди, вскричали объ немъ:

— Себя позабывъ, ты о братѣ взыскалъ!
Великимъ, великимъ отнынѣ ты сталъ!

ГЕОРГЪ ДОДОХЬЯНЪ.

1837—1890 Г.

1. Ц и ц е р н а к ъ. Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*

1.

ЦИЦЕРНАКЪ.[1]

Цицернакъ, цицернакъ,
Гость пернатыхъ ватагъ,
Ты куда же летишь,
За зигзагомъ зигзагъ?

Чрезъ поля, чрезъ оврагъ
Мчись въ родной Аштаракъ,
И подъ кровлей родной
Свей гнѣздо, цицернакъ!

Тамъ, далеко, съ тоской,
Мой отецъ, весь сѣдой,
Сына милаго ждетъ
Съ каждой новой зарей.

Мой привѣтъ въ этотъ домъ
Передай передъ сномъ,
И скажи: «Ахъ, старикъ!
Плачь о сынѣ своемъ!»

Разскажи, сколько бѣдъ
Я терплю много лѣтъ;
Что всѣ дни я—въ слезахъ.
Что полъ-жизни ужъ нѣтъ.

Для меня небосклонъ
Отъ зари затемненъ,

[1] Цицернакъ—ласточка. Аштаракъ—мѣстечко въ Эриванской губ., гдѣ родился авторъ.

На глаза мои въ ночь
Не спускается сонъ.

Ахъ, безъ пользы вдали
Силы сердца ушли.
Я—красивый цвѣтокъ
Безъ родимой земли.

Улетай, цицернакъ!
За зигзагомъ зигзагъ,
Мчись, къ армянской землѣ,
Въ мой родной Аштаракъ!

СМБАТЪ ШАХЪ-АЗИЗЪ.

1840—1907 г.

1. Сонъ. Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*
2. «Кругомъ—весна...» Перевелъ *В. Ходасевичъ.*
3. Сонетъ. Перевелъ *онъ же.*
4. Аштаракъ. Перевелъ *Ю. Веселовскій.*
5. Изъ поэмы Скорбь Леона. Перевелъ *онъ же.*

1.

СОНЪ.

Я услышалъ нѣжный голосъ,
Къ старой матери склоненъ,
Сердце съ радостью боролось...
Горе! это былъ лишь сонъ.

Тамъ журчалъ ручей струистый,
Жемчугами опѣненъ,
Какъ хрусталь прозрачно чистый...
Горе, это былъ лишь сонъ!

Грустной пѣснею волнуемъ,
Былъ я дѣтству возвращенъ...
Мать приникла поцѣлуемъ.
Горе! это былъ лишь сонъ.

Мать отерла мнѣ въ печали
Взоръ мой,—былъ онъ затѣненъ.
Ахъ, но слезы все бѣжали:
Почему то былъ лишь сонъ?

2.

Кругомъ—весна. Бреду. Навстрѣчу мнѣ
Зеленые холмы уходятъ въ даль,—
И въ тихомъ, сладкомъ, безтревожномъ снѣ
Смиряется на днѣ души печаль.

Деревьевъ рядъ чуть слышно шелеститъ
Зелеными кудрями. Ручеекъ
Бѣжитъ проворно. Милый сердцу видъ!
Тамъ роза раскрываетъ лепестокъ,

Алѣетъ роза, огненной зари
Божественная дочь... Ея скромнѣй—
Кого люблю,—но нѣтъ, не говори,
Что дѣвы прелесть меркнетъ передъ ней.

3.

СОНЕТЪ.

Какъ жаль, дитя, что Ева, а не ты
Предстала міру въ день, когда Творецъ
Предначерталъ прообразъ красоты,
Своихъ созданій женственный вѣнецъ.

Ты на землѣ явилась бы въ тотъ день,
Какъ неземной влюбленности обѣтъ.
Ты вся—лазурь. Что Ева?—Облакъ, тѣнь...
Средь смертныхъ дѣвъ тебѣ подобной нѣтъ.

Черна, какъ смоль, волна твоихъ кудрей,
Твой тонкій станъ ихъ прядями обвитъ;
Волшебный взоръ сіяющихъ очей

То нѣжно мнѣ любовью заблеститъ,
То, помрачась, грозовыхъ тучъ темнѣй,
Струитъ огонь и сердце пепелитъ.

4.

АШТАРАКЪ.

Листвой деревьевъ осѣненъ
Мой Аштаракъ родной...
Тамъ воздухъ чистъ, и небосклонъ
Сіяетъ голубой...

Кругомъ поля, какъ изумрудъ,
Душистые цвѣты...
И травы пышныя растутъ
Тамъ рѣдкой красоты.

Село родимое лежитъ
Надъ быстрою рѣкой.
Форель рѣзвится и шалитъ
Въ волнахъ ея порой...

Разлитъ волшебный ароматъ
Въ привѣтливыхъ садахъ,
И воды ласково журчатъ,
Что вдаль несетъ Касахъ.

Но мракъ невѣжества гнететъ
Тамъ робкіе умы,
И задыхается народъ
Подъ игомъ вѣчной тьмы!

Грущу я часто въ тишинѣ,
Красу твою любя...
О Аштаракъ! подобно мнѣ
Любилъ ли кто тебя?..

Когда весь міръ въ объятьяхъ сна,—
Какъ прежде, я томлюсь...
Въ полночный часъ душа грустна,—
Я за тебя молюсь.

5.

ИЗЪ ПОЭМЫ «СКОРБЬ ЛЕОНА».

Вотъ, съ улыбкой безпечной, веселой толпой
Предъ Леономъ проходятъ армянки...
Точно жалкая тѣнь передъ ихъ красотой
Блѣдный обликъ и взоръ сѣверянки!..

Пышны кудрей ихъ волны, и ростъ ихъ красивъ;
Всѣ дивятся ихъ чудному взгляду...
Не скрывай же, о юноша, страстный порывъ,
Дай вѣнокъ имъ лавровый въ награду!

Черныхъ, нѣжныхъ очей ихъ плѣнителенъ взглядъ,—
Въ нихъ то ночь, то заря вдругъ заблещетъ...
Какъ цвѣтущія розы, ихъ щеки горятъ,
И пылаетъ лицо, и трепещетъ...

Гдѣ поэтъ, чтобъ въ чарующей пѣснѣ своей
Ихъ на лирѣ воспѣлъ вдохновенной?..
Гдѣ та кисть, чтобъ могла чудный взоръ ихъ очей
Возсоздать въ красотѣ несравненной?..

О, Эллада, счастливый, сіяющій край!
Ты—страна красоты и блаженства!
Здѣсь ты нѣжнаго сердца отраду познай
И горячей любви совершенство!

О, Италія! Въ грезахъ къ тебѣ мы летимъ,
Ты—поэтовъ мечта золотая...
Но достался вѣнецъ твой лавровый другимъ,—
Скромнымъ дѣвамъ Кавказскаго края!..

Но любовь не всегда торжествуетъ въ груди,—
Сердце жаждетъ, забывъ увлеченье,
Въ юныхъ дѣвахъ народности проблескъ найти,—
И его безуспѣшно стремленье!..

Всюду чуждый языкъ, всюду чуждая рѣчь...
О, армянки! Презрѣвъ все родное,
Вы рѣшились роднымъ языкомъ пренебречь
И принять воспитанье чужое!..

Иль слаба и бѣдна рѣчь армянской земли,
Чтобъ излить вамъ мечтанья и муки?
Нѣтъ, и въ ней есть слова увлеченья, любви,
Есть отрадные, нѣжные звуки!

Пышно вы расцвѣли... Но въ армянскій народъ
Не вдохнете вы счастья и жизни!
Въ жены русскій, татаринъ, грузинъ васъ возьметъ,
И забудете вы объ отчизнѣ!

Суетливо, безцвѣтно пройдутъ ваши дни...
Нѣтъ вамъ счастья и нѣтъ утѣшенья!
Слыша горькій укоръ вашей прежней земли,
Вы свое проклянете рожденье!

И прійдутъ къ вамъ пѣвцы безпріютные въ домъ...
Они скажутъ вамъ: «О, помогите!
Мать-Арменія страждетъ въ несчастьѣ своемъ»...
«Васъ не знаемъ!» отвѣтъ вы дадите.

Ни горячія слезы молящихъ людей,
Ни страны беззащитной терзанья
Не зажгутъ въ вашемъ сердцѣ къ отчизнѣ своей
И къ народу—огонь состраданья!..

Но умѣли армянки отчизну любить
Въ старину беззавѣтной любовью
И, безстрашно борясь, ея раны омыть
Непорочною, чистою кровью.

Съ сладкозвучнымъ бамбирномъ, на битву съ врагомъ
Шли отважно армянскія дѣвы.
Изъ груди молодой, осѣненной крестомъ,
Полились боевые напѣвы...[1]

Когда персъ горделивый армянской странѣ
Сталъ готовить позоръ, разрушенье,
Съ крикомъ «гибель врагамъ» понеслись на конѣ
Благородныя дѣвы въ сраженье!

[1] По свидѣтельству историка Елисея (Егише), армянскія женщины, во время борьбы съ персами, въ V в., участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ и выказали много доблести. Бамбирнъ—народный музыкальный инструментъ.

Позабывъ о дѣвическихъ нѣжныхъ мечтахъ
И надежду на бракъ отвергая,
Лишь къ народу, къ странѣ сохранили въ сердцахъ
Онѣ пламя любви, умирая!

И остались въ тѣ дни въ запустѣньѣ, въ пыли
Ложа юныхъ супругъ; ожиданье
Не сбылось; ихъ мужья—не вернулись они;
Грозный врагъ ихъ обрекъ на страданье!

Наступила весна... Пышно роза цвѣла...
Вновь безпечно толпа веселилась...
Въ юныхъ вдовахъ тоска умереть не могла,
И любовь неизмѣнно таилась.

Проходили года... Съ безутѣшной душой
Горевали онѣ объ отчизнѣ,—
И заснули навѣкъ, не разставшись съ тоской
До заката страдальческой жизни.

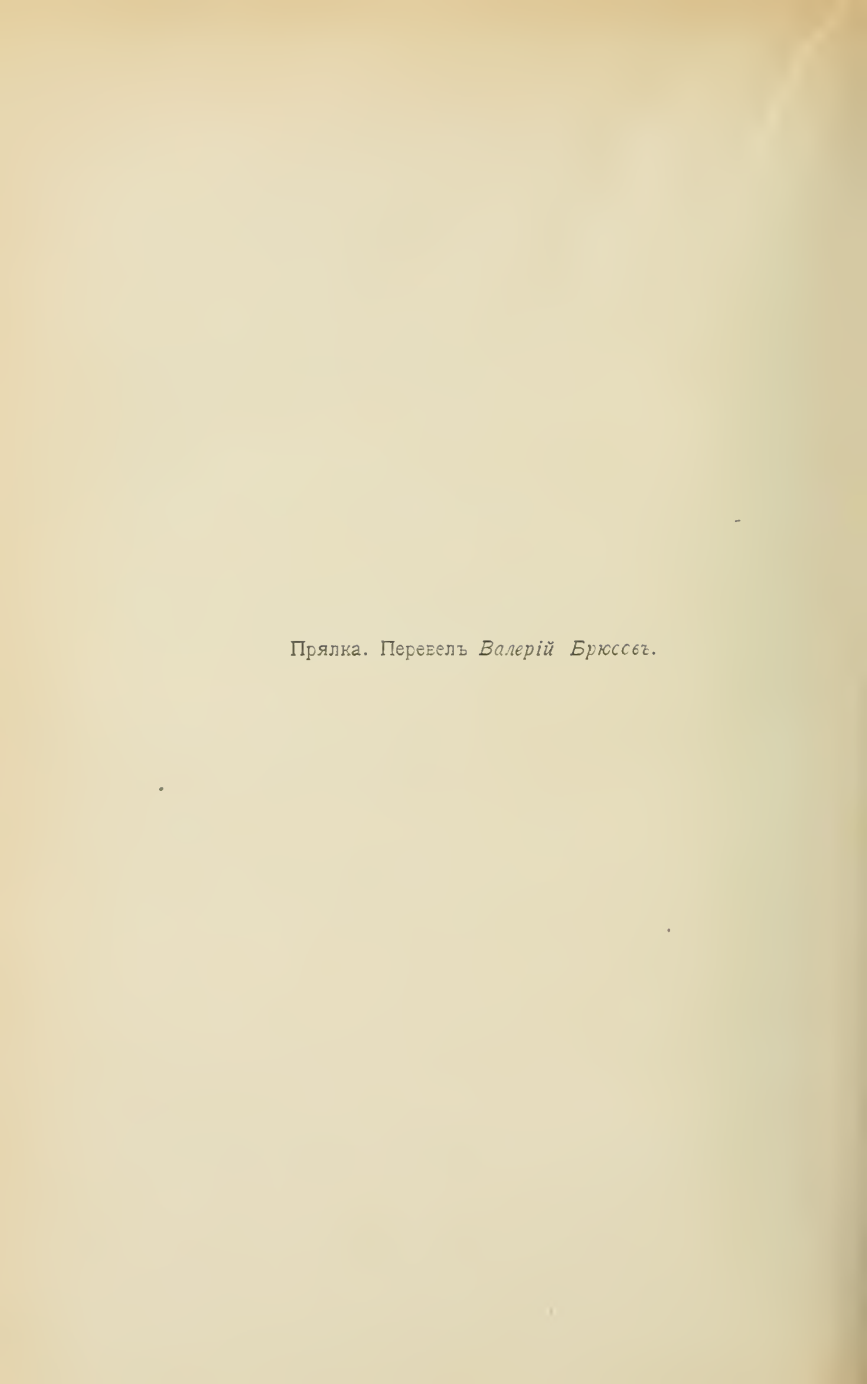
На поляхъ Аварайра ихъ кости легли...[1]
Вскорѣ люди, придя, увидали:
Надъ могилой ихъ лиліи пышно цвѣли,
И фіалки на ней расцвѣтали...

Пусть вѣнчаютъ ихъ лавры за подвигъ святой!
Пусть, отдавшись мечтамъ вдохновеннымъ,
Ихъ почтитъ патріотъ благодарной слезой!..
Вѣчный миръ ихъ останкамъ священнымъ!..

[1] Битва при Аварайрѣ—та, въ которой палъ національный армянскій герой Варданъ Мамиконьянъ со всей своей ратью (см. выше, стр. 271).

ГАЗАРОСЪ АГАЯНЪ.

1840—1912 Г.

Прялка. Перевелъ *Валерій Брюссвъ*.

ПРЯЛКА.

Прялка, ты вертись, вертись,
Бѣлую кудель пряди,
Нитка толстая тянись:
Нуждъ не мало впереди!

Масло я влила въ ушки,
Прикрѣпила рукоять;
Ну, пряди, пряди мотки,
Двигай крыльями опять!

Прялка, ты вертись, вертись,
Колесо свое вращай,
Нитка толстая тянись:
Веретена оплетай!

Тиграникъ мой къ пастуху
Ходитъ въ поле босикомъ,
Габріэлъ продалъ чуху,
Плачетъ ночью, плачетъ днемъ. [1]

Прялка, ты вертись, вертись,
Бѣлую кудель пряди,
Нитка толстая тянись:
Нуждъ не мало впереди!

Ни мѣшка нѣтъ, ни ремня,
Ни веревки, ни сумы;

[1] Тиграникъ и Габріэлъ—имена (сына и мужа героини романа, изъ котораго взята пѣсня). Чуха—верхняя одежда.

Не бывало прежде дня,
Чтобы такъ нищали мы!

Ахъ, невѣстой я ткала
И паласы[1] и ковры;
Замужъ вышла,—продала
Даже войлокъ съ той поры!

Красный день мой почернѣлъ,
Тотъ пришелъ, кто въ долгъ давалъ;
Съ чернымъ сердцемъ, что̀ хотѣлъ,
Все унесъ, все отобралъ.

Прялка, ты вертись, вертись,
Бѣлую кудель пряди,
Нитка толстая тянись:
Нуждъ не мало впереди!

[1] Паласъ—родъ ковра.

ІОАННЕСЪ ІОАННИСІАНЪ.

1864 Г.

1. Рожденіе Ваагна. Перевелъ *Вячеславъ Ивановъ.*
2. «Умолкли навсегда...» Перевелъ *К. Д. Бальмонтъ.*
3. Новая весна. Перевелъ *Ю. Верховскій.*
4. Зерно. Перевела *Е. Сырейщикова.*
5. «Аразъ течетъ, волной бія...» Перевелъ *В. Шершеневичъ.*
6. «Снѣгъ засыпалъ всѣ пути...» Перевелъ *А. Глоба.*
7. «Будь молчаливо, сердце!..» Перевелъ *Ю. Верховскій.*
8. «Дѣва-роза, подсйди...» Перевелъ *Вячеславъ Ивановъ.*
9. «Онъ лежалъ на холодной постели...» Перевелъ *К. Липскеровъ.*
10. Сонетъ. Перевелъ *В. Спасскій.*
11. «Все впередъ, все наверхъ!» Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*
12. Легенда о царѣ Арташесѣ. Перевелъ *онъ же.*

1.

РОЖДЕНІЕ ВААГНА.[1]

Мучились мукой родинъ
Нѣдра небесъ и земли,
Лона пурпурныхъ глубинъ,
Красный тростникъ на мели.

Зыблется заросль курящихся жерлъ;
Пламя змѣится изъ тоненькихъ горлъ;
Змѣйки склубились—и вспыхнулъ тростникъ;
Море зардѣлось пурпурнымъ пожаромъ:
Въ жаркомъ вѣнцѣ, въ велелѣпіи яромъ
Юный Ваагнъ изъ пучины возникъ!
Огнь—волоса;
Солнца—глаза;
Ликъ опушенъ пламенѣющимъ пухомъ;
Дышатъ уста огневѣющимъ духомъ.

Бурнаго моря пурпурный прибой
Ходитъ, и хлещетъ, и берегъ разитъ.
Юноша рѣетъ надъ нимъ огневой,
Огненной пасти разверстой грозитъ.
Вѣтры, не дуйте! Родился Ваагнъ!
Волнъ не бичуйте!.. И взвился Ваагнъ.
Конь подъ Ваагномъ—крылатый огонь!
Гривой взмахнулъ—и въ поднебесьѣ конь!

[1] Ваагнъ—божество армянской миѳологіи (см. Примѣчанія къ этому стихотв.) Айастанъ—Арменія.

Солнце, кто мчится, слѣпительный, ввысь?
Ликъ покрываломъ прикрой, и затмись!
Ты ль предъ Ваагномъ склониться не радъ,
Сынъ исполиновъ, сѣдой Араратъ?
Звону пучины, небесъ и земли,
Чаша страданій, край отчій, внемли,
Многодраконный, родной Айастанъ:
Солнцемъ спасенья ты днесь осіянъ!

2.

Умолкли навсегда временъ былыхъ народы,
Родились новые народы въ смѣну имъ;
И съ пальмой нѣжною зиждительной свободы
Склонилось счастіе къ народамъ молодымъ.

И слава прадѣдовъ, забрезжившш звѣздою,
Роняетъ имъ свой лучъ и свѣтомъ гонитъ зло;
И добытый трудомъ, печалью и борьбою,
Вѣнокъ безсмертія вѣнчаетъ ихъ чело.

Лишь только ты одна, Арменія родная,
Лежишь, какъ трупъ живой; мнѣ горестно взглянуть:
Въ цѣпяхъ тоскуешь ты, прекрасный ликъ склоняя,
Разметана твоя истерзанная грудь.

Изъ-подъ твоихъ руинъ не глянетъ вѣтвью новой
Зеленый миртъ любви,—спасенія символъ;
Возложенъ на тебя тоски вѣнецъ терновый,
Вѣнецъ нѣмыхъ скорбей и вѣковѣчныхъ золъ!

Но нѣтъ, ты не умрешь! Я вѣрю въ обновленье;
Оно должно прійти,—оно къ тебѣ придетъ!
Во мракѣ вѣковомъ горитъ звѣзда спасенья!
Проснися, близокъ часъ, о родина—онъ ждетъ!

Все то, что нѣкогда въ душѣ твоей боролось,
Пусть вспыхнетъ вновь! Воспрянь во прахѣ и пыли!
Хоть полумертвая, услышь, подай свой голосъ,—
Твои сыны придутъ со всѣхъ концовъ земли!..

3.

НОВАЯ ВЕСНА.

Ожидать тебя—кому же?
Ты зачѣмъ идешь, весна?
Воспѣвать тебя—кому же?
Тщетно ты идешь, весна!

Въ долахъ кровь стоитъ, какъ море,
Мракъ клубится на просторѣ:
Этотъ годъ принесъ намъ горе,
Ты куда идешь, весна?

Соловью запѣть, залиться—
Для кого? кому любиться?
Чье же сердце будетъ биться?
Тщетно ты идешь, весна!

Нѣтъ соловкѣ розы милой;
Вотъ цвѣтникъ—пустой, унылый;
Кто—безъ горести постылой?
Ты куда идешь, весна!

Птицъ твоихъ не сыщетъ стая
Гнѣздъ родныхъ, не узнавая
Изувѣченнаго края,
Тщетно ты идешь, весна!

У пѣвца уста закрыты;
Каманча и сазъ [1]—забыты;
Сердце жжетъ недугъ несытый,—
Ты куда идешь весна?

Ожидать тебя—кому же?
Тщетно ты идешь, весна!
Воспѣвать тебя—кому же?
Ты куда идешь, весна!

[1] Каманча и сазъ—музыкальные инструменты.

4.

ЗЕРНО.

Свѣтаетъ. На пашню пора поспѣшить,
Взрывать сошникомъ грудь покорныхъ полей.
Зерно, я землѣ дамъ тебя сохранить
До жаркаго лѣта, до солнечныхъ дней.

Съ тобой свое горе я сѣю, зерно!
Но Богъ повелитъ, и ты встанешь опять:
Умретъ подъ землей только горе одно,
А ты возвратишься меня утѣшать.

Предъ Матерью Бога съ молитвой склонясь,
Поставлю свѣчу, воскурю ѳиміамъ.
Чтобъ туча надъ нивой дождемъ пролилась,
Чтобъ милость Пречистой свѣтила хлѣбамъ.

Но если въ грѣхахъ я погрязъ безъ конца
И милости нѣтъ мнѣ,—я въ море тогда
Весь потъ обращу трудового лица,
Чтобъ жажды не знало зерно никогда!

Зерно, прорасти, зеленѣй, а потомъ
Покрой наши нивы волной золотой.
Тогда лишь въ ласкательномъ шумѣ твоемъ
Узнаетъ усталое сердце—покой!

5.

АРАЗЪ. [1]

Аразъ течетъ, волной бія,
Волной въ утесъ крутой бія.
Гдѣ схороню свою тоску,
О землю головой бія?

[1] Аразъ—рѣка (народное названіе Аракса).

Аразъ, твой валъ встаетъ сильнѣй!
Ты не видалъ ли яръ моей?
Мнѣ не достичь завѣтныхъ грезъ,
Такъ утоли тоску по ней!

Густѣютъ тучи надъ горой,
Одинъ грущу о дорогой,
И сожжена душа моя:
Что ждетъ ее,—молю,—открой!

Пишу письмо въ безсонный часъ
И слезы лью рѣкой изъ глазъ:
Заря еще не тронетъ волнъ,
Къ тебѣ снесу печаль, Аразъ!

На камень лучъ дневной упалъ,
Такъ въ сердце пламень злой упалъ;
Изъ черныхъ глазъ, съ бровей дугой
Мнѣ въ душу страхъ нѣмой упалъ.

Аразъ течетъ, волной бія,
Волной въ утесъ крутой бія.
Гдѣ схороню свою тоску,
О землю головой бія?

6.

Снѣгъ засыпалъ всѣ пути—
Ни проѣхать, ни пройти.
Ахъ, раскройся Алагязъ, [1]
Къ моей милой пропусти.

Путь мой тяжекъ, каменистъ.
Сердце сохнетъ, словно листъ.
Я безъ милой—на землѣ
Чужестранецъ, день мой мглистъ.

[1] Алагязъ—гора, расположенная противъ Арарата.

Видѣлъ милую: безъ сна
Горько плакала одна.
Дай дорогу, Алагязъ,—
Не идетъ ли тамъ она?

Что за птица тамъ, на пнѣ?..
Сердце точитъ кровь, въ огнѣ.
Черезъ горы бъ полетѣлъ
Къ милой, если бъ крылья мнѣ.

7.

Будь молчаливо, сердце! Тутъ
Намъ состраданья не найти:
Валы такихъ какъ мы несутъ,—
Чтобъ тотчасъ дальше унести.

И щепкой легкой по рѣкѣ
Несемся мы впередъ, впередъ.
Нѣтъ исцѣленія тоскѣ,
Никто на стоны не придетъ.

Будь молчаливо, сердце! Пусть,
Несчастью вѣрные вдвоемъ,
Мы наше горе, нашу грусть
До гроба въ тайнѣ донесемъ.

8.

Дѣва - роза, подойди
И плечомъ не поводи!
Свѣтлорусая рѣзвунья,
Хохотунья, подойди!

Ты, играя межъ кустовъ,
Набирая пукъ цвѣтовъ,

Сорвала съ цвѣтами сердце,
Запылавшее въ груди.

Синій взоръ, дугою бровь!
Унесла мою любовь:
Соловьемъ я сталъ надъ розой...
Дѣва-роза, подойди!

9.

Онъ лежалъ на холодной постели
И вздыхалъ и внималъ онъ, какъ звонко
Буря выла и вихри шумѣли
И стонали стенаньемъ ребенка.

Мракъ чернѣлъ въ одинокомъ оконцѣ...
Онъ, простертъ на холодной постели,
Воздыхалъ о пылающемъ солнцѣ,
И стоналъ онъ, и вихри шумѣли.

10.

НАДЪ РУЧЬЕМЪ.

Сонетъ.

На берегу журчащаго ручья,
Весеннимъ днемъ, въ раздумьи я сидѣлъ,
И, съ изумленьемъ, скорбно, я глядѣлъ,
Какъ быстро мчится мутная струя.

Букетъ въ рукѣ своей я растрепалъ,
Бросая въ воду за цвѣткомъ цвѣтокъ,
И мутныхъ водъ опѣненный потокъ
Ихъ, безвозвратно, дальше-дальше мчалъ.

Глядя на воду, я шепталъ безъ словъ:
«Вы дни мои влечете: Жизнь и ты,
Какъ мутный ручеекъ влечетъ цвѣты!

Вдали исчезнетъ, какъ букетъ цвѣтовъ,
Рой свѣтлыхъ грезъ, лелѣянныхъ въ тиши,
И степью станетъ прежній рай души!»

11.

Все впередъ, все наверхъ! безконеченъ мой путь,
Истомилися руки, о гдѣ же конецъ?
Гдѣ удастся колѣнамъ моимъ отдохнуть?
Все впередъ, все наверхъ, непреклонный боецъ!

Пусть твердѣютъ уступы нахмуренныхъ горъ,
Пусть грознѣй предвѣщаютъ стремнины—конецъ,
Есть дыханье въ груди, и ногамъ есть упоръ,
Все впередъ, все наверхъ, неустанный боецъ.

Пусть далеко вершина, свѣтла и чиста,
Пусть еще не сегодня страданьямъ конецъ,
Завтра будетъ навѣрно побѣда взята.
Все впередъ, все наверхъ, вдохновенный боецъ!

12.

ЦАРЬ АРТАВАЗДЪ.

ЛЕГЕНДА. [1]

Бей молотомъ по наковальнѣ, кузнецъ!
Бей молотомъ: звенья да крѣпнутъ цѣпей!
Врага ненавистнаго звенья цѣпей!
Бей молотомъ по наковальнѣ, кузнецъ!

[1] Легенда говоритъ, что царь Артаваздъ, въ оковахъ, заключенъ въ пропасти Арарата; вѣрные псы грызутъ цѣпи царя, но разъ въ году, въ страстную пятницу, кузнецы ударяютъ молотами, и оковы вновь крѣпнутъ; выйдетъ же на волю плѣнный царь лишь въ послѣдній день міра, чтобы внести гибель и разрушеніе. См. примѣчанія

Угрюмыя тучи пришли, собрались;
Сѣдого Масиса[1] чело облекли.
И буря реветъ, словно звѣри сошлись,
Сзиститъ, стонетъ, буйствуетъ вѣтеръ вдали.

Бей молотомъ! ну! Дикій ревъ повторя,
Ужасные вопли изъ бездны звучатъ:
И молнія блещетъ со взоровъ царя,
И искры отъ гнѣва высоко летятъ!

Онъ, мстительный, хочетъ вернуться опять,
Чтобъ ядъ смертоносный страданій своихъ
По лону земли безъ конца разливать,—
Но крѣпко онъ стиснутъ въ цѣпяхъ роковыхъ.

Пусть вѣрные псы тѣ оковы грызутъ,
Грызутъ безпрестанно оковы царя,—
Страданья твои, Артаваздъ, не пройдутъ,
Послѣдняя въ мірѣ—далеко заря!

Твоей обезсиленной злобы порывъ
Подъ молотомъ нашимъ опять упадетъ!
Мы вѣримъ: нашъ край еще будетъ счастливъ,
И грѣшный народъ еще благо найдетъ!

Но, если будемъ подобны камнямъ,
Разслышать не сможемъ призывовъ души,—
Спасенья купель не откроется намъ:
Нашъ молотъ тогда, Артаваздъ, сокруши!

Когда перестанемъ мы молотомъ бить,—
Вы, псы, разгрызите желѣзо оковъ:
Пора наступила—царя отпустить,
Онъ ринется въ міръ, и жестокъ и суровъ...

Но, нѣтъ! не пришла роковая пора!
Намъ съ новаго неба затеплился свѣтъ!

[1] Масисъ—Араратъ.

То—радуги, въ семь переливовъ, игра:
Свободной и свѣтлой судьбины завѣтъ!

Бей молотомъ, бей неустанно, кузнецъ!
Бей молотомъ, звенья да крѣпнутъ цѣпей!
Царя ненавистнаго тяжесть цѣпей!
Бей молотомъ по наковальнѣ, кузнецъ!

АЛЕКСАНДРЪ ЦАТУРІАНЪ.

1865 Г.

1. «Не я пою...» Перевелъ *Л. Уманецъ.*
2. Ручей. Перевелъ *К. Бальмонтъ.*
3. Пѣсня. Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*
4. «Мрачна, темна душа моя...» Перевелъ *Ив. Бунинъ.*
5. Пѣсня странника. Перевелъ *Ю. Балтрушайтисъ.*
6. Пѣсня о разсвѣтѣ. Перевелъ *онъ же.*
7. «Помню я...» Перевелъ *Ю. Верховскій.*
8. «Мой милый сынъ, ты слезъ не лей...» Перевелъ *Н. Ашукинъ.*
9. «Ребенка видѣлъ я...» Перевелъ *Л. Уманецъ.*
10. Рыбакъ. Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*

1.

Не я пою... Въ печальныхъ пѣснопѣньяхъ
Страдалецъ, злой судьбой безжалостно гонимъ,
Тоскуетъ предъ людьми и о своихъ мученьяхъ,
О ранахъ сердца онъ разсказываетъ имъ.

Не я пою... Стиховъ страдальческіе звуки
Мой братъ тоскующій, измученный поетъ;
Въ нихъ вздохи слышатся многовѣковой муки,—
То о судьбѣ своей рыдаетъ мой народъ!

Не я пою... Въ стихахъ—печаль и горе міра;
Скорбятъ невинныя, святыя жертвы зла...
Приноситъ жалобы страдальческая лира...
Правдивымъ небесамъ на темныя дѣла.

2.

РУЧЕЙ.

Что ты плачешь, прозрачный, журчащій ручей?
Пусть ты скованъ цѣпями суровой зимы,—
Скоро вспыхнетъ весна, запоешь ты звончѣй
На зарѣ, подъ покровомъ нѣмой полутьмы!

И, свободный отъ тяжкихъ, холодныхъ оковъ,
Ты блеснешь и плеснешь изумрудной волной,—
И на твой жизнерадостный, сладостный зовъ
Вольный откликъ послышится въ чащѣ лѣсной.

И, подъ шелестъ листка, вѣтерка поцѣлуй
Заволнуетъ твою бѣлоснѣжную грудь,
И застѣнчивымъ лиліямъ въ зеркало струй
На себя будетъ любо украдкой взглянуть.

Вся земля оживится подъ лаской лучей,
И безслѣдно растаютъ оковы зимы...
Что жъ ты плачешь, скорбящій, звенящій ручей?
Что жъ ты рвешься такъ страстно изъ темной тюрьмы?..

3.

ПѢСНЯ.

Желанный май, зеленый май!
Какъ мнѣ привѣтствовать тебя?
Ты кровь и плачъ принесъ въ нашъ край,
И пѣть не въ силахъ я, скорбя.

Я пѣлъ, живой тоской объятъ,
Тебѣ хвалу, за днями день,
Когда твой сладкій ароматъ
Будилъ въ горахъ и долахъ лѣнь.

Настроивъ лиру, пѣлъ бодрѣй,
Когда свѣтлѣли дали грезъ,
Я пѣлъ, какъ въ рощахъ соловей,
Когда нашъ край былъ полонъ розъ.

Но что теперь споютъ мечты,
Какъ мнѣ привѣтствовать тебя?
Шипами стали всѣ мечты,
И пѣть не въ силахъ я, скорбя.

Дома у насъ—руины, прахъ,
Померкли радостные дни,
Надежды обратились въ страхъ,
И горе—въ океанъ, взгляни!

Братъ-армянинъ! Подъ мракомъ тучъ
Не вижу твоего лица,
Твой долгій плачъ—унылъ и жгучъ,
И все же мукамъ нѣтъ конца.

Желанный май, зеленый май,
Какъ мнѣ привѣтствовать тебя?
Ты скорбь и кровь принесъ въ нашъ край,
И пѣть не въ силахъ я, скорбя.

4.

Мрачна, темна душа моя!..
Измученъ безнадежнымъ горемъ,
На берегъ моря вышелъ я—
Тоскою подѣлиться съ моремъ.

О, безпредѣльной зыби даль!
Ты тоже мечешься бушуя,
Тебѣ сродни моя печаль,
Ты ропчешь, какъ и я, тоскуя.

Внемли же мнѣ, поплачь со мной
И отзовись на голосъ друга!
Быть можетъ, сблизившись душой,
Мы позабудемъ боль недуга.

Иль пусть, какъ сестры навсегда
Печали наши и томленья
Въ волнахъ исчезнутъ безъ слѣда,
И тамъ найдутъ покой забвенья.

Мрачна, темна душа моя!
Измученъ безнадежнымъ горемъ,
На берегъ моря вышелъ я—
Тоскою подѣлиться съ моремъ!..

5.

ПѢСНЯ СТРАННИКА.

Чужое небо, свѣтъ чужой,
Вашъ свѣтъ надъ сирою главой,
Какъ ни великъ... вы въ бѣгѣ дня—
Какъ ночь глухая для меня.

Весь—жажда, я гляжу на васъ
Въ слезахъ, и скованъ каждый часъ
Мой сирый часъ, въ пустынѣ дней,
Тоской по родинѣ моей.

Я всѣмъ пожертвовать готовъ
За ту лазурь, тотъ Божій кровъ,
Гдѣ съ малолѣтства въ тишинѣ
Свѣтило ярко солнце мнѣ.

Въ безпечности страны родной,
Гдѣ тѣнь отрадна, сладокъ зной,
Гдѣ даромъ началъ я свой вѣкъ
И росъ и цвѣлъ какъ человѣкъ.

И какъ забыть мнѣ въ смѣнѣ лѣтъ
Родныхъ долинъ волшебный свѣтъ?
Дающій жизнь просторъ земли?
Журчанье водъ, вблизи, вдали?

Какъ мнѣ забыть сверканье горъ,
Весь вешній благостный просторъ,
Гдѣ я порхалъ средь божьихъ нивъ,
Какъ мотылекъ, весь міръ забывъ?

Гдѣ слышалъ и, любя всегда,
Рѣчь братьевъ, плѣнниковъ труда,
Ихъ плачъ, ихъ смѣхъ, и юныхъ дѣвъ
Живой, хоть жалобный напѣвъ?

Чужое небо, свѣтъ чужой,
Вашъ блескъ надъ сирою главой
Какъ ни великъ... вы въ бѣгѣ дня—
Какъ сумракъ ночи для меня.

6.

ПѢСНЯ О РАЗСВѢТѢ.

Нѣтъ, струнъ моей души, малютка, не тревожь—
Звонъ сладостныхъ молитвъ умолкъ въ ихъ строѣ;
Въ годину бѣдствій—въ сердцѣ только дрожь
И сѣтуетъ душа, какъ море грозовое.

Родная жизнь, какъ стебель камыша,
Колеблется во мглѣ надеждъ неясныхъ
И смотритъ въ даль, усталостью дыша,
Какъ странница въ пустынѣ горъ безгласныхъ...

Когда же мы придемъ сквозь боль вѣковъ
Къ той пристани безбольной всѣхъ алканій,
Гдѣ намъ сверкнетъ, раскинувъ синій кровъ,
Просторъ небесъ, ликующій безъ грани?..

Нашъ путь—во мглѣ, безмѣренъ древній гнетъ,
Поитъ сердца и думы лишь ненастье...
И ветхою часовней въ мірѣ ждетъ
Родная жизнь молитвы тихой счастья...

Нѣтъ, струнъ моей души, малютка, не тревожь—
Пѣвучихъ словъ любви ты жаждешь тщетно!
Въ ночь рабскихъ пытокъ, вся тоска и дрожь
Въ моей душѣ—одинъ напѣвъ разсвѣтный...

7.

Помню я скромный домишко родной,
Въ дальнемъ кварталѣ, въ проулкѣ глухомъ,
Гдѣ, словно въ ласковой люлькѣ весной
Былъ я согрѣтъ материнскимъ крыломъ.

Тамъ былъ я пестуномъ нѣжнымъ хранимъ—
Деревомъ тутовымъ милымъ моимъ.

Вѣтви раскинувъ надъ ветхой избой,
Било по кровлѣ оно подъ грозой.

Тамъ у пылавшаго жарко огня
Мать обнимала, ласкала меня:
Стлала—видѣніемъ свѣтлымъ въ лучахъ—
Розы любви на сыновьихъ устахъ.

Скорби моей о тебѣ не забыть—
Домикѣ отчемъ, убогомъ моемъ,
Гдѣ могъ я жизнь прожурчать—не прожить—
Горнымъ, серебрянымъ, свѣтлымъ ручьемъ.

8.

Мой милый сынъ, ты слезъ не лей,
Что смолкло сладкое баю,—
Надъ колыбелью я твоей
Великой битвы пѣснь пою...

Пусть наша пѣснь—напѣвъ святой
Волнуетъ вѣчно грудь твою,
Ты сонныхъ глазокъ не закрой,
Внимай и слушай—пѣснь пою.

Ты слышишь—всюду по дворамъ
Бряцанье, лязгъ и плачъ и стонъ:
То—наша кровь струится тамъ,
Ей каждый камень напоенъ.

И слиты въ грозную волну,
Полки рабочихъ тамъ идутъ,
Труда и золота войну,
Неустрашимые, ведутъ.

Владыка-злато тамъ, съ лицомъ
Суровымъ, какъ у палача,
На хлѣбъ, отравленный трудомъ,
Заноситъ тяжкій взмахъ меча.

Тамъ наши дѣти, тамъ—отцы
Иной и новой жизни ждутъ
И, какъ герои и бойцы,
Смерть обнимаютъ и поютъ.

И пѣснь та грозная гремитъ
Въ рядахъ сплотившихся бойцовъ,
Какъ наводненіе съ горъ бѣжитъ,
Какъ въ тучахъ голоса громовъ.

Тамъ и надежда наша, онъ—
Нашъ яркій лучъ надъ очагомъ—
И твой отецъ, душой смущенъ,
Въ груди съ отравой и огнемъ...

Мой милый сынъ, ты слезъ не лей,
Что смолкло сладкое баю,—
Надъ колыбелью я твоей
Великой битвы пѣснь пою.

9.

Ребенка видѣлъ я, какъ съ радостной улыбкой
Онъ къ розѣ подбѣжалъ,
Но укололся онъ шипомъ на вѣткѣ гибкой
И горько зарыдалъ.

Такъ я, красавица, въ порывѣ страсти нѣжной
Любви твоей искалъ,
Но встрѣченъ былъ тобой съ холодностью небрежной
И горько зарыдалъ...

10.

РЫБАКЪ.

— «Что ты спѣшишь къ волнѣ ревучей,
Рыбакъ! гдѣ у тебя глаза?

Смотри: чернѣя, всходятъ тучи
На голубыя небеса.

Чу! громъ вдали грохочетъ строго,
Весь кругозоръ—сурово дикъ.
Смотри: и море понемногу
Наморщило свой ясный ликъ!

— «Эхъ, баринъ! Не велико горе!
Вѣдь берегъ—колыбель моя.
Все дѣтство я провелъ на морѣ,
Дарами моря вскормленъ я.

Пусть много сердце повстрѣчало
На морѣ бурь, какъ въ жизни бѣдъ:
Меня волна, какъ мать, качала,
И въ морѣ новаго мнѣ нѣтъ.

Отецъ былъ у меня,—въ пучинѣ
Погибъ, въ глухую ночь пропалъ:
Всѣ братья спятъ подъ зыбью синей,
Друзей пожралъ сердитый валъ.

Жизнь хороша. Но, съ Рокомъ споря,
Зачѣмъ отъ смерти убѣгать?
Намъ хлѣбъ даютъ просторы моря,
И въ морѣ будетъ сладко спать!»

Сказалъ, и смѣло весла двинулъ,
Направилъ, съ громкой пѣсней, челнъ,
И малой точкой въ даляхъ сгинулъ,
Рубя громады черныхъ волнъ.

ОВАННЭСЪ ТУМАНЬЯНЪ

1869 Г.

1. Перевалъ. Перевелъ *Вячеславъ Ивановъ.*
2. Пахарь. Перевелъ *онъ же.*
3. «Съ горныхъ высей стремится ручей...» Перевелъ *К. Бальмонтъ.*
4. Армянское горе. Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*
5. Экспромптъ. Перевелъ *онъ же,*
6. Лампада Просвѣтителя. Перевелъ *онъ же.*
7. Голубиный скитъ. Перевелъ *Вячеславъ Ивановъ.*
8. Сердце дѣвы. Перевелъ *онъ же.*
9. Анушъ. (Лирическая поэма въ шести пѣсняхъ съ Прологомъ и Эпилогомъ.) Перевелъ *онъ же.*
10. Капля меда. Сказка. Перевелъ *В. Ходасевичъ.*

1.

ПЕРЕВАЛЪ.

Съ младенчества тропою вверхъ прямой
    Я неуклонно
    Иду на лоно
Святынь,—хоть ихъ не знаетъ разумъ мой.

Съ младенчества обрывистой тропой
    По кручѣ горной
    Иду, упорный,—
И вотъ, нашелъ на высотахъ покой.

Покинулъ я внизу, въ глубокой мглѣ,
    Почетъ, богатство,
    Зависть, злорадство—
Все, что гнететъ свободный духъ къ землѣ.

И вижу я (прозрачна даль въ горахъ)
    Съ моей вершины,—
    На днѣ долины
Какъ просто все, и пусто! Душный прахъ!

Легка сума; въ пути я не усталъ.
    Пѣсней и смѣхомъ
    Играю съ эхомъ—
И весело схожу за перевалъ.

2.

ПАХАРЬ.

Плугъ, забирай! Ну, ну, волы!
Дотянемъ понемногу
Къ полудню вонъ до той скалы,—
Господь намъ будь въ подмогу!

Дай силы, Боже, ихъ плечамъ!..
Свернемъ-ка глыбу, ну же!
Хлестни ихъ, мальчикъ!.. Чернымъ днямъ
Конца нѣтъ. Жить все туже.

Не выйти изъ долговъ по-гробъ:
Сосѣдъ пошелъ судиться;
Задаромъ пѣлъ молебенъ попъ,—
Проклясть теперь грозится.

Да недоимки не малы;
Намедни тожъ раскладку
Затѣяли... Ну, ну, волы!
Дерите землю-матку!..

Долги плати, семью корми,
Повинность справь... А хата
(Эй, парень!)—голыми дѣтьми
Да голодомъ богата.

Плугъ, забирай! Ну, ну, волы!
Дотянемъ понемногу
Къ полудню вонъ до той скалы,—
Господь намъ будь въ подмогу!

3.

Съ горныхъ высей стремится ручей;
Ниспадая, о камни онъ бьется,
И журчитъ, и ворчитъ, и смѣется,
И звенитъ подъ сіяньемъ лучей.

Сочетанію радостныхъ звуковъ
Лѣсъ кругомъ слабый отзвукъ даетъ;
Такъ старикъ еле внятно поетъ,
Слыша звонкое пѣніе внуковъ.

Но безмолствуетъ вѣчный утесъ;
Наклонившись громадой угрюмой,
Онъ охваченъ загадочной думой,
Онъ исполненъ невѣдомыхъ грезъ...

4.

АРМЯНСКОЕ ГОРЕ.

Армянское горе—безбрежное море,
Пучина огромная водъ;
На этомъ огромномъ и черномъ просторѣ
Душа моя скорбно плыветъ.

Встаетъ на дыбы иногда разъяренно
И ищетъ, гдѣ брегъ голубой:
Спускается въ глубь, иногда утомленно
Въ бездонный глубокій покой.

Но дна не достигнетъ она въ этомъ морѣ,
И брега вовѣкъ не найдетъ.
Въ армянскихъ страданьяхъ—на черномъ просторѣ
Душа моя скорбью живетъ.

5.

ЭКСПРОМПТЪ

ПЕРЕДЪ КАРТИНОЙ АЙВАЗОВСКАГО.

Возставъ, въ океанѣ, неистовость водъ
Тяжелыми всплесками бьетъ до высотъ,
Подъ яростный ревъ строитъ призраки горъ,
И буря—безбрежный, безгранный просторъ

Одѣваетъ, какъ въ дымъ,
Дуновеньемъ своимъ.

«Ни съ мѣста!» воскликнулъ,—палитра въ рукахъ,—
Старикъ чародѣй,—и взмутившійся прахъ
Покоренъ, заслышавши генія зовъ,
И, въ бурю, безмолвно громады валовъ
Вотъ стоятъ, какъ во снѣ,
На его полотнѣ.

6.

ЛАМПАДА ПРОСВѢТИТЕЛЯ.[1]

Лампада въ полночь, межъ свѣтилъ,
Виситъ блистая, въ небесахъ,
Что Просвѣтитель утвердилъ
Въ армянскихъ темныхъ небесахъ.

Хоть безъ веревки взнесена
Надъ Арагацомъ высоко,
Съ престола вышняго она
Міръ озаряетъ далеко.

И теплится столѣтій рядъ,
Неугасима въ смѣнѣ дней:
Святого слезы въ ней горятъ,—
Благоухающій елей.

Рукѣ людей не досягнуть
До той безсмѣтной высоты,
Ее и вѣтру не задуть,
Бродягѣ—вихрю темноты.

Когда нашъ дивный край лежитъ
Подъ чернымъ мракомъ безъ конца,

[1] Легенда разсказываетъ, что на высотѣ горы Арагаца (Алагяза) горитъ таинственная лампада, возженная Григоріемъ, просвѣтителемъ армянъ. Свѣтъ этой лампады зримъ только для чистыхъ сердцемъ.

Когда унылый страхъ томитъ
Людскія слабыя сердца;

Тотъ, кто невиненъ, въ комъ любовь,
Кто твердой вѣрой осіянъ,
Кто бодро ждетъ, что вспыхнетъ вновь
День лучезарный для армянъ,

Взглянувъ на небо, видитъ тотъ,
Что вѣчный свѣточъ тамъ повисъ,
Какъ око Господа,—съ высотъ
Глядящее на землю внизъ!

7.

ГОЛУБИНЫЙ СКИТЪ.[1]

Ленкъ-Тимуръ пришелъ—изувѣръ, палачъ;
Съ нимъ—огонь и мечъ, съ нимъ—тугá и плачъ;
Не узломъ сдавилъ насъ удавъ-драконъ,—
Наше племя врагъ полонилъ въ полонъ.
На прибрежьѣ, гдѣ дышитъ мглой Сэванъ,
У озерныхъ струй онъ разбилъ свой станъ—
Тамъ, гдѣ, къ Богу силъ воскрылясь душой,
Сторожитъ нашъ край монастырь святой.

Въ тѣ поры въ скиту—опекунъ армянъ—
Преподобный жилъ схимонахъ Ованъ,
День и ночь молясь за родной народъ,
За крещеный людъ, за невѣрный родъ.
Какъ прозналъ Ованъ изъ затворныхъ стѣнъ
Злыхъ Татаръ набѣгъ, христіанскій плѣнъ,
Осерчалъ зѣло, затужилъ вельми,
Что владѣетъ такъ Сатана людьми.
Не скончалъ молитвъ сѣдовласый мнихъ,
Хвать за жезлъ—и вонъ изъ воротъ святыхъ.
Бормоча, идетъ, куда путь ведетъ,
Въ забытьи—на гладь бирюзовыхъ водъ:
Заплескалъ Сэванъ, но сѣдой росой
Доплеснуть не смѣлъ до ступни босой.

Какъ увидѣлъ то басурманскій князь,
Хилымъ быліемъ задрожалъ, склонясь,

[1] Поэтъ обработалъ народную легенду, относящуюся къ нашествію Тамерлана (Ленкъ-Тимуръ). Сэванъ—озеро.

Завопилъ, завылъ съ высоты крутой:
«Не гнѣвись, вернись, человѣкъ святой!
Съ миромъ въ домъ вернись!» Такъ взмолился ханъ;
Повернулъ стопы въ монастырь Ованъ.
Чуть на брегъ сухой оперся жезломъ,
Бьетъ угоднику супостатъ челомъ:
«Ты бери съ меня, что велишь, старикъ:
Золоту казну, аль на власть ярлыкъ!»
— «Не купить меня ярлыкомъ, казной:
Отпусти, отдай мнѣ народъ родной!
Пусть, куда хотятъ, безъ помѣхъ идутъ,
Пѣсню вольную житія поютъ!
Аль въ поднебесьи ужъ простора нѣтъ
Птицамъ Божіимъ? Али тѣсенъ свѣтъ?»
Лиходѣй въ отвѣтъ: «Столько душъ отдамъ,
Сколько душъ войдетъ въ монастырскій храмъ.
Ну, ступай, старикъ, да не помни зла!»
И велѣлъ тотчасъ съ одного крыла
Заходить толпѣ полоненной въ скитъ:
Столькимъ вольнымъ быть, сколькихъ храмъ вмѣститъ.

Стража грозная отъ заставъ ушла;
Потянулся людъ, что рѣка текла,
За святымъ вослѣдъ чрезъ одно крыло:
За сто тысячъ ихъ въ малый скитъ вошло,—
Не наполнился и одинъ притворъ.
Удивляется басурманскій воръ
Диву дивному, сторожамъ кричитъ,
Новыхъ плѣнниковъ отпускать велитъ.
Тучей людъ валитъ, въ церковь вваливаетъ,—
За тму темъ число переваливаетъ:
Все не полонъ скитъ, все гостей зоветъ;
А людской потокъ плыветъ, да плыветъ.
Ужъ и въ третій разъ Ленкъ-Тимуръ кричитъ,
Остальной полонъ распускать велитъ.
Идутъ задніе, и—за рядомъ рядъ—
Всѣ прошли во храмъ. Одичалый взглядъ
Водитъ лютый врагъ до окружныхъ горъ:
Плѣнныхъ нѣтъ, какъ нѣтъ. И все пустъ соборъ.
Ужаснулся ханъ: «Это явь иль бредъ?

Обыскать весь скитъ! Разыскать ихъ слѣдъ!»
Входятъ бирючи во святой притонъ:
Тамъ Ованъ одинъ; на колѣняхъ онъ,—
Очи ввысь вперилъ,—словно въ землю вросъ;
Борода влажна отъ обильныхъ слезъ.

Сколько въ малый скитъ ни вошло армянъ,
Обернулъ ихъ всѣхъ въ голубей Ованъ,—
Умолилъ на то благодать съ небесъ,—
И въ родимый долъ, и въ родимый лѣсъ
Выпускалъ онъ птицъ на живой просторъ:
Всѣ въ пріютъ ушли неприступныхъ горъ.
Упорхнули всѣ,—и сполохъ утихъ,
И стоитъ, одинъ, на молитвѣ мнихъ.

8.

СЕРДЦЕ ДѢВЫ.

Нѣкогда въ царствѣ восточномъ цвѣла
Юная дѣва, рѣзва, весела,
Краше всѣхъ сверстницъ-красою лица,
Радость и гордость вельможи-отца.
Только, знать, сердцу не писанъ законъ:
Въ дочь властелина безродный влюбленъ;
Дѣва любовью отвѣтной горитъ;
«Онъ—мой избранникъ»,—отцу говоритъ,—
«Онъ, не другой—
Суженый мой.»

Крикнулъ вельможа: «Тому не бывать!
Легче мнѣ въ землю тебя закопать!
Нищаго зятемъ назвать не хочу;
Въ крѣпкую башню тебя заточу.»
Камень, скала онъ... Что страсти скала?
Юношѣ дѣва тѣмъ болѣ мила.
Нѣжностью пылкой невѣста горитъ;
«Онъ—мой желанный»,—отцу говоритъ,—
«Онъ, не другой—
Суженый мой.»

Деспотъ угрюмѣй, чѣмъ хмурая ночь;
Въ тѣсную башню сажаетъ онъ дочь:
«Съ милымъ въ разлукѣ, вдали отъ людей,
Блажь съ нея схлынетъ. Остынетъ онъ къ ней»...
Нѣтъ для любови ни стѣнъ, ни замка;
Лишь распаляетъ желанье тоска.

Страстію дѣва въ затворѣ горитъ;
«Онъ—мой любовникъ»,—отцу говоритъ,—
«Онъ, не другой—
Суженый мой.»

Духъ самовластный осѣтила тьма;
Сводитъ гордыня владыку съ ума:
Башню, гдѣ кладъ свой ревниво берегъ,
Мстящей рукою безумецъ поджегъ...
Чт̀о для любови, что жарче тюрьма?
Ярымъ пожаромъ пылаетъ сама!
Узница въ душной темницѣ горитъ,
Клятвы обѣта, сгорая, творитъ:
«Онъ, не другой—
Суженый мой!...»

Грозная башня сгорѣла до-тла;
Въ пепелъ истлѣла, что прежде цвѣла.
Только—о, чуда безвѣстнаго даръ!—
Сердца живого не тронулъ пожаръ...
Стелется горькій съ пожарища дымъ;
Юноша плачетъ надъ пепломъ сѣдымъ.
Плакалъ онъ долго; застыла печаль;
Въ путь поманила далекая даль...
Бродитъ онъ, сиръ;
Пустъ ему міръ.

Нѣжная тайна! Подъ хладной золой
Что содрогнется,—не сердце ль,—порой?
Жаркое сердце въ огнѣ спасено;
Только подъ пепломъ сокрыто оно.
Сердца живого изъ дремлющихъ силъ,—
Словно изъ корня, что ключъ оросилъ
Слезъ изобильныхъ,—въ таинственный срокъ
Выросъ прекрасный и легкій цвѣтокъ:
Огненный макъ;
Глубь его—мракъ.

По чужедальнымъ блуждаетъ краямъ
Юноша, цѣли не вѣдая самъ,

Вкругъ озираясь,—любимая гдѣ?
Милой не видитъ нигдѣ, и нигдѣ!
Въ грезахъ о нѣжной склоняетъ главу;
Но безнадежность одна наяву.
Вѣрной любови и смерть не конецъ;
Чувства не гаситъ небесный вѣнецъ.
Въ оный предѣлъ
Вздохъ долетѣлъ...

Стонъ долетѣлъ къ ней, и тронулъ ее:
Тѣнь покидаетъ жилище свое,
Къ милому сходитъ, тоскуя, во снѣ,
Благоуханной подобна веснѣ.
Молвитъ: «Внемли, мой печальникъ, завѣтъ!
Выросъ надъ пепломъ моимъ алоцвѣтъ.
Дѣвы сожженной онъ сердце таитъ,
Жизнью моею тебя упоитъ.
Въ сокѣ огня
Выпей меня!

«Нѣги медвяной, разымчивыхъ чаръ
Хмель чудотворный, цѣлительный даръ
Выжми и выпей пчелой изъ цвѣтка:
Черная душу покинетъ тоска.
Такъ ты спасешься, избудешь печаль.
Смоетъ земное волшебная даль;
Не увядаютъ ея красоты;
Миръ и блаженство извѣдаешь ты—
Въ тонкой дали
Лучшей земли!..»

Нѣжная тайна, ты сердцу мила!
Стала скитальца душа весела.
Сокомъ завѣтнымъ навѣкъ опьяненъ,
Воленъ, безпеченъ и мужественъ онъ.
Въ смѣнѣ вседневной воскреснетъ тоска,—
Радость за нею, какъ рай, глубока.
Прежнее бремя его не долитъ,
Прежнее пламя его не палитъ.—
Въ тонкой дали
Лучшей земли.

9.

АНУШЪ.

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

Прологъ.

Сидя на лучахъ луны,
Пэри легкія, какъ сны,
Рѣютъ въ облакѣ весны.

Нѣгѣ вѣтерка послушный,
Надъ горой ихъ рой воздушный
Вьется сонмомъ горныхъ душъ.
Плачъ творить слетѣлись пэри
О любови, о потерѣ
Усладительной Анушъ: [1]

«Изъ семи ключей въ бадьи
Зачерпала ты струи.

«Отъ семи цвѣтныхъ кустовъ
Набирала ты цвѣтовъ.

«Надъ цвѣтами, надъ водой
Чаровала подъ звѣздой:

— *Въ воду, лучикъ, заронись!*
Сердцу, счастье, улыбнись!—

«Горе, горе! Въ краткій срокъ
Вешній твой увялъ цвѣтокъ.

[1] Анушъ буквально,—милая, сладостная, douce.

«Гдѣ лазурь твоихъ очей?
Чарованіе лучей?

«Плачьте, сонмы горныхъ душъ,
Надъ любовникомъ Анушъ!..»

Цвѣты, разсыпаны пестро
  По склону горъ, вздыхали,
Въ живое вотканы сребро...
«Намъ жаль Анушъ! Намъ жаль Саро́!»
  Шепча, благоухали.
Пылали томно ихъ сердца;
Мерцали лепестки вѣнца
  Росинками печали...

Сонмъ воздушный легкихъ душъ,
До зари творили пэри
О любови, о потерѣ
Усладительной Анушъ
Плачъ подлунный, плачъ пѣвучій;
Но, лишь солнца брызнулъ лучъ,
Скрылись—въ дымный горный ключъ,
Что съ уступа бьетъ, гремучій,
Низвергаясь на уступъ,—
Въ темнолистный старый дубъ,—
Подъ увѣй цвѣточныхъ купъ.

Пѣснь первая.

I.

Зоветъ безсонная тоска
На староселье земляка.
Лечу мечтой ширококрылой
Въ предѣлъ, очамъ и сердцу милый,
Гдѣ ждутъ меня мои домой,
Когда близъ очага зимой
Дружнѣй тѣснится сходъ вечерній
И мысль вникаетъ суевѣрнѣй

Въ родную быль,—какъ на Лори
Живали встарь богатыри.

Лори! Обсталъ твои долины
Горъ баснословный хороводъ:
Чредою буйственной высотъ
Окаменѣли исполины.
Похитивъ Арагаза дочь,
Полонъ отпраздновали дэвы —
Дэвъ-Алъ, Дэвъ-Бэтъ, другіе Дэвы—
И въ брачную застыли ночь.

II.

Привѣтъ вамъ, старые знакомцы,
Лѣса, крутыхъ стремнинъ питомцы!
Вамъ, пастбища!.. О, счастье дней
Былыхъ! О, сонмъ былыхъ тѣней!
Исчезли вы, какъ вёсенъ нѣга,
Рядившая въ роскошный цвѣтъ
Сухія пажити! Васъ нѣтъ,
Какъ ризы прошлогодней снѣга!..
Видѣнья первыхъ лѣтъ, зову,
Скиталецъ, васъ душою сирой:
Живите вы, коль я живу,
Коль оживить васъ властенъ лирой!
Приснись, былое, наяву!
Дыши, красуйся, въ плоть одѣто!
Стань осязательнымъ! Поэта
Мольбамъ откликнись!.. Я зову!

III.

Изъ мшистыхъ сводчатыхъ громадъ
И густолиственныхъ прохладъ
Волшебно воскресаетъ эхо
Звонкоголосое игры
И переливчатаго смѣха
Моей младенческой поры...
Яйла мнѣ снится,—гулъ становій,—

Дымокъ надъ шалашомъ... Встаетъ
Предъ солнцемъ облако съ низовій...
Въ росѣ луга... Пастухъ поетъ:

IV.

— «Дѣвушка, прячься въ шатеръ кочевой:
Выйдешь,—увижу,—и самъ я не свой!
Сталъ я ашугомъ, [1]— утратилъ покой.
Пѣть мнѣ отрада:
Въ ущельяхъ брожу;
Овчаго стада
Не сторожу.

«Сердце мнѣ взоромъ—аманъ [2]—ты зажгла;
Рѣзвыя ноги косой оплела.
Сердце не стерпитъ: задремлетъ яйла,[3] —
Выхвачу силой
Добычу—и въ глушь
Горную съ милой
Скроюсь Анушъ.

«Ежели честью отецъ твой и мать
Не согласятся тебя мнѣ отдать,—
Кровь я пролью!.. Заодно пропадать
Мнѣ изъ-за черныхъ,
Что море, очей,—
Дугъ непокорныхъ—
Гордыхъ бровей!..»

V.

Саро̀ надъ пастбищемъ поетъ,—
Анушъ не усидѣть въ палаткѣ.
— «Мать, слышишь? Кто-то насъ зоветъ»...

[1] Ашугъ—пѣвецъ.
[2] Аманъ—заклинательное и клятвенное восклицаніе (междометіе).
[3] Яйла—горныя пастбища.

— «Оставь, Анушъ, свои повадки!
Шататься дѣвкѣ за шатромъ,
По сторонамъ глазѣть не гоже.
Пройдетъ—оборони насъ, Боже!—
Молва худая: стыдъ, соромъ!..»
— «Глянь, матушка,—по косогору
Какой зазеленѣлъ щавель!
Пойти бъ, нарвать пучокъ... Да въ пору
И джанъ-гюлюмъ [1] бы пѣть...»—Тебѣ ль,
Анушъ, вести себя, какъ дѣти?
Вѣдь ты невѣста на примѣтѣ,
А ищешь съ молодцами встрѣчъ!
Должна ты честь свою беречь...»
— «Охъ, тяжко! Сердце то встомится,
Какъ будто подошла бѣда,
То вдругъ замечется, какъ птица,—
Такъ и летѣло бъ,—а куда?..
Скажи, родная,—что со мною?
Напасть? Предчувствіе ль кручинъ?..
Возьму-ка на плечо кувшинъ:
Подруги сходятъ за водою».

VI.

Дѣвы съ пѣснею въ долины
Сходятъ къ звонкому ключу,
На плечѣ несутъ кувшины,
Бьютъ другъ-дружку по плечу.

Пѣсня.

Ключъ изъ облака струится
Въ бурно-пѣнистой игрѣ;
Добрый молодецъ крушится,
Плачетъ, сидя на горѣ.

[1] Весеннія пѣсни, пріуроченныя къ кануну Вознесенія.

Льетесь вы, живыя воды,
Съ горъ ли, съ неба ль самого
Въ степь, въ раздолія свободы:
Напоили ль вы его?

Охладили ль, окропили ль
Грудь палимую ему?
Жаръ безсонный усыпили ль?
Понавѣяли ль дрему?

Яръ,[1] измаянъ жаждой жадной,
Брегомъ шумныхъ водъ ходилъ;
Мукъ любви струей прохладной
Огневыхъ не остудилъ. -

Ключъ изъ облака струится
Въ бурно-пѣнистой игрѣ;
Добрый молодецъ крушится,
Плачетъ, сидя на горѣ.

VII.

Туманъ клубится по долинамъ.
Страхъ въ сердце матери сѣдой
Закрался, будто предъ бѣдой:
Не часъ прошелъ, какъ дочь съ кувшиномъ
Сошла въ ущелье за водой.
Густѣетъ сумракъ, ночь находитъ,
Окуталъ горы дымъ глухой;
И лютый звѣрь въ тѣснинахъ бродитъ,
И бродитъ человѣкъ лихой.

Взошедъ на крайнюю скалу
И руку приложивъ къ челу,
Она оглядываетъ мглу.
И внизъ кричитъ: «Анушъ! Не гоже

[1] Яръ—«влюбленный» и «возлюбленный». Любимая дѣвушка—также *яръ*. (см. выше, въ народной поэзіи).

Теперь гулять! Домой пора!
Какого ищешь ты добра
Въ горахъ, безстыдница?... Что, Боже,
Съ ней сталось?...» Хлопаетъ рукой
Мать по колѣнямъ. «Приключится
Гляди, напасть!... Ахъ, озорница!..»
А мгла плыветъ, плыветъ рѣкой.
Густѣетъ сумракъ, ночь находитъ,
Окуталъ горы дымъ глухой;
И лютый звѣрь въ тѣснинахъ бродитъ,
И бродитъ человѣкъ лихой...

VIII.

— «Пусти! Зовутъ меня...»—«Молю,
Анушъ, помедли!»—«Ты погубишь
Анушъ! Узнаетъ мать... Не любишь
Ты такъ меня, какъ я люблю!
Давно тебѣ Анушъ постыла...
Я плачу, мучусь я тайкомъ,—
Ты распѣваешь соловьемъ.
Съ которыхъ поръ я тутъ застыла!
Все жду, гляжу, покуда свѣтъ
Не потускнѣлъ,—тебя все нѣтъ!..

«Сказываютъ: ива
Дѣвушкой была;
Долго, терпѣливо
Милаго ждала.
Не приходитъ милый.—
Ивою унылой
Въ бережокъ вросла.
Вся дрожитъ пугливо,
Сиротливо ива;
Листъ плакучій клонитъ,
Счастіе хоронитъ.
Зеленью омытой
Съ тихой рѣчкой ива
Шепчется стыдливо
О любви забытой...»

— «Неблагодарная, ко мнѣ ль
Твои укоры?
Встрѣчая пѣснею зарю,
Съ кѣмъ рѣчь веду я?

«Когда въ ночи моя свирѣль
Разбудитъ горы,
Кому я цвѣтъ мечты дарю?
Кого зову я?

«Въ разлукѣ томной ты—мой хмель!
Твои мнѣ взоры
Горятъ! Я сердцемъ говорю
Съ твоимъ, тоскуя...»

Умолкнулъ юноша-пастухъ,
Упалъ, сраженный, поблѣднѣлый,
На перси дѣвы онѣмѣлой,
И на груди ея потухъ...

IX.

Взываетъ мать. Дѣвичій голосъ—
«Иду, иду!»—изъ мглы звенитъ...
Анушъ!.. Спадаетъ дико волосъ
На томный жаръ твоихъ ланитъ!
Съ пустымъ кувшиномъ, платъ наплечный
Забывъ у влаги быстротечной,
Дрожа, какъ лань въ сѣтяхъ ловца,
Вернулась ты отъ студенца!..
— «Я, глупая, перепугалась!
Чужіе тамъ. Въ ознобъ и жаръ
Всю кинуло меня. Купалась,
Знать, по рѣкѣ толпа татаръ...»
Ворчунья-мать, коря пугливость,
И мѣшкотность, и нерадивость
Шальной Анушъ, съ туманныхъ кручъ
Сама спускается на ключъ.

Пѣснь вторая.

I.

День Вознесенья! Праздникъ Мая!
Цвѣтетъ земли живой коверъ.
Побѣги свѣжихъ розъ ломая,
Толпой, на главы ближнихъ горъ
Спѣшите, юныя армянки,
Дней вешнихъ славить благодать,
Играть веселыя веснянки,
О долѣ дѣвичьей гадать.

— «Амбарцумъ,[1] яйла!
Въ черныя горы
Весна привела
Дѣвичьи хоры.

«Амбарцумъ, яйла!
Черныя горы
Въ пестрые уборы
Весна убрала.

«Амбарцумъ, яйла!
Кому я мила?
Солнышко ярче,
Любится жарче,—
Пастухъ молодой,
Ты ль суженый мой?

«Амбарцумъ, яйла!
Въ цвѣтахъ крутояры!
Весна привела
Тайныя чары:
Этой—свадьба, той—кручина,
Разлюбилъ зазнобу яръ»...

[1] Припѣвъ весеннихъ «вознесенскихъ» пѣсенъ.

Такъ дѣвѣ каждой разный даръ
Сулитъ загадочно судьбина.

II.

Вновь жребій надъ главой вращаетъ,
Свѣжа, какъ роза, «Мать цвѣтовъ»;
И Джанъ-гюлюмъ звенитъ, и зовъ
Гора отзывомъ возвращаетъ.
Вѣщунья-дѣва возвѣщаетъ:

— «Яръ тебя любитъ,
Красавица горъ;
Яра погубитъ
Выстрѣлъ въ упоръ».

Анушъ затрепетала. Дѣвы
Смутились: «Ложь! Не вѣрь, сестра!
Гаданье—праздная игра.
Пой съ нами рѣзвые припѣвы!
Разсѣемъ облакъ черныхъ думъ!
Дружнѣй подхватимъ Джанъ-гюлюмъ!..»—

Анушъ въ раздумьи: «Неужели
Я проклята отъ колыбели,—
Когда пришелъ въ нашъ домъ дервишъ,
Спѣлъ пѣсню и просилъ бакшишъ,
А мать ему: «Ребенокъ плачетъ,—
Не до тебя! Вонъ со двора!»—

А онъ: «Такъ пусть всю жизнь проплачетъ!»
И такъ ушелъ...»—«Не вѣрь, сестра,
Ты предвѣщанію пустому.
Мы загадаемъ по-иному:

«Дѣвушка-счастливица!
Не затмитъ слеза
Твои ланьи, горные,
Черные глаза!

«Дѣвушка весеннихъ чаръ,
Цвѣсть тебѣ весной!
Какъ гора, красавецъ-яръ—
За твоей спиной.

«Амбарцумъ, яйла!
Въ цвѣтахъ крутояры!
Сладкія чары
Весна привела!
Яйла, джанъ, [1]—яйла!»

Пѣснь третья.

I.

Въ селеньѣ, зимнею порой,
Играли свадьбу. Пиръ горой,
Шумъ, плясъ... Пришли съ яйлы высокой
Въ долъ пастухи... Но молкнетъ смѣхъ:
Тѣснясь, для лучшей изъ потѣхъ
На плоской кровлѣ кругъ широкій
Расчистили. Зоветъ зурна.
Сплотились—на стѣну стѣна;
Сильнѣйшихъ въ станѣ выкликаютъ.
Тѣ упираются; впередъ
Свои своихъ борцовъ толкаютъ:
«Сходись, ребята! Чья возьметъ?..»

И съ лѣнью выступилъ притворной—
Саро̀; Моси стоитъ предъ нимъ,
Братъ милой, парню побратимъ.
А тамъ, за тканію узорной,
Сердца ревнивыхъ дѣвъ стучатъ.
Мужчины: «не робѣй!»—кричатъ...
Полы за поясъ подсучили,
Вразъ о земь хлопнули рукой
И другъ на друга наскочили
Два храбрыхъ съ рѣзвостью лихой.

[1] Джанъ—эпитетъ, выражающій ласку; собственно значитъ: «душа».

Но повелось въ горахъ издавна,
И сынъ то слышалъ отъ отца,—
Что удальцу свалить безславно
Въ игрѣ предъ міромъ удальца.

И силачи-единоборцы,
Сплетясь, какъ опытные горцы,
То вмѣстѣ наземь припадутъ,
То вмѣстѣ на ноги встаютъ,—
Знать, впрямь равны другъ другу силой.
Напрасны крики: «Понатужь,
Товарищъ, плечи! Аль не дюжъ?..»
Но вдругъ Анушъ, невѣсты милой,
Какъ изваяніе застылой,
Саро̂ потухшій встрѣтилъ взоръ
И въ немъ прочелъ печаль, укоръ...
Захолонуло грудь; туманомъ
Въ его глазахъ затмился свѣтъ;
Забылъ онъ дѣдовскій завѣтъ!
И предъ ревущимъ дико станомъ,
Накрывъ соперника врасплохъ
(Не вѣрилъ тотъ въ лихой подвохъ,
Боролся нехотя, небодро),
Онъ снизу обхватилъ подъ бедра
Моси, и съ ногъ его свалилъ,
И грудь колѣномъ придавилъ.

Толпа и плещетъ, и ликуетъ,
Его удачу торжествуетъ,
Ведетъ съ почетомъ къ жениху,
Сажаетъ рядомъ на тахту.
Межъ тѣмъ, за тканію узорной,
Взоръ дѣвичій, какъ стражъ дозорный,
Горящій, любопытный взоръ
Побѣду судитъ и позоръ.

II.

Анушъ! Анушъ! Твой братъ старшой
Встаетъ съ растерзанной душой,

Кричитъ: «Пусть вновь борьба зачнется!»
Иль—солнцемъ дней своихъ клянется
Отмстить укравшему хитро
Побѣду подлую Саро̀...
Его слова, въ весельи дикомъ,
Толпа встрѣчаетъ бранью, гикомъ:
«Что въ драку лѣзешь? Цѣлъ ли лобъ?
Вѣдь покатился ты, какъ снопъ!
Не вдосталь, знать, бока намяты?
Стряхнемъ-ка пыль съ него, ребята!»

III.

Изъ дома свадебнаго онъ,
Боль затаивъ обиды кровной,
Выходитъ поступью неровной,
Презрѣньемъ общимъ угнетенъ.
— «Навѣкъ, Моси, ты опозоренъ.
Не зналъ ты равнаго въ борьбѣ,
И не бывалъ отъ пыли черенъ
Кафтанъ нарядный на тебѣ.
А нынче ты горою рухнулъ
И тяжко подъ колѣномъ ухнулъ,
Когда тебя противникъ смялъ,—
И кто тебя не осмѣялъ?
Какимъ ты жалкимъ, пристыженнымъ
Предстанешь дѣвушкамъ и женамъ!
Что ждетъ тебя... Изъ двухъ одно:
Лечь въ гробъ—иль взять веретено».

IV.

— «Помилуй, сжалься, милый братъ!
Его любви не жажду болѣ...
Въ ножны смертельный спрячь булатъ!
Дрожу я, какъ былинка въ полѣ»...
Въ слезахъ, въ отчаяньи, безъ силъ,

У ногъ Моси Анушъ лежала;
Ей свѣтлымъ лезвіемъ кинжала
Моси неистовый грозилъ.
— «Клянись не знать его объятій!
Главою братнею моей
Клянись! Иль межъ твоихъ грудей
Утонетъ ножъ до рукояти!»
— «Я прахъ у ногъ твоихъ, Моси!
Съ рабыни клятвы не проси;
Я обѣщала,—такъ и помни,
Любить Саро̀ не суждено мнѣ,
Намъ въ жизни разныя стези».
— «Ты лжешь, и разлюбить не можешь.
Въ ночи мы слышали не разъ,
Какъ рѣчью сонной ты тревожишь
Или рыданьемъ тихій часъ:
Саро зовешь ты въ нѣгѣ томной,
Саро—лепечешь въ грезѣ дрёмной...»
— «О, не спѣши меня убить!
Слѣды твои въ пыли цѣлую!
По немъ я больше не тоскую,
Я не хочу его любить;
Во снѣ о немъ шептать забуду,
Тебѣ сестрою вѣрной буду...»

V.

Такъ повершилась свадьба сварой.
Давно ль два славныхъ удальца
Братались? Ненавистью ярой
Пылаютъ нынѣ ихъ сердца.
Доколь въ землѣ не похороненъ
Моси (онъ духомъ непреклоненъ),
Не быть сестрѣ его родной
Борца коварнаго женой.

Быть можетъ, въ эту ночь, въ безсонныхъ
Терзаньяхъ, мыслитъ онъ: «Добро,
Невѣста пылкая Саро!
Я изъ груди окровавленной
Твой пламень вырву наконецъ!..»
Быть можетъ, въ эту ночь овецъ
Сосѣдъ сосѣдскихъ рѣжетъ, грабитъ:
Какое мщенье гнѣвъ ослабитъ
Ожесточеннаго врага?..
Лишь звуки на селѣ притихнутъ,
Быть можетъ, вдругъ до неба вспыхнутъ
Того ли, этого ль стога?

Пѣснь четвертая.

I.

Встаютъ лѣниво, какъ верблюды
Отъ водопоя, облака;
Ползутъ на каменныя груды,
На Чатындагъ-горы бока.
Изъ-за зубчатаго отрога
По злату утреннихъ небесъ
Пробился лучъ... Въ селѣ тревога.
Ружье держа на перевѣсъ,
Бѣгутъ мужчины,—будто въ лѣсъ
Участники звѣриной ловли;
А жены ринулись на кровли.

II.

Пришелъ старикъ, парнямъ кивнулъ
И пальцемъ указалъ въ долину;
Изъ трубки разъ-другой пыхнулъ
И рѣчь повелъ: «Наполовину
Ужъ ночь прошла,—все не засну:
Ворочаюсь, кряхчу, кляну
Лихую старость. Вдругъ овчарка
Моя взбѣсилась. Кличу: «гей!..»

Молчатъ. «Ну», думаю, ей-ей,
Дождались на селѣ подарка».
Собака кинулась. А тьма—
Ни зги не разберешь. «Эхма!»
Сказалъ себѣ: «подмокъ твой порохъ!
Уснешь, бывало, въ тотъ же часъ,
Что скотъ,—а слышишь каждый шорохъ»...
То, бишь,—и не сомкнулъ я глазъ,
Какъ изъ села мелькнули двое,
Какъ тѣнь,—въ ущеліе ночное,—
Овчарки мимо... Вотъ мой сказъ»...

Вотъ отчего село въ тревогѣ!
Анушъ хватились: дѣвы нѣтъ!..
Находятъ вскорѣ, близъ дороги
Внизу,—двоихъ недавній слѣдъ.

III.

Луна смѣнилася. Ватага
Всѣ, до послѣдняго оврага,
Обрыскала трущобы горъ:
Исчезъ съ добычей дѣвій воръ.
Ни съ чѣмъ идутъ ловцы къ поселку,
Нагорье обыскавъ окрестъ,
И хвалятъ вора втихомолку:
Гораздъ онъ умыкать невѣстъ.
Одинъ, повиненъ клятвѣ мести,
Выслѣживать остался дичь
Моси, дабы чету настичь
И зарубить двоихъ на мѣстѣ.

XX.

— «Раскинь-ка, Вардишахъ, ячмень,
Да погадай, что новый день
Сулитъ... Мои ослѣпни очи:
Мнѣ сонъ привелъ скиталецъ ночи,

Недобрый гость,—и не добро
Пророчитъ онъ!.. Долъ вижу тѣсный,
И будто теменъ сводъ небесный;
Тамъ овцы бѣднаго Саро́
Стоятъ—и воплемъ не овечьимъ,
А будто гласомъ человѣчьимъ
Поютъ... Ну, кинь же горсть зерна,—
Будь сынъ тебѣ во утѣшенье!
Къ чему сей сонъ? Судьба темна.
Отверзи дверь намъ разумѣнья,
Творецъ! Мы—прахъ у ногъ Твоихъ...
Еще тотъ звукъ въ ушахъ моихъ:
Пѣснь человѣчья безсловесныхъ
Овецъ въ тюрьмѣ изъ скалъ отвѣсныхъ...
И будто овцы голосятъ,
А мать Саро, развивши платъ,
Предъ ними пляшетъ... Стадо плачетъ,
А та кружитъ... Что сонъ мой значитъ?»
— «Къ бѣдѣ, знать, сонъ твой, Манишакъ!
Глянь,—и ячмень-то выпалъ какъ!
Онъ черную чертитъ дорогу.
На ней—Саро... Молися Богу,
Да обратитъ Онъ зло въ добро.
Храни, Господь, и мать Саро!»

V.

Ловецъ прилежный позади,
Рокъ неизбѣжный впереди;
Другъ—ворогъ; міръ—застѣнокъ темный...
Въ горахъ, какъ загнанный олень,
Скрывается Саро бездомный.
Долъ стынетъ, понависла тѣнь,
Послѣдній лучъ хребты румянитъ:
Онъ съ горя баяти [1] затянетъ
И такъ хоронитъ скорбный день:

[1] Баяти—плачевная пѣснь.

— «Гей, вы, крутыя горы!
Крикъ мой: кручина, горе!
Любо ль вамъ, сестры-горы,
Вторить за мною: горе?..
Горе!—въ ночномъ просторѣ
Ваши твердятъ затворы...
Вмѣстѣ горюемъ, горы!

«Съ вами, бѣглецъ усталый,
Перекликаюсь, скалы!
Гробы глубинъ раскройте,
Странника упокойте!
Путь мой залегъ въ чащобѣ:
Спать бы мнѣ въ глыбномъ гробѣ!

«Спать?.. А любовь услышитъ
Вѣсть, что Саро не дышитъ,—
Какъ улегчить ей муку?
Сны мои кто нарушитъ?
Слезы ей кто осушитъ?
Что возмѣститъ разлуку?..»

Пѣснь пятая.

I.

Рыдаетъ, бросаясь наземь ницъ,
Анушъ, покрытая позоромъ.
Взираетъ жалостливымъ взоромъ
Сходъ женъ сосѣдскихъ и дѣвицъ
На плѣнницу, храня молчанье.
Моси—Богъ миловалъ!—въ скитаньѣ.
Но пѣной бѣшеной плюетъ
На дочь отецъ и дочь клянетъ:

— «Прочь съ глазъ моихъ! Вонъ! Сгинь, срамница,
Измѣнница! Будь проклята
Твоя вѣнчальная фата!
Покройся чернымъ, какъ вдовица.
Или, наложница врага,
Въ глубь, въ землю черную, всѣмъ станомъ
Врости! Ушла къ врагу обманомъ,
Такъ жизнь тебѣ не дорога»...
Сосѣди добрые подходятъ,
Отца отъ дочери отводятъ.
Смятеньемъ, старый, привлеченъ,
Стоитъ священникъ за порогомъ
И голосъ возвышаетъ онъ:
— «Уйдите всѣ! Идите съ Богомъ!
Анушъ останется одна,—
Всю правду скажетъ мнѣ она...
Скажи, Анушъ: ушла ты, чаю,
По вольной волѣ, по любви?
Да? Такъ Господь благослови
Вашъ бракъ! Я милыхъ повѣнчаю...»

Шумъ издалече. Вопли. Клики.
— «Убилъ?—Моси?—Кого?—Гдѣ, гдѣ?—
Воды скорѣй... Творецъ великій.
Анушъ, Анушъ!..—Бѣда къ бѣдѣ!»

II.

Не туча рухнувшимъ потопомъ
Грузъ ливней шумныхъ пролила:
То юность ринулась всѣмъ скопомъ
На понизовья изъ села.
Летятъ стремглавъ, какъ вихрь крылатый,
И видятъ: свой ужасный зѣвъ
Долъ крови скалитъ, долъ проклятый,
Гдѣ, въ тѣснотѣ разсвирѣпѣвъ,
Бѣснуется Дэбэтъ косматый.

Межъ тѣмъ степенный сельскій людъ,
Столпясь на выступѣ отвѣсномъ,
Стоитъ въ смущеньи безсловесномъ:
Всѣ внизъ глядятъ и молча ждутъ.
А въ глубинѣ Дэбэтъ [1] грохочетъ,
Какъ громъ глухой, и рока судъ—
Итогъ безстрастный смертныхъ смутъ—
Злораднымъ хохотомъ пророчитъ.

III.

Шатаясь, съ искаженнымъ ликомъ,—
Тѣнь прежняго Моси,—предсталъ
Убійца. Взоръ его блуждалъ,
И ужасъ тлѣлъ во взорѣ дикомъ.
Не замѣчалъ онъ никого,
Добрелъ до крова своего,
Ружье повѣсилъ на стропило,
Какъ мертвую змѣю. Не смѣлъ
Никто дохнуть; народъ нѣмѣлъ.
Вдругъ изъ долины возопила
Мать пастуха. «Харай!» [2]—зоветъ,
И волосы сѣдые рветъ.

IV.

Ее сельчанки провожаютъ
Подъ оный роковой уступъ,
И воплемъ воздухъ раздражаютъ,
И чернымъ хоромъ окружаютъ
Еще не охладѣлый трупъ.
Межъ тѣмъ, какъ юноши въ печальномъ
Безмолвьи на камняхъ сидятъ,
Онѣ съ обрядомъ поминальнымъ
Достойный горца плачъ творятъ.
Поютъ: почто не излюбила

[1] Дэбэтъ—рѣка.
[2] Крикъ зовущихъ на помощь.

Анушъ другого жениха,
Почто любимаго сгубила;
Какъ стаду быть безъ пастуха;
Какъ на яйлѣ и какъ на ловлѣ
Заклекчутъ юные орлы:
«Гдѣ сверстникъ нашъ?»—какъ псы на кровлѣ
Завоютъ, прибѣжавъ съ яйлы;
Какъ мать Саро осиротѣетъ:
Ей не видать веселья горъ;
Въ одеждѣ черной одряхлѣетъ,
Блюдя домашній свой затворъ...

И каждое изъ причитаній
Ей, бѣдной, надрываетъ грудь.
Мать, не буди воспоминаній!
Былое счастіе забудь!
«Почто, мой сынъ, не пріотворишь
На мигъ отяжелѣлыхъ вѣждъ?
Мой недругъ, воръ моихъ надеждъ,
Почто со мной о гробѣ споришь?..»
Но мертвый глазъ не размыкалъ;
Въ устахъ увянувшихъ сверкалъ
Зубовъ бѣлѣющій оскалъ.
Вотще—рыданья, въ грудь біенья,
Проклятья, жалобы, моленья...

Стемнѣло. Женскій вой слабѣлъ.
И пѣснь, и пени замолчали.
Одинъ Дэбэтъ свои печали
Безъ устали въ ущельѣ пѣлъ,
И громче плачъ изъ безднъ гремѣлъ.

V.

Безъ отпѣванья, у рѣки
Зарыли тѣло кунаки,
Тайкомъ слезу надъ нимъ пролили.
Кадила горныхъ луговинъ—
Полынь, лилея, чобръ и тминъ—
Молебный ладанъ вскурили.

А «Со святыми упокой»
Не клиромъ стройнымъ было спѣто,
Но голосистою рѣкой,
Раскатнымъ рокотомъ Дэбэта.
Подъ громозвучный шараканъ, [1]
Рыдающій стихійной силой,
Друзья насыпали курганъ
Надъ безымянною могилой,
Гдѣ спитъ бѣглянки пылкій другъ,
Сынъ вольныхъ горъ, пастухъ, ашугъ.

Пѣснь шестая.

I.

Вернулись птицы. Въ небѣ нѣга.
Одѣла зелень холмъ и долъ.
Анушъ цвѣты рѣчного брега
Сбираетъ, бормоча, въ подолъ—
И плачъ перемежаетъ смѣхомъ.
Поетъ,—ей горы вторятъ эхомъ...

— «Что, какъ потерянная, бродишь
Въ лугахъ, красотка, день денской!
Кого ты ищешь, не находишь?
По комъ ты слезы льешь рѣкой?
Коль ищешь, дѣва, майской розы,—
Не за горами праздникъ розъ.
Коль мертвому даришь ты слезы,
Не расточай напрасныхъ слезъ!
Землею взятъ женихъ любезный,—
Его тебѣ не воскресить.
Къ чему кручиной безполезной
Огонь младыхъ очей гасить?
Водъ родниковыхъ даръ обильный
Пролей на холмъ его могильный
Съ молитвой чистой и умильной

[1] Шараканъ—церковное пѣснопѣніе (см. Вступительный очеркъ).

И, принеся святую дань,
Душою бодрою воспрянь.
Покорствуй общему уставу:
По долгу жизни и по праву,
Иди, живи, супругой стань...»

—«Спасибо, братъ, идущій мимо!
Да правитъ Богъ твои стопы
И да завидишь ликъ любимой
У цѣли странничьей тропы!
Дѣли, дѣли съ подругой нѣжной
Услады жизни безмятежной!
Мнѣ далъ Всевышній—слезы лить;
Мнѣ жажды слезъ не утолить...»

II.

И бродитъ вновь, поетъ и плачетъ...
Безсвязны пѣсни: ничего
Не изъясняетъ и не значитъ,
Окромѣ горя самого,
Ихъ темный складъ, ихъ бредъ унылый.
Все ропщетъ: гдѣ жъ онъ, гдѣ же милый?
Какъ вдругъ свѣтъ Божій опустѣлъ,
И глухи стали пѣсни, рѣчи,
И горный лугъ осиротѣлъ?
Какъ вдругъ ушелъ онъ—такъ далече?..

— «Куда ты скрылся,—
И слѣдъ простылъ?
Мой день затмился,
Мнѣ свѣтъ постылъ...
Всѣ я выплакала очи.
Ты дождись-ка темной ночи,—
И за дѣло!
За перевалъ
Стада пригналъ,—
Бѣги же смѣло!..

«На пригоркѣ, на зеленомъ,
Кто подъ буркой, кто уснулъ?
Руку кто движеньемъ соннымъ
Изъ-подъ бурки протянулъ?

Ахъ, да это—мой желанный.
Видно, вешній лугъ, въ дыму
Пелены благоуханной,
На него навелъ дрему...

«Вставай, сонливецъ!
Не ранній часъ!
Съ утра, лѣнивецъ,
Ты стадъ не пасъ.
До полудня спишь, спокоенъ:
Скотъ не загнанъ, скотъ не доенъ...
Ужъ стемнѣло...
За твой возвратъ
Отдамъ стократъ
На муки тѣло!..

«Чу, не бубны ль въ бурѣ плачутъ?
Не зурна ли верещитъ?..
Брачный поѣздъ! Гости скачутъ.
Кони пляшутъ. Снѣгъ валитъ.

«Чуръ, разсыпься,—свято мѣсто!—
Навожденье!.. Ха-ха-ха!
Вотъ такъ свадьба!.. Гдѣ жъ невѣста?—
И не видно жениха!..

«Несутъ... Пустите!
За нимъ иду!..
Вотъ тутъ кладите,
Въ моемъ саду!
Расплету надъ мертвымъ косы!
Вы тешите, гроботесы,
Гробъ просторный,—
Одинъ двоимъ!
Спать сладко съ нимъ
Въ могилѣ черной!..

«Лгутъ мнѣ люди, милый, милый!—
Будто взоръ твой помутнѣлъ,
Въ пятнахъ крови ликъ застылый
Исказился, почернѣлъ?

«Ты все тотъ же, смуглъ и строенъ,
Что съ собой невѣстѣ несъ,
Юный пастырь, свѣжъ и зноенъ,
Запахъ луга, влагу росъ!..»

«Куда жъ ты сгинулъ?—
Какъ, лиходѣй,
Меня покинулъ
Съ тоской моей?
Слезы день и ночь точу я,
Дольше плакать не хочу я,—
Отплачу я!
Вернись, молю,—
Иль отомщу я...
Терплю, терплю—
Иль прогнѣвлюсь,
И не прощу я...
И, какъ люблю,
Такъ разлюблю;
И, какъ томлюсь,
Такъ истомлю—
Безъ поцѣлуя!..»

III.

Тамъ, гдѣ мутный валъ Дэбэта,
Роясь, воетъ подъ скалой,
Есть могила, мхомъ одѣта;
Спитъ въ ней горецъ удалой.
Какъ потерянная, бродитъ
У могилы той жена;
Долгій день въ слезахъ проводитъ,
Ночь унылую безъ сна.

Но ни жалобамъ, ни зовамъ
Изъ глубинъ отвѣта нѣтъ;
Изъ тѣснинъ звучитъ отвѣтъ
Утѣшеніемъ суровымъ...
«Не поддамся я оковамъ,
Вырвусь вонъ, на вольный свѣтъ!»
Узникъ яростный, Дэбэтъ,
Ей гласитъ немолчнымъ ревомъ:

«Ты довѣрься мнѣ, Анушъ!
Я обѣта не нарушу:
Уведу твою я душу
Въ тихій рай безплотныхъ душъ,—
Въ рай, гдѣ милый твой, Анушъ!..»

— «Анушъ, Анушъ!»—склонясь съ обрыва,
Взываетъ мать: «домой пора!..»
Долъ нѣмъ. Безмолвствуетъ гора...
Одинъ Дэбэтъ, безъ перерыва,
Длитъ вѣчный вой: «Вушъ, вушъ!..[1] Увы...»—
Вздымая пѣнныя главы...

Эпилогъ.

Въ ночь Вознесенья есть мгновенье
Неизреченной тишины:
Безмолвно дольнее творенье,
Врата небесъ отворены,
И дышитъ благостью Господней
Вселенная до преисподней.

Душъ разлученныя четы,
Любившія безъ утоленья,
Въ тотъ мигъ блаженной полноты,
Покинувъ звѣздныя селенья,
Цѣлуютъ, духа духъ, въ уста,—
И замыкаются Врата.

[1] Вушъ, вушъ—«горе, горе!».

10.

ОДНА КАПЛЯ МЕДА.

СКАЗКА.

Одинъ купецъ въ селѣ своемъ
Торговлю всякимъ велъ добромъ.
Однажды изъ сосѣднихъ селъ
Къ нему съ собакою пришелъ
Пастухъ, саженный молодецъ.
«Здорово», говоритъ, «купецъ!
    Есть медъ—продай,
    А нѣтъ—прощай.»
«Есть, есть, голубчикъ пастушокъ!
Горшокъ съ тобой? Давай горшокъ!
Медъ—вотъ онъ: что укажешь самъ,
Отвѣшу мигомъ и продамъ.»

Все по-хорошему идетъ,
За словомъ слово—тотъ же медъ.
Отвѣшенъ медъ—но какъ алмазъ
На землю капля пролилась.
Жзз...: муха. Сладкій чуя медъ,
Жужжитъ, звенитъ и къ каплѣ льнетъ.
Хозяйскій котъ, бочкомъ, бочкомъ,
За мухой крадется. Потомъ
    Въ одинъ прыжокъ
    На муху—скокъ!

И въ тотъ же мигъ пастушій песъ
Ощерился, наморщилъ носъ,
    Рванулся, взвылъ
    Что было силъ,
    Кота подмялъ,
    За горло взялъ,
    Сдавилъ, куснулъ—
    И отшвырнулъ.

«Загрызъ! Загрызъ! Ахъ, котикъ мой!
Ахъ, чтобъ тѣ сдохнуть, песъ чумной!»
Разгнѣвался купецъ—и вотъ,
Чѣмъ попадя, собаку бьетъ.
Визжитъ собака—и рядкомъ
Съ несчастнымъ падаетъ котомъ.

«Пропалъ мой левъ, пропалъ, конецъ!
Кормилецъ, другъ мой!.. Ну, купецъ,
Мерзавецъ, воръ, такой-сякой!..
Да провались домишко твой!..
Ты смѣлъ собаку бить мою—
Отвѣдай же, какъ самъ я бью!»
Взревѣлъ пастухъ нашъ, надъ купцомъ
Дубину тяжкую съ кремнемъ
Занесъ—и въ мигъ хозяинъ злой
Упалъ съ пробитой головой.

— Убили!.. Кто тамъ?.. Караулъ!..
По всѣмъ кварталамъ шумъ и гулъ,
Народъ стекается, кричитъ:
— На помощь! Караулъ! Убитъ!

Съ нагорныхъ улицъ, изъ низовъ,
Съ дороги, съ пастбищъ, отъ станковъ,
    Крича, кляня,
    Вопя, стеня,
    Отецъ и мать,
    Сестра и зять,
    Жена и братъ,
    И кумъ, и сватъ,

И всѣ дядья,
И всѣ друзья,
И съ тещей тесть,
И какъ еще ихъ тамъ—Богъ вѣсть—
Бѣгутъ, бѣгутъ, бѣгутъ, бѣгутъ
И чѣмъ попало бьютъ и бьютъ:
«Ахъ, окаянный! Ахъ, пострѣлъ!
Да какъ ты могъ? Да какъ ты смѣлъ?
Да съ чѣмъ ты шелъ: товаръ купить,
Иль даромъ душу загубить?»

И рядомъ съ псомъ своимъ въ углу
Пастухъ простерся на полу.
«Ну, постояли за купца.
Бери, кто хочетъ, мертвеца!»
И вскорѣ въ ближнее село
Извѣстье скорбное пришло.
— Эй, кто тамъ есть?
Возможно ль снесть?
Вѣдь это нашъ пастухъ убитъ!..

Порой шалунъ разворошитъ
Гнѣздо осиное и прочь
Уйдетъ. Не то же ли точь въ точь
Надѣлала и муха та?
Смятенье, шумъ и суета...
Что подвернулось второпяхъ,
Хватаютъ. Кто съ ружьемъ въ рукахъ,
Кто съ вилами, а кто съ ножомъ,
Съ лопатой, съ палкой, съ топоромъ,
Кто съ заступомъ, кто вертелъ взялъ,
Тотъ шапку въ спѣшкѣ потерялъ,
Тотъ вскинулъ нá-лошадь сѣдло—
И всѣ на вражее село.

«Что за безсовѣстный народъ!
Ни страхъ, ни стыдъ ихъ не беретъ.
Къ нимъ за товаромъ забредешь—
Накинутся — и въ спину ножъ.
Тьфу, пропасть! Провалиться бъ вамъ,

Убійцамъ лютымъ, дикарямъ!
    Пойдемъ, побьемъ,
    Сожжемъ, сотремъ!
Эй, ну-ка, не плошай, впередъ!»

И вышелъ на народъ народъ.
И каждый билъ, и билъ, и билъ,
Рубилъ, и рѣзалъ, и громилъ,
И всякъ чѣмъ больше порубилъ,
Тѣмъ больше въ ярость приходилъ.
    Сосѣда билъ сосѣдъ,
    Сосѣда жегъ сосѣдъ,
      И кто гдѣ жилъ—
      Простылъ и слѣдъ.

Но вотъ бѣда: межъ этихъ селъ
Рубежъ, дѣлившій земли, шелъ,
И подать каждое село
Владыкѣ своему несло.
Заслышавши про тотъ разбой,
Немедля царь страны одной
Указъ громовый издаетъ:

«Да знаетъ вѣрный нашъ народъ,
Отчизны общей каждый сынъ,
Рабочій, воинъ, дворянинъ,
    И нашъ Совѣтъ,
    И цѣлый свѣтъ,
Что дерзкій, вѣроломный врагъ,
Забывши честь и Божій страхъ,
Насъ подлой лестью усыпилъ,
Въ цвѣтущій нашъ предѣлъ вступилъ—
И гражданъ мирную семью
Предалъ желѣзу и огню.
Кровь жертвъ изъ бѣднаго села
Къ стопамъ престола притекла,
И сколь ни горько это намъ—
Мы отдали приказъ войскамъ
Въ предѣлы вражіе вступить
И за невинныхъ отомстить.

А чтобы дерзкихъ побороть,
Намъ въ помощь—пушки и Господь».

Но царь враждебный въ свой чередъ
Войскамъ такой приказъ даетъ:
«Предъ Господомъ и всей землей
Мы возвѣщаемъ: хитрый, злой
Сосѣдъ попралъ небесъ законъ
И между братскихъ двухъ племенъ
Посѣялъ злобу и раздоръ.
Онъ дружбы древній договоръ
Нарушилъ первый. Нынѣ, ставъ
За нашу честь, за добрый нравъ,
За кровь погубленныхъ людей,
За вольность родины своей,
Мы, властью намъ присущихъ правъ,
На помощь Господа призвавъ,
Подъемлемъ мечъ побѣдный свой
И гнѣвъ—надъ вражеской главой.»

И злая началась война.
Въ огнѣ пылаетъ вся страна,
Шумъ, грохотъ, кровь, и крикъ, и стонъ,
И плачъ, и скорбь со всѣхъ сторонъ.
И въ дуновеніи вѣтровъ
Струится запахъ мертвецовъ.
    И такъ идетъ
    За годомъ годъ:
    Станки молчатъ,
Посѣвъ не сжатъ,
Все ширится войны костеръ,
За голодомъ приходитъ моръ.
Людей нещадно коситъ онъ,
И вотъ весь край опустошенъ.
И въ ужасѣ среди могилъ
Живой живого вопросилъ:
— Съ чего жъ, откуда жъ и когда
Такая грянула бѣда?

АВЕТИКЪ ИСААКІАНЪ

1875 г.

1. Моей матери. I—II. Перевелъ *А. Блокъ.*
2-13. Пѣсни. Перевелъ *онъ же.*
14. Съ посохомъ въ рукѣ...» Перевелъ *Вячеславъ Ивановъ.*
15. «Гіацинту ли нагорій...» Перевелъ *онъ же.*
16. «Звѣроловъ, оленьимъ слѣдомъ...» Перевелъ *онъ же.*
17. Моей матери. Перевелъ *онъ же.*
18. «Нѣтъ тебя, душа отчизна, краше...» Перевелъ *онъ же.*
19-21. Три стихотворенія. Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*
22. «Моя душа...» Перевелъ *Ив. Бунинъ.*
23. «Черныя, мрачныя тучи...» Перевелъ *Л. Зилсвъ.*
24. Абулъ-Ала-Маари. Каситъ въ 7 сурахъ съ Вступленіемъ. Перевелъ *Валерій Брюсовъ..*

1.

МОЕЙ МАТЕРИ.

I.

Отъ родимой страны удалился
Я, изгнанникъ, безъ крова и сна,
Съ милой матерью я разлучился,
Бѣдный странникъ, лишился я сна.

Съ горъ вы, пестрыя птицы, летите,
Не пришлось ли вамъ мать повстрѣчать?
Вѣтерки, вы съ морей шелестите,
Не послала ль привѣта мнѣ мать?

Вѣтерки пролетѣли безшумно,
Птицы мимо промчались на югъ.
Мимо сердца съ тоскою безумной—
Улетѣли безшумно на югъ.

По лицу, да по ласковой рѣчи
Стосковался я, мать моя, джанъ,[1]
Былъ бы сномъ я—далече, далече
Полетѣлъ бы къ тебѣ, моя джанъ.

Ночью душу твою цѣловалъ бы,
Обнималъ бы, какъ сонный туманъ,
Къ сердцу въ жгучей тоскѣ припадалъ бы,
И смѣялся и плакалъ бы, джанъ!

II.

Мнѣ грезится: вечеръ миренъ и тихъ,
Надъ домомъ стелется тонкій дымъ,

[1] Джанъ—ласкательное названіе (см. стр. 344 и др.).

Чуть зыблются вѣтви родимыхъ ивъ.
Сверчокъ трещитъ въ щели, невидимъ.

У огня сидитъ моя старая мать,
Тихонько съ ребенкомъ моимъ груститъ.
Сладко-сладко спокойно дремлетъ дитя,
И мать моя молча молитву творитъ.

«Пусть прежде всѣхъ поможетъ Господь
Всѣмъ дальнимъ странникамъ, всѣмъ больнымъ,
Пусть послѣ всѣхъ поможетъ Господь
Тебѣ, мой бѣдный изгнанникъ, мой сынъ.»

Надъ мирнымъ домомъ струится дымъ,
Мать надъ сыномъ молитву творитъ,
Сверчокъ трещитъ въ щели, невидимъ,
Родимая ива едва шелеститъ.

ПѢСНИ.

2.

Алъ-златъ нарядъ—мой дѣтка радъ.
Индійскій лалъ въ ручонкѣ сжалъ,
Люль-люль, даръ-даръ, дитя краса,
Спи, спи, бай-бай, дремли, да-да,
Бровь—полумѣсяцъ, спи, даръ-даръ,
Глазокъ—звѣзда, Господень даръ.

День настаетъ, овца идетъ,
Дитя все спитъ и не встаетъ.
Вставай, капризначай, кричи,
Гопъ-гопъ, на соску, на, соси,
Топъ-топъ, тихонечко ходи.
Нѣтъ, сладкій сонъ тревожить жаль,
Щека, какъ сахаръ, какъ миндаль.[1]

[1] Люль—люль, даръ—даръ, да—да и другія восклицанія въ пѣснѣ—чисто звукоподражательныя, подобно нашему «бай—бай» и опредѣленнаго значенія не имѣютъ.

Джанъ Божья Мать, молю тебя,
Отъ злого взора, наговора,
Храни, храни мое дитя...

3.

Былъ бы на Аразѣ [1] у меня баштанъ,
Посадилъ бы иву, розы я, да макъ,
Подъ тѣнистой ивой сплелъ бы я шалашъ,
Въ шалашѣ бы вѣчно пламенѣлъ очагъ!

Чтобъ сидѣла рядомъ милая Шушанъ, [2]
Чтобы намъ другъ друга у огня ласкать!
Кабы на Аразѣ завести баштанъ,
Для Шушикъ лилейной отдыха не знать!

4.

Быстролетный и черный орелъ
Съ неба палъ, мою грудь расклевалъ,
Сердце клювомъ схватилъ и возвелъ
На вершины торжественныхъ скалъ.

Взмылъ сурово надъ кручами горъ,
Бросилъ сердце въ лазоревый блескъ,
И вокругъ меня слышенъ съ тѣхъ поръ
Орлихъ крылъ несмолкаемый плескъ.

5.

Во долинѣ въ полинѣ Сално[3] боєвой,
  Раненъ въ грудь, умираєть гайдукъ.
Рана—розы раскрытой цвѣтокъ огневой,
  Стводъ ружья выпадаєтъ изъ рукъ.

[1] Аразъ—Араксъ, рѣка, (см. выше). Баштанъ—садъ.
[2] Шушанъ, Шушикъ—женское имя Сусанна.
[3] Салнó—горная мѣстность въ турецкой арменіи.

Запѣваетъ кузнечикъ въ кровавыхъ поляхъ,
И, въ объятьяхъ предсмертнаго сна,
Видитъ павшій гайдукъ, видитъ въ сонныхъ мечтахъ,
Что свободна родная страна...

Снится нива—колосья надъ вѣтромъ звенятъ,
Снится—звякая, блещетъ коса,
Мирно дѣвушки сѣно гребутъ—и звучатъ,
Все о немъ ихъ звенятъ голоса...

Надъ долиной Сално̀ туча хмуро встаетъ,
И слезами увлажился долъ.
И сраженному черныя очи клюетъ
Опустившійся въ поле орелъ...

6.

Подъ Алмазнымъ вѣнцомъ
Среди звѣздъ—Алагязъ,
Выше горъ, выше тучъ
Онъ на тронѣ сидитъ, развалясь.

Я помчусь за алмазнымъ вѣнцомъ
На крылахъ райской птицы Синамъ,
Къ тѣмъ звѣздамъ обращусь я лицомъ,
Сердце снамъ и видѣньямъ предамъ.

Въ сердцѣ—рай, тамъ поютъ соловьи,
Кущи розъ, о любви плачетъ сазъ...
О, Заро! насъ объятья мои
На алмазный умчатъ Алагязъ![1]

7.

Ужъ солнце за вершиной горъ,
И даль луговъ мутна.

[1] Алагязъ—гора (см. выше). Синамъ—фантастическая птица.

Умолкъ уснувшій птичій хоръ,
А я—не знаю сна.

Сквозь крышу мѣсяцъ заглянулъ,
Вѣсы приподнялись,
Прохладный вѣтеръ потянулъ
Къ звѣздамъ въ ночную высь.

О, нѣжный вѣтеръ, звѣздный свѣтъ,
Гдѣ яръ мой въ эту ночь? [1]
О, звѣзды, васъ прекраснѣй нѣтъ,
Гдѣ бродитъ яръ всю ночь?

Разсвѣтъ насталъ и въ дверь вошелъ,
Туманъ, и дождь идетъ.
Алъ-конь пришелъ, одинъ пришелъ,
Ахъ, яръ домой нейдетъ!

8.

Караванъ мой бренчитъ и плетется
Средь чужихъ и безлюдныхъ песковъ.
Погоди, караванъ! мнѣ сдается,
Что изъ родины слышу я зовъ...

Нѣтъ, тиха и безмолвна пустыня,
Солнцемъ выжжена дикая степь.
Далеко моя родина нынѣ,
И въ объятьяхъ чужихъ—моя джанъ.

Поцѣлуямъ и ласкамъ не вѣрю,
Слезъ она не запомнитъ моихъ.
Кто зоветъ? Караванъ, шевелися—
Нѣтъ въ подлунной обѣтовъ святыхъ!

Уводи, караванъ, за собою,
Въ не родную, безлюдную мглу.

[1] Яръ—милый (см. выше, народная поэзія и др.).

Гдѣ устану—склоняюсь главою
На шипы, на утесы, на скалу...

9.

Издалека въ тиши ночной
До сердца пѣснь дошла.
Чья тихая душа тоской
Мнѣ душу облекла?

Въ печальной пѣсни—ароматъ
Баюкальной мечты.
Прибой любви священной, братъ,
Услышь безвѣстный, ты!

10.

Я увидѣлъ во снѣ: колыхаясь, віясь,
Проходилъ караванъ, сладко пѣли звонки.
По уступамъ горы, громоздясь и змѣясь,
Проползалъ караванъ, сладко пѣли звонки.

Посреди каравана—безцѣнная джанъ,
Радость блещетъ въ очахъ, подвѣнечный нарядъ...
Я—за нею, палимый тоской... Караванъ
Раздавилъ мое сердце, повергъ меня въ прахъ.

И, съ раздавленнымъ сердцемъ, въ дорожной пыли,
Я лежалъ одинокій, отчаянья полнъ...
Караванъ уходилъ, и въ далекой дали
Уходящіе сладостно пѣли звонки.

11.

Да, я знаю всегда—есть чужая страна,
Есть душа въ той далекой странѣ,
И грустна, и какъ я одинока она,
И сгораетъ, и рвется ко мнѣ.

Даже кажется мнѣ, что къ далекой рукѣ
Я прильнулъ поцѣлуемъ святымъ,
Что рукой провожу въ неисходной тоскѣ
По ея волосамъ золотымъ...

12.

Видитъ лань—въ водѣ
Отраженъ олень.
Рыщетъ лань вездѣ,
Ищетъ, гдѣ олень.

Лани зовъ сквозь сонъ
Услыхалъ олень.
Рыщетъ, ищетъ онъ,
Ищетъ ночь и день.

13.

Словно молніи лучъ, словно громъ изъ тучъ,
Омраченъ душой, я на бой пошелъ.
Словно стая тучъ надъ зубцами кручъ,
Милый другъ сестра, братъ твой въ бой пошелъ.

А утихнетъ бой—не ищи меня
Въ удалой толпѣ боевыхъ друзей,
Ты ищи, сестра, воронà коня,
Онъ копытомъ бьетъ въ тишинѣ полей.

Не ищи, душа, не ищи дружка,
На хмѣльномъ пиру, средь товарищей.
Взвоетъ горный вѣтръ, кинетъ горсть песка
Въ твоего дружка на пожарищѣ.

И чужая мать, неродная мать
Будетъ слезы лить надъ могилою,
Не моя сестра—горевать, рыдать,
Разсыпать цвѣты надъ могилою...

14.

СЪ ПОСОХОМЪ ВЪ РУКѢ...

Съ посохомъ въ рукѣ дрожащей, удрученъ, согбенъ, унылъ,
Послѣ долгихъ лѣтъ, скиталецъ, я завидѣлъ милый долъ.
Перешелъ семь горъ высокихъ, семь морей я переплылъ,
Все утратилъ, нищій странникъ, но до родины добрелъ.

Подходя къ селенью, съ сердцемъ переполненнымъ тоской,
За околицею, въ полѣ, друга дѣтства повстрѣчалъ.
«Старина»,—вскричалъ,—«Богъ помочь. Узнаешь, кто я такой?
Измѣнился?» Мой товарищъ поглядѣлъ и промолчалъ.

Мѣрю улицу клюкою. Вотъ и милой частоколъ,
И сама, съ душистой розой, показалась у крыльца.
«Здравствуй»,—молвилъ я,—«сестрица! Богъ намъ свидѣтся привелъ».
Отвернулась, отмахнулась отъ бродяги-пришлеца.

Никну ниже я. Родную вижу хижину, и тынъ,
И старуху—мать.—«Хозяйка, гостю на ночь дай пріютъ!»
Содрогнулась и всплеснула мать руками:—«Какъ ты тутъ?»—
И ко мнѣ въ слезахъ прильнула:—«Сынъ мой милый. Бѣдный сынъ!»

15.

ГІАЦИНТУ ЛИ НАГОРІЙ...

Гіацинту ли нагорій,
Соловью ль, пѣвцу садовъ,
Вѣтру ль мнѣ повѣдать горе,
Тѣни ль бѣглыхъ облаковъ?

Бѣлый свѣтъ подобенъ гробу,—
Словно въ землю я зарытъ.
Увели мою зазнобу!
Плачу, плачу я навзрыдъ.

Безъ нея мнѣ нѣтъ веселья:
Душу взявъ мою,—ушла
И, забывчивыя, зелья
Мнѣ отъ ранъ не припасла...

Гіацинту ли нагорій,
Соловью ль, пѣвцу садовъ,
Вѣтру ль выплакать мнѣ горе,
Стаѣ ль бѣлыхъ облаковъ?

16.

ЗВѢРОЛОВЪ, ОЛЕНЬИМЪ СЛѢДОМЪ...

—«Звѣроловъ, оленьимъ слѣдомъ
Рыщешь ты весь долгій день.
Дикій логъ тебѣ ль не вѣдомъ,
Гдѣ таится мой олень?

—«Солнце, сынъ мой, злой кручиной
Въ горы загнанъ, одичалъ.
Цвѣтъ мой, макъ мой надъ стремниной
Гдѣ цвѣтетъ,—не примѣчалъ?»

—«Брачный платъ зелено-алый
Повязалъ твой сынъ, сестра.
Мнетъ во снѣ женихъ усталый
Нѣгу пестраго ковра.»

—«Кто жъ она,—скажи, родимый,
Коль прослышалъ ты молву,—
Чью на грудь мой сынъ любимый
Клонитъ буйную главу?»

—«Видѣлъ я: склонясь лежалъ онъ
На скалу, твой удалецъ.
Не жену къ себѣ прижалъ онъ:
Онъ зажалъ въ груди свинецъ.

17.

МОЕЙ МАТЕРИ.

—Межъ цвѣтовъ не макъ алѣетъ,—
Спитъ онъ въ каменномъ гробу.
Вѣтерочекъ тихо вѣетъ,
Развиваетъ прядь на лбу».

Въ чужедальномъ я плѣну
Жизнь бездомную кляну:
Какъ съ родимою простился,
Сномъ спокойнымъ не забылся.

Вы летите, птицы, съ горъ:
Залетали ль къ ней на дворъ?
Вѣтерокъ, ты съ моря дуешь:
Отъ нея ль меня цѣлуешь?

Стая въ облакѣ кричитъ,
Мимовѣйный вѣтръ молчитъ:
Краемъ крылъ души коснулись,
Пронеслись—и не вернулись.

Свѣтомъ ласковыхъ очей,
Сладкой звучностью рѣчей
Хоть во снѣ бъ отвелъ я душу,
Хоть во снѣ бъ ее подслушалъ!

Какъ покроетъ долы тьма,
Одолѣетъ мать дрема,—
Льнулъ бы къ ней въ туманѣ тонкомъ,
Ей привидѣлся бъ ребенкомъ!

18.

НѢТЪ ТЕБЯ, ДУША ОТЧИЗНА, КРАШЕ...

Нѣтъ тебя, душа-отчизна, краше!
Въ небѣ горы таютъ. Розу клонитъ
Вѣтерокъ. Озеръ синѣютъ чаши...
А народъ въ потопѣ крови тонетъ!

Отдалъ бы тебѣ, моя отчизна,
Душу я: души единой мало.
Тысячу бъ, съ одною, отдалъ жизней:
Дать другія сердце бъ тосковало!

Я любви твоей сынамъ родимымъ
Жертвою бы сталъ тысячекратной!..
Дай же,—если быть пѣвцу щадимымъ,—
Пѣснью величать тебя пріятной,—

Сѣять кровью политáя нива,
Жаворонкомъ съ неба вѣсть восхода:
Зеленѣетъ огненное диво,
Солнце новыхъ дней встаетъ—свобода!

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ.

19.

Сорванную розу вѣткѣ не вернуть,
Мигомъ миновавшимъ снова не вздохнуть.

Что пережила ты—все во снѣ, въ туманѣ,
И любовь и горе—тѣнь воспоминаній.

Сохраняй же чистымъ сердце, доброй будь,
Чтобъ на память жизни не осѣла муть,

Не спѣши... Смерть глянетъ поздно или рано...
Все пройдетъ безслѣдно: сны и мгла тумана!

20.

Твоихъ бровей два сумрачныхъ луча
Изогнуты, какъ мечъ у палача.
Все въ мірѣ—призракъ, ложь и суета,
Но будь дано испить твои уста,
Ихъ алое вино,—
Я съ радостью приму ударъ меча:
Твоихъ бровей два сумрачныхъ луча
Изогнуты, какъ мечъ у палача.

21.

Безвѣстна, безымянна, позабыта
Могила есть въ безжизненной степи.
— Чей пепелъ тлѣетъ подъ плитой разбитой,
Кто, плача, здѣсь молился: «мирно спи!»

Нѣмой стопой столѣтія проходятъ;
Вновь жаворонка пѣснь безпечна днемъ,
Вновь вѣтеръ волны травяныя водитъ...
— Кѣмъ былъ любимъ онъ? кто мечталъ объ немъ?

22.

МОЯ ДУША...

Моя душа объята тьмой полночной,
Я суетой земною истомленъ.
Моей душой, безгрѣшной, непорочной,
Владѣетъ дивный и великій сонъ.

Лазурнокрылый ангелъ въ небѣ рѣетъ,
На землю дѣва сходитъ, и она
Дыханьемъ звѣздъ, лобзаньемъ неба свѣетъ
Съ моей души ночныя чары сна.

И день, и ночь ея прихода жду я,—
Вотъ-вотъ она покинетъ небосклонъ,
Разсѣетъ ночь души—и, торжествуя,
Я воспою мой дивный, вѣщій сонъ!

23.

ЧЕРНЫЯ, МРАЧНЫЯ ТУЧИ...

Черныя, мрачныя тучи сошлись у тебя на челѣ,
Ты запахнулся въ туманъ, Алагязъ.
Въ сердцѣ моемъ—солнце потухло во мглѣ,
Сердце въ туманѣ мое, Алагязъ.[1]

Къ пестрымъ уступамъ твоимъ я подходилъ, я искалъ:
Не было розъ безъ шиповъ и на нихъ.
Ахъ, мои розы, старикъ, рано завяли у скалъ,
Горе, шиповъ не исчислить моихъ.

Эй, вы, красивыя птицы Манташа, поэты вершинъ!
Если бы горе мое суждено было вамъ,
Эти блестящія шелкомъ и пестрыя перышки спинъ
Стали бъ чернѣе, чѣмъ тьма по ночамъ.

Эй, вы, нѣжные вѣтры Манташа! Вы—сказки листковъ!
Если бы долею вы помѣнялись со мной,
Въ чашечкахъ вашихъ сладкo-медвяныхъ цвѣтковъ
Брызнулъ бы ядъ, сжегъ бы яростный зной.

Крылья разбились, мнѣ ихъ опять не взметнуть.
Здѣсь я, упалъ я въ объятья твои, Алагязъ.
Дай мнѣ сердцемъ, старикъ, къ великому сердцу прильнуть
И плакать, рыдать... Ой, кровью рыдать, Алагязъ!

[1] Алагязъ и Манташъ—горы.

24.

АБУЛЪ АЛА МААРИ.

КАСИТЪ ВЪ 7 СУРАХЪ. [1]

Вступленіе.

Абулъ Ала Маари,
Поэтъ знаменитый Багдада,
Прожилъ три-раза десять лѣтъ въ великолѣпномъ градѣ калифовъ,
Прожилъ въ усладахъ и въ славѣ;
У вельможъ и богатыхъ садился за столъ,
Съ учеными и съ мудрецами вступалъ въ разговоръ,
Друзей любилъ и извѣдалъ,
Въ земляхъ разныхъ народовъ бывалъ, смотря, наблюдалъ и людей и законы,—
И его проницательный духъ постигъ человѣка, постигъ и глубоко возненавидѣлъ.
И, такъ какъ онъ не имѣлъ ни жены, ни дѣтей,
Нищимъ онъ роздалъ богатство,
Собралъ караванъ изъ верблюдовъ, взялъ нѣсколько старыхъ испытанныхъ слугъ,
Взялъ припасы въ дорогу, и, ночью, когда,
Подъ сладострастные шелесты пальмъ, въ сонъ погрузился Багдадъ, на брегахъ, кипарисами убранныхъ, Тигра,
Тайно изъ города вышелъ.

[1] Болѣе подробныя объясненія къ этой поэмѣ см. въ Примѣчаніяхъ.

Сура I.

И караванъ Абулъ Алы, какъ ручей, что, журча, бѣжитъ средь песковъ,
Въ дремотной ночи неспѣшно шагалъ, со звяканьемъ нѣжнымъ большихъ бубенцовъ.
Размѣреннымъ шагомъ путь совершалъ ночной караванъ, віясь какъ змѣя,
И звонъ сладкозвучный лился, затоплялъ погруженныя въ сонъ нѣмыя поля.
Облелѣянный нѣгой, въ дремотѣ Багдадъ былъ истомой сбъятъ райски-пламенныхъ грезъ,
Въ гелистанахъ газели пѣлъ соловей: пѣсни сладкія страсти пѣлъ сладко до слезъ.
Водометы смѣялись, роняя вокругъ адамантовый смѣхъ, ясный смѣхъ безъ конца;
Благовонныхъ лобзаній лился ѳиміамъ отъ кристальныхъ кіосковъ въ преддверьяхъ дворца.
Ароматомъ гвоздики разсказывалъ вѣтръ сказки древнихъ временъ, сказки Шехерезадъ;
Кипарисы и пальмы, въ изнѣженномъ снѣ, у старой дороги качались въ рядъ.

И караванъ, віясь какъ змѣя, назадъ не глядѣлъ, звенѣлъ дальше во мглу,
Неизвѣданный путь неисчетностью чаръ манилъ и ласкалъ Абулъ Алу.
И другой караванъ—бриліантовыхъ звѣздъ свой путь совершалъ по небеснымъ путямъ,
И торжественно-ясный, божественный звонъ звенѣлъ въ безпредѣльныхъ просторахъ и тамъ
Былъ полонъ весь міръ, очарованъ во снѣ безпредѣльнымъ напѣвомъ, перезвономъ съ небесъ,
И, душой ненасытной, Абулъ Маари неумолчнымъ внималъ перезвонамъ съ небесъ.

— «Иди, все иди, ты мой караванъ! шагай все впередъ, остановокъ намъ нѣтъ!»
Такъ, въ душѣ самъ съ собой, говорилъ съ тоской Абулъ Маари, великій поэтъ.

«Въ пустыню веди, къ безлюднымъ краямъ, свободнымъ, святымъ, въ изумрудную даль,
Къ солнцу стремись, торопись! будетъ мнѣ—въ сердцѣ солнца спалить свое сердце не жаль!
Вамъ прости не скажу я, могила отца, материнская люлька подъ кровлей родной,
Съ былымъ мое сердце въ ссорѣ навѣкъ: съ тобой, отчій домъ! память дѣтства съ тобой!

«Когда-то любилъ я сердечно друзей, и далекихъ и близкихъ, не всѣхъ ли людей,
Но стала любовь ядовитой змѣей и огненной мучитъ отравой своей!
Я все ненавижу, что прежде любилъ, что въ душахъ людскихъ мой взоръ подсмотрѣлъ:
Тысячу золъ я въ людяхъ сбрѣлъ,—отвратныхъ и черныхъ, позорныхъ дѣлъ!
Но тысячу первымъ гнушаюсь я зломъ,—лицемѣріемъ гнуснымъ, что хуже всѣхъ золъ,
Я бѣгу отъ него, ибо краситъ оно человѣческій ликъ въ святой ореолъ.
Языкъ человѣка! души его адъ въ покровъ убираешь ты, въ сотню прикрасъ,
Въ лазурный наметъ, въ поцѣлуй, въ ароматъ,—но правдивое слово сказалъ ли хоть разъ?
Языкъ человѣка! Отравленный дротъ! Медъ струя, ты мнѣ сердце пробилъ, какъ стрѣла.
Въ сердцѣ умерло небо любви и надеждъ, и, какъ солнце заходитъ, въ немъ вѣра зашла.

«Въ пустыню иди, ты, мой караванъ! въ безлюдный, и въ дикій, и въ знойный край!
Подъ грозной стѣной мѣдно-рыжихъ скалъ тамъ сдѣлай привалъ, межъ звѣрей отдыхай!
Гдѣ гнѣзда ехиднъ, разсбью свой шатеръ! разобью свой шатеръ, гдѣ спитъ скорпіонъ!
Вдали отъ людей будетъ въ тысячу разъ безопаснѣй, покойнѣй, прекраснѣй мой сонъ!
Безопаснѣй, чѣмъ въ дни, когда я преклонялъ главу утомленно другу на грудь,

Ахъ, другу на грудь, подъ которой всегда разверстая бездна готова сглотнуть.
Доколѣ Синая сѣдую главу суровсе солнце будетъ палить,
И желтыя груды въ пустынѣ нагой, какъ волны морей, волноваться и бить,—
Я не захочу увидѣть людей, друзей былыхъ и кровныхъ родныхъ,
Я не захочу услышать сбъ нихъ, сбъ ихъ дѣлахъ, ничтожныхъ и злыхъ!»

Въ послѣдній разъ Абулъ Маари, обратясь, на Багдадъ уснувшій взглянулъ,
Свой морщинистый лобъ съ отвращеньемъ отвелъ и къ шеѣ верблюда любовно прильнулъ.
Со сладостной лаской поэтъ цѣловалъ горячимъ лсбзаньемъ верблюда въ глаза,
И одна за другой, палящей росой, по рѣсницамъ поэта стекала слеза.
Со звяканьемъ нѣжнымъ, качаясь въ пескахъ, спокойно, размѣрно шагалъ караванъ,
По пустынѣ впередъ совершалъ свой походъ къ голубымъ берегамъ неизвѣданныхъ странъ.

Сура II.

И тотъ караванъ, віясь какъ змѣя, межъ пальмъ горделивыхъ свой путь совершалъ,
И песокъ поднималъ, песка караванъ, и вѣтеръ игривый ту пыль развѣвалъ.

— «Впередъ, караванъ! что̀ кинули мы, чтобъ глядѣть, сожалѣя, на жизнь прошлыхъ лѣтъ?»
Такъ, въ душѣ самъ съ собой, говорилъ съ тоской Абулъ Маари, великій поэтъ.
«Что за нами осталось, о мой караванъ! чтобъ вернуться назадъ, въ отчизну свою?
Покинули мы друзей и жену? богатство и славу, родныхъ и семью?
Покинули мы людей и народъ? законъ, справедливость, отчизну, права?
Иди и не медли! покинули мы лишь оковы и цѣпи, обманъ и слова!

«Ахъ! женщина что? кровожадный паукъ, коварный и лживый,
тщеславье безъ дна,
Что любитъ лишь хлѣбъ твой! и, ядъ въ поцѣлуй вливая, другому
она продана!
На ветхой ладьѣ лучше въ море плыви, чѣмъ женщинѣ, клятвѣ
преступной, повѣрь:
Устами ея Иблисъ [1] говоритъ! о блудница, въ красивомъ обличіи
звѣрь!
О лиліи чистой, лучистой звѣздѣ ты мечталъ, ты желалъ спать
подъ свѣтлымъ крыломъ,
Ждалъ, что будетъ она бальзамомъ для ранъ, надъ страдающей
жизнью сіяющимъ сномъ,—
Ты грезилъ о пѣснѣ, какъ пѣснь родника, что влечетъ и поетъ
въ голубыхъ берегахъ,
Жаждалъ сладостныхъ слезъ на небесной груди, безсмертной
росы на прелестныхъ очахъ!
Но жаждущимъ душамъ женщинъ любовь только горечь сулитъ,
какъ морская вода.
Въ сладострастномъ томленьи ты тѣло лобзалъ, не насыщенъ
и съ новымъ желаньемъ всегда!

«О, безстыдное тѣло женщинъ! змѣя! преступленья и зла сата-
нинскій сосудъ!
Упоенія горьки, палящія плоть, и на солнце души они тучу
несутъ!
Ненавижу любовь, этотъ буйный прибой сжигающихъ больно,
палящихъ пучинъ,
Этотъ сладостный ядъ, опьяняются чѣмъ и жалостный рабъ и
царь-властелинъ!
Ненавижу любовь, что жестока какъ смерть, что рождаетъ по-
всюду зло безъ узды,
Неисчерплемый ключъ, что струитъ на весь міръ постыдную тину
вмѣсто воды!

«Ненавижу я женщинъ, лобзанія ихъ, гнушаюсь коварствъ
оскверняющихъ нѣгъ,
Отъ порочнаго ложа ласки бѣгу и родильницы одръ проклинаю
навѣкъ!

[1] Иблисъ — злой духъ.

«Васъ, жестокіе роды и боли, кляну! порождаете вы стаю хищныхъ виперъ,
Что, клубяся, шипятъ и другъ друга язвятъ, чадной страстью сквернятъ звѣзды выспреннихъ сферъ!
Тотъ безчестенъ, себя превратилъ кто въ отца, изъ блаженнаго сна вызвалъ новый ростокъ,
Въ жизни сей стебелекъ на страданья сбрекъ, и надъ нимъ бытія Геену зажегъ!
«Согрѣшилъ мой отецъ въ быломъ предо мной, но я ни предъ кѣмъ грѣха не свершилъ!»
Напишите такъ на могилѣ моей, если мнѣ суждено вѣдать радость могилъ.
«Доколѣ вокругъ изумрудныхъ бреговъ Геджа́са [1] гремитъ прибоя ударъ,—
Желать я не буду женской любви, искать я не стану обманчивыхъ чаръ.
Скорѣй возжелаю терновникъ ласкать, его кустъ цѣловать, что дикъ и колючъ,
Скорѣй на скалу главу положу, ланитой прильну на камень горючъ!»

И караванъ, стозвучно звеня, свой путь продолжалъ, віясь какъ змѣя,
Спокойно и стройно къ пустынѣ нагой онъ шелъ все впередъ въ золотыя поля.
Казалось, рыдали въ ночи бубенцы, и звонкія слезы по каплѣ лились,
Какъ-будто рыдали объ томъ, что въ быломъ любилъ Маари и твердили: «вернись»!
Свирѣли зефировъ пѣли во мглѣ, такъ сладко, нѣжнѣй, чѣмъ напѣвы шарги, [2]
Про раны любви, про тоскливую скорбь, про тихіе сны и мечтанья тоски.

Были сумрачны думы Абулъ Алы, и грусть его сновъ—безъ конца, безъ границъ,

[1] Геджасъ—сѣв.-зап. берега Аравіи.
[2] Шаргà музыкальный инструментъ.

Какъ путь, что угрюмо тянулся средь мглы, вился межъ
песковъ—безъ конца, безъ границъ.
Въ душѣ тосковалъ Абулъ Маари, безнадежной тоской было
сердце полно,
Къ созвѣздіямъ нѣжнымъ онъ взоръ устремлялъ, съ безбрежнымъ
путемъ сливаясь въ одно,
Но назадъ не глядѣлъ на пройденный путь, и душа не горѣла
забытымъ былымъ,
Отвѣчать не хотѣлъ на привѣты другихъ, и привѣтовъ не слалъ
караванамъ другимъ.

Сура III.

И караванъ Абулъ Алы, какъ ручей, что журчитъ посреди ти-
шины,
Спокойно и стройно шелъ все впередъ при сладостномъ свѣтѣ
смиренной луны.
И луна, словно грудь юной дѣвы—изъ тѣхъ, что мечтаютъ въ
Дженнатѣ, [1] прозрачна, свѣтла,
То стыдливо скрывалась во мглу облаковъ, то зыбко и нѣжно
по небу плыла.
Въ благовонную дрему укрылись цвѣты, изъ алмазовъ надѣвъ
несравненный уборъ,
Птицы, съ крыльями радугъ, ласкались, дрожа, доносился ихъ
щебетъ, какъ радостный хоръ.
Ароматомъ гвоздики нашептывалъ вѣтръ сказки древнихъ вре-
менъ, сказки Шехерезадъ;
Кипарисы и пальмы, въ изнѣженномъ снѣ, у старой дороги кача-
лись въ рядъ.

Сказкамъ вѣтра внимая, Абулъ Маари самъ съ собой говорилъ,
знаменитый поэтъ:
— «Вся вселенная—сказка, полная чаръ, гдѣ нѣтъ конца и
начала гдѣ—нѣтъ.
Кто же сплелъ эту сказку, роскошный разсказъ, сплелъ съ ней
вмѣстѣ созвѣздья, безсчетность чудесъ?

[1] Дженнатъ—рай.

Говоритъ безпрестанно съ такимъ волшебствомъ на безсчетность
ладовъ, говоритъ, но исчезъ?
Возникаютъ народы, уходятъ во мглу, но никто разгадать смысла
сказки не могъ.
Лишь поэты порой, что-то въ ней угадавъ, безсмертный напѣвъ
оставляютъ въ залогъ.

«Начала ея не слышалъ никто, не услышитъ никто ея конца,
Но вѣками живетъ каждый жизненный звукъ, безъ начала живетъ, живетъ безъ конца.
Для каждаго, кто приходитъ въ сей міръ, прекрасная сказка
также нова,
Начинается съ жизнью, до смерти звучитъ, пока живъ человѣкъ,
эта сказка жива.
Вселенная—сказка, жизнь—нѣкій сонъ, народы—прохожій, въ
пути караванъ,
Идущій впередъ, съ пламенѣющимъ сномъ, къ недвижнымъ могиламъ невѣдомыхъ странъ.
Слѣпцы и безумцы, не чувствуя сна, упорно не внемля той сказкѣ
святой,
Вырываютъ съ борьбой другъ у друга куски, другъ друга толкаютъ къ могилѣ съ борьбой.

«Мы создали сами законовъ ярмо; паукъ намъ разставилъ губящую сѣть;
Волшебную сказку мы сами мертвимъ, и снамъ не даемъ ихъ
огнемъ пламенѣть.
Злосчастные люди! все будетъ—лишь прахъ: ваши злыя сердца
и дѣла вашихъ рукъ.
Безучастное время сотретъ всѣ слѣды кровавой расправы, и
славы, и мукъ!
И вѣтеръ безпечный будетъ свистѣть надъ плитами вашихъ
забытыхъ гробовъ,
Ибо вы не сумѣли упиться вполнѣ этой сказкой волшебной,
цѣлебностью сновъ!»

Межъ тѣмъ караванъ бриліантовыхъ звѣздъ свой путь совершалъ по небеснымъ путямъ,
И торжественно-ясный, божественный звонъ звенѣлъ неумолчно
въ просторахъ и тамъ.

Былъ полонъ весь міръ, очарованъ во снѣ безпредѣльнымъ напѣвомъ, перезвономъ съ высотъ,
И душой ненасытной Абулъ Маари неумолчнымъ внималъ перезвонамъ съ высотъ.

—«Иди, караванъ мой! сплетая свой звонъ со звономъ небеснымъ, нетлѣннымъ,—иди!
Въ материнское лоно природы веди, развѣй мои стоны, назадъ не гляди!
Въ тотъ свѣтло-одеждный, невѣдомый край, къ одинокой, далекой, безвѣстной странѣ,
Гдѣ есть мой оазъ, гдѣ грезъ моихъ ключъ звенитъ, освѣжая, въ святой тишинѣ!
Молчаливое небо! со мной говори языкомъ твоихъ звѣздъ и меня утѣшай!
То сердце мое, что міръ уязвилъ, что ужалили братья, въ тиши обласкай!
Свободенъ мой духъ! надъ собой не терплю—я ни силы, ни власти, все—воля моя:
Нѣтъ для меня ни блага ни зла, ни суда ни закона, я самъ—свой судья!
Надъ моей головою быть не должно ни защиты, ни крова отъ вѣчной Судьбы;
Пусть внѣ жизни моей—какъ въ темницѣ темно, пусть тамъ, гдѣ не я, цари и рабы!
Быть хочу внѣ предѣловъ, не вѣдать владыкъ, долга не знать, забыть Божество:
Быть свободной безмѣрно, безгранно, во всемъ,—душа моя жаждетъ лишь одного!»

Караванъ все впередъ совершалъ свой походъ, и сіяли надъ нимъ,—такъ смѣется дитя,—
Очи вѣчно-свободныхъ, сверкающихъ звѣздъ, въ тверди синей надъ тихой пустыней блестя.
Росою волшебной въ дремотной ночи весь искрился путь въ бирюзовой дали;
Въ бирюзовую даль, въ безмятежную даль верблюды, качаясь, размѣренно шли.

Сура IV.

Какъ гигантская птица, черная ночь широко простерла крылья
свои;
Огромныя крылья нависли, покрывъ караванъ, всю пустыню,
оазы, ручьи...
И, отъ дали до дали, сумраки тучъ разостлали по небу, чернѣя,
кайму;
Луна и созвѣздья утратили свѣтъ, и казалось, что тьма окутала
тьму.
Налетали сурово вѣтры, стеня, словно кони, сорвавшись съ
узды иль съ цѣпей;
Въ ураганѣ кружились, крутились въ борьбѣ облака и песокъ
сожженныхъ степей.
Смертоносную дрожь вызывали, свистя, и на сто голосовъ завывали вокругъ,
Словно звѣри на волѣ, отъ боли рыча, изъ желѣзныхъ затворовъ
ринулись вдругъ.
Вились по ущельямъ, съ весельемъ вопя, листья пальмъ по
оазамъ крутили, шурша
И скорбный псаломъ запѣвали потомъ, словно чья-то въ пустынѣ
рыдала душа.

— «Иди, караванъ мой! стойко иди! противъ вѣтра впередъ!
остановокъ намъ нѣтъ!
Такъ, въ душѣ самъ съ собой, говорилъ съ тоской Абулъ Маари,
великій поэтъ.
«Войте, лютые вѣтры! ревите кругомъ! обвѣвайте, вы, вихри,
главу мою!
Вотъ, робости чуждъ, съ непокрытымъ челомъ, я, буйные вѣтры,
предъ вами стою.
Нѣтъ, я не вернусь назадъ въ города, гдѣ ликуетъ, бушуетъ
мутная страсть,
Не вернусь никогда я въ тѣ города, гдѣ людская царитъ кровожадная власть.
Нѣтъ, я не вернусь, бездомный, домой! я самъ погасилъ свой
отчій очагъ.
Горе тому, кто живетъ въ дому, кто не смѣетъ, какъ песъ, отойти
ни на шагъ!

«Налетите, о вѣтры, на отчій мой домъ! расшатайте устои, разрушьте въ немъ все!
Развѣйте по свѣту безбрежному пыль! дорога безъ края—мое жилье!
Уединенье—отчизна моя! отчій кровъ мнѣ теперь—въ звѣздахъ небеса!
И караванъ—теперь мнѣ семья! и мой покой—пустынь голоса!
О, чудесный мой путь, неизвѣстный всегда, вѣчно полная жизни, отчизна моя!
Уводи меня въ даль! сердце, полное слезъ, уводи въ тѣ края, гдѣ одинъ буду я!
И, куда бъ ни привелъ, и оттуда спѣши: на пути остановка—новая боль!
Добрый путь, уводи, дай исчезнуть, пропасть, дай скрыться отъ всѣхъ, затеряться позволь!

«Что осталось за нами, о мой караванъ, чтобъ вернуться назадъ, въ край близкихъ моихъ?
Покинули мы друзей и жену? богатство и славу: семью и родныхъ?
Людей и народъ покинули мы? законъ, справедливость, отчизну, права?
Иди все впередъ! покинули мы лишь оковы и цѣпи, обманъ и слова!
Что слава? Сегодня возносятъ тебя, именуя, ликуя, къ послѣдней чертѣ,
А завтра съ презрѣньемъ каменьями бьютъ, и топчутъ, повергнувъ въ своей слѣпотѣ.
Что честь? или что уваженье людей? чтутъ золото только, изъ страха насъ чтутъ,
Но чуть поскользнешься,—сталъ честенъ другой, надъ тобой же свершаютъ безжалостный судъ.
И что же богатство? Имъ каждый глупецъ покупаетъ и власть, и талантъ, и любовь.
Богатство—то трупы убитыхъ людей, и слезы сиротъ, и пролитая кровь.
Да что и отчизна? глухая тюрьма! поле брани и злобы, гдѣ правитъ толпа,
Гдѣ тиранъ безпощадный во славу свою въ пирамиду слагаетъ жертвъ черепа!

«Ненавижу отчизну! она богачамъ тучнымъ пастбищемъ служитъ
для всякихъ потребъ,
А пахарь безправый кровавой земли голый камень грызетъ,
взирая на хлѣбъ!
Ненавижу я чернь! раболѣпна, тупа, она повторяетъ любой
глупый толкъ,
Но, духа гонитель, насилья упоръ, она, власть почуявъ, свирѣпа,
какъ волкъ!
И общество что? только лагерь враговъ, гдѣ всѣ неизмѣнно въ
презрѣнномъ плѣну.
Оно не выноситъ паренья души, стремленья свободной мечты
въ вышину.
Общество—обручъ, сжимающій духъ! ужасающій бичъ, свистящій подъ смѣхъ,
Ножницы жизни, что рѣжутъ людей, чтобы равными сдѣлать,
похожими всѣхъ.
Ахъ! что и законы? самими людьми въ руки сильныхъ дается
отточенный мечъ,
Чтобы сильныхъ хранить, чтобы слабыхъ губить, чтобы головы
бѣднымъ безжалостно сѣчь.

«Я ненавижу, во гнѣвѣ святомъ, людскіе законы, права и суды.
Гдѣ властенъ законъ, тамъ бѣднякъ угнетенъ: гдѣ не дремлютъ
суды, тамъ свобода вражды.
Путь невѣдомый мой! безслѣдно укрой меня вдалекѣ отъ кровавыхъ правъ!
Пусть лучше меня растерзаетъ тигръ, чѣмъ въ силу закона буду
я правъ.
Меня уведи, о мой караванъ! ехиднамъ довѣрь, подъ пескомъ
схорони!
Шагъ въ пустыню направь, отъ закона избавь! да въ великой
свободѣ пройдутъ мои дни!»

А въ ярости буйной огнистымъ мечемъ руки молній рубили по
мглистости тучъ,
Дробились въ упоръ о выступы горъ, и громъ грохоталъ, непокорно-могучъ.
Вѣтры вопили, въ оазахъ вдали, кипарисы и пальмы шумѣли,
треща,
И караванъ, подъ звонъ бубенцовъ, безудержно, быстро бѣжалъ
трепеща,

Бѣжалъ онъ, летѣлъ онъ, подъ звонъ-перезвонъ, песчанымъ плащемъ покрывая свой путь,
Какъ будто гонимый незримой рукой, отъ грозной погони спѣша ускользнуть.

Сура V.

Благоухали въ полдневномъ жару нарцисъ и заторъ, дыша, всѣ въ цвѣту,
И караванъ, затерянъ въ пыли, подвигался впередъ, утомленъ и въ поту.

— «Иди, караванъ мой! сквозь бурю и зной, въ пустыню войди, остановокъ намъ нѣтъ!»
Такъ, въ гнѣвѣ, съ тоской, говорилъ самъ съ собой Абулъ Маари, великій поэтъ.
«Пусть встрѣтитъ меня обжигающій вѣтръ, слѣдъ въ горючихъ пескахъ пусть сотретъ онъ навѣкъ,
Чтобъ меня человѣкъ не нашелъ никогда, чтобъ рядомъ со мной не дышалъ человѣкъ.
Отъ людей я въ пустынѣ буду спасенъ, такъ кого же еще мнѣ бояться теперь?
Съ громкимъ рыканьемъ въ пескахъ на меня пусть нападаетъ яростный звѣрь!
Уже вижу я львовъ рыжешерстыхъ вдали, что глядятъ на меня, тая свой порывъ,
И вѣтеръ свѣваетъ тысячу искръ на желтый песокъ съ ихъ желтѣющихъ гривъ.

«О, придите, взываю, я не бѣгу! придите пожрать уязвленную грудь!
Я назадъ въ города не вернусь никогда, въ людское жилье не войду отдохнуть.
Быть должно съ людьми на стражѣ всѣ дни, съ оружьемъ въ рукахъ озираться вокругъ,
Чтобъ тебя не обидѣлъ, не растерзалъ, накинувшись вдругъ, и недругъ и другъ.
Что люди? Подъ маской—дьявольскій ликъ! у каждаго коготь и жало найдешь,

Копыто и клыкъ: ихъ лживый языкъ всегда ядовитъ и колетъ,
как нож.
Что люди? Имъ любы крохи твои! вызираетъ ихъ взглядъ, гдѣ
отъ денегъ ключи.
Готовы отречься, готовы предать, что стая лисицъ, палачи,
палачи!
Всѣ низкопоклонны, продажны всѣ, малодушны и льстивы во дни
нищеты;
Всѣ немилосерды, мстительны всѣ, во дни богатства, кичливы,
пусты.
Обозрѣвши пески, если счесть всѣ шаги, что мой караванъ по
дорогѣ прошелъ,
Несчестность шаговъ не сравнится съ числомъ въ единыя сутки
свершаемыхъ золъ.

И вотъ говорю я: услышьте меня, ты, Сѣверъ и Западъ, ты Югъ
и Востокъ!
Чьи враждебные вѣтры внемлютъ теперь правдивымъ словамъ,
что путникъ изрекъ!
Услышьте! развѣйте жгучую рѣчь, пусть отъ моря до моря
узнаетъ весь свѣтъ,
Что хуже, постыднѣй, чѣмъ человѣкъ, что жесточе его—созданія
нѣтъ.
Люблю я шакала и съ жаломъ змѣю, и лишь къ человѣку во мнѣ
нѣтъ любви.
Кто столь же нещадно мучилъ меня? чьи алчныя руки столь же
въ крови?
Доколь надъ пустыней въ синей выси огневѣетъ созвѣздій за
взглядами взглядъ,
Доколь, воздымаясь, волны песка подъ вѣтромъ шумятъ и какъ
змѣи шипятъ,—
Я не захочу человѣка узрѣть, не вернусь къ прежней жизни
въ отчизнѣ, какъ въ плѣнъ,
Пусть вихрь огневой встаетъ предо мной, пусть мнѣ угрожаютъ
зубы гіенъ!

«Бѣги, караванъ мой! отъ шумныхъ пировъ, безумныхъ развратныхъ безстыдныхъ всегда,
Отъ гнусныхъ базаровъ торговли и лжи, отъ мерзостныхъ скопищъ безъ капли стыда!

Отъ женщинъ бѣги, и бѣги отъ любви, отъ дружбы и мести бѣги
цѣлый день,
Мнѣ ненавистно все, что съ людьми, мнѣ ненавистна людей даже
тѣнь.
Иди, караванъ мой, иди, попирай копытами—землю, права и
законъ
И пылью пути своего покрывай, какъ добро, такъ и зло,—бѣги
дальше подъ звонъ!»

Выпрямивъ выи крутыя свои, верблюды бѣжали, какъ вѣтеръ
легки,
Бѣжали подъ звонъ, и по ихъ слѣдамъ, какъ другой караванъ
клубились пески.
Бѣжали подъ звонъ, по сожженнымъ степямъ, въ даль невѣдо-
мыхъ странъ, къ золотистой дали,
Оазы, деревни, деревья, поля исчезали за ними въ песчаной
пыли.
Словно испуганъ, Абулъ Маари бѣжалъ неустанно все къ новымъ
мѣстамъ,
Какъ будто бы люди, женщина, долгъ гнались безпрестанно
за нимъ по пятамъ.
Подъ звонъ-перезвонъ, проходилъ караванъ безвозвратно, не
глядя, чрезъ множество странъ,
Мимо сумрачныхъ башенъ большихъ городовъ, гдѣ наживой
и страстью людъ алчущій пьянъ;
Мимо скорбныхъ строеній глухихъ деревень, столѣтья объятыхъ
довольствомъ тупымъ;
Бѣжалъ неустанно къ пустынѣ нагой, съ постоянной тоской,
по степямъ золотымъ.

Караванъ все бѣжалъ, и ночи и дни, свой путь совершалъ, віясь
какъ змѣя,
И въ душѣ размышлялъ Абулъ Маари, нахмуривъ чело и гнѣвъ
затая.
Онъ плакалъ безъ слезъ, и въ сердце впилась нѣмая тоска, безъ
конца, безъ границъ,
А путь его росъ, дорога вилась по равнинамъ песка, безъ конца,
безъ границъ.
Не хотѣлъ онъ взглянуть на пройденный путь, и прошлаго было
не жалко ему,

Безъ отвѣта привѣты другихъ оставлялъ и привѣтствій не слалъ
по пути никому.

Сура VI.

И караванъ Абулъ Алы, вратъ пустыни достигнувъ, сталъ,
утомленъ.
Аравійской великой пустыни предѣлъ предъ нимъ простирался,
солнцемъ сожженъ.
Берега кругозора надъ далью песковъ загорались, одинъ за другимъ, въ свой чередъ;
Черно-бархатный плащъ поднимала мгла; въ фосфорическомъ
блескѣ дрожалъ небосводъ.
И близъ каравана Абулъ Ала, одинокій, спокойный, задумчивый—сѣлъ,
Главу преклонивъ на златистый утесъ, онъ пристально въ даль
голубую смотрѣлъ.

— «Какъ свободенъ, свободенъ безбрежно я! Ужель берега
пустыни сполна
Вмѣстятъ, заключатъ свободу мою, обнимутъ свободу безъ
граней, безъ дна?
Не достигнетъ рука человѣка меня, не подсмотритъ никто моихъ
пламенныхъ грезъ.
О свобода! ты—свѣтлый, святой ароматъ роскошныхъ, въ раю
расцвѣтающихъ розъ!
Вѣнкомъ этихъ розъ меня увѣнчай, свой факелъ зажги въ потемкахъ души!
Ты, свобода,—безсмертный, святой Аль-Коранъ соловьевъ, что
въ раю распѣваютъ въ тиши!
Царица пустыня! ты—міръ золотой одиночества! здравствуй,
святое жилье!

«Благословенъ непорочный край, гдѣ люди людей не терзали
еще!
Протянись, разстели мятежныхъ песк въ безбрежное море во всѣ
концы.
Покрой всѣхъ людей, упокой города, селенья сады, лачуги,
дворцы!

Съ драконами бурь, пусть вольность твоя повсюду отнынѣ надъ
міромъ царитъ,
И, пронзая лазурь, пусть солнце, горя, свободу пустыни вездѣ
золотитъ!
Волшебствомъ неисчетнымъ, чарующимъ сномъ, все пылая
огнемъ, воздвигаетъ чертогъ
Надъ вселенною Солнце, раскинувъ власы: встало Солнце,
всталъ Шемсъ,[1] кто сильнѣе, чѣмъ Богъ!

И пышное солнце встало, горя, надъ великой пустыней, какъ
шаръ, заалѣвъ,
Засверкали, зажглись золотые пески, какъ возставшій гигантъ,
титаническій левъ.

— «Саламъ тебѣ, Солнце! шюкръ безъ конца![2] материнское лоно,
безсмертная мать,
Только ты есть добро, милосердо лишь ты, лишь тебѣ вся любовь!
святъ, святъ, святъ! благодать!
Ты безсмертнымъ восторгомъ наполнило грудь Зороастра-
пророка когда-то давно!
Завязь, полная жажды, здѣсь сердце мое: пурпуровое влей
въ мое сердце вино!
Ты—нетлѣнная чаша вселенной, въ тебѣ—золотыхъ опьяненій
и радостей хмель,
Ты—бездонная чаша негаснущихъ чаръ, ты — безсмертныхъ и
чистыхъ восторговъ купель!

«Опьяняй же меня! опьяняй же меня! неисчерпнымъ виномъ
опьяняй меня!
Чтобъ забыть навсегда скорбь, и зло, и людей, и ночи обманъ,
и насиліе дня!
Ты сзываешь весь міръ на немолкнущій пиръ, ты—вселенной
добро, и сумракъ—твой врагъ!
Необорный противникъ, сражаешь ты мглу! ты сильнѣе, чѣмъ
Богъ! ты—праведный стягъ!
Опьяняй же меня блаженствомъ твоимъ, твоей свѣтлостью
вѣчной меня опьяняй!

[1] Шемсъ—имя божества.
[2] Саламъ, шюкръ—привѣты.

Все, что ранитъ въ быломъ, да канетъ навѣкъ въ благовонный,
безсонный, бездонный твой рай!

«Только ты есть добро, милосердо лишь ты, ты—безсмертная мать,
благодать, святъ, святъ, святъ!
Поправшее смерть, ты—матерь весны, ты выше чудесъ, ты
прекрасно стократъ!
Тебя я люблю! тебя я люблю! жги, язви, опаляй—меня средь
пустынь,
Палящей любовью меня обласкай и золото космъ мнѣ нà-душу
кинь!
Мнѣ уста окровавь, на нихъ, наложивъ какъ палящій пожаръ,
золотой поцѣлуй!
Мнѣ объятья раскрой, чтобъ съ блаженной тоской я кинулся
въ бурю пламенныхъ струй!»

«Эй, верблюды, пора! поднимайтесь!» вскричалъ, обратясь къ
каравану Абулъ Маари,
«Отъ копытъ отряхните проклятую пыль прежнихъ, рабскихъ
дорогъ, въ свѣтѣ новой зари!
И, въ послѣдній разъ, внемлите словамъ: Я васъ ненавижу,
люди земли,
Вашихъ вѣръ не хочу, гнушаюсь я всѣмъ, и зломъ и добромъ,
всѣмъ, что вы обрѣли!
Лишь цѣпи куетъ, создаетъ человѣкъ, лишь тюрьмы рабамъ,
каждый день, каждый часъ.
Я васъ ненавижу навѣкъ, навѣкъ! о, въ послѣдній разъ ненавижу
я васъ!
Пусть оглохнетъ мой слухъ, чтобъ его не смущалъ ненавистный
шумъ, человѣческій шумъ,
Пусть ослѣпнетъ мой взоръ, чтобъ вовѣкъ не желалъ оглянуться
назадъ, на людской самумъ!
Впередъ, караванъ мой! вѣками лети! вѣками мчись къ солнцу,
взвивайся, какъ пухъ,
Чтобъ въ свѣтлыхъ огняхъ, въ пьяныхъ лучахъ, осолнчился я,
обезсмертилъ свой духъ!
О, Солнце-Родитель! пурпурнымъ плащемъ мнѣ плечи покрой
въ моей новой судьбѣ,
Чтобъ я, побѣдитель, лазурнымъ путемъ, стремился мечтой все
къ Тебѣ, все къ Тебѣ!»

Сура VII.

И, златистые челны,—верблюдовъ ряды,—прорѣзавши волны огнистыхъ песковъ,
Помчались, качаясь, взрывая слѣды, въ златистую даль, подъ звонъ бубенцовъ.
Никакіе самумы палящимъ крыломъ не догнали бы ихъ межъ песчаныхъ долинъ,
И ихъ не догналъ бы звенящимъ копьемъ, на быстромъ конѣ летя, бедуинъ.
И пальмы оазовъ какъ пери свѣтлы, лобзанья дарили Абулъ Маари,
И пламенной сказкой, привѣтомъ любви, услаждали его, отъ зари до зари.

Но онъ не внималъ нѣжнымъ шелестамъ ихъ, привѣтамъ любви, что шептала заря,
Онъ къ Солнцу, онъ къ Солнцу упорно летѣлъ, самъ солнцу подобенъ, какъ солнце горя.
За нимъ разстилалась пустыня одна, залитая свѣтомъ, лишь свѣтомъ однимъ,
А знойное Солнце, въ сапфирѣ волосъ, пронизанныхъ свѣтомъ, горѣло надъ нимъ.

Недоуздокъ на волѣ, мчался верблюдъ, безшумно, безумно, рьяно впередъ,
Въ желто-пламенномъ полѣ, не вѣдая путъ, безраздумно, бездумно и пьяно впередъ.
Подъ пылающимъ сонмомъ небесныхъ лучей надъ верблюдами словно горѣли вѣнцы,
Немолкнущимъ звономъ вольнѣй, веселѣй, свободнѣй звенѣли вездѣ бубенцы.
И, пурпурнымъ плащемъ одѣтъ, Маари, летѣлъ, погруженъ въ божественный сонъ,
Лазурнымъ путемъ, отъ зари до зари, все къ Солнцу, все къ Солнцу летѣлъ, опьяненъ.

ДЭРЭНИКЪ ДЭМИРЧІАНЪ.

1873 Г.

1. Осень. Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*
2. Отрывки изъ поэмы. Перевелъ *онъ же.*

1.

ССЕНЬ.

Осень въ лѣсу—роковую, печальную,
Тихую пѣсню поетъ, погребальную,
Грусть нагоняя на сердце надгробную,
Тихую, грустную,
Пѣсню печальную,
Стону подобную,
Долгую, грустную,
Пѣсню прощальную,
Пѣсню незлобную.
Смерти предвѣстіемъ душу страдальную,
Душу смущая, къ борьбѣ неспособную.

2.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ

ЛЭНКЪ-ТИМУРЪ.

I.

Насталъ жестокій, черный годъ: зима—безснѣжна и тепла;
Весна—потоплена въ дождяхъ; дни лѣтніе—сухая мгла.
Какъ-будто кровью полный глазъ, стояло солнце въ облакахъ,
Вѣщая кровь, смотрѣло внизъ, и взглядомъ наводило страхъ.
Изъ тучъ, какъ высохшихъ грудей, струилась ржавчина и ядъ,
Посѣвъ не приносилъ плодовъ, дышалъ зловоніемъ распадъ,
И мертвецы изъ мглы могилъ, вставали, жалобно стеня:
Шелъ черный годъ, жестокій годъ, гладъ, мечъ, всемірная рѣзня.

II.

Рѣзня, рѣзня, вездѣ, вездѣ, безуміе, убійства, страхъ!
Рѣзня повсюду,—въ городахъ, по деревнямъ, въ монастыряхъ!
Рѣзня нещадная вездѣ! кто живъ, кляни свой первый вздохъ,
Кто видитъ,—лучше бы ослѣпъ, кто слышитъ—лучше бы оглохъ!
Ослѣпнемъ всѣ, и ослѣпимъ мы солнце, этотъ глазъ дневной,
И сверху донизу весь міръ задернемъ черной пеленой.
Ударьте, вѣтры, безъ препонъ, безудержно трясите твердь,
Разверзни чрево, хаосъ! Пусть грядетъ Послѣдній День и Смерть!
Что за чудовищный народъ, суроволикъ, великоглавъ?
Не въ трубы ль Страшнаго Суда трубятъ архангелы, возставъ?

III.

Сурунъ, сурунъ! [1]—то броней звонъ,
Гора гремитъ и вторитъ долъ,
Сурунъ, сурунъ! бѣгите прочь,
Гора гремитъ и вторитъ долъ.

Бѣда, бѣда роднымъ горамъ,
Бѣда, бѣда роднымъ полямъ,
Бѣда князьямъ и пастухамъ,
Пришелъ суровый Лэнкъ-Тимуръ...

Бѣги, дитя! бѣги, старикъ!
Бѣги, богачъ! бѣги, мужикъ!
Въ пещерахъ, дѣвы, скройте ликъ!
Пришелъ суровый Лэнкъ-Тимуръ.

Грозитъ мечемъ, грозитъ огнемъ,
Наполнилъ страхомъ высь и долъ,
Сурунъ—сурунъ! бѣгите прочь,
Гора гремитъ и вторитъ долъ.

[1] Сурунъ—возгласъ древнихъ монголовъ при нападеніи. Лэнкъ-Тимуръ—Тамерланъ (см. выше, стр. 328).

ШУШАНИКЪ КУРГИНЬЯНЪ.

1875 г.

1. Панихида. Перевелъ *В. Спасскій.*

1.

ПАНИХИДА.

Ни креста, ни плиты: лишь земли бугорокъ
Въ безпредѣльной степи, молчаливъ, одинокъ,
Безмятежно стоитъ.

Кто-то спитъ подъ землей, и разбитую грудь
Вихри огненныхъ думъ не способны взметнуть:
Безпробудно онъ спитъ!

Онъ прильнулъ головой къ мать-родимой землѣ,
Но рыданій земныхъ онъ не слышитъ во мглѣ,
Онъ уснулъ, онъ забылъ.

Какъ лампады горятъ сонмы звѣздъ въ вышинѣ,
Ѳиміамы струятъ волны травъ въ тишинѣ,—
Милліоны кадилъ.

Надъ могилой шумитъ вѣтеръ съ тихой тоской:
Какъ напѣвъ гробовой, говоритъ: «упокой!»
Полонъ сумрачныхъ грезъ.

Ни креста, ни плиты... Въ свой торжественный часъ,
Онъ свой крестъ роковой, ради всѣхъ, ради насъ,
На Голгоѳу понесъ!

ВААНЪ ТЭРІАНЪ.

1885 Г.

1. «Скользящей стопой...» Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*
2. «Опять спустилась ночь...» Перевелъ *онъ же.*
3. Газелла. Перевелъ *онъ же.*
4. Въ весеннемъ городѣ. Перевелъ *онъ же.*
5. Изъ «Наирскихъ пѣсенъ». Перевелъ *Ѳ. Сологубъ.*
6. Наирянка. Перевелъ *К. Бальмонтъ.*
7. «Ужель поэтъ послѣдній я?» Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*
8. «Какъ не любить тебя...» Перевелъ *онъ же.*
9. «Я помню, осень подошла.» Перевела *Е. Выставкина.*
10. «Если нѣтъ любви...» Перевелъ *В. Бакулинъ.*

1.

Скользящей стопой, словно нѣжнымъ крыломъ шелестя темноты,
Прошла чья-то тѣнь, облелѣевъ во мглѣ травъ бѣлѣющій цвѣтъ;
Вечерней порой,—легковѣющій вздохъ, что ласкаетъ кусты,—
Видѣнье прошло, женскій призракъ мелькнулъ, бѣлымъ флеромъ одѣтъ.

Въ пустынный просторъ безконечныхъ полей прошептала она,—
Не слово ль любви прошептала она задремавшимъ полямъ?
Остался въ цвѣтахъ этотъ шопотъ навѣкъ, словно отзвуки сна,
И шопотъ ловя, этотъ шопотъ святой, я склоняюсь къ цвѣтамъ!

2.

Опять спустилась ночь, опять! и снова
Ты—одинока, ты—обнажена,
Во власти ты смущенія больного,
И страхомъ, страхомъ снова ты полна!

Какъ листъ, встрѣчая вѣтеръ предосенній,
Трепещешь ты, какъ стебель камыша,
Ты предъ собой сама безъ силъ, безъ охраненій,
Ты предъ собой сама,—моя душа!

3.

ГАЗЕЛЛА.

Дни пришли и ушли эти дни, для меня ничего не осталось.
Дуги радугъ, огни да огни, для меня ничего не осталось.

Какъ весеннихъ цвѣтовъ лепестки и какъ чаши пылающихъ розъ
Вѣтеръ все разметалъ, о взгляни! для меня ничего не осталось!

И меня, кто любилъ, но кому я не отдалъ, не отдалъ души,
Всѣ исчезли, исчезли въ тѣни, для меня ничего не осталось.

И кого я любилъ, ахъ! любилъ—болью сердца, безумьемъ моимъ,
Опьянясь, отошли и они, для меня ничего не осталось!

И зима надъ моей головой, холодна, глубока и нѣма.
Ключъ изсякъ, не звени! не звени! ничего, ничего не осталось.

4.

ВЪ ВЕСЕННЕМЪ ГОРОДѢ.

На улицѣ—шумъ и топотъ шаговъ,
На блѣдности лицъ играетъ улыбка;
Въ пыли золотой—громады домовъ,
И къ небу деревья тянутся зыбко.

Еще не просохъ весенній бульваръ,
Но дѣти кричать въ аллеяхъ такъ рады;
Теперь всѣ слова—исполнены чаръ,
Какъ стрѣлы теперь—случайные взгляды.

Все стало роднымъ: плита мостовой,
И старая пѣснь, что слышалъ украдкой;
Свобода въ душѣ, безгнѣвный покой,
И самое горе сдѣлалось сладко.

Все мило теперь,—и дѣвушекъ взоръ,
Подобныхъ цвѣтамъ, и необычайный

Разряженныхъ дамъ богатый уборъ:
Все полно сегодня сладостной тайной.

Сердца-мертвецы, какъ въ полѣ цвѣты,
Въ пыли золотой теперь оживаютъ;
Волненіемъ сладкимъ хмѐленъ и ты,
Заботы былыя—таютъ и таютъ...

О! благо вамъ, пѣснь, мечта и любовь!
Привѣтъ тебѣ, жизнь, безгранность стремленья!
Привѣтъ тебѣ, ночь страданія вновь!
И муки и смерть, вамъ благословенье!

5.

ИЗЪ «НАИРСКИХЪ ПѢСЕНЪ».[1]

Ты не горда, страна моя.
Ты съ мудростью печаль сплетаешь.
Завѣты древніе тая,
Ты огненной тоской пылаешь.

И развѣ не за скорбь твою
Тебѣ любовь моя и радость?
Какъ ты, и я покорно пью
И горечь всю твою, и сладость.

Люблю не славу свѣтлыхъ дней,
Не наши древнія сказанья,
Люблю я миръ души твоей
И пѣсенъ тихія рыданья;

Люблю я бѣдный твой нарядъ,
Тоской молитвенною боленъ,
Огни неяркіе изъ хатъ
И звоны съ грустныхъ колоколенъ.

[1] Наири—одна изъ областей древнѣйшей Арменіи.

6.

НАИРЯНКА.

Мнѣ Наирянка улыбнулась тонкостанная,
Печальныхъ глазъ былъ прямъ и огненъ вѣрный взоръ,
И чистъ былъ пламень, какъ заря изъ ночи данная,
Горѣлъ и жилъ открытый обликъ дѣвы горъ.

И тамъ, гдѣ сѣверно и сумрачно отъ холода,
Наирскій день блеснулъ въ душѣ, какъ Солнце, алъ,
И въ сердцѣ роза, сердце огненно и молодо,
Оно горитъ и мнѣ велитъ, чтобъ не молчалъ.

Не пѣть нельзя мнѣ непорочную и чистую,
Огонь поетъ, огонь краса, я весь въ огнѣ,
Такъ солнце тучу разрѣзаетъ дымно-мглистую,
Наирскій край, высокій край, весь виденъ мнѣ.

7.

Ужель поэтъ послѣдній я,
Пѣвецъ послѣдній въ нашемъ мірѣ?
Сонъ или смерть—та скорбь тебя,
О, свѣтлая страна, Наири?

Во мглѣ, бездомный, я поникъ,
Томясь мечтой объ осіянной,
И лишь твой царственный языкъ
Звучитъ молитвой неустанной.

Звучитъ, и свѣтелъ и глубокъ,
Жжетъ и наноситъ сердцу раны.
Что ярче: розы ли цвѣтокъ,
Иль кровь изъ сердца, токъ багряный?

И стонетъ, въ страхѣ, мысль моя:
«О, возсіяй, мечта, Наири!

Ужель поэтъ послѣдній я,
Пѣвецъ послѣдній въ нашемъ мірѣ?»

8.

Какъ не любить тебя, родная, бѣдная?
Въ скорби покорной страна опаленная,
Снова мечамъ остроблещущимъ преданная,
Ты—Богородица, семь разъ пронзенная!

Словно урокъ выполняя заученный,
Жертва безвольная, все отдавала ты.
Ты не была ль непорочною мученицей,
Въ крестномъ страданіи, кровію залита.

Душу, горящую пламенемъ, дарственно
Ты, безъ вины, отдала за вселенную;
Ты, величавая, скромная, царственная,
Смерть принимала и муку безсмѣнную.

Время! Воспрянь! Жду пурпурно-горящую!
Ревность прими, какъ доспѣхъ, богатырскую,
Смѣло затепли, во мракѣ таящуюся,
Огне-крещеную, душу наирскую!

9.

Я помню осень подошла
Подъ золотымъ своимъ плащомъ.
Пылалъ закатъ скупымъ огнемъ,
И ближній холмъ одѣла мгла.

Мое село межъ голыхъ горъ,
Рѣка въ туманной пеленѣ,
Колокола, какъ въ полуснѣ,
Звенятъ, поблекъ полей уборъ.

Изъ нашей хаты вышла мать,
Ей теплыхъ хочется лучей,
Со мной присѣла у дверей
И тихо, долго будетъ ждать.

Простой и трогательный видъ,
Она кротка и такъ стара....
Въ закатномъ пламени гора.
Печально колоколъ звенитъ.

10.

Если нѣтъ любви,—(о, другъ, внемли!)
Въ этомъ мірѣ зломъ,—страдать зачѣмъ!
Къ лону темному—припавъ земли,
Словно камень, я—пребуду нѣмъ.

Пусть, холодная,—смѣется твердь,
Пусть предастся міръ—своей судьбѣ,
Если смысла нѣтъ,—въ тебѣ, о смерть!
Если некому—внимать мольбѣ!

АРТАШЕСЪ

ТЕРЪ-МАРТИРОСЬЯНЪ.

1. «Словно звѣзды...» Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*
2. «Я теперь ничего не прошу...» Перевелъ *В. Спасскій.*

1.

СЛОВНО ЗВѢЗДЫ...

Словно звѣзды, въ безвѣстность ушедшiя,
Дни мои—безъ конца, безъ начала,
Словно письма, тебя не нашедшiя,
Словно взгляды, что ты не встрѣчала....

Чѣмъ безумная скорбь растравляется?
Свищетъ вѣтеръ надъ отмелью спящей;
Болью жалости мысль воспаляется,
Видя бѣдный тростникъ, весь дрожащiй.

Шелестъ робкихъ колосьевъ несвязанныхъ,
Грусть сноповъ позабытыхъ, покорныхъ,
И дрожанiе словъ недосказанныхъ,
Робкихъ словъ,—въ безвѣстностяхъ черныхъ!

2.

Я теперь ничего не прошу у тебя,
Я не буду тобой недоволенъ теперь;
Не кляну, и не славлю, безмолвно любя,
И не буду тобой недоволенъ теперь.

Небывалаго свѣта горитъ ореолъ
Подъ твоимъ, о, царица! волшебнымъ окномъ.
Издалека тебя навѣстить я пришелъ...
Подъ твоимъ я, царица, волшебнымъ окномъ.

Я молчу, ничего не прошу у тебя,
Я безцѣльно брожу въ очарованномъ снѣ,
Лишь таинственный свѣтъ созерцаю, любя,
У тебя, о царица! въ волшебномъ окнѣ.

ЛЕЙЛИ.

1. М о л и т в а. Перевелъ *В. Бакулинъ.*

1.

МОЛИТВА.

Снова лампаду зажгла я во мглѣ,
Предъ Твоимъ ликомъ склоняю колѣни:
— Грѣшная—я, всѣмъ чужда на землѣ,
Грѣшная—я, какъ грѣшна передъ всѣми!

Холодъ и дождь, и метель на дворѣ,
Келья моя—здѣсь, надъ озеромъ льдистымъ...
Спитъ кипарисъ, видитъ сонъ о зарѣ:
Вѣтеръ играетъ ночной съ кипарисомъ.

Тихо молюсь я, безъ вздоха, безъ слезъ,
Муки души моей знаетъ ли небо?
— Предъ Твоимъ ликомъ, предъ вѣнчикомъ розъ,
Путь потерявшая, грѣшная дѣва!

Келья моя—въ безызвѣстной глуши,
Плачу беззвучно, съ безмолвной усладой...
— Тяжекъ мой грѣхъ для усталой души...
Предъ Твоимъ ликомъ мерцаетъ лампада...

НОВАЯ ПОЭЗІЯ.

II. Поэзія турецкихъ армянъ.

ГЕОНДЪ АЛИШАНЪ.

1820—1901 Г.

1. Разданъ. Перевелъ *С. Шервинскій.*

1.

РАЗДАНЪ.

Разданъ—рѣка, потокъ родной,
Разданъ, сладчайшая струя.
Къ тебѣ, покинувъ край чужой,
Пришелъ, Бабкенъ-скиталецъ, я.
Разданъ! ахъ, струй родимыхъ бѣгъ!
Объ чемъ грустишь, безмолвный брегъ?

Я—вашъ! Меня ли не признать?
Вѣдь сердце не забыло васъ.
Зачѣмъ забыли вы журчать,
И скорбь—въ сіяньи вашихъ глазъ?
Разданъ! ахъ, струй родимыхъ бѣгъ!
Объ чемъ грустишь, безмолвный брегъ?

Увы, найду ль зеленый лѣсъ,
Мою лачугу съ миндалемъ?
Подъ бурей сгибъ, въ волнахъ исчезъ
Ужель мой садъ? и ты, мой домъ?
Разданъ! ахъ, струй родимыхъ бѣгъ!
Объ чемъ грустишь, безмолвный брегъ?

Гдѣ свѣтъ очей, моя Хантукъ?
И гдѣ друзья мои, Разданъ?
Въ плѣну ль у перса, въ рядѣ мукъ,
Иль имъ покой въ могилѣ данъ?
Разданъ! ахъ, струй родимыхъ бѣгъ,
Объ чемъ грустишь, безмолвный брегъ?

Прошло, исчезло все. Ушла
Исчезла матерь Айастанъ.[1]
Я одинокъ здѣсь, у русла,
И мимо ты бѣжишь, Разданъ.
Бѣги! ты многое унесъ.
Довольно мнѣ, Бабкену, слезъ!

[1] Айастанъ—Арменія.

МКРТИЧЪ ПЭШИКТАШЛЯНЪ.

1820—1868 г.

1. К ъ з е ф и р у А л е м д а г а. Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*
2. С т а р и к ъ и з ъ В а н а. Перевелъ *Владиславъ Ходасевичъ.*
3. М ы—б р а т ь я. Перевела *Е. Сырейщикова.*
4. «О, милая мать!» Перевела *она же.*
5. «О, какъ нѣжно и прохладно...» Перевела *она же.*

1.

КЪ ЗЕФИРУ АЛЕМДАГА.

Дитя-Зефиръ, нѣжнокрылатъ!
Вдоль ручейковъ, будящихъ тишь,
Межъ розъ, струящихъ ароматъ,
Навстрѣчу мнѣ куда летишь?
Прохладу льешь, льешь ѳиміамъ,
Дыханьемъ сладкимъ льнешь къ устамъ!

О, вѣтерокъ! люблю тебя,
Когда спѣшишь ко мнѣ прильнуть,
Пляша, свистя, въ свой рогъ трубя,
Лаская пламенную грудь!
И, освѣженъ, цвѣтокъ души
Для свѣтлыхъ дней цвѣтетъ въ тиши.

Мой милый вѣстникъ! мчись, лети,
Скажи оврагамъ и холмамъ,
Лѣсамъ, стоящимъ по пути,
Гдѣ соловьи поютъ цвѣтамъ,
Что вѣрный другъ вернулся къ нимъ,
Что онъ восторгомъ полнъ былымъ!

О, радости погибшихъ дней,
Васъ снова обрѣтаю я:
Таились вы въ тѣни вѣтвей,
Подъ пѣной тихаго ручья:
Вы рѣете въ густыхъ листахъ
И въ темныхъ зонтичныхъ кустахъ.

И свѣяно съ чела, чредой,
Такъ много тягостныхъ заботъ!

И рядъ часовъ, суля покой,
Надъ сердцемъ: «ты усни!» поетъ.
Природа, любящая мать,
Въ объятьяхъ хочетъ заласкать.

Гуляетъ здѣсь, подъ вечерокъ,
Въ тѣни прохладной, много дѣвъ;
Взвѣвалъ ихъ кудри вѣтерокъ,
Лицо пылало, заалѣвъ.
Луна, и дѣва, и цвѣтокъ,—
Любовью созданный вѣнокъ!

О! какъ, Любовь и Дружба, вы—
Прекрасны, миръ лѣсной дѣля,
Гдѣ ваше ложе—глубь травы,
Гулянье—вольныя поля!
Въ объятьяхъ Дружбы, ей дыша,
Пусть отлетитъ моя душа!

А ты, Зефиръ, нѣжнокрылатъ,
Летя, вдоль звонкозвучныхъ струй,
Съ цвѣтовъ свѣвая ароматъ,
Дари, дари мнѣ поцѣлуй;
Прохладу лей, лей ѳиміамъ,
Дыханьемъ сладкимъ льни къ устамъ!

2.

СТАРИКЪ ИЗЪ ВАНА.

Въ ночи, какъ въ сердцѣ, мракъ царитъ.
Блескъ пѣнныхъ переливныхъ волнъ
По морю Ванскому бѣжитъ,
И ропотъ водъ стенаній полнъ.
Ни звѣздъ, ни упованій нѣтъ,
И какъ далекъ еще разсвѣтъ!

О, лилія луговъ, Мегекъ,
Дочь нѣжная моя, прійди

И дряхлаго отца навѣкъ
Въ Айоцъ Дзоръ, на востокъ веди.
Ни звѣздъ, ни упованій нѣтъ,
И какъ далекъ еще разсвѣтъ!

Храбрецъ Артакъ въ тебя влюбленъ,
Но грустно въ эту ночь онъ пѣлъ:
Хваля любовь, невольно онъ
О бѣдствіяхъ армянъ скорбѣлъ.
Ни звѣздъ, ни упованій нѣтъ,
И какъ далекъ еще разсвѣтъ!

«Доколѣ будемъ мы, любя,
Отчаянье таить въ сердцахъ?»
На лирѣ такъ онъ пѣлъ, скорбя,
Мы слушали его въ слезахъ.
Ни звѣздъ, ни упованій нѣтъ,
И какъ далекъ еще разсвѣтъ!

Тамъ кипарисы у могилъ,
Подъ ними нашихъ предковъ прахъ.
Тамъ, только зимній вѣтеръ взвылъ,—
Рыдаютъ сонмы душъ въ вѣтвяхъ.
Ни звѣздъ, ни упованій нѣтъ,
И какъ далекъ еще разсвѣтъ!

Я старъ, какъ скорбь. Пора и мнѣ
Къ великимъ сыновьямъ армянъ,
Туда, къ могильной тишинѣ...
Пусть плачетъ надо мною Ванъ.
Мегекъ, и ты въ слезахъ? О, нѣтъ,
Пойдемъ: ужъ недалекъ разсвѣтъ!

3.

МЫ—БРАТЬЯ.

Пусть, какъ одинъ святой напѣвъ,
Природы голоса поютъ;

Иль пусть—прекраснѣйшей изъ дѣвъ
Персты по струнамъ пробѣгутъ;
Всѣ эти пѣсни не звучатъ
Милѣе звуковъ слова: «братъ!»

Мы—братья! руку мнѣ подай:
Лишь буря разлучала насъ!
Въ лобзаньи братскомъ исчезай,
Все зло, чтò создалъ Рокъ на часъ!
Вездѣ, гдѣ очи звѣздъ блестятъ,
Чтò есть желаннѣй слова: «братъ»!

Пусть мать сѣдая Айастанъ
Другъ съ другомъ видитъ сыновей
И боль цѣлитъ глубокихъ ранъ
Слезами сладкими очей!
Вездѣ, гдѣ звѣздъ огни горятъ,
Чтò есть прекраснѣй слова: «братъ!»

Мы прежде шли путемъ однимъ...
Мечты—вновь вмѣстѣ быть—зовутъ!
Печаль и радость съединимъ,
И плодотворенъ будетъ трудъ!
Вездѣ, гдѣ звѣздъ нетлѣненъ рядъ,
Чтò есть священнѣй слова: «братъ!»

Ахъ! вмѣстѣ сѣять, вмѣстѣ жать,
И вмѣстѣ лить на нивахъ потъ,
И жатву блага собирать:
Твой, твой расцвѣтъ, родной народъ!
Какіе жъ звуки прозвучатъ
Милѣй желанныхъ звуковъ: «братъ!»

4.

О, милая мать, здѣсь ты ищешь кого?
Не бойся, родная, приблизься сюда,
Не плача на сына гляди твоего:
Израненный гаснетъ и онъ навсегда....

Пусть матери турокъ рыдаютъ.... О, мать,
Въ Зейтунъ[1] поспѣши эту вѣсть передать!

Я помню, меня материнской рукой
Ты часто ласкала, склоняясь ко мнѣ,
И дѣтскому тѣлу давала покой,
Какъ ангелъ мнѣ пѣла въ ночной тишинѣ.
Теперь же, въ землѣ упокоивъ,—о мать,
Въ Зейтунъ поспѣши эту вѣсть передать!

«Армяне, я сына родила для васъ,
Чтобъ свѣтъ его жизни надъ вами сіялъ!»
Ты такъ напѣвала въ полночный часъ,
Когда въ колыбели, малютка, я спалъ.
И вотъ это солнце угасло... О, мать,
Въ Зейтунъ поспѣши эту вѣсть передать!

Пусть капаетъ кровь изъ сыновней груди...
Родная, морщины расправь на челѣ:
На трупы враговъ кровожадныхъ гляди,
Ихъ тысячи спятъ на холодной землѣ:
Какъ мечъ ихъ сразилъ безпощадно, о мать,
Въ Зейтунъ поспѣши эту вѣсть передать

Когда же враги, словно стая звѣрей:
На насъ нападали въ безумьи слѣпомъ,
О, родина! Наши сердца горячѣй
Къ тебѣ устремлялись въ огнѣ боевомъ.
И красными стали долины... О, мать,
Въ Зейтунъ поспѣши эту вѣсть передать!

И били въ ладоши скелеты отцовъ,
Ликуя, что пламя въ потомкахъ горить.
И весело было рядамъ мертвецовъ,
Что вражеской кровью позоръ нашъ омытъ.
Угрюмый Масисъ прояснился,—о, мать,
Въ Зейтунъ поспѣши эту вѣсть передать!

[1] Зейтунъ—городъ; Масисъ—Араратъ; Айастанъ—Арменія (см. выше примѣчанія къ др. стихотвореніямъ).

О, мать, умирая, цѣлую тебя:
Ты милой моей передай поцѣлуй!
И землю родную лобзаю, любя,
Сходя въ ея нѣдра... Но ты не тоскуй,
И, крестъ надъ умершимъ поставивъ, о мать,
Въ Зейтунъ поспѣши эту вѣсть передать!

5.

ВЕСНА.

О, какъ нѣжно и прохладно
Раннимъ утромъ вѣтерокъ,
Вѣешь ты, лаская жадно
Локонъ дѣвы и цвѣтокъ;
Но, я знаю,—ты чужой—
Прочь! Не властвуй надо мной!

О, какъ сладко въ благовонныхъ
Вѣткахъ свищетъ соловей!
Ты плѣняешь всѣхъ влюбленныхъ
Пѣсней сладостной своей.
Но, я знаю,—ты чужой—
Прочь, не властвуй надо мной.

Въ глубь твою, гдѣ сказка снится,
Чистый, тихій ручеекъ,
И красавица глядится,
И пурпуровый цвѣтокъ.
Но, я знаю,—ты чужой—
Прочь, не властвуй надо мной.

Пусть среди руинъ—армянскій
Вѣтеръ съ соловьемъ поетъ,
Пусть ручей бѣжитъ армянскій
Тамъ, гдѣ кипарисъ растетъ:
Это пѣснь земли родной.
Эта пѣснь всегда со мной.

ПЕТРОСЪ ДУРІАНЪ.

1851—1872 г.

1. Моя смерть. Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*
2. «Близъ океана голубого...» Перевелъ *онъ же.*
3. Моя скорбь. Перевелъ *К. Бальмонтъ.*
4. «Боролся день съ послѣдней тьмой.» Перевела *Е. Сырейщикова.*
5. Ропоты. Перевелъ *В. Бакулинъ.*

1.

МОЯ СМЕРТЬ.

Если смерти ангелъ блѣдный
Мнѣ предстанетъ, взоръ склонивъ,
Свѣетъ скорбь рукой побѣдной,—
Знайте: я, какъ прежде, живъ!

Если свѣтомъ блѣднымъ свѣчи,
Ложе смерти озаривъ,
Мнѣ зальютъ лицо и плечи,—
Знайте: я, какъ прежде, живъ!

Если другъ, въ слезахъ, быть можетъ,
Льдистымъ саваномъ обвивъ,
Въ черный гробъ меня положитъ,—
Знайте: я, какъ прежде, живъ!

Если колоколъ застонетъ—
Смерти смѣхъ, ея призывъ,
И мой гробъ въ толпѣ потонетъ,—
Знайте: я, какъ прежде, живъ!

Если близкіе, съ рыданьемъ,
Гробъ въ могилу опустивъ,
Не промедлятъ съ разставаньемъ,—
Знайте: я, какъ прежде, живъ!

Если жъ та могила станетъ
Всѣмъ чужой, и навсегда
Память обо мнѣ увянетъ,—
Знайте, что я—мертвъ тогда!

2.

Близъ океана голубого,
Гдѣ блещутъ золотомъ пески,
Когда въ золѣ, покрывшей снова
Весь пепелъ грезъ, тѣхъ розъ тоски,
Зари засвѣтятся огни,
Мою любовь ты вспомяни!

Когда опять въ листвѣ зеленой,
Чью тѣнь любили мы съ тобой,
Гдѣ часто, въ часъ завороженный,
Сердецъ мы пили сладкій зной,
Листъ дрогнетъ, какъ въ былые дни,
Мои признанья вспомяни!

И утромъ, на зарѣ весенней,
Когда просторъ и алъ и чистъ,
Иди въ поля, въ просторъ цвѣтеній,
Смотри гдѣ сухъ, гдѣ зеленъ листъ....
Вдругъ птичка запоетъ въ тѣни:
Мои мечты ты вспомяни!

Чамлы-Чая взойди на кручи,
Иль на уступъ Бахларъ-Баши:[1]
Мы любовались тамъ на тучи,
Мы тамъ блуждали,—двѣ души!
Зефиръ шепнетъ тебѣ «усни»!
Мою судьбу ты вспомяни!

Когда ночь лѣтняя привѣтитъ
Тебя, звѣздиста и чиста,
И, какъ фонарь, луна засвѣтитъ,
Чтобъ озарить твой путь къ Мота,[2]
Былымъ мечтамъ не измѣни,
Мою печаль ты вспомяни!

[1] Чамлы-Чая, Бахларъ-Баши—горы.
[2] Мота—извѣстный, въ свое время, ресторанъ.

Когда посмотришь ты, угрюмой,
На черноликій небосводъ,
И сдавятъ сумрачныя думы
Твое чело и взоръ, какъ гнетъ,
Ударитъ колоколъ... Вздохни
И смерть мою ты вспомяни!

3.

МОЯ СКОРБЬ.

Я не о томъ скорблю, что въ жаждѣ сновидѣній,
Источникъ думъ святыхъ изсякшимъ я нашелъ,
Что прежде времени мой нерасцвѣтшій геній
Сломился и поблекъ подъ гнетомъ тяжкихъ золъ;

И не согрѣлъ никто горячимъ поцѣлуемъ
Ни блѣдныхъ устъ моихъ, ни блѣднаго чела;
И, счастья не познавъ, любовью не волнуемъ,
Смотри—ужъ предо мной зіяетъ смерти мгла...

И не о томъ скорблю, что нѣжное созданье,
Букетъ изъ красоты, улыбки и огня,—
Не усладитъ мое послѣднее страданье,
Лучомъ своей любви не озаритъ меня...

Я не о томъ скорблю... Нѣтъ, родинѣ несчастной—
Всѣ помыслы мои... О ней моя печаль!
Не въ силахъ ей помочь, томясь тоской напрасной,
Безвѣстно умереть,—о, какъ мнѣ жаль, какъ жаль!

4.

Боролся день съ послѣдней тьмой,
Лучами сѣялъ и росой,
Ты межъ цвѣтовъ была видна,
И улыбалась, какъ луна.

Твои глаза—чертоги нѣгъ,
Персты—какъ лиліи, какъ снѣгъ,
И розы на щекахъ горятъ,
И новымъ небомъ мнится взглядъ.

Къ твоимъ ногамъ склонясь мечтой,
Тебя любилъ я, ангелъ мой,
Но отъ любви я сѣдъ, какъ ленъ,
И поздно понялъ: жизнь, какъ сонъ.

Молю тебя: о пожалѣй!
Не властвуй надъ душой моей.
Увы, напрасно... Съ давнихъ поръ,
Какъ стрѣлы смерти милый взоръ.

Когда иду я въ лѣсъ грустить,
О прошломъ счастьѣ слезы лить,—
Ты тамъ меня находишь вновь,
Межъ листьевъ шепчешь про любовь.

Когда на берегу ручья,
Найти покой стараюсь я,—
И тамъ ты снова въ тишинѣ,
Изъ свѣтлыхъ волнъ смѣешься мнѣ.

И въ горы я бѣгу тогда,
Чтобъ не встрѣчаться никогда,—
Но въ шумѣ бури голосъ твой
Звенитъ и таетъ надо мной.

Когда печальный свѣтъ луны
Мнѣ шепчетъ ласковые сны,—
Межъ звѣздъ веселыхъ съ высоты
Вновь улыбаешься мнѣ—ты.

И, вѣрно, только смертный часъ
Разъединитъ на свѣтѣ насъ;
Тогда смогу произнести:
Прости, жестокая, прости!

5.

РОПОТЫ.

Прощайте, Богъ и солнце,—міръ лучей,
Горящій знойно надъ душой моей!
Собой умножу въ небесахъ огни.
Что звѣзды? Не проклятье ли они
Несчастныхъ, неповинныхъ душъ, чело
Браздящихъ неба, горько и свѣтло?
О, ружья огненныя Бога!—вы
Основы молній, перлы синевы!

Что я сказалъ? Испепели меня,
Разбей, о Боже! Атомъ жалкій, я
Осмѣлился стремиться къ небесамъ!
Желалъ взнестись къ божественнымъ огнямъ!
Молюсь Тебѣ, о Боже, въ дрожи мукъ,
Цвѣтеніе и лучъ, волна и звукъ,
О, снявшій розу съ моего чела,
Огонь—съ очей, съ устъ—трепетъ, блескъ—съ крыла!
Ты сердцу—вздохи далъ и взорамъ—тьму,
Сказалъ, что въ Смерти я Тебя пойму.
За гробомъ жизнь, о вѣрю, для меня
Ты сохранилъ: молитвъ, цвѣтовъ, огня!
А если мнѣ исчезнуть суждено,
Беззвучно, безотвѣтно пасть на дно,—
Дай блѣдной молніей теперь же стать,
Надъ именемъ твоимъ возставъ, кричать,
Что Ты—«Богъ мести»,—впиться въ грудь Твою
Проклятіемъ, подобно острію!

Ахъ, я дрожу, я блѣденъ, я заклятъ,
Во мнѣ вся внутренность кипитъ, какъ адъ...
Межъ стоновъ кипарисовъ черный вздохъ,
Я—листъ осенній, что поблекъ, изсохъ.
Мнѣ искру дайте, искру, чтобы жить!
Какъ послѣ грезъ холодный гробъ взлюбить?
О, Боже, какъ судьба моя черна,

Могильной сажей вписана она.
О, влей хоть каплю пламени въ нее!
Я жить хочу, хочу любить еще...
Мнѣ въ душу падайте, огни небесъ,
Чтобъ вашъ любовникъ горестный воскресъ!

Весна челу ни розы не даетъ,
Ни лучъ съ небесъ улыбкой не скользнетъ:
Ночь—гробъ мой; звѣзды—факелы; унылъ,
Блуждаетъ мѣсяцъ, плача, средь могилъ.
Для тѣхъ, надъ кѣмъ никто не сронитъ слезъ,
Ты этотъ мѣсяцъ въ небеса вознесъ.
Кто къ смерти близки, все же нужны тѣмъ
Сначала—жизнь, и плакальщикъ затѣмъ.
Писали тщетно звѣзды мнѣ: «Любовь!»
Пѣлъ тщетно соловей: «Люби же вновь!»
Твердили тщетно вѣтры о «любви»
И отражали ясный ликъ ручьи!
Напрасно лѣсъ при мнѣ былъ молчаливъ,
Молчали листья, тайну затаивъ,
Чтобъ не смутить мечты святой моей,
Напрасно, я всегда мечталъ объ ней,
Напрасно вы, весенніе цвѣты,
Струили ладанъ на мои мечты!
Нѣтъ, все смѣялось, въ злобѣ торжества,
И этотъ міръ—насмѣшка Божества!

СИПИЛЪ.

1863 г.

1. Л а д а н ъ. Перевелъ *К. Бальмонтъ.*
2. И д е а л ъ. Перевелъ *С. Головачевскій.*
3. В ъ м о н а с т ы р ѣ. Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*
4. Т у ч а. Перевелъ *В. Спасскій.*

I.

ЛАДАНЪ.

Восходитъ ѳиміамъ, курясь предъ алтаремъ;
Звеня серебряно, качаются кадила,
И дымка ладана, рожденная огнемъ,
Плывя, чело святыхъ молельно осѣнила.

Моленья долгія подъ сводами дрожатъ,
И плачетъ пламя свѣчъ. Длиннѣе и короче
Ихъ устремленія. Тоскливо—блѣдный рядъ,
Какъ-будто сонныя, слѣпясь, мигаютъ очи.

У сумрачныхъ колоннъ, гдѣ стоновъ тлѣетъ страсть,
Трепещетъ бѣлое, снѣжисто, покрывало,
Тамъ сердце, сумрака извѣдавшее власть,
Какъ ладанъ отъ огня, горитъ и бьется ало.

До вышнихъ областей восходитъ ѳиміамъ,
Идя, какъ изъ цвѣтка, изъ чашечки кадила.
Былъ ладанъ веществомъ,—какъ запахъ входитъ въ храмъ,
Сожженный пламенемъ, онъ красочная сила.

И сердце женщины, лелѣющее стонъ,
Когда расплавится, тогда лишь будетъ сильно,
И сталью вырвется изъ кожаныхъ ноженъ,
Лазурнымъ пламенемъ взнесясь надъ всѣмъ, что пыльно.

2.

ИДЕАЛЪ.

Тс—солнца яркій лучъ, затмившій свѣтъ луны,
То—сонъ изъ пламени, блѣднѣющій съ разсвѣтомъ,
То—молнія на мигъ пришедшей къ намъ весны,
Цвѣтокъ, роняющій свой вѣнчикъ знойнымъ лѣтомъ.

То—сонъ изъ пламени, блѣднѣющій съ разсвѣтомъ,
То—лента радуги, прозрачная, въ огняхъ,
Цвѣтокъ, роняющій свой вѣнчикъ знойнымъ лѣтомъ,
Сіянье сѣвера въ лазурныхъ небесахъ.

То—лента радуги, прозрачная, въ огняхъ,
То—роза, грудь твою пронзившая шипами,
Сіянье Сѣвера въ лазурныхъ небесахъ,
То—пѣна волнъ въ борьбѣ напрасной со скалами.

То—роза, грудь твою пронзившая шипами,
Отъ крыльевъ лебедя слетѣвшій пухъ съ высотъ,
То—пѣна волнъ въ борьбѣ напрасной со скалами,
Дыханье воздуха, теченье быстрыхъ водъ.

Отъ крыльевъ лебедя слетѣвшій пухъ съ высотъ,
Священный поцѣлуй въ заоблачномъ предѣлѣ,
Дыханье воздуха, теченье быстрыхъ водъ,
Для духа идеалъ—качанье колыбели.

Священный поцѣлуй въ заоблачномъ предѣлѣ,
То—дѣва, чуждая пылающимъ страстямъ,
Для духа идеалъ—качанье колыбели,
Мечтаній юныхъ сонмъ, летящій къ небесамъ.

То—дѣва, чуждая пылающимъ страстямъ,
Кольцо, связавшее насъ съ жизнью, золотое,
Мечтаній юныхъ сонмъ, летящій къ небесамъ,
Сердечный гимнъ любви въ торжественномъ покоѣ.

3.

ВЪ МОНАСТЫРѢ.

Здѣсь, въ кельѣ я сижу одна. Вотъ полночь бьетъ.
Лампады нѣтъ, и нѣтъ луча на небесахъ.
Послѣдній свѣтъ погасъ въ дому и у воротъ,
И я—одна, погружена въ глухихъ мечтахъ.

Кочуетъ вкругъ унылый сонмъ густыхъ тѣней;
То подойдутъ, то отойдутъ, то станутъ въ рядъ.
И углубленъ ихъ скорбный стонъ сильнѣй, больнѣй,
Когда они, утомлены, вблизи стоятъ.

Видѣнья—то моей мечты, печальныхъ думъ,
Сны молодой, ахъ, молодой! моей души...
Когда звучитъ холодныхъ дней тоскливый шумъ,
Цѣленье слезъ приносятъ мнѣ они въ тиши.

Межъ грустныхъ лицъ склоняюсь ницъ, съ моей тоской,
Межъ строгихъ дѣвъ, для коихъ нѣтъ страстей и грозъ,
Чьи голоса—молитвъ напѣвъ, псаломъ святой,
Губящій—рой, прекрасный рой надеждъ и грезъ!

Я жить хочу, а мнѣ твердятъ про небеса!
Хочу любви,—онѣ кричатъ: «Богъ есть любовь!»
Въ разсказахъ ихъ: Іовъ, Давидъ иль чудеса;
Внушаютъ: «Намъ надежда—смерть! не суесловь!»

Горитъ заря, и свѣтъ дневной, и лунный лучъ,
Людей живя, цвѣты, поля и весь просторъ...
А предо мной лампадный свѣтъ, чуть живъ, не жгучъ,
Которымъ мой, всегда безъ сна, томится взоръ!

Я вздоха жду огнистыхъ устъ, средь душной тьмы;
Порывы думъ—отвѣтныхъ словъ, страдая, ждутъ...
А мнѣ въ кровать, предъ тѣмъ какъ спать, даютъ Псалмы,
И на ночь крестъ, на сердце мнѣ, какъ знакъ, кладутъ!

Но вижу я во снѣ всегда—одно, одно:
Борьбу за жизнь, бездонный свѣтъ, мечту свою!
Я въ мірѣ—прахъ, но сердце все жъ огнемъ полно,
И небо, ахъ! его святымъ я отдаю!

4.

ТУЧА.

СОНЕТЪ.

Той тучѣ свѣтлой я свои вручила грезы,
На небесахъ, въ лучахъ серебряной луны;
Но туча на клочки разбита; съ вышины
На землю падаютъ пылающія слезы.

Съ роднымъ сіяніемъ она разлучена,
Гонима злобными бичами вѣтра съ силой...
Ей въ небѣ жизнь была; земля была могилой,
Гдѣ радость помысловъ навѣкъ погребена.

И улыбаются просторы высоты,
Безстрастно чуждые всей нашей скорби жгучей,
Лелѣютъ новыя, въ своихъ объятьяхъ, тучи,

Тревоги новыя и новыя мечты!
Межъ тѣмъ, палимыя безсонными страстями,
Мы плачемъ: кто—дождемъ, кто—горькими слезами!

Л. ШАНТЪ.

1869 г.

1. Ночной сторожъ.
2. Философы.

Перевелъ *С. Шервинскій*

1.

НОЧНОЙ СТОРОЖЪ.

Тангъ-тангъ—часовъ ночныхъ унылый звонъ.
Кругомъ все спитъ, все предано покою.
Лишь сторожъ ходитъ. Одиноко онъ
Бредетъ въ раздумьи улицей пустою.

И свѣжій вѣтеръ вѣетъ на чело,
Гдѣ все былое вновь живетъ воочью,—
Такъ за небеснымъ пологомъ свѣтло
Забытыя мерцаютъ звѣзды ночью.

И мчится мысль невольно въ домъ родной,
И, вольная, уносится въ просторы,
Туда, гдѣ жизнь въ тѣ дни была иной,
Гдѣ дикія величественны горы.

Онъ помнитъ ночь надъ доломъ снѣговымъ.
Вотъ онъ—съ сестрой. Сковало ихъ вниманье:
Сѣдая мать разсказываетъ имъ
Родной страны волшебное преданье.

Мать говоритъ, сама вдохновлена,
О томъ, какъ Меръ прославленъ мощной силой...
А вьюги вой тоскуетъ у окна,
Въ отдушину врывается, унылый.

Какъ будто стонутъ адскія уста,
Груба угроза вьюжнаго порыва,
И мать свершаетъ знаменье креста,
Слова молитвы шепчетъ боязливо,

И на сестру въ молчаньи смотритъ братъ,
О будущемъ въ душѣ надежды строя,
И оба Меромъ, Меромъ стать хотятъ,
Когда достигнутъ возраста героя.

И вотъ... тангъ-тангъ... Часовъ задумчивъ звонъ...
Кругомъ все спитъ, все предано покою...
Лишь сторожъ ходитъ. Одиноко онъ
Бредетъ въ раздумьи улицей пустою.

2.

ФИЛОСОФЫ.

Подъ полной и яркой луной
На груди равнинной вдали,
Другъ къ другу склонясь головой,
Горбатыя горы легли.

О, нѣтъ! То не горы.—Тамъ рядъ
Морщинистыхъ старцевъ сѣдыхъ.
Согнувшись, прижавшись, стоятъ.
Окутали саваны ихъ.

Мрачны, безсловесны, одни,
Ушли они въ думу свою...
Быть можетъ, находятъ они
Разумнѣйшій смыслъ бытію...

АРШАКЪ ЧОБАНІАНЪ.

1872 г.

1. «Вотъ и снова Ничто превращается въ Свѣтъ...»
2. Марина.
Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*

1.

Вотъ и снова Ничто превращается въ Свѣтъ.
Съ заалѣвшихъ вершинъ тѣнь сдвигается прочь,
Волны моря окрашены въ пурпурный свѣтъ:
Это стрѣлы Зари, поражающей Ночь!

Съ заалѣвшихъ вершинъ тѣнь сдвигается прочь,
Вырывается пламя изъ бездны небесъ
Это стрѣлы Зари, поражающей Ночь,—
Чтобы Сумракъ, дрожа, отступилъ и исчезъ.

Вырывается пламя изъ бездны небесъ,
Тѣни таютъ, клубясь, улетая какъ дымъ...
Чтобы Сумракъ дрожа, отступилъ и исчезъ,
Солнце, солнце восходитъ съ лицомъ огневымъ

Тѣни таютъ, клубясь, улетаютъ, какъ дымъ,
Птицы съ пѣньемъ порхаютъ съ чинары на вязъ,
Солнце, солнце восходитъ съ лицомъ огневымъ...
Возрожденіе жизни!.. Плѣнительный часъ!

2.

МАРИНА.

Надъ гладью моря вздохи вѣтерка
Лазурный шелкъ сгибаютъ непривычно,
И, въ складки ровныя согнувъ слегка,
Кладутъ запутанно, но симметрично.

И кажется: прозрачное шитье
Голубизной сіяеть углубленной,
Но зелень травъ подводныхъ сквозь нее
Просвѣчиваетъ неопредѣленно.

ВААНЪ МАЛЭЗІАНЪ.

1873 г.

1. «Словно кто-то въ тоскѣ...» Перевелъ *В. Спасскій.*
2. Сонетъ. Перевелъ *С. Бобровъ.*

1.

Словно кто-то въ тоскѣ,
Зашепталъ вдалекѣ....
Ахъ, не мысль ли моя
Вспоминаетъ!

Вечеръ холодно-мглистъ....
Съ вѣтки падаетъ листъ....
Не надежда ль моя
Увядаетъ!

Лампа гаснетъ и въ ней
Свѣтъ слабѣй и слабѣй....
Не любовь ли моя
Умираетъ.

Со свѣчами вдали
Черный гробъ пронесли....
Не себя ль жизнь моя
Погребаетъ!

2.

СОНЕТЪ.

Свою корзину, полную плодовъ,
Поставивъ, негритянка проворчала:
— «Вглядись въ очей темноты и на зовъ
Отвѣтствуй,—въ рай ведетъ любви начало

«Вдохни мой запахъ; я цвѣткомъ сгорала.
И мускусъ таять предо мной готовъ,—
Тѣмъ ядомъ пьяностнымъ дыша немало,
Пей дикую любовь межъ смутныхъ сновъ.

«Дай сжать твою бѣлѣющую шею,
И тотчасъ сердца раны излечу
Кудрей фатою темною моею;

«Пѣснь, какъ гашишъ, твою жевать хочу
Пока и мнѣ споешь душой больною,—
И, если смерть во мнѣ—умри со мною.»

ВААНЪ ТЭКЭЯНЪ.

1877 г.

1. Лампада Просвѣтителя. Перевела *Е. Выставкина.*
2. Арменіи. Перевела *она же.*
3. «Тебя мы чтили, мщенія клинокъ...» Перевелъ *К. Липскеровъ.*
4. Падучія звѣзды. Перевелъ *Ю. Балтрушайтисъ.*
5. Пѣснь объ армянскомъ языкѣ. Перевелъ *онъ же.*

1.

ЛАМПАДА ПРОСВѢТИТЕЛЯ [1].

Сонетъ.

Межъ звѣздъ, неисчетныхъ небесныхъ одна золотая
Горитъ еженощно, главу Арагаца вѣнчая.
Горитъ одиноко, лишь намъ дорога и близка,
Какъ-будто родная ее засвѣтила рука.

То, нашу земную навѣкъ освѣщая обитель,
Лампаду затеплилъ высоко армянъ просвѣтитель,
Наполнилъ слезами, и слезъ его чистый елей,
Пылая любовью, горитъ ослѣпительно въ ней.

Такъ вѣрилъ и вѣритъ народъ угнетенный, родимый
И взоръ его ищетъ, тоской и надеждой палимый,
Поутру Масисъ бѣлоснѣжный, а ночью звѣзду.

Такъ я, о Учитель, исполненный новой отрады,
Почувствовалъ свѣтъ отъ твоей драгоцѣнной лампады
И вмѣстѣ съ народомъ зари воскресенія жду.

2.

АРМЕНІИ.

Мы какъ знамя тебя полюбили
Съ дѣтскихъ лѣтъ и узнали съ тѣхъ поръ,

[1] См. примѣчаніе на стр. 326.

Что тебя на хребты нашихъ горъ
Вознесли и опять низложили.

Но мы вѣримъ, промчитъ надъ тобой
Вольный вѣтеръ широкой волной,
И согрѣетъ насъ вновь твое пламя.
Мы тебя полюбили, какъ знамя.

И какъ иву тебя мы любили,
Иву въ зелени нѣжныхъ кудрей
И поломанныхъ бѣдныхъ вѣтвей.
Люди мимо тебя проходили,

Надъ тобой заносили топоръ,
И слѣдилъ отуманенный взоръ
Какъ изъ вѣтокъ свирѣли точили.
Мы какъ иву тебя полюбили.

Ты какъ мечъ овладѣла сердцами,
Мечъ, забытый давно подъ землей,
Онъ изъятъ былъ безвѣстной рукой
И съ угрозой сверкнулъ надъ врагами.

Но сразить палачей онъ не могъ,
Онъ сломался, и ржавый клинокъ
Былъ отброшенъ съ насмѣшкою нами.
Ты какъ мечъ овладѣла сердцами.

Ты мила намъ, какъ цѣпи неволи,
Призывая къ возстанію насъ,
Ты въ безсильное тѣло впилась,
И отъ острой, безжалостной боли

До земли преклоняемъ мы станъ.
Но возлюбимъ и слѣдъ твоихъ ранъ
Въ день и часъ торжества твоей доли.
Ты мила намъ, какъ цѣпи неволи.

3.

Тебя мы чтили, мщенія клинокъ....
Ты былъ въ землѣ, когда тебя подъяла

Рука бойца и сталь твоя сверкала...
Приникнуть къ горлу деспота ты смогъ,
Но онъ дрожалъ лишь краткую минуту...
Ты разломился, ржавый и погнутый,
Осмѣянный, ты легъ у нашихъ ногъ...
Тебя мы чтили, мщенія клинокъ...

Мы любимъ васъ, о цѣпи униженья,
Зовете вы, звенящія, возстать...
Вамъ велѣно намъ шею обвивать.
При каждомъ шагѣ каждое мгновенье
Нашъ горбится, отъ ярой муки, станъ...
Но мы слѣды полюбимъ нашихъ ранъ,
Когда цвѣтами станутъ ваши звенья...
Мы любимъ васъ, о, цѣпи униженья...

4.

ПАДУЧІЯ ЗВѢЗДЫ.

Сонетъ.

Мои глаза падучихъ звѣздъ полны.
Я собиралъ ихъ лѣтними ночами,
Когда, скользя средь сонной тишины,
Онѣ сверкали кроткими лучами.

Я ихъ собралъ въ полночномъ лѣтнемъ храмѣ,
Пока онѣ, въ паденьи съ вышины,
Цвѣли еще надъ дольными холмами
И, взрывъ любовь, не умерли, какъ сны.

Моя душа, отсель, всегда свѣтла.
Мои глаза—ларцы съ лучистымъ кладомъ.
И въ день, когда мнѣ слишкомъ тяжела:

Скорбь нищаго и съ горестнымъ разладомъ
Тревога мрака входитъ въ жизнь мою—
Изъ этихъ звѣздъ я солнце создаю.

5.

ПѢСНЯ ОБЪ АРМЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Ты мнѣ, языкъ армянскій, милъ какъ пышный садъ.
Средь древней чаши нашего былого,
Гдѣ—только мракъ, твое любое слово—
Какъ сочный плодъ, что я срывать, блуждая, радъ.

Какъ пышный садъ, ты любъ пѣвцу, языкъ армянъ.
Честь нашихъ храминъ, рощею зеленой,
Въ борьбѣ столѣтій, цвѣлъ ты полный звона,
И будетъ цвѣсть въ вѣкахъ, и сокъ твой будетъ прянъ.

Въ тѣни твоихъ деревьевъ я плетусь самъ другъ,
Гляжу, въ слезахъ, на вѣтви ихъ и корни
И лишь дивлюсь, какъ живъ твой шелестъ горній
Тамъ, гдѣ гроза не разъ сметала все вокругъ.

Грузъ сочныхъ пестрыхъ гроздій—вотъ твои слова!
Твои слова, что въ разномъ зноѣ зрѣли,
Слова, что здѣсь поютъ въ моей свирѣли,
Звонъ сочныхъ словъ твоихъ, чьимъ медомъ грудь жива.

МИСАКЪ МЭЦАРЕНЦЪ.

1885—1908 г.

1. «Ночь сладостна. .» Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*
2. На разсвѣтѣ. Перевелъ *онъ же.*
3. Сонетъ съ кодою. Перевелъ *В. Бакулинъ.*

1.

Ночь сладостна, ночь знойно сладострастна,
Напоена гашишемъ и бальзамомъ;
Я, въ опьяненіи, иду—какъ свѣтлымъ храмомъ:
Ночь сладостна, ночь знойно сладострастна.

Лобзанія даритъ мнѣ вѣтръ и море,
Лобзанія даритъ лучей сплетенье,
Сегодня—праздникъ, въ сердцѣ—воскресенье,
Лобзанія даритъ мнѣ вѣтеръ и море..

Но свѣтъ души, за мигомъ миги, меркнетъ,
Уста иного жаждутъ поцѣлуя...
Ночь — въ торжествѣ; луна горитъ ликуя...
Но свѣтъ души, за мигомъ миги, меркнетъ.....

2.

НА РАЗСВѢТѢ,

Сонетъ.

Въ горахъ, въ монастырѣ, пѣснь колокола плачетъ;
Газели на зарѣ, на водопой спѣшатъ;
Какъ дѣва, впившая мускатный ароматъ,
Пьянъ, вѣтеръ надъ рѣкой и кружится и скачетъ;

На тропкѣ караванъ по склону горъ маячитъ,
И стоны бубенцовъ, какъ ночи пѣснь, звучатъ;

Я слышу шорохи за кольями оградъ
И страстно солнца жду, что ликъ свой долго прячетъ.

Весь сумрачный ландшафтъ,—ущелье и скала,—
Похожъ на стараго, гигантскаго орла,
Что сталь когтей вонзилъ въ глубины безъ названья.

Пьянящій запахъ мнѣ безстрастно шлетъ заря;
Мечтаю межъ деревъ, томлюсь, мечтой горя,
Что Пери явится—вѣнчать мои желанья!

3.

СОНЕТЪ СЪ КОДОЮ.

Цвѣты роняютъ робко лепестки,
Вечерній вѣтеръ полонъ ароматомъ,
И въ сердцѣ, грезой сладостной объятомъ,
Такъ сумерки жемчужны и легки.

Акаціи, опьянены закатомъ,
Льютъ нѣжный духъ, клоня свои листки,
Къ нимъ вѣтеръ льнетъ, и вихремъ бѣловатымъ,
Какъ снѣгъ, летятъ пахучіе цвѣтки.

Какъ гуріи невѣдомаго рая,
Сребристыхъ кудрей пряди распуская,
Ихъ бѣлый сонмъ струится въ водометъ;

Вода фонтана льется, бьется звонко,
Чиста, прозрачна какъ слеза ребенка,
Но сладострастно пѣснь ея зоветъ...

Чу! осыпается коронка за коронкой...

СІАМАНТО.

1877 г.

1. Мои слезы.
2. Родной источникъ.
3. Горсть пепла.

Перевелъ *С. Шервинскій.*

1.

МОИ СЛЕЗЫ.

Я съ грезой одинъ межъ родимыхъ долинъ проводилъ свой младенческій день.
Былъ легокъ мой шагъ, какъ на горныхъ лугахъ бѣлокурый прекрасный олень.
Я, радостный, бѣгалъ, была моя грудь отъ лазурнаго неба пьяна.
Въ глазахъ было золото, въ сердцѣ—надежда, душа была Богомъ полна.
Пришелъ и роскошный, дарующій блага румянаго лѣта, закатъ,
И мнѣ, и землѣ за корзиной корзину дарилъ плодородный нашъ садъ.
И молча я срѣзалъ со стройнаго стана ветлы, изъ прекрасныхъ вѣтвей.
Одну—для свирѣли, для тайной свирѣли, для будущей пѣсни моей.
Я пѣлъ, и ручей, адаманта свѣтлѣй, и знакомые птицъ голоса,
И ропотъ источниковъ съ чистой волной, и шумящіе вѣчно лѣса,
И утренній вѣтеръ, зефиръ легковѣйный, нѣжнѣе, чѣмъ ласка сестры,
Мнѣ все отвѣчало на лепетъ пѣвучій, на звуки свирѣльной игры.
Сегодня во снѣ я коснулся рукой сладкозвучной свирѣли моей.
Къ губамъ трепетавшимъ прильнула она поцѣлуемъ утраченныхъ дней,—
Но память проснулась, прервалось дыханье, и, скрытая тьмою ночной,
Не пѣсня лилась, а катилась слеза, а катилась слеза за слезой.

2.

РОДНОЙ ИСТОЧНИКЪ.

То было въ дни моей зари, когда я жилъ съ тобой,
О, сладостный, прохладный ключъ, источникъ мой родной!
И голосъ твой еще со мной, какъ прежде, говорилъ.
Усталый, безнадежный мозгъ еще тебя хранилъ.
Твой адамантовый потокъ, потокъ, потокъ обильныхъ водъ,
Въ развалинахъ души моей давно-давно течетъ,
Со мной онъ память о быломъ оплакивать привыкъ.
Тебя я помню, дальній мой, о братскій мой родникъ!
Я помню, къ тайнѣ водъ твоихъ, сверкающихъ свѣтло,
Я, мальчикъ, приходилъ смочить счастливое чело.
И ты, о ласковая мысль о волѣ дорогой,
Мнѣ услаждала жизнь и свѣтъ, витая надо мной.
Тогда еще объ злой утесъ не поломалъ я крылъ,
Тогда не разъ глаза свои отъ радости закрылъ.
Мечталось о побѣдахъ мнѣ, и счастливъ былъ мой вздохъ
Тебя я помню, о ручей; твой золотистый мохъ,
Что лентой по теченью шелъ журчанья твоего,—
И брелъ младенческой стопой я по ковру его.
Я брелъ, мечтами опьяненъ, по мшистому пути,
Какъ тѣ, которые хотятъ желанное найти...
Еще течешь ли ты, ручей, журчаньемъ говоря,
Ты, чистый, какъ минувшихъ дней весенняя заря?
Все такъ же ли, какъ въ былые дни прозраченъ ты, родникъ?
И пѣсня ль все звучитъ изъ волнъ иль мести грозный крикъ?
Не замутилась ли въ твоей прозрачной синевѣ
Отъ крови, мною пролитой, невинныхъ капли двѣ,
Чтобъ горькимъ сдѣлать адамантъ сверкающей струи?
Въ потокахъ крови, въ страшныхъ дняхъ всѣ помыслы мои
Безумны стали — навсегда... О, горе, горе мнѣ!

3.

ГОРСТЬ ПЕПЛА—РОДНОЙ ДОМЪ.

Увы! ты, какъ дворецъ, великъ былъ и богатъ,
И съ плоской высоты твоихъ бѣленыхъ крышъ,
Звѣздоточивой лишь настанетъ ночи тишь,
Внималъ я какъ внизу, шумя, бѣжитъ Евфратъ...

Я плакалъ, плакалъ я, узнавъ, что нынѣ ты—
Развалина, лежатъ обломки лишь одни...
То былъ день ужаса, и крови, и рѣзни...
А около тебя цвѣли въ саду цвѣты.

Теперь спаленная, тамъ комната была
Вся голубая. Въ ней я ползалъ на коврѣ,
Тамъ дѣтство проводилъ въ весельи и въ игрѣ,
И за спиной росли два радостныхъ крыла.

Увы, то зеркало разбито, чей кристаллъ,
Сіявшій золотомъ, въ своихъ лучахъ таилъ
Мои мечты, любовь, и чаянья, и пылъ,
Гдѣ воля красная, гдѣ разумъ мой блисталъ.

Ахъ, умеръ ли родникъ, поющій во дворѣ?
Ахъ, ива сломлена ль и мой зеленый тутъ?
И подъ деревьями ужели не текутъ
Источника струи, стекая по горѣ?

И клѣтку помню я, и куропатку въ ней...
Напротивъ—розъ кусты... Когда горѣлъ востокъ,
На утренней зарѣ журчащій голосокъ
Дремоту съ глазъ сгонялъ мнѣ пѣсенкой своей.

О, домъ мой, вѣрь! Едва засну я вѣчнымъ сномъ,
Душа свободная къ развалинамъ роднымъ,
Какъ голубь, прилетитъ, чтобъ волю дать своимъ
И пѣснямъ, и слезамъ. О, вѣрь, родимый домъ!

Но кто, когда умру, кто принесетъ съ собой
Святого пепла горсть отъ пепелищъ твоихъ
И броситъ на парчу покрововъ гробовыхъ
И съ нимъ смѣшаетъ прахъ пѣвца земли родной?

Горсть пепла, отчій домъ! О, съ прахомъ горсть твоимъ,
Горсть пепла изъ нѣмой развалины твоей,
Изъ прошлыхъ дней твоихъ, отъ горя и скорбей
Горсть пепла,—чтобъ мое осыпать сердце имъ!..

ДАНІЭЛЪ ВАРУЖАНЪ.

1884 г.

1. П и с ь м о   т о с к и. Перевелъ *С. Шервинскій.*
2. К у р я щ а я с я   л а м п а д а. Перевелъ *онъ же.*
3. К о л ы б е л ь   а р м я н ъ. Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*

1.

ПИСЬМО ТОСКИ.

Мать пишетъ: сынокъ, о, скиталецъ ты мой,
Доколь свои дни подъ чужою луной
Ты будешь влачить, не придешь отдохнуть
Ко мнѣ на горячую грудь.

Согрѣтымъ когда-то въ ладоняхъ моихъ,
Довольно ногамъ твоимъ—лѣстницъ чужихъ.
Ты сердцемъ изсохъ, вспоминая съ тоской
Пустынное сердце родной.

Рука истомилась, а пряжа длинна...
Изъ бѣлыхъ волосъ—мнѣ на гробъ пелена.
Лишь видѣть тебя—да подъ тяжестью вѣкъ
Закрыть бы и душу навѣкъ.

Сажусь передъ домомъ: мнѣ вѣсть про тебя ль
Приноситъ журавль, улетающій вдаль?..
А ива твоя осѣняетъ меня,
Печальныя вѣтви клоня.

Напрасно глаза мои подъ вечеръ ждутъ.
Изъ селъ молодцы только мимо идутъ,
Работникъ идетъ, тамъ пастухъ молодой,
Лишь я одинока—съ луной.

Въ дому разоренномъ одна я сижу,
Очагъ берегу, да въ могилу гляжу;

Сижу черепахой, чей треснутый щитъ
Прилипшую кожу хранитъ.

Домъ отчій лишь ты возстановишь теперь.
И погребъ расхищенъ, и сломана дверь.
Весеннія птицы влетаютъ въ окно,
Гдѣ выбиты стекла давно.

Изъ стада всего ни одной голсвы
Въ живыхъ не осталось, баранъ лишь, увы,
Чьей маткѣ ребенкомъ,—припомни тотъ день,—
Давалъ ты изъ ручекъ ячмень.

Даю ему клеверъ и отруби, рисъ.
Богатый курдюкъ у барана повисъ!
Расческой слоновой вожу по шерсти,
Чтобъ жертвѣ роскошнѣй расти.

Вернешься—ему я надѣну вѣнокъ,
Твоей ради жизни зарѣжу, сынокъ!
Въ той жертвенной крови, скиталецъ ты мой,
Усталыя ноги омой.

2.

КУРЯЩАЯСЯ ЛАМПАДА.

Намъ праздникъ—эта ночь! Пришелъ побѣдный часъ!
Невѣстка, ты въ лампаду масла влей!
Вернется съ боя сынъ, обниметъ, милый, насъ!
Сними нагаръ, невѣстка, съ фитилей!

Тамъ, у колодца мнѣ ужъ слышенъ стукъ колесъ.
Невѣстка, намъ пора зажечь огни!
То ѣдетъ сынъ—въ вѣнцѣ! Побѣды вѣсть принесъ!
Лампаду въ дверь, невѣстка, протяни!

Но... кузовъ трауромъ и кровью нагруженъ.
    Скорѣй огонь, невѣстка, поднеси!
О, воинъ, о, мой сынъ, ты въ сердце пораженъ!
    Лампаду, ахъ, невѣстка, погаси!

3.

КОЛЫБЕЛЬ АРМЯНЪ.

Есть хата; въ ней—колыбель;
Изъ кипариса она.
Вкругъ дико воетъ метель
И совъ насмѣшка слышна.

Со сводовъ виснетъ сѣдыхъ
Бусъ синихъ, синихъ овалъ.
То слезы неба, но ихъ
Жестокій холодъ сковалъ.

Тамъ копоть, сырость, капель...
И тамъ, безмолвно въ тиши
Качается колыбель,
Какъ месть въ глубинахъ души.

То—мѣсто, гдѣ армянинъ
Мятежныхъ кормитъ дѣтей,
Гдѣ цвѣтъ лобзаній—одинъ:
Кровавой розы алѣй.

Тамъ нѣжныхъ словъ не слыхать,
Подъ пѣснь любви не уснуть:
И мгла тамъ—строгая мать,
А молній вспышка тамъ—грудь.

Въ слезахъ, лишенный всего,
Ребенокъ долженъ тамъ жить;
Тамъ случай зыблетъ его
И другъ приходитъ кормить.

Но тамъ, подъ синью тѣхъ бусъ,
Герой, быть можетъ, сокрытъ
Какъ въ ясляхъ спалъ Іисусъ,
Освободитель тамъ спитъ!

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПОДРАЖАНІЯ И ПЕРЕПѢВЫ.

А. Исаакіанъ. 1. Отгадчица. Перевелъ *Вячеславъ Ивановъ.*

Онъ же. 2. На чужбинѣ. Перевелъ *онъ же.*

Онъ же. 3. Ожиданіе. Перевелъ *онъ же.*

А. Чарыгъ. 1. Тринадцать лѣтъ. Перевелъ *С. Бобровъ.*

В. Тэкэянъ. 1. Сонетъ. Перевелъ *Валерій Брюсовъ.*

1.

ОТГАДЧИЦА.

«Дѣвица, красавица!
Обернись я, молодецъ,
Мать-землею черною,—
Чѣмъ бы ты была?»
—«Я бъ тебѣ покорною
Весенкой цвѣла».

«Дѣвушка—отгадчица!
А прикинься молодецъ
Глубиной озерною,—
Какъ бы догнала?»
—«Утицей проворною
Я бы поплыла».

«А скажи, отвѣтчица!
Растекись въ поднебесье
Молодецъ, въ просторное,—
Что бы ты взяла?»
—«Солнышко дозорное!
Небушко бъ зажгла!»

2.

НА ЧУЖБИНѢ.

Въ чужедальномъ я плѣну
Жизнь бездомную кляну:
Какъ съ родимою простился,
Сномъ спокойнымъ не забылся.

Вы летите, птицы, съ горъ:
Залетали ль къ ней на дворъ?
Вѣтерокъ, ты съ моря дуешь:
Отъ нея ль меня цѣлуешь?

Стая въ облакѣ кричитъ,
Мимовѣйный вѣтръ молчитъ:
Краемъ крылъ души коснулись,
Пронеслись—и не вернулись.

Свѣтомъ ласковыхъ очей,
Сладкой звучностью рѣчей
Хоть во снѣ бъ отвелъ я душу,
Хоть во снѣ бъ ее подслушалъ!

Какъ покроетъ долы тьма,
Одолѣетъ мать дрема,—
Льнулъ бы къ ней въ туманѣ тонкомъ,
Ей привидѣлся бъ ребенкомъ!

3.

ОЖИДАНІЕ.

Вечеръ—гость на дворъ; обошелъ дома;
По селу въ окнахъ позажглись огни.
Мой лишь дворъ одинъ утонулъ въ тѣни:
Какъ въ душѣ, въ дому безъ просвѣта тьма.

Всѣхъ собралъ сельчанъ съ поля поздній часъ;
Вечерять сѣли за семейный столъ.
Съ горъ газель моя не бѣжитъ ли въ долъ,—
Я глядѣлъ въ темень, не жалѣя глазъ.

Наступила ночь непроглядная;
Водитъ души въ снахъ по садамъ весна.
Жду, пожду одинъ, въ ночь гляжу безъ сна:
Не пришла греза ненаглядная!

АРАМЪ ЧАРЫГЪ.

I.

ТРИНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ЕЙ.

Тринадцать лѣтъ ей, милой; по ночамъ
Она меня такъ часто навѣщаетъ,
И, ручки приложивъ къ моимъ вискамъ,
У изголовья сядетъ—и лобзаетъ.

Лобзаетъ ненасытно, и, вперивъ
Въ глаза мои свои газельи очи,
Холоднымъ голосомъ мнѣ говоритъ:
«Люблю тебя, люблю—всѣ наши ночи!»

Она мнѣ родственницею была,
Недѣлями у насъ живала въ домѣ;
Бывало, сладко поцѣлуемъ жгла,—
«О, мое сердце!»—плакалась въ истомѣ.

И въ тѣ же дни ее покинулъ я,
Не вѣдая, что въ жизни съ нею сталось;
И на письмо отвѣтила семья,
Что «безъ тебя одна она скончалась.»

Тринадцать лѣтъ умершей; по ночамъ
Она меня такъ часто навѣщаетъ,
И, ручки приложивъ къ моимъ вискамъ,
Съ тоской могильною меня лобзаетъ.

ВААНЪ ТЭКЭЯНЪ.

I.

СОНЕТЪ.

Какъ братъ, что издавна не видѣлъ брата,
Сталъ сѣять дождь, вкругъ и на поляхъ,
И я услышалъ звукъ, звукъ поцѣлуевъ, ахъ!
И сердце было завистію сжато;

И о цвѣтахъ я вспомнилъ, что въ садахъ
Возносятъ чаши, полны аромата;
И о слезахъ, не пролитыхъ когда-то,
И о моряхъ сіяній, о моряхъ

Благоуханій: о твоихъ очахъ!
Ни капли мнѣ то не послало море,
Чтобъ умягчить вздыбившееся горе!

И что жъ, дитя, я вновь—въ твоихъ вратахъ,
Пришелъ, какъ странникъ, что пріюта ищетъ,
Когда льетъ дождь и вѣтеръ скорби свищетъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ОБЪЯСНЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ. БИБЛІОГРАФІЯ.
СОДЕРЖАНІЕ.

Примѣчанія и Библіографія составлены *В. Я. Брюсовымъ*, въ сотрудничествѣ съ *Карэномъ Микаэляномъ*.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Вступительный очеркъ, какъ указано въ Объясненіяхъ редакціи (стр. 18), отнюдь не притязаетъ на полноту сообщаемыхъ въ немъ историко-литературныхъ свѣдѣній, являясь лишь предисловіемъ къ данной книгѣ.

Историческая часть очерка основана на работѣ того же автора: «Очеркъ историческихъ судебъ армянскаго народа съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, Мск. 1916 г.», гдѣ указаны источники, которыми пользовался авторъ. Для историко-литературной части очерка важнѣйшими источниками были: работы А. Чобаньяна и др., указанныя ниже въ Библіографіи, непосредственное знакомство съ созданіями армянской литературы, въ переводахъ и, частью, въ оригиналѣ, и, особенно, личныя разъясненія и указанія П. Н. Макинціана и Карэна Микаэляна, которымъ авторъ еще разъ выражаетъ свою глубокую признательность. Нѣкоторыя дополненія къ даннымъ, сообщеннымъ во Вступительномъ очеркѣ, приведены далѣе въ Примѣчаніяхъ.

Орѳографія армянскихъ словъ и собственныхъ именъ, какъ во Вступительномъ очеркѣ, такъ и во всемъ сборникѣ, выдержана въ согласіи съ произношеніемъ *русскихъ* армянъ (включая и имена западно-армянскихъ поэтовъ, за немногими исключеніями уже установившихся написаній). При этомъ редакція имѣла въ виду воспроизвести именно произношеніе, отчего написаніе отдѣльныхъ именъ не единообразно. Въ частности окончаніе армянскихъ фамилій имѣетъ, въ русской транскрипціи, нѣсколько формъ: на *—іанъ* (напр., Чобаніанъ, Исаакіанъ), на *—ьянъ* (напр., Патканьянъ, Туманьянъ), на *—ьянцъ* (напр., К. Костаньянцъ) или, иногда, на *—янъ* (напр., Микаэлянъ). Имена крестныя приведены—частью въ армянской формѣ, напр., Петросъ Дуріанъ, частью—въ русской формѣ, напр., Моисей Хоренскій, Іоаннъ Мандакуни, Григорій Магистръ, частью—въ обѣихъ формахъ, напр., Елисей (Егнше), Лазарь (Газоросъ), Левъ (Левонъ); также, въ отдѣльныхъ случаяхъ, различно написаніе имени—Іоаннесъ, Ованнесъ и др. Редакція рѣшилась допустить такую пестроту написаній, чтобы не нарушать уже установившейся традиціи, по которой въ русскихъ сочиненіяхъ постоянно пишется Моисей, а не Мовсесъ Хоренскій, но Рафаэлъ, а не Рафаилъ Патканьянъ, Ованнесъ Туманьянъ, но большею частью—Іоаннесъ Іоаннисіанъ, Александръ Цатуріанъ, но—Петросъ Дуріанъ и т. под.

Тексты народныхъ пѣсенъ взяты, преимущественно, изъ изданій еп. Сервандзціана, Н. О. Эмина, А. Чобаніана и изъ различныхъ пѣсенниковъ («ергараны» и «тагараны»); тексты древнѣйшихъ пѣсенъ изъ изд. исторіи Моисея Хоренскаго. Текстъ сказки о «Владыкѣ Асланѣ» основанъ на изд. К. Костаньянца; эпопеи «Давидъ Сасунскій»—на изд. Манука Абегіана; нѣкоторыхъ джанъ-гюлюмовъ—на изд. «Кнаръ Айкаканъ» («Армянская Лира»). Нѣсколько пѣсенъ заимствовано (П. Н. Макинціаномъ) изъ ванскихъ журналовъ и выписано (имъ же) изъ рукописей Эчміадзинской библіотеки. Небольшое число пѣсенъ, главнымъ образомъ—обрядовыхъ, переведено съ французскаго перевода А. Чобаніана, такъ какъ армянскій текстъ этихъ стиховъ получить не удалось. Тексты произведеній средневѣковыхъ поэтовъ и ашуговъ взяты, частью, изъ изд., названныхъ выше (К. Костаньянца, А. Чобаніана, «Кнаръ Айкаканъ»), а также изъ изд.: арх. Тевканца («Айергъ») Г. Ахвердова (Саятъ-Нова), А. Потуріана и др.; тексты шаракановъ—изъ изд. «Шаракана» (армянскаго, сличеннаго съ русскимъ переводомъ Н. О. Эмина); тексты «Элегіи на взятіе Эдессы» и «Пѣсни о плѣненіи короля Левона»—изъ изд. Э. Дюлорье. Тексты произведеній новыхъ поэтовъ почерпнуты изъ изд. ихъ соч. и различныхъ антологій, причемъ нѣкоторые тексты сообщены самими авторами.

НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ. ЛИРИКА.

Изъ древнѣйшихъ пѣсенъ, стр. 93—96.

«Древняя армянская литература, пишетъ А. Чобаніанъ (Chants populaires Arméniens, LXXI), лишена своей интереснѣйшей половины: поэзіи языческой... Погибли навсегда цѣлые циклы прекрасныхъ эпическихъ и миѳологическихъ пѣсенъ, отъ которыхъ осталось лишь нѣсколько отрывковъ, приводимыхъ Моисеемъ Хоренскимъ и Григоріемъ Магистромъ»... Соглашаясь съ авторомъ этихъ строкъ, мы постарались, въ началѣ нашего изд., собрать важнѣйшіе изъ этихъ скудныхъ отрывковъ.

Рожденіе Ваагна. Моисей Хоренскій, кн. I, гл. 31, приводя эту пѣсню и называя Ваагна (или Вахагна) сыномъ царя (миѳическаго) Тиграна Древняго, говоритъ: «Мы собственными ушами, слышали, какъ пѣли эту (пѣснь), сопровождая ее бамбирномъ. Затѣмъ въ пѣснѣ воспѣвали борьбу Ваагна съ драконами и побѣду надъ ними... Воспѣвали также его апоѳеозу; и тамъ, въ странѣ Иверовъ, была ему воздвигнута статуя въ ростъ его, которую чествовали жертвами.» Полагаютъ, что Ваагнъ одно изъ древнѣйшихъ національныхъ божествъ у армянъ. Въ эпоху вліянія эллинизма, при Тигранѣ Великомъ, Ваагна приравняли къ Гераклу, чѣмъ объясняются слова Моисея Хоренскаго (тамъ же): «Все воспѣваемое (о Ваагнѣ) имѣло большое сходство съ подвигами Геракла.» Другіе армянскіе писатели (Агаѳангелъ, Ананій Ширакскій) дополняютъ свѣдѣнія о Ваагнѣ. Это Ваагнъ образовалъ млечный путь, разронявъ по пути на небо соломенки изъ снопа, похищеннаго у Баршама (по-сирійски,—Солнце); женой Ваагна была Астхикъ (букв.,—звѣздочка), и т. под. Все это позволяетъ видѣть въ Ваагнѣ—божество звѣздное.—См. ниже литературную обработку преданія о рожденіи Ваагна въ стихахъ I. Іоаннисіана (стр. 301).

О царѣ Арташесѣ. Моисей Хоренскій, кн. II, гл. 50, кромѣ этого отрывка, приводитъ еще два стиха изъ пѣсни о женитьбѣ Арташеса на Сатеникъ, царевнѣ алановъ, говоря: «Это мѣсто такъ поется випасанами въ ихъ пѣснѣ:

Арташеса на свадьбѣ шелъ дождь золотой;
Сатеникъ на свадьбѣ шелъ дождь жемчуговъ.»

Моисей Хоренскій относитъ эту пѣсню къ «послѣднему Арташесу», котораго считаетъ преемникомъ Еруанда II (врядъ ли существовавшаго) и отцомъ Артавазда II, при чемъ смерть Арташеса приходится на годы правленія Адріана (117—138 г. по Р. Х.). Все это не вяжется съ исторіей Арменіи, поскольку она намъ извѣстна документально. Естественнѣе предполагать, что эта народная пѣсня возникла въ болѣе древнія времена; ктому же имя Арташесъ (въ греческой транскрипціи,—Артаксія) носило нѣсколько царей Арменіи, начиная съ Арташеса I (189—160 г. до Р. Х.), современника Ганнибала и основателя города Арташата. Моисей Хоренскій сообщаетъ про другія пѣсни «гохтанскихъ пѣвцовъ» о царѣ Арташесѣ (II, 49, 61 и др.) и, между прочимъ, передаетъ преданіе, что онъ, связанный желѣзными цѣпями, заключенъ въ пещерѣ,—обработанное, въ стихахъ I. Іоаннисіаномъ (см. стр. 308—9 и примѣчаніе къ этой легендѣ, стр. 505).

О построеніи Вардгеса. Моисей Хоренскій, кн. II, гл. 65, говорить, что царь Вагаршъ, котораго отожествляютъ съ Вагаршемъ или Вологасомъ, царствовавшемъ въ Арменіи въ эпоху Септимія Севера (194—211 г. по Р. Х.) и, по преданію, основавшемъ городъ Вагаршапата (иначе Норъ-Кахакъ или Кайнеполь, м. б., современный—Эчміадзинъ), «обвелъ также стѣною большое селеніе Вардгеса, что на рѣкѣ Касахѣ, объ чемъ въ легендѣ говорится слѣдующее»... Слѣдуютъ 5 стиховъ, воспроизводимыхъ нами почти безъ измѣненій въ переводѣ Н. О. Эмина, такъ какъ его прозаическій переводъ почти совпадаетъ съ ритмомъ подлинника. Добавимъ, что послѣдній стихъ для перевода представляетъ трудности и можетъ быть истолкованъ иначе.

Другіе народные стихи, приводимые Моисеемъ Хоренскимъ,—крайне отрывочны и представляютъ болѣе историческій, нежели художественный интересъ. См. Н. О. Эминъ, «Моисей Хоренскій и древній армянскій эпосъ»; E. Dulaurier, «Chants populaires arméniens», и др.

Пѣсня о разсвѣтѣ. Хотя въ стихахъ говорится о Христѣ и Просвѣтителѣ (т.-е. Григоріи изъ царскаго рода Аршакидовъ, съ именемъ котораго связано крещеніе царя Тиридата и армянъ, въ самомъ концѣ III в.), однако, полагаютъ, что эта пѣсня могла возникнуть еще въ языческую пору, причемъ позднѣе языческіе имена и образы были замѣнены христіанскими.

Пѣсни о любви, стр. 97—104.

Армянскія народныя пѣсни о любви, какъ аналогичныя народныя пѣсни русскія и др. народовъ, прежде всего показываютъ, какъ высоко самъ народъ цѣнилъ жизнь чувства. Въ то время, какъ интеллигентные печальники горя народнаго, въ своихъ стихахъ наибольшее вниманіе удѣляютъ обычно бѣдствіямъ родного народа, его тяжкой долѣ, онъ самъ охотно поетъ о радостяхъ любить и быть любимымъ. Въ стихахъ о любви, сложенныхъ ар-

мянскимъ народомъ, эстетическое отношеніе къ міру одерживаетъ полную побѣду, отражая силу духа «народа-художника». Вотъ почему мы сочли нужнымъ дать сравнительно много мѣста этимъ любовнымъ пѣснямъ, большинство которыхъ выдѣляется особой художественностью выраженія. Двѣ изъ этихъ пѣсенъ:

Для милой надо платье сшить, стр. 97, и Золотая звѣздочка въ небѣ, стр. 115, были ранѣе напечатаны («Огонекъ» 1915 г.); перепечатано въ «Сборникѣ армянской литературы», Пгд. 1916) въ другой редакціи перевода:

I.

Сшейте платьице для милой
Вы изъ солнечнаго свѣта;
Лунный свѣтъ—подкладка платью,
Нитки—облаковъ волокна;
Кружева—морская пѣна;
Звѣзды яркія—застежки,
А на грудь цвѣтокъ—я самъ!

II.

Полюбила звѣздочка въ небѣ
Рыбку малую въ синемъ морѣ;
Но не плавать рыбешкѣ въ небѣ,
Не блистать и звѣздочкѣ въ морѣ.

Джанъ-гюлюмы связаны съ гаданіемъ подъ праздникъ. Въ сосудъ съ водой, простоявшій всю ночь подъ розовымъ кустомъ и свѣтомъ звѣздъ, дѣвушки кладутъ свои мѣтки: утромъ дѣвочка, «мать цвѣтовъ», съ лицомъ, закрытымъ покрываломъ, достаетъ эти мѣтки подъ пѣніе джанъгюлюмовъ: чья мѣтка вынется, къ тому и относятся слова пѣсни (П. Макинціанъ, «Очеркъ армянской литературы»).

Свадебная пѣсня, стр. 107—8, переведена не полностью: поется еще рядъ строфъ, продолжающихъ развитіе тѣхъ же варіацій.

Зейтунскій маршъ, стр. 117, до сихъ поръ распространенная, пѣсня удальцовъ. Названіе Зейтунъ не упоминается въ хроникахъ Киликійскаго царства и встрѣчается впервые въ XVI в. Но съ того времени Зейтунъ постоянно оставался горнымъ гнѣздомъ, обитатели котораго не хотѣли признавать чужеземной власти. Съ оружіемъ въ рукахъ, всѣ—воины съ дѣтства, зейтунцы упорно обороняли свою свободу и отъ турецкихъ чиновниковъ и отъ турецкаго регулярнаго войска, которому затруднительно было бороться съ партизанскими отрядами, въ горной области. Въ Зейтунѣ сохранялись патріархальные нравы старины, жили древнія пѣсни и преданія; въ мѣстномъ монастырѣ хранилось много старинныхъ рукописей. Въ 1865 г. туркамъ, хитростью, удалось возстановить

зависимость Зейтуна, впрочемъ, первоначально совершенно номинальную. Въ 1879 г. впервые въ Зейтунъ былъ введенъ турецкій гарнизонъ. Но когда турки стали облагать населеніе Зейтуна тяжелыми податями, жители начали волноваться. Послѣднее, самое серьезное возстаніе, въ числѣ причинъ котораго были и систематическія избіенія армянъ турками въ другихъ вилайетахъ, произошло въ 1895 г. Противъ Зейтуна была отправлена огромная армія Эдхема-паши съ осадной артиллеріей. Зейтунцы геройски оборонялись, но, лишенные подвоза боевыхъ припасовъ, должны были уступить силѣ. Благодаря посредничеству Россіи, Англіи и Франціи, условія сдачи были почетны: зейтунцамъ былъ гарантированъ губернаторъ-христіанинъ и т. под. Однако, впослѣдствіи, турки большинства этихъ условій не выполнили. Лучшая работа о Зейтунѣ: Aghassi, Zeïtun, depuis les origines jusqu'a l'insurrection de 1895. Trad. d'A. Tchobanian. 2 éd. P. 1897.

Пѣсни средневѣковыя, народныя и неизвѣстныхъ авторовъ. О происхожденіи этихъ пѣсенъ см. Вступительный очеркъ, стр. 59.

Пѣснь на плѣненіе короля Левона, стр. 120. Текстъ взятъ изъ изд. E. Dulaurier, Recueil des historiens de croisades. Въ 1266 г. египтяне (мамелюки) вторглись въ Киликію, одержали побѣду при Терпесагѣ и взяли въ плѣнъ Левона, сына короля Гетума I. Левонъ былъ уведенъ въ Каиръ и томился въ плѣну больше двухъ лѣтъ. Наконецъ, Гетуму, горько оплакивавшему утрату двухъ сыновей (другой, Торосъ, т.-е. Ѳеодоръ, былъ убитъ при Терпесагѣ), удалось добиться обмѣна плѣнными: султанъ согласился отпустить Левона въ обмѣнъ на своего эмира, Сонкора-Ашкара, попавшаго, при взятіи Алеппо, въ плѣнъ къ татарамъ, бывшимъ въ то время союзниками армянъ. Левонъ вернулся въ Киликію и, по смерти Гетума I, царствовалъ подъ именемъ Левона (Льва) III.—Народная пѣсня излагаетъ эти событія въ томъ освѣщеніи, какого требовала народная гордость. О Сисѣ, столицѣ Киликіи, см. Вступительной очеркъ, стр. 34.

Арутюнъ Туманьянъ, стр. 128,—современный поэтъ, авторъ нѣсколькихъ сборниковъ стиховъ.

ЭПОСЪ.

Эпосъ. По свидѣтельствамъ Моисея Хоренскаго и Григорія Магистра, древнѣйшая народная армянская поэзія была богата эпическими созданіями, воспѣвавшими сказанія о богахъ и герояхъ. Эти пѣсни до-христіанской эпохи погибли для насъ, кромѣ скудныхъ отрывковъ (см. выше). Дошли до насъ лишь позднѣйшія народныя обработки христіанскихъ легендъ и отрывки обширной эпопеи о Давидѣ Сасунскомъ, можетъ быть, впитавшіе въ себя, однако, кое-что изъ древнѣйшихъ пѣсенъ. Поэтому о народномъ армянскомъ эпосѣ должно судить, какъ о скромныхъ остаткахъ нѣкогда величественнаго цѣлаго.

Владыка Асланъ, стр. 131 и сл. Въ основѣ этой сказки лежитъ обще-арійскій миѳъ о вѣрной женѣ, которая отдаетъ свою жизнь въ обмѣнъ за жизнь мужа. Наиболѣе извѣстенъ этотъ миѳъ въ эллинской обработкѣ сказанія о царѣ Адметѣ и его женѣ Алкестѣ, пересказаннаго въ утерянной поэмѣ, приписываемой Гесіоду, въ также утерянной драмѣ Фриниха

и въ сохранившейся трагедіи Еврипида «Алкеста». У греческаго трагика, какъ и у армянскаго поэта, и старикъ-отецъ Адмета и его старуха-мать отказываются отдать свою жизнь въ обмѣнъ за жизнь сына; соглашается пожертвовать за мужа своей жизнью лишь его юная и прекрасная жена— Алкеста. Трагедія Еврипида заканчивается счастливымъ исходомъ: Гераклъ, связанный съ Адметомъ узами гостепріимства, въ рукопашномъ бою отбиваетъ у демона смерти Алкесту и возвращаетъ ее мужу. Такой конецъ у армянскаго поэта-христіанина замѣненъ вмѣшательствомъ Господней воли. Впрочемъ, полагаютъ, что сюжетъ возвратился въ Арменію черезъ посредство восточныхъ обработокъ (персидскихъ и арабскихъ).

Давидъ Сасунскій, стр. 135 и сл. Текстъ взятъ изъ изд. Манука Абегіана «Давидъ и Мызръ», Шуша 1889. Въ нашемъ переводѣ воспроизведена лишь часть эпопеи (около половины), съ небольшими пропусками. Впрочемъ, извѣстно много различныхъ ея варіантовъ, изъ которыхъ нѣкоторые содержатъ совершенно новые эпизоды. Судя по вступленію, гдѣ перечислены имена лицъ, дѣйствующихъ въ эпопеѣ, она дошла до насъ не полностью, и возможно, что еще будутъ открыты новыя ея части.—Процвѣтаніе Сасунскаго княжества относится къ XI—XIV в. Послѣ сельджукскаго завоеванія, отдѣльныя области Арменіи стали постепенно добиваться полу-независимаго положенія. Наиболѣе значительнымъ княжествомъ было Захаридское (называемое такъ по династіи, шедшей отъ Захарія Долгорукаго), ставшее въ вассальныя отношенія къ Грузіи. Рядомъ съ нимъ возникли княжества—Сюнійское (князей Орбельяни), Хаченское, Хедекенидовъ (гдѣ княжила вѣтвь Арцрунидовъ) и др., въ томъ числѣ Чортуанелидовъ (князья котораго вели свой родъ отъ Мамиконидовъ). Послѣдніе были оттѣснены изъ равнины Тарона въ горный Сасунъ. Мѣстоположеніе въ горахъ помогало Сасуну отстаивать свою независимость, среди постоянной борьбы окружныхъ мелкихъ династовъ, характерной вообще для феодальной эпохи. Окончательно утратилъ Сасунъ свою независимость лишь вмѣстѣ съ другими армянскими княжествами послѣ нашествія Тамерлана и завоеваній турокъ-османовъ.—Эпопея «Давидъ Сасунскій», въ подлинникѣ, написана неравносложными стихами, о метрѣ которыхъ еще продолжаются споры. Судя по языку и чертамъ нравовъ, встрѣчающимся въ эпопеѣ, окончательную обработку она получила значительно позднѣе той эпохи, когда процвѣталъ Сасунъ. Однако, есть въ эпопеѣ черты глубокой древности, показывающія, что въ ея основу легли древнѣйшія историческія пѣсни, позднѣе пріуроченныя къ Сасунскому Давиду: таковы черты, намекающія на языческія вѣрованія. Возможно, что на армянскій эпосъ оказали вліяніе эпосъ персидскій и, черезъ него, индійскій; съ другой стороны, извѣстны на персидскомъ и курдскомъ языкахъ варіанты «Давида Сасунскаго».

ПОЭЗІЯ СРЕДНЕВѢКОВЬЯ.

Поэзія средневѣковья. Къ тому, что сказано въ нашемъ Вступительномъ очеркѣ о поэзіи армянскаго средневѣковья, мы можемъ добавить сказанное объ ней А. Чобаніаномъ (Chants populaires, LXXIII):

«Эта поэзія, свободная, полная живого и чарующаго изящества, часто поражающая своимъ сильнымъ и самобытнымъ складомъ, составляетъ наиболѣе живую и наиболѣе оригинальную часть древней армянской литературы.» Говоря далѣе о религіозной поэзіи армянскаго средневѣковья, тотъ же авторъ пишетъ: «Ея созданія не блѣднѣютъ рядомъ съ прославленнѣйшими твореніями міровой литературы христіанства.» Такое высокое значеніе средневѣковой армянской поэзіи и побудило насъ отвести ей значительное мѣсто въ нашемъ сборникѣ.

Григорій Нарекскій, стр. 159—163, и Вступ. оч., стр. 43—44. Очеркъ о жизни и произведеніяхъ Григорія Н. см. въ книгѣ F. Nève, L'Arménie chrétienne et sa littérature, Louvain 1886. Комментаторы считаютъ стихи «Алмазная роза» аллегоріей Богоматери; въ подлинникѣ стихотв. щедро украшено аллитераціями, которыя переводчикъ, по возможности, старался воспроизвести. Объ аллегорическомъ смыслѣ «Пѣсни на Воскресеніе Христово» мнѣнія комментаторовъ расходятся. Въ образѣ телѣги видятъ, напр., изображеніе Арменіи, погрязшей въ язычествѣ, которую выводитъ на правый путь христіанство. Недавно было высказано мнѣніе, что поэтъ, аллегоризуя спасенія вѣрныхъ, черезъ Воскресеніе Христово, въ «Новомъ Сіонѣ», описалъ, въ своихъ стихахъ, простое явленіе природы: изъ того монастыря, гдѣ жилъ Григорій, созвѣздіе Большой Медвѣдицы представляется въ видѣ колесницы, спускающейся съ Арарата (Масиса горы).

Нерсесъ Благодатный, стр. 165—178, и Вступ. оч., стр. 44—45. Характеристику Нерсеса Б. см. въ брошюрѣ: A. Tchobanian, L'Arménie, son Histoire, sa Littérature, P. 1897. См. также обширный очеркъ въ книгѣ F. Nève и вступительную замѣтку Dulaurier въ его изд. Recueil etc.

Стихи: На великій пятокъ составляютъ отрывокъ стихотворенія, въ которомъ каждыхъ два стиха начинаются послѣдовательно съ новой буквы алфавита (въ нашемъ переводѣ отъ *К* до *Т*).

Въ Элегіи на взятіе Эдессы, въ подлинникѣ, около 4000 стиховъ оканчиваются на одну и ту же риѳму (*—инъ*); переводчикъ, по возможности, стремился воспроизвести эту особенность оригинала. Нѣкоторые думаютъ, что такой пріемъ стихосложенія заимствованъ армянскими поэтами у арабскихъ; Saint-Martin (въ предисл. къ французскому изд. «Элегіи» Jehan Zohrab) приписываетъ его вліянію франковъ въ эпоху Крестовыхъ походовъ. Должно, однако, напомнить, что подобный пріемъ встрѣчается, въ армянской поэзіи, уже у Григорія Магистра (ум. около 1058 г.). Авторъ называетъ свою поэму «просопопеей», такъ какъ олицетворяетъ городъ Эдессу и заставляетъ ее самое разсказывать о своихъ несчастіяхъ (отсюда выраженія: «созерцала я...», «мой», «у меня» и т. под.). Взятіе Эдессы связано съ началомъ наступленія мусульманъ на новыя христіанскія государства Передней Азіи въ XII в. Въ 30-хъ годахъ этого столѣтія атабекъ (визирь Зенги или Занки), правившій Мосуломъ, какъ опекунъ малолѣтняго сельджукскаго эмира Альпъ-Аслана, предпринялъ завоеваніе всей Сиріи и Месопотаміи. Захвативъ рядъ городовъ, Занки осадилъ Эдессу. Архіепископъ города, ждавшій помощи изъ Іерусалима и Антіохіи, убѣдилъ гарнизонъ и жителей обороняться. Но помощь не подошла (см. примѣч. къ ст. 811), и въ городѣ начался голодъ. Занки подкопалъ

стѣны, зажегъ бревна, вставленныя въ подкопы, и этимъ обрушилъ стѣны. Мусульмане ворвались въ Эдессу и разграбили городъ; архіепископъ былъ убитъ въ свалкѣ. Черезъ два дня сдалась и цитадель (декабрь 1144 г.). Мусульманскіе поэты прославили подвиги Занки. «Элегія» Нерсеса, помимо своихъ художественныхъ достоинствъ, является важнымъ историческимъ свидѣтельствомъ современника.—Въ армянской литературѣ извѣстна другая поэма, которая можетъ быть поставлена въ параллель съ «Элегіей» Нерсеса Б.; «Элегія на взятіе Іерусалима» (Саладиномъ въ 1187 г.), написанная католикосомъ Григоріемъ Отрокомъ или Тга (1133—1189 г.). Отъ Григорія Отрока осталось нѣсколько писемъ по богословскимъ вопросамъ и «Элегія», написанная тѣмъ же стихомъ, какъ поэма Нерсеса Б.

Фрикъ, стр. 179—184, и Вступ. оч., стр. 49—50. Ожидается изд. его соч., въ которомъ долженъ впервые появиться рядъ произведеній (подъ ред. арх. Тирайра). Изъ стихотв. «Жалобы» переведено нами лишь начало; въ подлинникѣ все стихотв. выдержано на одну риѳму.

Іоаннъ Ерзынкайскій, стр. 185—188, и Вступ. оч., стр. 49—50. Іоаннъ Е. род. въ 1250 г., въ Ерзынкѣ (Ерзинджанъ) и ум. около 1326 г. Его называютъ также: Ованнесъ изъ Ерзынка, Плусъ (т.-е. голубоглазый, изъ Дзордзора (ибо долгое время жилъ въ Дзордзорскомъ монастырѣ). Во время пребыванія Ованнеса Е. въ Киликіи, король Левонъ III устроилъ ему торжественный пріемъ и поручилъ управленіе академіей Сиса; тогда же Ованнесъ Е. изучилъ латинскій яз. и перевелъ на армянскій часть «Summa Theologiae» Ѳомы Аквинскаго. Число соч. Ованнеса Е. (частью не дошедшихъ до насъ) весьма велико; въ ихъ числѣ имѣется поэма, въ 1000 стиховъ, о движеніи небесныхъ тѣлъ (на тотъ же сюжетъ авторомъ написано прозаическое разсужденіе), составленная въ Тифлисѣ.

Константинъ Ерзынкайскій, стр. 189—192, и Вступ. оч., стр. 50—51. Соч. Константина Е. изданы, о. Потуріаномъ, членомъ братства мхитаристовъ, въ Венеціи, съ подробнымъ комментаріемъ.

Аракелъ Багешскій, стр. 193—197, и Вступ. оч., стр. 51—52. Аракелъ Б. род. въ деревнѣ Боръ, около Багеша (совр. Битлисъ), въ концѣ XIV в., и былъ ученикомъ поэта-мистика Григорія Тзеренца. Отъ Аракела Б. дошелъ до насъ рядъ поэмъ на грапарѣ и на народномъ яз., а также стихотворныя переложенія «Исторіи Іоасафа» и «Исторіи семи мудрецовъ» (сюжеты—широко распространенные на Востокѣ).

Мкртичъ Нагашъ, стр. 199—202, и Вступ. оч. стр. 52. Отъ Мкртича Н. дошло до насъ 11 стихотв. частью посвященныхъ вопросамъ современности, частью—гномическихъ раздумій. О Мкртичѣ Н. см. очеркъ К. Костаньянца (его изложеніе въ книгѣ: A. Tchobanian, Les Trouvères Arméniens.)

Ованнесъ Тылкуранскій, стр. 203—206, и Вступ. оч., стр. 53. Тылкуранъ—деревня въ Діарбекирѣ. Что Ованнесъ Т. скончался престарѣлымъ, видно изъ его словъ, въ одномъ стихотв., обращенныхъ къ самому себѣ: «Вотъ уже 70 лѣтъ ты живешь на свѣтѣ!» Отъ Ованнеса Т. дошло до насъ около 25 стихотв., изъ которыхъ 16 изданы К. Костаньянцомъ (Тифлисъ 1892).

Ованнесъ (Ерзынкайскій), стр. 207—210, и Вступ. оч., стр. 53—54.

Предположеніе, что этотъ Ованкесъ жилъ въ концѣ XV в., въ одномъ изъ Ерзынкайскихъ монастырей, принадлежитъ К. Костаньянцу.

Григорій Ахтамарскій, стр. 211—222, и Вступ. оч., стр. 54—55. О двухъ переведенныхъ нами стихотв. (1-мъ и 3-мъ) см. брошюру К. Костаньянца: Роза и соловей. Къ положенію армянъ въ XVI в., М. 1913. Авторъ приходитъ къ выводу, что въ «Пѣснѣ объ одномъ епископѣ» мы имѣемъ дѣло со стихотв. чисто бытового характера. Относительно «Пѣсни о розѣ и соловьѣ» К. Костаньянцъ пишетъ: «Армянскіе авторы до Григорія А. пользовались аллегоріей о розѣ и соловьѣ для представленія религіозныхъ понятій. Между тѣмъ у Григорія А. аллегорія эта даетъ картину опять-таки разбитой жизни, впрочемъ, поддерживаемой надеждою на возстановленіе и обновленіе,—картину, вполнѣ соотвѣтствующую историческому и бытовому положенію армянъ XVI вѣка.»

Наапетъ Кучакъ, стр. 223—232, и Вступ. оч., стр. 55—56. Характеристику Кучака см.: A. Tchobanian, Les Toruvères Arméniens. Принадлежность Кучаку пѣсни «Крункъ»—сильно оспаривается: по языку и по манерѣ письма она представляетъ значительныя отличія отъ стиховъ, несомнѣнно принадлежащихъ Наапету Кучаку.—Четверостишіе XII («Ахъ милой мой миндальный цвѣтъ»..., стр. 227) въ заключительныхъ стихахъ повторяетъ мысль, часто встрѣчающуюся у различныхъ поэтовъ Востока (персидскихъ, арабскихъ, индусскихъ) и заимствованную у нихъ нѣкоторыми нѣмецкими романтиками (Жанъ Поль Рихтеръ, Уландъ, Глей-Реттихъ). У насъ та же мысль была обработана въ четверостишіи К. Фофанова:

Съ плачемъ младенецъ родился на свѣтъ.
Всѣ улыбаются, ты только нѣтъ.
Сдѣлай же такъ, чтобъ на смертномъ одрѣ,
Ты улыбался, а плакали бъ всѣ.

Іеремія Кёмурджіанъ, стр. 233—236, и Вступ. оч. стр. 57—58. А. Чобаніанъ считаетъ Іеремію К. «самой значительной фигурой въ армянской литературѣ XVII в.»

Іонатанъ Нагашъ, стр. 237—242, и Вступ. оч., стр. 58. Дата смерти Нагаша I. извѣстна намъ изъ стихотворенія, написаннаго его сыномъ Гакобомъ въ память отца.

Помимо поэтовъ, стихи которыхъ приведены въ нашемъ сборникѣ, извѣстенъ еще цѣлый рядъ другихъ армянскихъ средневѣковыхъ лириковъ, а изученіе монастырскихъ архивовъ и др. собраній рукописей, за послѣднее время, почти ежегодно обнаруживаетъ новыя имена. Особенно заслуживаютъ вниманія поэты: Кэробэ (жилъ, по мнѣнію о. Потуріана, въ концѣ XV в.), Газаросъ (Лазаръ) Севастійскій (конецъ XVI и начало XVII в.), Нерсесъ-архимандритъ (род. въ Моккѣ, въ концѣ XVI в., жилъ въ Іерусалимѣ, потомъ въ Татевскомъ монастырѣ, наконецъ, поселился на островѣ Ахтамарскаго озера, гдѣ основалъ, въ 1622 г., монастырь, существующій понынѣ; оставилъ стихи на взятіе Іерусалима, хвалу Пресвятой Дѣвѣ, гимнъ Небу и Землѣ и др.), Давидъ Салнадзорскій, Акопъ изъ Артцкэ, Оксисъ Тэртэръ, Минасъ Тохатскій, Саркавагъ Бэрдакскій и др.

ПОЭЗІЯ АШУГОВЪ.

О поэзіи ашуговъ см. Вступительный очеркъ, стр. 58—64.— Различаютъ типъ ашуга: русской и турецкой Арменіи. Ашуги русской Арменіи постепенно составили какъ бы особый цехъ пѣвцовъ, необходимыхъ на каждомъ домашнемъ или общественномъ торжествѣ. Наиболѣе удачливые изъ нихъ получали отъ своего ремесла пѣвцовъ и импровизаторовъ порядочный достатокъ. Въ турецкой Арменіи, въ областяхъ Муша, Битлиса, Вана, до послѣдняго времени сохранялся старинный типъ ашуга-перехожаго. Часто это—слѣпецъ, бродящій изъ деревни въ деревню и почитаемый за существо боговдохновенное. Матери иногда, по обѣту, назначаютъ своего будущаго ребенка для служенія Богу и тогда отдаютъ мальчика извѣстному ашугу: сначала мальчикъ служитъ поводыремъ слѣпцу, а потомъ перенимаетъ у него искусство пѣть и слагать стихи. Впрочемъ, этотъ древній типъ исчезаетъ теперь и на своей родинѣ. Поэзія ашуговъ заинтересовала изслѣдователей ранѣе, чѣмъ монастырская поэзія средневѣковья. Одинмъ изъ первыхъ собирателей пѣсенъ ашуговъ былъ поэтъ Алишанъ. Однако, большинство пѣсенъ, сложенныхъ ашугами въ прошлые вѣка, погибло безвозвратно или живетъ безымянно, какъ народныя пѣсни. Ашуги последняго времени сами собираютъ и печатаютъ свои сочиненія.

Степаниосъ, стр. 243—246. Одинъ изъ старѣйшихъ ашуговъ, пѣсни котораго дошли до насъ съ именемъ автора.

Саятъ-Нова, стр. 247—258, и Вступ. оч., стр. 59—64. О Саятъ-Новѣ существуетъ богатая литература на армянскомъ яз.,—работы Ахвердова, К. Костаньянца, Ов. Туманьяна, Н. Агбальяна и мн. др.; по-французски см. этюды M. Tchéraz, въ журналѣ «l'Arménie» 1893 г., A. Tchobanian и др.; по-русски этюды и переводы Я. Полонскаго, А. Гардеина, Авреліана и др. Формы своихъ стиховъ Саятъ-Нова бралъ, большею частью, у персидскихъ поэтовъ. Грузинскіе и татарскіе стихи Саятъ-Новы еще не изданы, какъ, повидимому, остается въ рукописяхъ и рядъ его армянскихъ стихотвореній.

Лункіаносъ, стр. 259—262. Лункіаносъ писалъ пѣсни на армянскомъ и турецкомъ яз., мистическія, эротическія, на темы историческія и злободневныя. Дошли до насъ почти исключительно пѣсни мистическія и нѣсколько злободневныхъ.

Дживани, стр. 263—266. Память Дживани понынѣ жива среди современныхъ ашуговъ русской Арменіи, и его пѣсни понынѣ поются на празднествахъ. Дживани былъ поэтъ очень чуткій, и на рѣдкое событіе, производившее впечатлѣніе среди армянъ, не отзывался пѣсней.

Число изданныхъ пѣсенъ ашуговъ довольно велико, но мы не использовали ихъ по причинамъ, указаннымъ на стр. 63—4. Такъ, послѣ смерти Г. Ахвердова, его наслѣдниками напечатанъ 2-ой томъ его собранія пѣсенъ ашуговъ, куда вошли произведенія Ширина, Азбаръ-Адама, Мискинъ-Бурджи и мн. др.

ПОЭЗІЯ РУССКИХЪ АРМЯНЪ.

Поэзія русскихъ армянъ распадается на три періода: ея зачинателей, какъ Р. Патканьянъ, С. Шахъ-Азисъ и др.; ея рас-

цвѣта, въ творчествѣ I. Іоаннисіана, А. Цатуріана, Ов. Туманьяна, А. Исаакіана и др.; новыхъ теченій, наиболѣе виднымъ представителемъ которыхъ является В. Тэріанъ. Несомнѣнно, что на эту поэзію оказала свое вліяніе русская литература (см. брошюру Ю. Веселовскаго, Русское вліяніе въ армянской литературѣ, М. 1901). Въ нашемъ изд. мы старались собрать произведенія, отмѣченныя печатью оригинальности, оставляя въ сторонѣ, хотя бы и талантливые, перепѣвы мотивовъ русскихъ поэтовъ.

Р. Патканьянъ, стр. 296—282 и Вступ. очеркъ, стр. 71—74. Поэтическая дѣятельность Патканьяна представляетъ два раздѣльныхъ періода. Къ первому относятся юношескіе опыты и затѣмъ стихи 1855—1864 гг., въ томъ числѣ «Слезы Аракса», появившіеся въ пяти сборникахъ «Гамаръ-Катипа» (подъ этимъ псевдонимомъ, присвоенномъ себѣ позднѣе однимъ Патканьяномъ, печатали свои стихи члены маленькаго дружескаго кружка, среди нихъ—Г. Додохьянъ). Въ этотъ же періодъ Патканьянъ издалъ «Новую азбуку», «Народный пѣсенникъ» и др. Съ середины 60-хъ годовъ Патканьянъ, какъ поэтъ, почти замолкаетъ. Продавъ маленькую типографію, которую онъ имѣлъ въ Петроградѣ, и прекративъ свой журналъ «Сѣверъ», онъ живетъ въ Нахичевани, занимаясь педагогической дѣятельностью. Въ турецкую войну 1878 г. Патканьянъ вновь выступаетъ со сборникомъ стиховъ «Свободныя пѣсни» и уже до конца жизни продолжаетъ дѣло поэта. По-русски о Патканьянѣ см. статьи Ю. Веселовскаго; Гр. Чалхушьянъ, Армянская поэзія въ лицѣ Патканьяна, Р. н/Д. 1886; А. Дервишъ, Патканьянъ, М. 1904 и др. Переводили стихи Патканьяна Ю. Веселовскій, Л. Уманецъ, С. Головачевскій, В. Шуфъ, Д. Пагиревъ, Эллисъ и мн. др.

Изъ поэмы Смерть Вардана, стр. 271. Варданъ Мамиконьянъ Великій былъ предводителемъ возстанія армянъ противъ персидскаго владычества въ V в., вскорѣ послѣ раздѣленія Арменіи между Византіей и Персіей. Одно время во главѣ движенія думалъ встать Васакъ Сюнійскій, бывшій марзпаномъ (т.-е. правителемъ,—персы часто назначали правителей изъ природныхъ армянъ), и ожидалась помощь византійской Арменіи, гдѣ правителемъ былъ Васакъ Мамиконидъ, а также императора Ѳеодосія, Иберіи, Албаніи (кавказской) и гунновъ. Однако надежды на поддержку со стороны не оправдались. Тогда Багратиды (соперничавшіе съ Мамиконидами: два наиболѣе вліятельныхъ княжескихъ дома въ Арменіи) отступились отъ дѣла возстанія, также какъ Васакъ Сюнійскій (за что и былъ заклейменъ армянскими историками какъ измѣнникъ,—мнѣніе, которое нынѣ оспаривается). Армянское ополченіе, подъ начальствомъ Вардана Великаго было, въ 451 г. по Р. Х., разбито и истреблено при Аварайрѣ, близъ Аракса. Но персы, встрѣтивъ сильное сопротивленіе, сдѣлали различныя уступки армянамъ (въ вопросахъ вѣроисповѣданія), такъ что возстаніе не пропало даромъ. Позднѣе всѣ, павшіе въ бою съ Варданомъ, были армянской церковью причтены къ лику святыхъ (вардананцы). (См., кромѣ общихъ исторій, брошюру Н. Адонца, Марзбанъ Васакъ). Лѣтъ черезъ 30 возстаніе персидскихъ армянъ повторилось подъ руководствомъ племянника Вардана, князя Ваана Мамиконида, который добился назначенія его марзпаномъ (484 г.)—Гайкъ и Торгомъ—миѳическіе родоначальники армянъ: по Моисею Хоренскому (кн. I, гл. 5) «Іафетъ родитъ Гомера, Гомеръ—Ѳираса, Ѳирасъ—Ѳоргома (Торгома), Ѳоргомъ—

Хайка (Гайка)». Современная филологія въ словѣ hai (мн. число: haik) видитъ производное отъ арійскаго корня peti, давшаго въ греческомъ—peter, въ латинскомъ—pater (отецъ). Отсюда и названіе Арменіи Айастанъ или Haiastan, т.-е. «домъ гайковъ», съ помощью корня (иранскаго происхожденія): stan (домъ, область).—Другіе переводы (не полные) того же стихотворенія принадлежатъ: Ю. Веселовскому («Армянская Муза») и С. Шервинскому («Сборникъ армянской литературы»).

Ребенка святой колыбелью клянусь, стр. 280. Свв. Месропъ и Саакъ — изобрѣтатели армянскаго алфавита, въ V в. по Р. Х. Преданіе говоритъ, что въ самомъ началѣ V в. католикосъ Саакъ (Исаакъ) и монахъ Месропъ Маштоцъ были заняты вопросомъ о созданіи азбуки для армянъ (которые ранѣе пользовались, можетъ быть, алфавитами греческимъ и сирійскимъ, не передающими всѣхъ звуковъ армянскаго языка). Испробовавъ различные алфавиты, а также «письмена Даніила», изобрѣтенныя «въ древнѣйшія времена» для армянскаго яз., Саакъ и Месропъ нашли ихъ не достаточными и изобрѣли новую азбуку (по преданію, она явилась св. Месропу въ вѣщемъ снѣ), послѣ чего завели школы и стали учить мальчиковъ новой грамотѣ. Въ томъ же V в. былъ совершенъ и великій трудъ—перевода на армянскій яз. Библіи. (Такъ разсказываютъ армянскіе историки: Корюнъ, Лазарь Парпскій и Моисей Хоренскій; см. изслѣдованіе Месропа Теръ-Мовсесяна: Исторія перевода Библіи на армянскій языкъ, Спб. 1902).—Гэвондъ—іерей, герой битвы на Аварайрскомъ полѣ. Ашотъ Милосердый и Гагикъ Неутѣшный—цари Багратидской династіи. «Строители царства армянъ»—въ подлинникѣ: «азгашэн», изъ «аз»—нація, народъ и «шэн», отъ глагола «шинел»—строить.

Георгъ Додохьянъ, стр. 283—286 и Вступ. оч., стр. 75—76. Поэтъ родился въ селѣ Аштаракѣ, какъ и С. Шахъ-Азизъ. Другіе переводы того же стихотв.—Ю. Веселовскаго («Армянская Муза») и Н. Реулло («Армянскій Вѣстникъ» 1916 г.)

С. Шахъ Азизъ, стр. 287—294, и Вступ. оч., стр. 74—75. Въ русской литературѣ Шахъ-Азизъ нашелъ дѣятельнаго пропагандиста въ лицѣ Ю. Веселовскаго, издавшаго отдѣльную книгу переводовъ произведеній Шахъ-Азиза и посвятившаго ему нѣсколько статей («Женская доля въ изображеніи армянскихъ литераторовъ» въ сборникѣ: Литературные очерки, М. 1900, и др. см. Библіографію). Переводили Шахъ-Азиза, кромѣ Ю. Веселовскаго, Л. Умаиецъ, С. Головачевскій, И. Гриневская, О. Чюмина и др. Др. переводъ стихотв. Сонъ—Ю. Веселовскаго («Армянская Муза»).

Г. Агаянъ, стр. 295—298, и Вступ. оч., стр. 76. Агаянъ началъ литературную дѣятельность повѣстями («Арутюнъ и Мануэлъ», «Двѣ сестры» и др.); потомъ работалъ по педагогикѣ (прекрасные учебники); считается лучшимъ писателемъ для дѣтей.

І. Іоаннисіанъ, стр. 299—310, и Вступ. оч., стр. 76—77. Къ сказанному нами добавимъ сужденіе П. Макинціана: «Основателемъ ново-армянской національной поэзіи нужно считать Іоаннисіана. Онъ впервые внесъ въ поэзію понятіе стиля. Онъ, прекрасно знакомый съ народной поэзіей, изъ этого неизсякаемаго источника черпалъ образы и краски для воплощенія, какъ личныхъ, такъ и общественныхъ настроеній». По-русски характеристику Іоаннисіана см. въ статьѣ М. Алавердьянца, «Спб.

Вѣдомости», 1912 г. Іоаннисіана переводили Ю. Веселовскій, К. Бальмонтъ, И. Бѣлоусовъ, Л. Уманецъ, Е. Богословскій, М. Шагиньянъ, Л. Зиловъ и др.

Рожденіе Ваагна, стр. 301,—литературная обработка древняго стихотв., сохраненнаго Моисеемъ Хоренскимъ (см. примѣч. на стр. 494).

Аразъ, стр. 304. Др. переводы того же стихотв.: К. Липскерова («Сборникъ армянской литературы») и А. Глобы («Армянскій Вѣстникъ» 1916 г.).

Новая весна, стр. 303, Снѣгъ засыпалъ всѣ пути, стр. 305. Др. переводъ этихъ стихотв. Е. Богословскаго.

Царь Артаваздъ, стр. 308. Моисей Хоренскій (кн. II, гл. 61) такъ разсказываетъ легенду: «Артаваздъ, при переѣздѣ черезъ мостъ города Арташата, чтобы охотиться на кабановъ и онагровъ у истоковъ рѣки Гина, встревоженный какими-то видѣніями, долго носился на конѣ безъ цѣли, пока, наконецъ, не упалъ въ глубокую пропасть и не пропалъ безъ слѣду. Объ немъ Гохтанскіе пѣвцы поютъ такъ: По случаю смерти Арташеса (отца Артавазда) большая была гибель народу по языческому обычаю. Огорчился, говорятъ, Артаваздъ и говоритъ отцу: «ты ушелъ и унесъ съ собою всю нашу землю, какъ же мнѣ царствовать надъ развалинами», За это Арташесъ проклялъ его, сказавъ: «если ты пойдешь на охоту на свободный (т.-е. недоступный людямъ) Масисъ (Араратъ), тебя захватятъ каджи (злые духи). тамъ останешься и свѣта не увидишь болѣе». Старухи также разсказываютъ про него, что онъ (Артаваздъ), связанный желѣзными цѣпями, заключенъ въ какой-то пещерѣ, что двѣ собаки грызутъ безпрестанно его цѣпи, и онъ силится выйти и положить конецъ міру; но что отъ звука ударовъ кузнечныхъ молотовъ снова, говорятъ. цѣпи укрѣпляются. Поэтому также и въ наше время многіе изъ кузнецовъ, слѣдуя легендѣ, по воскресеньямъ ударяютъ трижды и четырежды (молотомъ) о наковальню, чтобы укрѣпились цѣпи Артавазда.» Съ историческими царями Артаваздами (Артаваздъ I, полумиѳическій царь III в. до Р. Х.; Артаваздъ II, 125—95 г. до Р. Х.; Артаваздъ III, 56—33 г. до Р. Х.; Артаваздъ IV, 5—2 г. до Р. Х., и Артаваздъ V, ум. въ 11 г. по Р. Х.) герой легенды имѣетъ мало общаго, развѣ только если принять мнѣніе А. Амфитеатрова (Арменія и Римъ, Пгд. 1916 г., стр. 297), что «эти государи солоно пришлись армянскому народу, потому что имя Артавазда осталось въ былинахъ армянскаго эпоса весьма недалекимъ отъ имени злого духа». Легенда о скованномъ въ пещерѣ царѣ, можетъ быть,—отголосокъ персидскаго миѳа о скованномъ Ариманѣ.

А. Цатуріанъ, стр. 311—322, и Вступ. оч., стр. 81—82. По-русски о Цатуріанѣ см. статью М. Алавердьянца, «Спб. Вѣдомости», 1912 г., и др., связанныя преимущественно съ 25-лѣтнимъ юбилеемъ дѣятельности поэта (праздновавшемся въ Московскомъ Литературно-Художественномъ Кружкѣ). Переводили Цатуріана Ю. Веселовскій, К. Бальмонтъ, Л. Уманецъ, И. Бунинъ, М. Шагиньянъ, Е. Выставкина и др. Въ стихотв. Не я пою, по желанію автора, опущено нѣсколько строфъ.—Пѣсня, стр. 314. Др. переводъ этой пѣсни—Е. Выставкиной («Сборникъ армянской литературы»).

Ов. Туманьянъ, стр. 321—364, и Вступ. оч., стр. 77—79. Эпи-

ческій складъ творчества Туманьяна сказался между прочимъ въ его литературной обработкѣ эпопеи о Давидѣ Сасунскомъ. Переводили Туманьяна К. Бальмонтъ, Тхоржевскіе, Л. Уманецъ, Эллисъ и др.; отдѣльно издано: «Парвана», Т. 1913.

Голубиный скитъ, стр. 328 и сл. Легенда относится къ эпохѣ нашествія Тамерлана и могла вырасти изъ обычая—устраивать въ нѣкоторыхъ армянскихъ церквахъ потайные ходы, черезъ которые молящіеся скрывались при приближеніи враговъ (такія церкви сохранились до нашего времени).

Анушъ, стр. 334 и сл. Поэма появлялась въ трехъ послѣдовательныхъ обработкахъ автора. Въ основу нашего перевода положенъ послѣдній варіантъ. Въ поэму включено авторомъ много мотивовъ народной пѣсни.

Одна капля меда, стр. 360,—художественная обработка распространенной на Востокѣ сказки.

А. Исаакіанъ, стр. 365—398, и Вступ. оч., стр. 79—80. Послѣдніе годы Исаакіанъ живетъ, какъ эмигрантъ, въ З. Европѣ. Переводили Исаакіана И. Бунинъ, И. Бѣлоусовъ, С. Головачевскій, Эллисъ, М. Шагиньянъ и др.; отдѣльно издано «Цвѣты Араза», М. 1907.

Въ долинѣ Сально..., стр. 369. Др. переводъ этого стихотв. А. Глобы («Армянскій Вѣстникъ» 1916 г.).

Я увидѣлъ во снѣ, стр. 372. Др. переводъ этого стихотв., Валерія Брюсова, мы помѣщаемъ здѣсь:

Мнѣ снился сонъ: віяся какъ змѣя,
Шелъ караванъ, звеня,—о нѣжный звонъ!
По склонамъ горъ, извилины вія,
Брелъ караванъ, звеня: динъ-донъ, динъ-донъ!
Тамъ, въ караванѣ,—милая моя!
Нарядъ невѣстъ на ней, блистая, цвѣлъ.
Въ огнѣ тоски къ ней устремился я...
Ахъ, караванъ по сердцу мнѣ прошелъ.
И я лежалъ, раздавленъ, на пескѣ,
Съ разбитымъ сердцемъ, скорбью сокрушенъ...
Но все еще былъ слышенъ вдалекѣ
Звонъ нѣжный каравана: динъ-донъ-донъ!

Абулъ-Ала-Маари, стр. 380 и сл. Поэма написана въ формѣ, любимой арабскими поэтами, откуда названіе «каситъ» (поэма, написанная длинными двустишіями) и дѣленіе на «суры» (пѣсни, какъ раздѣленъ и Коранъ). Абулъ-Ала-Маари—лицо историческое, дѣйствительно арабскій поэтъ, жившій въ Багдадѣ, 973—1058 г., но, конечно, авторъ подъ маской арабскаго поэта изобразилъ себя самого и свои переживанія... Воспроизводя духъ арабской поэзіи, авторъ оставилъ въ поэмѣ рядъ арабскихъ словъ: джэннатъ—рай; гюлистанъ—цвѣтникъ розъ, rosarium; саламъ—привѣтъ и шюкръ—слава, благословеніе; Шэмсъ—солнце (древній богъ солнца), и др. Нѣкоторыя выраженія подлинника, при всей ихъ картинности, не поддавались переводу, напр., сура I, ст. 3: путь «волор у молор», т.-е. путь зигзагами (въ переводѣ: «віясь, какъ змѣя»); сура I,

ст. 11: караванъ «орор у шорор звенѣлъ впередъ» («орор у шорор»—звукоподражательное выраженіе), т.-е. подвигался впередъ, звеня бубенцами, колокольчиками, и колыхаясь, колеблясь (въ переводѣ: «віясь, какъ змѣя, звенѣлъ дальше во мглу»), и др. Кромѣ объясненій, данныхъ подъ текстомъ, должно добавить еще къ сурѣ II: Иблисъ — сатана мусульманской демонологіи (искаженное греческое слово diabolos, діаволъ); стихъ—

Согрѣшилъ мой отецъ въ быломъ предо мной, но я ни передъ
кѣмъ грѣха не свершилъ,

начертанъ на памятникѣ надъ могилой Абулъ-Ала-Маари.—Въ нашемъ переводѣ нѣсколько строфъ (двустишій), въ разныхъ сурахъ, опущено.

Д. Дэмирчіанъ, стр. 399—402, и Вступ. оч., стр. 82; Ш. Кургиньянъ, стр. 403—406, и Вступ. оч., стр. 83; В. Тэріанъ, стр. 407—414, и Вступ, оч., стр. 86—87. По-русски характеристику В. Тэріана далъ М. Манучаріанъ, «Баку», 1911 г. Др. переводы стиховъ тѣхъ же авторовъ см. въ изданіяхъ, указанныхъ въ Библіографіи.

Теръ-Мартиросіанъ, стр. 415—418, и Лейли, стр. 419—22, и Вступ. оч., стр. 87; см. Объясненія ред., стр. 14.

ПОЭЗІЯ ТУРЕЦКИХЪ АРМЯНЪ.

Поэзія турецкихъ армянъ развивалась въ иныхъ условіяхъ, нежели армянская поэзія въ Россіи. Западные армяне имѣли за собой большій опытъ культурнаго обновленія народа. Уже съ конца XVIII в. въ интеллигентныхъ кругахъ армянскаго общества въ Турціи и на Западѣ (въ колоніяхъ) дѣлались попытки создать новую національную литературу (сначала на грапарѣ). Въ самомъ началѣ XVIII в. въ Константинополѣ былъ основанъ цѣлый рядъ армянскихъ школъ; въ 1794 г., въ Калькуттѣ возникла первая армянская газета «Аздараръ», а въ 1803 г.—вторая, въ Венеціи, что̀ повело къ развитію армянской прессы. Если, однако, имѣть въ виду только литературу на новомъ яз., поэзію турецкихъ армянъ также можно раздѣлить на три періода: первый—дѣятельность зачинателей, М. Пэшикташляна, П. Дуріана, позднѣйшіе стихи Алишана и др.; второй—развитіе лирики, подъ господствующимъ вліяніемъ французской литературы, въ творчествѣ В. Тэкэяна, г-жи Сипилъ, А. Чобаніана, М. Мэцаренца и др.; третій—возвращеніе къ народности лучшими представителями котораго являются Сіаманто и Д. Варужанъ (что и побудило насъ, нѣсколько нарушивъ хронологическую послѣдовательность, поставить этихъ двухъ поэтовъ въ самомъ концѣ отдѣла, послѣ М. Мэцаренца, бывшаго моложе ихъ по годамъ, но скончавшагося уже нѣсколько лѣтъ назадъ).

Гев. Алишанъ, стр. 425—428, и Вступ. оч., стр. 66. Алишанъ замѣчателенъ также, какъ одинъ изъ первыхъ собирателей древней армянской литературы; нѣсколько стихотв. ашуговъ было издано имъ съ англійскимъ переводомъ (Armenian popular songs, Ven. 1852).—Разданъ, стр. 427—8. Др. переводъ того же стихотв.—Л. Уманца («Армянская Муза», гдѣ и переводъ отрывка изъ поэмы Алишана).

М. Пэшикташлянъ, стр. 429—436, и Вступ. оч., стр. 67—68. О Пэшикташлянѣ, кромѣ др. изслѣдованій, см. обстоятельный очеркъ Ю. Веселовскаго въ книгѣ: «Литературные очерки», М. 1900. По-русски Пэшикташляна много переводилъ Л. Уманецъ, переведшій также стихотв. Мы — братья и О какъ нѣжно и прохладно.—Алемдагъ—мѣстность на родинѣ поэта. Ванъ—озеро, которое въ народныхъ пѣсняхъ часто именуется моремъ. Айоцъ-Дзоръ—букв. «армянское ущелье», въ Ванскомъ вилайетѣ. О Зейтунѣ см. выше стр. 496.

П. Дуріанъ, стр. 438—444, и Вступ. оч., стр. 68—69. О Дуріанѣ кромѣ др. изслѣдсваній см. брошюру: Hrand Nazariantz, Bedros Turian, Bari 1915 (на итальянскомъ яз.). Дуріана переводили Ю. Веселовскій, О. Чюмина, И. Гриневская, Л. Уманецъ и др.

Сипилъ, стр. 445—450; Л. Шантъ, стр. 451—4; А. Чобаніанъ, стр. 455—8; Малэзіанъ, стр. 459—462; В. Тэкэянъ, стр. 463—8; М. Мэцаренцъ, стр. 469—472, и Вступ. оч., стр. 84—85. Всѣ эти авторы пользуются популярностью и въ читательскихъ кругахъ русскихъ армянъ, ибо разница въ языкѣ, которымъ пользуются писатели турецкой Арменіи, съ языкомъ русской Арменіи, не велика, сводится къ произношенію нѣкоторыхъ буквъ, къ употребленію нѣкоторыхъ словъ и оборотовъ и т. под. Л. Шантъ пишетъ на языкѣ, представляющемъ нѣчто среднее между двумя литературными нарѣчіями. Языкъ западно-армянскихъ писателей считается болѣе разработаннымъ и болѣе гибкимъ, хотя близость къ древнему армянскому говору, безспорно, на сторонѣ русскихъ армянъ (въ чемъ сознается, напр., историкъ F. Tournebize, Histoire de l'Arménie, p. 813). Стихи названныхъ поэтовъ переводили Ю. Веселовскій, С. Головачевскій, Н. Новичъ, Эллисъ и др.

Идеалъ, стр. 448, и Вотъ и снова, стр. 457. Форма стихотв., несомнѣнно, заимствована изъ французской поэзіи (у Ш. Бодлэра и др.). Лампада Просвѣтителя—см. примѣч., на стр. 326, къ аналогичному стихотв. Ов. Туманьяна (на ту же тему есть стихотв. І. Іоаннисіана). Пѣсня объ армянскомъ языкѣ, стр. 468. Аналогичное стихотв. есть у А. Чобаніана.

Сіаманто, стр. 473—8; Д. Варужанъ, стр. 479—484, и Вступ. оч., стр. 87—88. Судьба этихъ поэтовъ, ко времени, когда редактируются эти примѣчанія (іюль 1916 г.), остается невыясненной. Извѣстно, что, въ началѣ Великой войны, послѣ Ванскаго возстанія, они были арестованы турецкимъ правительствомъ, въ Константинополѣ, въ числѣ 10.000 армянъ (всей мѣстной интеллигенціи), и сосланы въ глубь азіатской Турціи. Передъ окнами тюрьмы, въ которой были заключены Сіаманто и Варужанъ, три дня стояли висѣлицы, при чемъ узникамъ было категорически заявлено, что они будутъ повѣшаны. Однако, потомъ висѣлицы были убраны, а заключенные уведены въ другое мѣсто. Есть извѣстіе, что на пути узники были убиты, но нѣкоторые изъ бѣженцевъ оспариваютъ это. Хочется вѣрить, что страшная судьба минула талантливѣйшихъ изъ представителей молодой поэзіи турецкой Арменіи...

Колыбель армянъ, стр. 483. Въ подлинникѣ—«Колыбель гайковъ»; о значеніи слова «гайкъ», см. выше, стр. 504.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Помѣщенныя въ этомъ отдѣлѣ стихотворенія представляютъ скорѣе свободное подражаніе, нежели точный переводъ оригиналовъ, но все же въ такой мѣрѣ передаютъ, по мнѣнію редакціи, духъ подлинника и художественность его формы, что вполнѣ заслуживаютъ включенія въ нашъ сборникъ, какъ образцы именно *армянской* поэзіи.

Арамъ Чарыгъ, стр. 489. То же стихотв. имѣется въ переводѣ Валерія Брюсова:

ВИДѢНІЕ.

Прелестная дѣвочка тринадцати лѣтъ
Нерѣдко является ко мнѣ по ночамъ;
Возьметъ мою голову, и, лаской согрѣтъ,
Прижавшись къ щекѣ ея,—ввѣряюсь мечтамъ.
Меня съ ненасытностью цѣлуетъ она,
Глазами газельими въ глаза мнѣ глядитъ.
Шепча лихорадочно, но вся холодна,
«Люблю я, люблю тебя!»—до утра сидитъ.
Прелестная дѣвочка была мнѣ родной,
Бывало, на много дней, входила въ нашъ домъ,
И также шептала мнѣ: «Ахъ, радостный мой!»
И плакала, плакала,—со мною вдвоемъ.
Въ тѣ дни съ ней разстались мы, увы! навсегда!
Не зналъ я, куда она на свѣтѣ ушла,
Когда жъ я спросилъ объ ней, въ отвѣтъ мнѣ тогда
Сказали: «Увянувши,—она умерла!»
Умершая дѣвочка тринадцати лѣтъ
Нерѣдко является ко мнѣ по ночамъ,
Беретъ мою голову... Я—лаской согрѣтъ,
Она же, печальная, приникнетъ къ устамъ.

Изъ новыхъ поэтовъ, не включенныхъ въ нашъ сборникъ, особаго вниманія заслуживаютъ: Левонъ Мануельянъ (р. въ 1864 г., переводы—въ «Армянской Музѣ»), Перенцъ, Христофоръ Татевосянъ. Онопріосъ Анопьянъ, Семенъ Бабіанъ, д-ръ Левонъ Атабекьянъ (сборн. стиховъ 1913 г.), Акопъ Акопьянъ (см. Вступ. оч., стр. 83), Егія Демирчибашьянъ (см. Объясненія ред., стр. 15) и др.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскіе переводы стиховъ армянскихъ поэтовъ появлялись въ слѣдующихъ отдѣльныхъ изд. А)—сборники:

Армянскіе беллетристы, драматурги и поэты, подъ ред. Ю. Веселовскаго и М. Берберьяна, М. 1894. Р. Патканьянъ, С. Шахъ-Азизъ, М. Бешикташленъ (Пэшикташлянъ), П. Дуріанъ, Ов. Ованнисьенъ (І. Іоаннисіанъ), Леренцъ, А. Цатуріанъ, Ов. Туманьянцъ (Туманьянъ).

Стихотворные переводы Ю. Веселовскаго, М. 1898. С. Шахъ-Азизъ, І. Іоаннисіанъ, А. Цатуріанъ, Леренцъ.

Современные армянскіе поэты, подъ ред. Л. Уманца и А. Дервишъ, М. 1903. І. Іоаннисіанъ, А. Цатуріанъ, Л. Мануэльянъ, А. Исаакіанъ.

Современная армянская литература, М. 1906. Ов. Туманьянъ, А. Исаакіанъ, Тадевосянъ.

Армянская Муза, подъ ред. Ю. Веселовскаго и Г. Халатянца. М. 1907. Р. Патканьянъ, С. Шахъ-Азизъ, Г. Додохьянъ, Ов. Ованнисьянъ (І. Іоаннисіанъ), Л. Мануэльенъ, А. Цатуріанъ, Леренцъ, Ов. Туманьянъ, А. Исаакіанъ, Гев. Алишанъ, С. Гекимьянъ, Хоренъ Наръ-Бей, М. Бешикташленъ (Пэшикташленъ), П. Туріанъ (Дуріанъ), А. Чобаніанъ, Малезіанъ, Сибиль (Сипилъ).

Сборникъ армянской литературы, подъ ред. М. Горькаго, Пгд. 1916. Р. Патканьянъ, С. Шахъ-Азизъ, І. Іоаннисіанъ, А. Цатуріанъ, Ов. Туманьянъ, А. Исаакіанъ, Д. Дэмирчьянъ, В. Тэріанъ.

В)—отдѣльные поэты.

Р. Патканьянъ, пѣвецъ гражданской скорби, вступ. статья А. Дервишъ, М. 1904.

Армянскій поэтъ С. Шахъ-Азизъ, 2-е изд., М. 1905. Критич. этюдъ и переводы Ю. Веселовскаго и др.

А. Исаакіанъ, Цвѣты Араза, предисл. П. Макинціана, М. 1907.

Ов. Туманьянъ, Парвана, легенда, Тифл. 1913.

Л. Григорьянцъ, Чайка, стихотворенія, Спб. 1913.

С)—журналы, альманахи и т. под.

Саятъ-Нова, въ сборн. «Братская помощь», 2-е изд., М. 1898, «Тифлисскій Журналъ» 1913 г., соч. Я. Полонскаго, «Русс. Мысль» 1915 г. «Армянскій Вѣстникъ» 19 6 г. Н. Кучакъ, «Русс. Мысль» 1915 г.

Новые поэты—въ «Армянскомъ Вѣстникѣ» 1916 г., «Одесскомъ Листкѣ», 1915—6 г., «Утрѣ Россіи» 1915—6 г., «Лѣтописи» 1916 г., «Кличѣ» 1915 г., Бакинскихъ и Тифлисскихъ газетахъ и мн. др. изд.

Характеристики поэтовъ, на русскомъ яз., были даны:

Во вступительныхъ статьяхъ къ сборникамъ «Армянскіе беллетристы» (М. Берберьяна, Ю. Веселовскаго, А. Хатисова), «Армянская Муза» (Ю. Веселовскаго), «Современные армянскіе поэты» (А. Микаэльянца, А. Дервиша, А. Багратуни) и др.

Въ отдѣльныхъ изд.: М. Алавердьянцъ, Идеологи освобожденія турецкихъ армянъ (Р. Патканьянъ), Пгд. 1905; Ю. Веселовскій, Русское вліяніе въ современной армянской литературѣ, М. 1901; Его же, Литературные очерки (М. Пэшикташленъ и др.) М. 1900; Ив. Гнуни, Мотивы армянской поэзіи, Саратовъ 1915; Гр. Чалхушьянъ, Армянская поэзія въ лицѣ Р. Патканьяна, Р. н/Д. 1886; Я. Полонскій о Саятъ-Новѣ въ собр. соч.

Въ альманахахъ, газетахъ и журналахъ: см. статьи, указанныя въ Примѣчаніяхъ, М. Алавердьянца о Іоаннисіанѣ и Цатуріанѣ, М. Манучаріана о В. Тэріанѣ; Армянскіе ашуги, «Кавказъ», 1853 г.; Айранетьянцъ, Армянская литература, современная поэзія, «Новая Заря» 1909 г. М. Берберянъ, Замѣтки о новой армянской литературѣ, «Братская помощь», М. 1897; Ю. Веселовскій, «Русс. Мысль» 1901 г., «Армянскій Сборникъ», М. 1915 г.; С. Р-ій, современная армянская поэзія, «Южныя Записки», 1905 г. и др.

Общія свѣдѣнія объ Арменіи, ея исторіи и т. д., на русскомъ яз., въ общедоступной формѣ, даютъ слѣдующія изд.:

Статьи въ энциклопедическихъ словаряхъ (въ томъ числѣ въ «Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона прекрасныя статьи—Н. Адонца и І. Орбели).—Вступит. статьи къ «Сборнику армянской литературы» (П. Макинціана и Д. Анануна).—Обстоятельная работа (преимущественно географическая и этнографическая)—Линчъ, Арменія, перев. Джунковской, Тиф. 1910.—К. Костаньянцъ, Краткій очеркъ исторіи Арменіи, «Армянскій Сборникъ», М. 1915 г. (и отдѣльнымъ оттискомъ).—Статьи Ю. Веселовскаго, А. Дживилегова, С. Кара-Мурзы, А. Симеоньянца, В. Томоміанца и др. въ томъ же сборникѣ.—Валерій Брюсовъ, Очеркъ историческихъ судебъ армянскаго народа, М. 1916.—А. Амфитеатровъ, Арменія и Римъ, Пгд. 1916.—Н. М. Лаговъ, Арменія, Пгд. 1915.—Л. де Контансонъ, Армянскій вопросъ, М. 1914, и др. брошюры, преимущественно по политическимъ вопросамъ.

Научная литература, на русскомъ языкѣ, по армяновѣдѣнію за послѣдніе годы значительно обогатилась. Къ болѣе старымъ работамъ принадлежатъ: Лекція и изслѣдованія Г. Халатьянца, Очеркъ исторіи Арменіи, М. 1910 (читаны въ Лазаревскомъ Инст.); Армянскіе аршакиды, М. 1903; Армянскій эпосъ, М. 1896, и др.; Н. Эминъ, Моисей Хоренскій и древній эпосъ армянскій, М. 1881; Переводы и статьи по духовной армянской литературѣ, М. 1897, и др.; Г. Эзовъ, Сношенія Петра В. съ армянскимъ народомъ, Спб. 1898; М. Теръ-Мовсесянъ, Исторія перевода Библіи на армянскій яз., Спб. 1902; Его же, Эчміадзинъ и др. армянскія церкви, Спб. 1905, и др. изслѣдованія въ «Извѣстіяхъ И. Археол. Комиссіи» и др. изд.; Гренъ, Династія Багратидовъ въ Арменіи, «Ж. М. Н. П.» 1893 г.—Устарѣли работы: Муравьевъ, Грузія и Арменія, Спб. 1848; Д. Бакрадзе, Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства, Тиф. 1875, и др. Совершенно устарѣли книги Ив. Шопена, Историческій памятникъ состоянія Армянской области въ эпоху ея присоединенія къ Россійской имперіи, Спб. 1852, и др., но содержащіяся въ нихъ цифровыя и вообще фактическія данныя могутъ быть полезны понынѣ.

Къ болѣе новымъ работамъ принадлежатъ замѣчательные труды акад. Н. Я. Марра, изслѣдованія Н. Адонца, І. Орбели и др., попутныя изслѣдованія акад. А. Крымскаго и др., въ томъ числѣ: Н. Я. Марръ, Грамматика др.-армянскаго яз., Спб. 1903; О раскопкахъ и работахъ въ Ани, Спб. 1907; Разысканія по армяно-грузинской филологіи, «Ж. М. Н. П»., а также др. изслѣдованія, замѣтки и статьи въ «Ж. М. Н. П.», «Извѣстіяхъ И. Археол. Комиссіи», «Запискахъ Вост. Отд. Археол. Общ.», «Запискахъ Общ. Любит. Кавказской археологіи» и др. ученыхъ изд.; среди нихъ статья: Кавказскій культурный міръ, «Ж. М. Н. П.» 1915 г. (и отдѣльно),—сжатое изложеніе основныхъ идей автора по армяновѣдѣнію; Н. Адонцъ, Арменія въ эпоху Юстиніана, Спб. 1908; Марзбанъ Васакъ передъ судомъ историковъ, «Записки Вост. Отд. Р. Археол. Общ.» XV (и отдѣльно, Спб. 1904), а также др. изслѣдованія, статьи и замѣтки въ различныхъ ученыхъ изд.; І. Орбели, Развалины Ани, Спб. 1911; А. Крымскій, Исторія Сассанидовъ, М. 1905; Джаваховъ, Государственный строй въ древней Грузіи и Арменіи, М. 1905; Рядъ брошюръ Н. Я. Марра, Н. Адонца и др. подъ общимъ заглавіемъ: «Анійская серія», Спб. 1910 г. и сл. (I и III: Каталогъ Анійскаго музея; II: Реестръ предметовъ изъ раскопокъ Ани; IV: Путеводитель по Ани; V: Надпись царя Тиридата, и др.).—По вопросамъ армянскаго искусства еще—работы И. Толстого, Н. Кондакова, Егіазарова, Мартиросянца, Д. Айналова и др.

Большая часть армянскихъ историковъ имѣется въ переводѣ на русскій яз.: Моисей Хоренскій, перев. Н. О. Эмина, 2-е изд., М. 1893; Себеосъ, перев. К. Патканьяна, Спб. 1862; Леонтій, Исторія халифовъ, перев. его же. Спб. 1862; Моисей Каганкаваци, Исторія агвянъ, перев. его же; Исторія Вардана Великаго, перев. Н. О. Эмина; Елисей, перев. Шаншіеваля; Стефанъ Сюнійскій, перев. Х. Іоаннесова, М. 1883, и др. Значительные отрывки изъ армянскихъ историковъ—въ работахъ: Эзовъ, Объ ученіи древнихъ маговъ (Езникъ и др.), Спб. 1858; К. Патканьянъ, Исторія монголовъ по армянскимъ источникамъ. Спб., и др.

На другихъ яз., кромѣ армянскаго, основныя соч. по армяновѣдѣнію принадлежатъ слѣдующимъ авторамъ: Hübschmann (по исторіи Арменіи и по армянской филологіи); N. Dolens et A. Katch, Histoire des anciens arméniens, Gen. 1907; F. Tournebize, Histoire de l'Arménie, P. (jusqu'à l'an 1393); E. Dulaurier, Le royaume de la Petite Arménie (Recueil des historiens de Croisades) P. 1908; Marquart (исторія); E. Lehmann-Haupt (географія и этнографія), и др. Работа: Saint Martin, Mémoires sur l'Arménie, 2 vol., P. 1819, значительно устарѣла, но сохраняетъ значеніе, какъ сводка фактовъ и по включеннымъ въ нее переводамъ; большое значеніе имѣютъ разнообразныя работы А. Чобаніана (о которыхъ см. Вступ. очеркъ, стр. 85—86), историко-литературныя, публицистическія и иныя: два т. переводовъ (на французскій яз.) армянской народной поэзіи, Chants populaires, P. 1896, и поэзіи ашуговъ, les Trouvères Arméniens, P. 1905, очеркъ исторіи армянской литературы, L'Arménie, P. 1896, изданная подъ его ред. книга о Зейтунѣ, Zeitoun, P. 1896, и мн. др.

СОДЕРЖАНІЕ.[1]

ОБЪЯСНЕНІЯ РЕДАКЦІИ.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРКЪ.

НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ—ПѢСНИ.

[1] Звѣздочкой отмѣчены переводы, заимствованные редакціей изъ другихъ изданій (преимущественно изъ сборника «Армянская Муза»); остальные переводы были исполнены спеціально для нашего изданія.

ПОЭЗІЯ АШУГОВЪ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.*

* Въ Указателѣ перечислены имена исключительно *армянскихъ писателей* (какъ тѣхъ, чьи произведенія представлены въ сборникѣ, такъ и тѣхъ, которые только упомянуты во Вступительномъ очеркѣ или Примѣчаніяхъ).

ПОЭЗІЯ АРМЕНІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ,

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

Сборникъ поступилъ въ продажу въ слѣдующихъ изданіяхъ:

1) На обыкновенной бумагѣ. Обложка работы М. С. Сарьяна (многоцвѣтная автотипія). Ц. 3 р.

2) На бумагѣ вержэ. Обложка работы М. С. Сарьяна (многоцвѣтная автотипія), на лучшей бумагѣ. Ц. 5 р.

3) Ограниченное число роскошныхъ экземпляровъ на бумагѣ вержэ. Обложка работы М. С. Сарьяна (многоцвѣтная автотипія), на лучшей бумагѣ. Фронтисписъ работы В. Я. Суреньяна (хромолитографія).

Съ требованіями на роскошные экземпляры просятъ обращаться къ издателямъ: Московскій Армянскій Комитетъ (Москва, Армянскій пер., д. Армянской церкви). Выписывающіе отъ издателей за пересылку не платятъ.

PK
8831
R3B69
1916

Brîusov, Valeriĭ Îakovlevich
Poėziîa Armenii s drevnîeĭ-
shikh vremen

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

